

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ

СОЦИАЛЬНЫЙ
И КУЛЬТУРНЫЙ
КОНТЕКСТ

социология антропология политология

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА

НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ ЗАПАС

РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ

Социальный и культурный контекст

Составитель Марлен Ларюэль

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА • 2008

ББК 71.04
УДК 930.85
Р 84

Centre franco-russe de recherches
en sciences humaines et sociales de Moscou

Франко-российский центр гуманитарных
и общественных наук в Москве

*Книга выпущена при участии
Франко-российского центра гуманитарных
и общественных наук в Москве
(подразделения Национального центра
научных исследований Франции — CNRS
и Министерства иностранных дел Франции)*

Р 84 Русский национализм: Социальный и культурный контекст/ Сост. М. Ларюэль. — М.: Новое литературное обозрение, 2008. — 448 с.

Что такое национализм? Каким образом националистические тенденции проявляют себя в социальной, политической, правовой, академической и культурной сферах современной России? Какие ответы навязывает нам «национальный вопрос» и какие вопросы ставит перед нами «национальная политика»? Какие образы закрепляются за фигурой этнического Другого и какие функции эта фигура выполняет в рамках националистического дискурса? Этим и многим другим проблемам посвящены представленные в сборнике статьи.

ББК 71.04
УДК 930.85

В оформлении обложки использована работа М.И. Скотти
«Минин и Пожарский» (1850)

ISSN 1813-6583
ISBN 978-5-86793-607-5

© Авторы, 2008
© Новое литературное обозрение, 2008

Марлен ЛАРЮЭЛЬ

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ТЕЧЕНИЙ РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Эта первая вступительная статья призвана восполнить неизбежные для сборника статьи недостатки: разнообразие точек зрения и подходов, которые исповедуют различные авторы, превращается в преимущество лишь в том случае, если они объединены синтетическим введением, позволяющим поместить размышления каждого в общий контекст. Однако цель данной статьи заключается еще и в том, чтобы переосмыслить привычные трактовки проблемы национализма. Понятие радикального национализма не может больше определяться исключительно в категориях идеологии, поскольку его постулаты широко распространены во всем обществе. Однако оно продолжает быть адекватным реальности, если мы будем рассматривать его с точки зрения доступа к власти, отказа участвовать в классической политической игре и предпочтения другим способам воздействия: от уличного насилия до распространения своей идеологии в завуалированной форме. Поэтому сегодня кажется необходимым поставить под сомнение привычные «линии водораздела» в националистическом лагере, испытав на прочность традиционно применяемые схемы классификации: использование терминов «фашизм» и «нацизм», деление на правых и левых, православных и неоязычников, этноцентрическое и империалистское течения и так далее. Наша задача состоит в том, чтобы показать радикальный русский национа-

лизм далеко не таким раздробленным, как это принято думать, и продемонстрировать неустойчивый характер индивидуальных стратегий, институциональных конфликтов и идеологических делений в его лоне, чтобы затем понять, как «националистическая атмосфера» смогла утвердиться в современной России.

Российская общественная жизнь все сильнее окрашена национализмом

Во всех бывших государствах Восточного блока, в Центральной и Восточной Европе, а также в экс-СССР, крайне правые движения 1990-х годов часто придерживаются более жестких идеологических позиций и настроены гораздо более враждебно к демократии, чем в странах Запада. Однако их поле действия ограничено, так как националистическая риторика уже перехвачена властью и присутствует во многих общественных сферах¹. Как и другие постсоветские государства, Российская Федерация прошла через глубокие политические, экономические, а также культурные и социальные трансформации и находится в поиске новой национальной и государственной идентичности. Эта идентичность покоится на не слишком ясном представлении российских элит о том, что им кажется государством-нацией западного типа, а также на совокупности местных исторических, политических и культурных особенностей, которые эти элиты стремятся подчеркнуть. «Возвращение к порядку», провозглашенное Владимиром Путиным начиная с 2000 года, и воля к укреплению власти, ставшая заметной со второй половины предыдущего десятилетия, все более открыто опираются на мобилизацию патриотических чувств.

Официальное возвращение к националистическому дискурсу, который в начале 1990-х рассматривался как маргиналь-

¹ *Perrineau P. L'extrême droite populiste: comparaisons européennes // Taguieff P.A. (dir.). Le retour du populisme. Paris: Universalis, 2004. P. 32.*

ный, было особенно заметным во время парламентских выборов декабря 2003 года. Действительно, все четыре партии, которые преодолели роковой 5-процентный барьер и смогли занять места в Думе, так или иначе разыграли националистическую карту: новый блок «Родина», который произвел фурор, набрав 9% голосов, Коммунистическая партия Геннадия Зюганова, получившая всего лишь 13%, Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) Владимира Жириновского с 12% и правящая партия «Единая Россия», которая возглавила список с 36% голосов. Национализм в разных его формах сегодня господствует в российском электоральном пространстве, что свидетельствует о концентрации политической жизни вокруг фигуры президента и стремлении Путина установить свою монополию на дискурс о нации¹. Президентская администрация активно участвует в создании новой идеологии с помощью государственных программ в сфере патриотического воспитания в школе и создания новых праздников и различных памятных дней. Эта идеология распространяется также с помощью культа армии, официальной поддержки православия и юридического эссенциализма, особенно заметного во всем, что касается «этнических» прав национальных субъектов Федерации.

Средства массовой информации, по-видимому, играют главную роль в распространении этого типа национализма. Действительно, массовое подчинение «четвертой власти» политическому руководству страны делает ее одним из главных протагонистов националистических дискурсов. Говорим ли мы о печатной прессе и телевидении, попавших в зависимость от Кремля, либо о таких, вероятно, более независимых секто-

¹ О современной путинской России см.: *Nikonov V.* La tentation d'un Occident non occidental // *Le Débat*, № 130, 2004. P. 89—103; *Privalov K.* La recette russe: la démocratie autoritaire // *Ibid.* P. 45—62; *Désert M.* La société russe. Entre murmures du passé et balbutiements du futur // *Le courrier des pays de l'Est*, № 1038. Paris: La Documentation française, septembre 2003. P. 4—13; *Верховский А.М., Михайловская Е.В., Прибыловский В.В.* Россия Путина: пристрастный взгляд. Москва: Панорама, 2003.

рах, как Интернет или кино, кажется, что средства массовой информации играют сегодня все большую роль в пробуждении у российского общества ксенофобских рефлексов. Националистическая атмосфера существует не только на политическом поле и в прессе, но и частично пронизывает культурную и академическую жизнь. Так, даже если оставить в стороне столь частые в современной России примеры псевдонауки и альтернативной истории, мысль о том, что некоторые науки призваны обосновать «особый путь России», широко распространена в академической среде, так же как и увлечение т.н. «цивилизационными» подходами. История, социология, экономика и литературоведение, а также такие новые дисциплины, как культурология и геополитика, распространяют националистические или, если говорить шире, этницистские теории, чьи последствия пока еще слабо изучены¹.

Этот новый русский патриотизм предлагает новую, модернизированную в постсоветских условиях версию старой советской идеологии и старого русского традиционного национализма. В нем господствуют стремление к социальному консенсусу и мысль об исторической преемственности русской государственности, проходящей сквозь все политические разрывы. Они не имеют особого значения, поскольку «сущность» России заключается не в ее политическом режиме (царизме, коммунизме, президентской республике и так далее), а в величии страны, ее роли на международной арене, существовании ее сферы влияния на соседние государства, смысле ее всемирной миссии и так далее. Восхваление нации, лишённое каких-либо гражданских целей, свидетельствует о стремлении «выйти за пределы политики»: сосредоточение на национальной риторике призвано защитить нынешние власти от любой критики и косвенно оправдать усиление авторитарных практик. Эта эволюция частично объясняет «добровольное сплочение».

¹ См.: *Laruelle M. La culturologie: un nouveau «prêt-à-penser» pour la Russie? // Diogenè. № 204 (decembre 2003). Paris. P. 25—45.*

ние вокруг выборной автократии»¹ большинства населения, чей запрос на сильную власть и, в меньшей степени, на этническую риторику уже несколько лет отмечаются всеми западными наблюдателями.

Русский национализм на политической карте: «справа» или «слева»?

Исследование распределения национализма на политическом поле от правого до левого фланга связано в России с немалыми трудностями, поскольку само по себе является сложной проблемой. В своей типологии правых движений Рене Ремон выдвигает два постулата: о множественности правых идеологий и об устойчивости каждой из них в течение поколений. Бинарное деление на правых и левых объясняется в его представлении не социальными факторами, а различием в отношении к таким ценностям, как нация, прогресс, революция, децентрализация и свобода. Они имеют смысл лишь в конкретный исторический момент, а не в длительной перспективе, поскольку и правые и левые выступали как защитники одних и тех же ценностей в различные периоды своей истории. Правое и левое оказываются не сущностными, а относительными понятиями, которые определяются скорее друг по отношению к другу, чем по своему внутреннему содержанию². Если во Франции еще иногда трудно добиться признания того, что экстремизм, подобно популизму и некоторым элементам национализма, может существовать и слева, случай современной России подтверждает, что в спектре политических идей радикальные националисты не обязательно совпадают с «правыми» в плане экономических ценностей.

¹ Вступление к подборке статей «Куда идет Россия при Путине?» (Le Débat. 2004. № 130. P. 44).

² *Rémond R.* Les droites en France. Paris: Aubier, 1982.

Советский опыт еще больше усложняет деление политического спектра на два лагеря и заставляет отличать правых в экономическом смысле слова (свобода предпринимательства и минимизация государственного интервенционизма) от правых в политическом смысле защиты традиционных ценностей. В исторической перспективе экономический либерализм имеет в этой стране очень слабые традиции: русские мыслители XIX века, которых называли «западниками», в реальности брали Запад за образец исключительно в сфере политики. Они призывали самодержавие сделаться более демократичным, возлагали надежды на республиканскую или, по крайней мере, парламентскую систему правления и в своем большинстве были по духу социалистами. Мало кто из них отличался поддержкой экономического либерализма. Сегодня экономические трудности, вызванные крушением СССР и радикальными реформами, начатыми в правление Бориса Ельцина, не способствуют позитивному восприятию перехода к рыночной экономике. Ностальгия по советским временам, которая объединяет большинство сегодняшних националистических течений, предполагает высокую оценку экономической политики так называемого левого типа (регулирующая роль государства в управлении экономикой, сохранение больших секторов экономики в общественной собственности). Самым болезненным остается вопрос о приватизации земли: культурные аргументы в пользу коллективного владения землей, которое представляется как искони характерное для России, а также культ земли-кормилицы усиливают стремление националистов отвергнуть какую-либо приватизацию земель, в то время как передача в частные руки промышленности не вызывает столь эмоциональной реакции. Поэтому движения, исповедующие экономический либерализм, остаются в России немногочисленными. Речь идет о либеральных (в политическом смысле) партиях, которые ориентируются на западную модель, сочетающую парламентскую демократию и рыночную экономику, и осуждают национализм «Союза правых сил» бывших премьер-

министра Бориса Немцова и вице-премьер-министра Сергея Кириенко и партии «Яблоко» Григория Явлинского.

Тем не менее быть правым, даже лишь в экономическом смысле, означает гораздо больше, чем поддерживать рыночную экономику: правые выдвигают и другие требования, как, например, понижение налогов, защита мелкого производства и торговли, уменьшение числа чиновников и так далее. Эти лозунги встречаются в основном среди требований движения Жириновского, который хочет быть глашатаем «простых людей» перед лицом парламентской системы, изображаемой как коррумпированная и оторванная от чаяний «реальной страны». В духе пужадизма и «Национального фронта» он отстаивает своеобразный неолиберализм, благосклонный к «бизнесу», однако при этом сожалеет об исчезновении государства-провидения. На политическом поле современной России сочетание политического и экономического либерализма встречается редко, а электоральные результаты обеих либеральных партий («Яблока» и «Союза правых сил») довольно слабы: в 2003 году они не смогли преодолеть 5%-ный барьер и сегодня не имеют представительства в парламенте. Сочетание политического консерватизма и популистского экономического либерализма характерно для партии Жириновского. Другие течения русского национализма соединяют в различных пропорциях государственно-экономические лозунги, которые считаются левыми, и политические ценности, которые, как принято думать, принадлежат правым.

В официальном дискурсе советской эпохи быть обвиненным в «правом уклоне» означало быть виновным — или только обвиняться — в большей или меньшей симпатии к политической и экономической модели стран Запада. Начиная с 1960-х консервативный и сталинистский русский национализм, находившийся в стадии институционализации, стал определять себя как правый, используя политический, а не экономический смысл этого термина, поскольку он, естественно, не призывал ни к какому разгосударствлению эконо-

мики. Во время перестройки термины меняются местами: правые становятся консерваторами, то есть выступают за сохранение Советского союза и его экономической системы, в то время как левые сражаются за изменения и преобразования, а, значит, за открытость рыночным принципам. Данное деление политического спектра вновь меняет плюс на минус в 1995—1996 годы: начало либеральных реформ заставляет правых поддержать «либерализм», а левых — «социализм»¹. Эти противоречия, которые задают логику определения так называемых правых и левых ценностей в любой стране и в любую эпоху, подразумевают комплекс политических и экономических тезисов, которые сочетаются друг с другом в различных комбинациях. За исключением ЛДПР Жириновского и часто непоследовательных заявлений мелких фашиствующих движений, которые ратуют одновременно за свободу предпринимательства и за сильное государство, современный русский национализм в основном сохраняет ностальгию по советскому государству-провидению, его социальному и экономическому всемогуществу.

Таким образом, в России крайне правые вовсе не выступают против коммунизма, скорее напротив: они высоко оценивают советский экономический опыт, и чем более они радикальны, тем усерднее они превозносят сталинскую эпоху и первые пятилетние планы. Если мы посмотрим на этот вопрос с точки зрения отстаиваемых политических ценностей, а не предлагаемых экономических мер, российская коммунистическая партия явно находится в «правой» части спектра, тогда как «левое» поле (для которого в этом случае характерна вера в экономический и социальный прогресс, социал-демократическую парламентскую систему и стремление сделать климат в стране более свободным) практически не имеет в России электоральных перспектив. Подавляющее большинство пар-

¹ *Evans G., Whitefield S. The Evolution of Left and Right in Post-Soviet Russia // Europe-Asia Studies. 1998. Vol. 50. № 6. P. 1023—1042.*

тий — и даже партия власти — сегодня регулярно высказывается против заимствования западной модели парламентской демократии, использует открыто ксенофобскую риторику и стремится к «великорусскому» решению проблем Федерации, если не всего постсоветского пространства.

Импорт в Россию «нацизма» и «фашизма»

Термины «(нео)нацизм» и «(нео)фашизм» слишком часто используются как внеисторические реалии, которые выносятся за скобки проблему анализа, ограничиваясь обвинительным обозначением феномена, согласно известному принципу *reductio ad Hitlerum* всякого движения, которое необходимо дискредитировать. Последовательное использование этих терминов требует отказа от полемического злоупотребления ими и учета политической и интеллектуальной традиции, которая за ними скрывается. Так, неонацизмом следует называть течения, которые открыто заявляют о своей связи с национал-социализмом в его гитлеровской версии, а неофашизмом — тех, для кого характерны признаки, которые можно было бы определить как фашистские, и кто признает свою связь с аналогичными западными течениями или отвергает ее, заимствуя при этом их идеологию. До конца советской эпохи русские националисты, даже диссиденты, имели очень мало контактов со своими западными коллегами, и ссылки на западный националистический опыт были крайне редки. Теоретические заимствования появляются в конце 1980-х и особенно в 1990-е годы, однако в большинстве случаев делаются скрыто, поскольку многие русские националисты, одержимые идеей «западного врага», не желают признавать то, что испытали его влияние.

Русско-советский национализм в значительной степени сформировался вокруг мифа о народе-победителе «фашизма» и о жертвах, заплаченных русскими во время Второй мировой войны. Школьные учебники сегодня все еще продолжают

представлять ее в терминах «отечественной войны» во имя защиты советской территории от немецкого захватчика. Термин «фашизм» систематически используется для характеристики Германии, без учета особенностей итальянского случая: нацизм упоминается крайне редко, расовая доктрина режима не упоминается вообще, тогда как роль холокоста чаще всего приносится в жертву. Эта типично советская традиция в значительной степени объясняет, почему русские националистические партии с таким трудом открыто обращаются к этому опыту. Так, «Русское национальное единство» Баркашова с течением времени частично переосмыслило свои заимствования у нацизма и отказалось от изначально позитивной оценки личности Гитлера, чтобы не потерять потенциальную притягательность для населения. Некоторые радикальные группы скорее ориентируются на «национал-социализм»: термин более широкий, чем нацизм, в той мере, в какой он реабилитирует левые движения 1920-х годов, ликвидированные Гитлером, — тогда как не столь уж многочисленные неонацисты концентрируются исключительно на оправдании государственного насилия нацистского режима 1930-х.

Некоторые течения, осуждая европейский опыт межвоенной эпохи и отвергая всякие заимствования из его идеологического арсенала, используют лозунги, которые можно назвать фашистскими. Этот термин означает не ориентацию на фашистский режим, который представляет собой важное, но не единственное воплощение фашизма, имеющего более широкий смысл¹, а политические и интеллектуальные движения, которые возникли в конце XIX века и стремились совместить не-марксистский социализм, элитарный и в то же время популистский национализм и революционные ожидания нового порядка². Многие русские течения, которые опираются на

¹ См.: *Milza P. Les fascismes. Paris: Seuil, 1985, 1991.*

² *Sternhell Z. Les droites révolutionnaires en France, 1885—1914. Paris: Seuil, 1997.*

подобные комбинации, на практике ориентируются на национал-большевизм, который позволяет разыгрывать национальную русскую карту, не упоминая при этом о том, чем они в реальности обязаны итальянскому, немецкому или французскому опыту в этом вопросе. На фоне обычно остающейся скрытой мимикрии русских неонацистских движений следует особо отметить случай Александра Дугина, которого можно рассматривать как одного из редких в националистическом движении «западников»: это означает, что он признает свое стремление импортировать в Россию политические и философские теории, созданные на Западе¹.

Таким образом, политическое поле русского национализма нельзя рассматривать ни как «фашистское», ни тем более как «неонацистское». Две главные партии, имеющие электоральный потенциал, такие как КПРФ и ЛДПР, принадлежат не к фашистским, а к популистским: их политический проект авторитарен, а не тоталитарен, он выступает за ограничение демократии, а не за ее упразднение в принципе и не призывает ни к милитаризации общества, ни к массовой идеологической обработке населения. Как и западные популистские партии, КПРФ и ЛДПР никогда не претендуют ни на какое родство с фашистскими экспериментами межвоенной эпохи и являются скорее консервативными, чем революционными. Те движения, которые можно рассматривать как «неонацистские», находятся вне российского электорального поля и остаются на обочине официальной политической жизни, подобно «Национал-большевистской партии», «Русскому национальному единству» и другим упомянутым выше группам, тогда как неонацисты находятся на их еще более дальней периферии. Подобно всем радикальным течениям, эти партии особенно активны в медийной сфере, и частота упоминаний о них намного превосходит народную поддержку, на которую они могут реально рассчитывать.

¹ См.: *Laruelle M. La quête de l'identité impériale. Le néo- Eurasisme dans la Russie contemporaine.* Paris: Petra, 2006.

Роль антисемитизма в русском национализме

Роль антисемитизма в русских националистических теориях достаточно неоднозначна. Вплоть до последних десятилетий XIX века главные интеллектуальные течения национализма, такие как славянофильство и панславизм, не уделяли особого внимания «еврейскому вопросу», несмотря на то, что официальная политика царской империи по отношению к еврейскому меньшинству была открыто дискриминационной. Следует дождаться начала XX века, чтобы увидеть, как, по западному образцу, появились радикальные антисемитские движения. В советское время невиданная ранее концентрация на проблеме еврейского врага, скрытого под вывеской космополитизма, начинается в десятилетия правления Сталина. После отстранения от власти Хрущева новая форма официального советского антисемитизма стала развиваться в рамках дисциплины под названием «сионология», которая шла бок о бок с агрессивной внешней политикой по отношению к Израилю, поскольку именно советская делегация в ООН была главным инициатором резолюции 1975 года, разоблачавшей сионизм как «форму расизма и расовой дискриминации»¹. В 1970—1980-е многие уважаемые интеллектуалы — такие, например, как академик Игорь Шафаревич (р. 1923) в памфлете «Русофобия»², этнолог Лев Гумилев (1912—1992) в работах об иудейской Хазарии VIII—IX веков или Вадим Кожинов (1930—2000) в «Истории России и русской литературы», — проповедуют более или менее скрытый антисемитизм.

Перестройка позволяет антисемитизму открыто заявить о себе, не прибегая больше к метафоре сионизма, и многие признанные «сионологи» советской эпохи, такие как В. Скурлатов,

¹ *Umland A.* Soviet antisemitism after Stalin // *East European Jewish Affairs.* 1999. Vol. 29. № 1/2. P. 165.

² *Dunlop J.B.* The «sad case» of Igor Shafarevitch // *SJA.* 1994. № 1. P. 19—30; *Znamenski A.A.* In search of the Russian idea: Igor Shafarevitch's traditional orthodoxy // *European Studies Journal.* 1996. № 1. P. 33—48.

В. Емельянов, Е. Евсеев или В. Бегун, становятся членами общества «Память»¹. Каждое националистическое течение сегодня разыгрывает карту «еврейского вопроса» различным образом. Некоторые представители «государственнического» направления, придают антисемитизму ограниченное значение (в частности, Кургинян разоблачает миф о еврейском заговоре, который движет «этнонационалистами»²), в то время как другие делают из него основу своего конспирологического дискурса, по образцу традиционного антииудаизма или расового антисемитизма. Один из специалистов по этому вопросу, Вадим Россман, разделяет антисемитские движения на пять типов, каждый из которых предлагает особую концепцию нации: она может определяться в категориях геополитики (неоевразийцы), религии (православные националисты), социальной принадлежности (неонационал-большевики), культуры (неославянофилы) или расы (неонацистские группки)³. Из всех течений русского национализма самое противоречивое отношение к евреям характерно для евразийства, несмотря на то, что неоевразийцы, особенно А. Дугин, выступают гораздо более антисемитски, чем их отцы-основатели, и представляют противостояние между евреями и русскими как существовавшее изначально. Тем не менее Дугин развивает сложную теорию, утверждая при этом, что Израиль — это единственное государство, которому удалось реализовать многие из принципов консервативной революции, за которую он ратует.

¹ *Korey W.* Russian Antisemitism, Pamyat and the Demonology of Zionism. Chur, Harwood Academic Publishers for the Vidal Sassoon International Center for the Study of Antisemitism, The Hebrew University of Jerusalem, 1995.

² *Кургинян С.Е.* Национальная доктрина // Россия. 1993. № 2. С. 21—24.

³ *Rossmann V.* Russian Intellectual Antisemitism in the Post-Communist Era / Préface de Sidney Monas. University of Nebraska Press, Vidal Sassoon International Center for the Study of Antisemitism, The Hebrew University of Jerusalem, 2002.

Антисемитизм присутствует также в рамках национал-большевистских движений, однако не играет там значительной роли, поскольку евреи оказываются всего лишь символами капитализма и либерализма, которые остаются главными обвиняемыми в экономической катастрофе постсоветской России. Это течение открыто противопоставляет себя неославянофилам, для которых коммунизм, напротив, представляется иноземной силой, навязанной России евреями. В их арсенале можно найти классические образы иудео-большевистского заговора: крупные советские политики, которые все были евреи, будто бы выполняли задачу по уничтожению России. Близкое к неославянофилам движение православного национализма настаивает на мысли о том, что еврейский заговор имеет не экономическую, а религиозную природу и призван уничтожить единственный народ, который еще остается христианским, — русский. Опираясь в основном на труды митрополита Санкт-Петербургского Иоанна, это направление разыгрывает карту народа-богоубийцы, детоубийцы и цареубийцы и, судя по всему, имеет почти открытую поддержку Патриархии¹. В неонацистских группках, которые представляют собой самый незначительный сегмент современного национализма, противостояние между русскими и евреями описывается в категориях расы, как противостояние между арийцами и семитами, виновными в том, что они «загрязняют» генофонд славян.

«Еврейский вопрос» не оставляет равнодушным ни одно из течений русского национализма. Каждое из них проповедует особый тип антисемитизма, совокупность которых занимает весь возможный спектр аргументации: от религиозных обвинений народа-богоубийцы до расовой или только экономической (про— или антикоммунистической) риторики. В конце 1990-х годов издается более 200 малотиражных газет, которые считаются антисемитскими², однако их мощное дис-

¹ *Лихачев В.А.* Политический антисемитизм в современной России. М.: Академия, 2003. С. 136—155.

² *Rossmann V.* Op. cit. P. 4.

курсивное давление довольно редко ведет к актам насилия по отношению к евреям (надписи на стенах, осквернение кладбищ, вандализм). На практике главными жертвами радикальных ксенофобских групп становятся иммигранты, которых гораздо легче «идентифицировать». Тем не менее, в последние годы насильственные действия по отношению к синагогам, судя по всему, становятся более частыми. Также не может не настораживать тот факт, что публичное упоминание о еврейском происхождении тех или иных лиц является социально приемлемым. Так, намеки на «еврейские корни» многих олигархов очень часты и вполне допустимы в публичном пространстве. Кроме того, в националистической среде термин «русскоязычный» несет в себе сильный дополнительный смысл и служит эвфемизмом для обозначения тех, кто говорит на русском языке как на родном, однако не является «этническим» русским, то есть евреев. Согласно многим социологическим исследованиям, более 60% населения России были бы против того, чтобы президентом республики стал иудей¹, что свидетельствует о давних традициях антисемитизма в советском обществе. Если антисемитские акции остаются исключительным явлением, интеллектуальный фон, из которого они возникают, ясно показывает, что «общественное мнение» сильно пропитано антисемитизмом.

На российском политическом поле чем больше та или иная партия стремится быть уважаемой, тем меньшим или, по крайней мере, более скрытым (в форме обвинений в сионизме или космополитизме) должен быть ее антисемитизм, как, например, в случае КПРФ и ЛДПР, тогда как ксенофобия может выражаться вполне открыто, не ставя под угрозу ее успех на выборах, а, скорее, наоборот. Следует отметить, что конспирологические теории могут концентрироваться скорее на Западе, чем на евреях (хотя связь между ними, само собой, подчеркивается): чувство поражения России позволяет обвинить в

¹ Ibid. P. 8.

этом Запад и тем самым частично символически реабилитировать такого классического врага, как евреи. Одной из причин подобной дифференциации между антисемитизмом, с одной стороны, и ксенофобией и антизападничеством — с другой, служит политика самих властей, которые маловосприимчивы к антисемитской риторике, зато очень активно используют любую народную неприязнь по отношению к «иностранцам» (по очевидным мотивам, связанным с положением на Кавказе) и, судя по всему, рассматривают критику Запада в современной России как «политически корректную» точку зрения.

Православие или неоязычество?

Религиозный вопрос всегда делил националистов на несколько различных направлений. Дело в том, что универсальный характер христианства (так же, как и ислама) вызывает неприятие у тех, кто не может принять его транснациональную природу и стремится отыскать коллективную специфику, которая бы существовала и на уровне религии. Кроме того, исторические и богословские связи христианства с иудаизмом не устраивают многие течения, которые в большей или меньшей степени движимы антисемитскими чувствами. Поэтому поиск национальной дохристианской религии становится одной из характерных черт некоторых националистических течений (часто радикальных), которые противопоставляют себя тем, кто довольствуется ориентацией на христианство и превозносит национальное прошлое эпохи Средневековья или Нового времени, когда культурная роль христианства была доминирующей.

Возрождение интереса к древнему славянскому язычеству вызвало в России активную дискуссию. Если время его реабилитации установить достаточно трудно, следует отметить, что в царскую эпоху ни одно из националистических течений, даже арианисты, не пыталось отказаться от православия в

пользу неоязычества, ограничиваясь соединением мифа об арийском происхождении славян с традиционной православной религиозностью¹. Феномен неоязычества возник в советский период, скорее всего, в националистических кругах сталинистов, которые преследовали цель реабилитировать славянскую идентичность. Это движение организационно оформилось во время перестройки, когда в 1988 году была основано «Общество волхвов», а в 1990 году — «Союз венетов», который сегодня все еще продолжает быть главным неоязыческим объединением в этой крайне плодородной галактике². Русские неоязыческие объединения ориентируются на два типа культурных образцов: некоторые из них видят источник вдохновения в западных движениях и близки к международному журналу «Гиперборей», другие стремятся доказать исключительно русские корни язычества, опираясь на фальшивую рукопись под названием «Велесова книга». Некоторые объединения мало политизированы и очень интеллектуальны, как, например, «Тезаурус» С. Семенова, близкий русским теософским и антропософским группам, в то время как «Союз венетов», а также «Общество Нави» Ильи Лазаренко гораздо активнее вовлечены в политику и склонны к публичным акциям. Тем не менее, мало кто из них учредил особые религиозные культы и ритуалы, и в результате большинство ограничивается прославлением язычества скорее как национальной философии, чем как религиозной практики³.

Что, судя по всему, отличает русское неоязычество от его западных аналогов, так это его стремление подчеркнуть, что оно совместимо с православием. Течения, последовательно и

¹ *Laruelle M. Mythe aryen et rêve impérial dans la Russie du XIXe siècle / Préface de P.-A. Taguieff. Paris: cnrs-éditions, 2005.*

² *Moroz E. Le védisme, version papenne de l'idée russe // Revue d'études comparatives Est-Ouest. 1993. № 3/4. P. 183—197.*

³ *Верховский АМ, Михайловская ЕВ, Прибыловский ВВ. Политическая ксенофобия: радикальные группы, представления лидеров, роль Церкви. М.: Панорама, 1999. С. 123—132.*

радикально выступающие против христианства, занимают в неоязыческом спектре крайне незначительное место. Начиная с 1970-х годов крупные фигуры русского национализма стали сочувственно относиться к подобной синкретической риторике. Так, не только И. Шафаревич, но и И. Глазунов и В. Распутин множество раз заявляли о том, что православие сохранило тесные связи с древним язычеством и что «двоеверие»¹ ярко выделяет его из общего фона других христианских конфессий. По этой версии, православный крест оказывается славянской версией свастики, символом теснейшей связи двух религий и глубокой национальной, а не универсальной природы православия. Если неоязычество и не ставит перед собой цели мобилизовать большое количество обращенных в религиозном смысле слова, оно, тем не менее, пронизывает собой все российское общество благодаря распространению националистической версии истории, вполне совместимой с православной религиозностью. Его успех как национальной, а не религиозной доктрины в значительной степени объясняется наследием, оставленным советским атеизмом: даже националисты, ищущие строго национальную веру, с трудом принимают христианское послание и гораздо легче находят себя в мнимой религии, которая не требует ни регулярного соблюдения ритуалов, ни знакомства с богословием и ограничивается прославлением нации и матери-земли.

Если подобное сочетание неоязычества и православия оказывается возможным, то это происходит потому, что в самом православии существуют сильные националистические течения. Патриархия разделена на множество фракций, при этом некоторые из них открыто вовлечены в нынешнюю политиче-

¹ Феномен «двоеверия» зафиксирован многими историческими и этнографическими источниками, которые показывают, что языческие ритуалы и представления сохранялись внутри православия или параллельно с ним вплоть до трансформаций русского крестьянского мира в XX веке; См.: *Pascal P. La Religion du peuple russe. Lausanne: L'âge d'homme, 1973.*

скую жизнь и контролируют высокие посты в церковной иерархии¹. Сам патриарх, выступающий за признание особой государственной роли православия и критически настроенный по отношению к лаицизму и секуляризации, не принадлежит к наиболее радикальным течениям. Однако он предпочел скорее поддержать их, чем позволить заявить о себе умеренным и реформаторам, которые были полностью лишены властных позиций в Церкви. Среди крайних радикалов следует особо отметить православные братства², объединение «Христианское возрождение» бывшего диссидента из «Веча» Владимира Осипова (который сохранил более либеральные взгляды по сравнению с другими членами и депутатами от этого движения) и более недавнее движение против введения индивидуальных электронных кодов. Для всех этих групп характерна ностальгия скорее по монархии, чем по советским временам, и консервативные или даже реакционные политические устремления.

За пределами Патриархии существует также множество объединений, которые заявляют о своей приверженности православной традиции и различным образом разыгрывают религиозную карту³. Тем не менее слабость религиозной практики в России не может не поражать: результаты социологических исследований показывают, что доля тех, кто регулярно посещает места культа, аналогична той, которая существует в западных странах, и, следовательно, очень мала. Тем не менее православие как институт, а также как моральный авторитет, занимает очень важное место в российской общественной жизни, и его роль не перестает расти, судя по всему, благодаря поддержке политической власти. Церковь, естественно, поддерживает подобную «клерикализацию» общества, выдвигая

¹ Верховский А.М., Михайловская Е.В., Прибыловский В.В. Указ. соч. С. 168—189.

² Rousselet K. Le mouvement des fraternités orthodoxes en Russie // Revue d'études comparatives Est-Ouest. 1993. № 3/4. P. 121—138.

³ Rousselet K. L'église orthodoxe russe entre patriotisme et individualisme // XXe siècle. Revue d'histoire. Avril-juin 2000. P. 13—24.

гая все более и более конкретные претензии, как, например, в 2003 году введение в начальной школе курса религии. Распространившаяся в среде националистов мода ходатайствовать о канонизации крупных политических фигур монархического периода ярко свидетельствует о том, насколько тесно религиозный вопрос переплелся с национальными историческими символами. Современная ситуация демонстрирует значение инструментализации религии как авторитета в политике и ее огромную роль в формировании идентичности¹.

Имперская экспансия или этническое отступление?

Многие исследователи разделили (хотя и при помощи разных терминов) русский национализм на два лагеря: тот, который отдает приоритет государству, и тот, который озабочен этнической судьбой одного русского народа². Это деление служит удобным орудием анализа, поскольку оно четко фиксирует разлом, который находится в самом сердце русского национализма: отношение к государству и к империи. Дело в том, что Россия никогда не знала государства без империи. Начиная с XII века Новгородское княжество распространяется за Урал, а к моменту основания Москвы Русское государство, едва оформившееся с точки зрения институтов и централизации

¹ *Gauchet M.* La religion dans la démocratie. Parcours de la laïcité. Paris: Gallimard, 1998.

² Некоторые авторы дробят эти два направления на целый ряд конфигураций. Например, Вера Тольц выделяет пять возможных определений русской нации: объединительная концепция в духе евразийства или имперской идеи, нация восточнославянских народов, сообщество всех говорящих по-русски, определение по критерию расы, гражданская идентичность; См.: *Tolz V.* Forging the nation: National Identity and Nation Building in Post-Communist Russia // *Europe-Asia Studies*. 1998. Vol. 50. № 6. P. 993—1022.

власти, уже было империей в состоянии активной экспансии за счет финно-угорского населения русского севера. После взятия Казани и Астрахани в 1552 и в 1556 годы Россия начинает распространять свое господство на всю Сибирь и присоединяет к себе земли, которые раньше принадлежали монгольской империи. В XIX веке она достигает своих пределов, захватив Дальний Восток и Центральную Азию и столкнувшись там с Китаем и Японией, а также с Великобританией. Кроме того, Киевское княжество, которое с точки зрения территории могло рассматриваться как «первоначальное ядро» России, оказалось сегодня на Украине. Как же преодолеть разрыв между государством и нацией в тот момент, когда национальное чувство начинает опираться уже не только на преданность династии, но и на прославление «народа» как главного источника политической легитимности?

Основной внутренней разлом и «гордиев узел» русского национализма царской, а также советской, а затем и постсоветской эпох заключается в отношении к государству, которое хотелось бы считать своим, хотя оно и не является таковым целиком. Невозможность идентифицировать себя с государством/империей оказывается обоюдной, поскольку само государство не обязательно солидаризируется с русским национализмом. Напротив, оно стремится противостоять ему, чтобы сохранить внутреннее равновесие империи, однако при этом в разное время и в разных обстоятельствах использует в своих целях некоторые его лозунги. Исчезновение СССР не изменило этого положения, подобно тому как создание федеративного советского государства и потеря западных территорий (Польши и Финляндии) также не привели к переоценке ситуации после падения царского режима. Сегодня Россия все еще остается федеративным государством, признает права этнических меньшинств, ни в одном из официальных документов не называет «этнических» русских коренной нацией и разыгрывает карту гражданской российской идентичности, в рамках которой русские не выделяются из числа других народов. Зона

распространения русского языка и нынешняя территория Федерации, если не говорить о еще более обширных территориях царской империи или Советского Союза, простираются далеко за пределы того, что называют «этнически» русскими землями. Эта ситуация усложняется обратным феноменом, который никогда не существовал до этого: около двадцати миллионов людей, считающих себя русскими, живут за пределами России, в государствах так называемого ближнего зарубежья. Положение еще более запуталось в 1991 году, когда к старому феномену нерусских народов, живущих в России, добавились русские вне России.

В советское время националистический спектр мог быть разделен на тех, кто настаивал на исключительном значении культуры и религии, идее возрождения нации, славянофильском наследии и царском прошлом, с одной стороны, и тех, кто считал самым важным мощь государства и видел момент наивысшего расцвета России в правлении Сталина, — с другой. Первые чаще всего находились в более сложных отношениях с властью и доминировали в диссидентских кругах, в то время как вторые чаще пользовались поддержкой со стороны государственного и партийного аппарата, поскольку их национальные чувства были полностью совместимы с советским патриотизмом. Тем не менее эта бинарная схема требует уточнения: она не имеет силы универсального объяснения и ее не следует рассматривать в духе эссенциализма. Она определяет два идеальных типа, однако не позволяет дать окончательную и неопровержимую типологическую классификацию каждого политического направления. Не все из них однозначным образом вписываются в эту схему, и значительная их часть сочетает признаки обеих концепций. Многие крупные фигуры русского национализма перешли от одного направления к другому, особенно в момент падения СССР, когда националисты, ранее критически относившиеся к советскому опыту, стали по нему ностальгировать. Эта бинарная схема напоминает о противоположности «французской» и «немецкой» концепций на-

ции, которые оказываются несовместимы друг с другом не столько в представлениях самих националистов, сколько в полемических работах, стремящихся их противопоставить.

Наконец, это разделение не подразумевает, что государственническое направление не относится к национализму, как это часто утверждают некоторые исследователи, которые тем самым невольно воспроизводят обвинения «этнонационалистов» в адрес «государственников». Эти два направления действительно часто спорят между собой: вот уже более десяти лет, как неоевразийцы, самые радикальные поборники империи, подвергаются критике со стороны «этнонационалистов», которые обвиняют их в том, что они стремятся к растворению русского народа и его демографическому истощению во имя благосостояния других народов империи¹. Тем не менее внутри этнонационалистического лагеря следует различать меньшинство, которое подходит к этой проблеме с позиций расы, и остальных, которые ограничиваются этническим определением нации, хотя эти два подхода часто плохо разграничиваются самими их авторами. В России расизм как идеология действительно встречается не часто. На всем протяжении существования Советского Союза изучение расового вопроса считалось неуместным под предлогом того, что даже в царской России никогда не было такого рода детерминистских теорий. Сегодня все еще достаточно сложно отказаться от этого табу, несмотря на то, что этноориентированные концепции нации распространяются в интеллектуальных и политических дискурсах всех постсоветских республик. Поэтому функции расизма в значительной степени подменены и выполняются

¹ В качестве примера подобных дискуссий можно привести полемику между этнонационалисткой Ксенией Мяло и неоевразийцами в 1990-х. Это противостояние существовало уже в советское время, когда историк Л.Н. Гумилев, выступавший с позиций евразийства, подвергся критике со стороны таких этнонационалистов, как А. Кузьмин, которые обвиняли его в том, что он желает исчезновения русского народа во имя блага тюрко-монгольского населения СССР.

этнизмом, который вписывается в глубоко укоренившиеся русско-советские традиции дифференциализма и национального плюрализма: если мысль об иерархическом делении народов на высшие и низшие встречается довольно редко, эссенциалистские и коллективистские определения национальной общности очень распространены.

Однако этнонационалистические течения, которые доводят до конца свою аргументацию, то есть выступают за создание «этнически чистого» русского государства и готовы ради этого отказаться от определенных территорий и проповедовать изоляционизм, остаются редки. Тем не менее сепаратистские устремления существуют даже среди самих русских, и многие радикальные группы неоднократно требовали либо признания этнических русских коренным народом России, либо образования внутри Федерации новых административных единиц, в которых этнические русские пользовались бы особыми правами, — так, словно бы они были одним из многих национальных меньшинств. Однако большинство этнонационалистов на самом деле стремится к сохранению Федерации в ее нынешних границах либо даже к возвращению бывших республик в русское лоно при условии, что инородцы не будут больше пользоваться никакой автономией и должны будут признать, что они живут в государстве, принадлежащем русским (лингвистическое главенство русского языка, религиозное господство православия, отказ от федеративного устройства государства и так далее). Так, «Русское национальное единство» Баркашова претендует на роль защитника этнических русских от господства «россиян», однако при этом представляет себя как поборника сильного государства.

С другой стороны, государственники также привносят в свои империалистические лозунги элементы этнонационализма: даже если такие фигуры, как Жириновский или Дугин, выступают за восстановление русской империи, они желают не равенства в правах так называемых евразийских народов, а скорее политического господства над ними русских в этническом смысле слова. Все они активно превозносят культурное и рели-

гиозное своеобразие России и выступают с этницистскими и даже расистскими речами о русском народе. Кроме того, «государственники», или «державники», не могут прийти к единому мнению в вопросе о том, следует ли восстанавливать старые или сохранять нынешние границы государства: некоторые видят Россию империей, которая, по их мнению, призвана вернуть под свое крыло все пространство бывшего Советского Союза, другие выступают за мощное государство в нынешних границах Федерации. Первые веруют в государство, которое бы развивалось в «горизонтальной» плоскости, экстенсивно, тогда как вторые выступают за усиление вертикали власти, которую так расхваливал Путин, и считают наилучшим «интенсивное» государство на более ограниченном пространстве.

В течение 1990-х годов лозунги этнонационалистов и государственников в значительной степени переплелись и слились воедино. Если каждое из этих направлений продолжает отдавать предпочтение одному из двух подходов, оба они сегодня громко заявляют о преемственности русской государственности, какой бы во главе страны ни был режим, отрицают идею значимых разрывов в русской идентичности и хотят видеть Россию менее федеративной и более однородной в этническом плане. Начиная с 1992 года произошло несколько попыток идеологического объединения: например, «Фронт национального спасения» и «Русский народный собор» поставили перед собой цель объединить все националистические течения вокруг эмоционально значимых и актуальных для всех ценностей. Получилось так, что советский опыт во многом невольно сыграл на руку русским националистам: исчезновение режима и вместе с ним тех, кто ему противостоял, позволило СССР посмертно занять свое место в воображаемом русском национализма¹.

¹ Так, 15 декабря 1996 года Дума отменила признание Минского соглашения от 8 декабря 1991 года, ратифицированного ее предшественником Верховным Советом, и признала законным референдум 17 марта 1991-го, в ходе которого 70% населения высказались за сохранение СССР.

Проблема противоречивого отношения националистов к государству, которая была особенно актуальна в советскую эпоху и в годы правления Ельцина, когда некоторые течения считали либеральное государство чуждым России, сегодня, судя по всему, переживает глубокие трансформации. Закручивание гаек в политической и идеологической сферах, которое Россия переживает с момента прихода к власти Путина, началось еще задолго до этого: с 1996 года Борис Ельцин стал призывать страну обзавестись национальной идеологией, и это стремление было поддержано Евгением Примаковым во время его пребывания на посту премьер-министра (1998—1999). Одна из удач Владимира Путина как раз и заключалась в том, что ему удалось подхватить некоторые идеологемы, принадлежавшие до этого националистам, которые после этого оказались их лишены и потеряли одну из своих главных социальных функций. Однако он сам, скорее всего, отдает предпочтение государственному определению российской нации, несмотря на то, что оно сохраняет некоторые этнические элементы. Частичная инструментализация национализма нынешней властью вписывается в тянущуюся с XIX века традицию противоречивого отношения политического руководства России к русскому национальному сознанию.

I

В сердце национализма:
политика, ксенофобия
и паранаука

Екатерина Михайловская

ФРАКЦИЯ «РОДИНА» В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Цель работы состоит в том, чтобы по возможности нейтрально описать поведение националистов в Государственной Думе четвертого («путинского») созыва на примере фракции «Родина» и попытаться понять, как именно функционирует националистический дискурс меньшинства внутри парламента, в котором доминирует деидеологизированное большинство «Единой России», и как он взаимодействует (если взаимодействует) с этим большинством. Временные рамки: 2004—2005 годы, то есть с начала работы Думы нынешнего созыва. Примерно половину этого времени — до января 2005 года — позиция фракции «Родина» по отношению к большинству может быть описана как «конструктивная критика»; в январе 2005 года фракция объявила о переходе в оппозицию на почве монетизации льгот¹.

В данной статье слово «национализм», употребляется не в том его значении, которое предполагает дифференциацию «гражданского национализма» (или просто национализма)² и

¹ Модернизация системы социального обеспечения, которую её сторонники считают рационализацией, а противники — ликвидацией социальных льгот.

² Обзор см.: *Тишков В.* О нации и национализме // Свободная мысль. 1996. № 3. Конструктивистский подход к концепту «национализма» см.: *Геллер Э.* Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991 (*Gellner E.* Nations and Nationalism, Oxford: Basis Blackwell, 1983); *Андерсон Б.*

этнонационализма (а также имперского национализма, радикального национализма и др.), а в духе «наивно-просвещенного» понимания, зафиксированного в энциклопедиях и мало изменившегося за последнее столетие. Для большей ясности приведем два определения: из энциклопедии Брокгауза—Ефрона¹ (начало прошлого века, автор — философ Владимир Соловьев) и современного издания Британской энциклопедии².

Брокгауз определяет национализм как «превращение живого народного самосознания в отвлеченный принцип, утверждающий “национализм” — как безусловную противоположность “универсальности”, и “свое родное” — как безусловную противоположность “чужеземного”». Дальнейшие пояснения не оставляют сомнений в том, что с точки зрения общественной нормы (а знание, зафиксированное в энциклопедиях и словарях эпохи модерна, несомненно, отражает доминирующие общественные нормы) национализм является негативным явлением: «Н. основан на ложном разделении того, что в действительности неразрывно соединено. С другой стороны, обособление каждого народа в смысле отрицательном, то есть его отчуждение от всех других и замкнутость в себе, будучи делом безнравственным по существу (как отрицание альтруизма и человеческой солидарности, является, при современном прогрессе внешней культуры, физической невозможностью. Последовательного теоретического оправдания Н., как и все отвлеченные начала, не допускает. Практическое значение он

Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева, вступ. статья С. Баньковской. М.: 2001 (Anderson B. Imagined. Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L; N.Y. 1992). Примордиалистская точка зрения выражена, например, в книге: *Смит Э.* Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004 (*Smith A.* Nationalism and Modernism, 1998).

¹ «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона». В 86 т. (82 основных и 4 дополнительных), 1890—1907 гг.

² Encyclopædia Britannica: В 32 т. Изд. 2004 года.

отчасти имеет как знамя дурных народных страстей, особенно в странах с пестрым многонародным населением и особенно среди наиболее малограмотных представителей его. Основание некоторой популярности, которой еще пользуется национализм, есть ошибочное его смешение с патриотизмом». Энциклопедический справочник эпохи постмодерна отличается большим лаконизмом, но также выносит ясное моральное суждение по отношению к национализму. В трактовке Британники, «nationalism — loyalty and devotion to a nation or ethnic group that places emphasis on promoting the interests, cultural and social values, or religion of one group above all others». Таким образом, национализм предполагает, во-первых, представление о «национальном» (обычно в смысле гражданства или крови) превосходстве, а во-вторых, практику «национального обособления» (в широком смысле: включая отчуждение, враждебность, закрытость, дискриминацию «иных» и т.п.). Именно в этом смысле будут употребляться определения «националист», «националистический» в данной статье.

В результате выборов 7 декабря 2003 года в Государственную Думу РФ прошли две националистические организации: ЛДПР Владимира Жириновского и блок «Родина» Дмитрия Рогозина — Сергея Глазьева. Они образовали, соответственно, думские фракции ЛДПР и «Родина»¹. Следует оговорить, что

¹ В июне 2005 года фракция «Родина» в Государственной Думе раскололась на две — фракцию «Родина», объединившую в основном членов партии «Родина» под водительством Дмитрия Рогозина, и фракцию «Родина (Народная Воля — СЕПР)», в которую вошли сторонники Сергея Бабурина и некоторые примкнувшие к ним, в том числе независимые депутаты. Раскол фракции «Родина» не является предметом настоящей статьи. О нем см.: *Руднева Елена*. Дума о двух «Родинах». Одна у Рогозина, другая у Бабурина // *Ведомости*. 2005. 6 июля; *Орлова Нелли, Гликин Максим, Родин Иван*. Куклы из «Родины» разбегаются. Кто же кукловоды? Фракция Дмитрия Рогозина грозит массовый исход депутатов, его сторонники видят в этом руку Кремля // *Независимая газета*. 2005. 28 июня.

употребление слова «националистический» применительно к этим двум фракциям не означает, что каждый из входящих в них депутатов является националистом в указанном выше смысле. Прежде всего, это неверно по отношению к фракции «Родина», состав которой сформировался в результате победы на выборах принципиально эклектичного одноименного блока. Однако эти фракции можно определить как националистические на том основании, что в ходе избирательной кампании материнские организации — партия ЛДПР и блок «Родина» — прибегали к националистической пропаганде в качестве средства идентификации. Ровно на этом основании фракция КПРФ¹ не рассматривается как националистическая, хотя в её фракции состоят многие депутаты-националисты, в том числе очень яркие — Николай Кондратенко и Альберт Макашов². Говорить о депутатах-националистах в «Единой России» сложно, поскольку жесткая внутренняя дисциплина не способствует проявлению индивидуальных различий между членами фракции.

Государственная Дума является одной из самых уважаемых, с точки зрения институционального статуса, площадок для публичной дискуссии в РФ. В связи с тем, что формирование четвертой Думы происходило в рамках так называемой «управляемой демократии» (или, другими словами, «укрепления государственности»), наличие в Думе тех или иных фракций (а также тех или иных лиц) означает, что они

¹ По поводу сочетания националистического (или, как выражаются сами коммунисты, «национал-патриотического») и левого компонентов в идеологии КПРФ могут быть разные мнения; тем не менее идентификатором КПРФ, с точки зрения избирателя, несомненно, является не то, что это партия националистическая (это, так сказать, бонус для определенной части электората), а то, что это партия левая.

² Другой взгляд на классификацию националистических (в терминологии автора — «правозэкстремистских» партий) см.: Умланд А. Негражданское общество в России // Цена ненависти. Национализм в России и противодействие российским преступлениям / Сост. А. Верховский. М.: Центр «Сова». С. 144.

одобрены или, как минимум, допущены туда¹ с согласия Кремля². Разумеется, все парламентские фракции/партии являются вполне системными элементами путинского режима и рассматривать депутатов четвертой Думы как маргиналов, случайно вынесенных наверх прихотью избирателя, не стоит. То, что происходит на заседаниях Думы, находится в рамках политических приличий. То, что выходит за рамки приличий, пресекается председательствующим. Сделать это тем более несложно, что исход любого думского голосования решает «Единая Россия». Поэтому необходимо отдавать себе отчет в том, что в Государственной Думе звучат дозволенные речи. К тому же ведется (доступная публике) стенограмма пленарных заседаний Думы, что является дополнительным сдерживающим фактором для некоторых депутатов. Именно этим объясняется, в частности, то, что некоторые ярые националисты, например Александр Крутов, выступают там весьма сдержанно.

Возможности и сюжеты

Возможности для самовыражения у парламентского меньшинства, в том числе у депутатов-националистов, в четвертой Государственной Думе невелики. В силу конфигурации российского парламента у них нет шансов провести ни одного закона. Они могут лишь привлекать внимание публики, внося заведомо безнадежные законодательные инициативы. Если Совет Думы (распорядительный орган, формирующий повестку дня и находящийся, разумеется, под контролем большинства) согласится включить в повестку заседания Думы инициативу депутатов (фракций) меньшинства, то у авторов законодательной инициативы есть гарантированная возможность выступить

¹ Вопрос о том, насколько блок «Родина» является кремлевским проектом, не затрагивается в данной статье.

² Коллективный псевдоним высшей российской бюрократии.

пить с докладом по соответствующему вопросу. Представители меньшинства имеют право излагать свою точку зрения на законопроекты, выступая в прениях (если прения не будут прекращены решением Думы), а также задавать вопросы, в том числе приглашенным для доклада членам правительства. Они могут инициировать парламентские запросы (большинство запросов принимается) и думские постановления (занятие довольно безнадежное, но дающее гарантированную возможность высказаться). Депутаты меньшинства могут также продвигать поправки к законопроектам, внесенным большинством (правительством и т.п.), но для националистов это малопривлекательный способ действий, поскольку он означает массу технической работы без надежды на успех.

Фракция «Родина» (а с 28 июня 2005 года — обе «Родины») добросовестно использует предоставленные думским регламентом возможности. Это касается и националистов. До раскола в «Родине» было 39 человек. Из них на релевантные темы высказывались Дмитрий Rogozin¹, Александр Крутов, Наталья Нарочницкая, Николай Павлов, Александр Савельев, Александр Чуев (все шестеро — на декабрь 2005 года — члены «большой», или «рогозинской», фракции «Родина»), Сергей Бабурин, Сергей Глотов, Виктор Алкснис, Анатолий Грешневиков (эти четверо — члены «малой», или «бабуриной», фракции «Родина»)². Некоторые националисты — члены фракции, например Николай Леонов, ведут себя в Думе пассивно; остальные высказываются в думе гораздо менее резко, чем за ее пределами.

В течение 2004—2005 годов на пленарных заседаниях Государственной думы была рассмотрена одна чисто национали-

¹ Лидер фракции Дмитрий Rogozin не проявляет активности на пленарных заседаниях Думы и не слишком часто на них присутствует. Большая часть его выступлений относится к начальному периоду работы парламента, когда в Думе происходила дележка постов.

² На 1 января 2006 года в «Родине» Rogozina состоял 31 депутат, в «Родине» Бабурина — 12.

стическая законодательная инициатива, внесенная депутатами «Родины». Это проект поправки к закону «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации». Авторы законопроекта — Дмитрий Rogozin, Александр Савельев, Наталья Нарочницкая. Законопроект предполагает возможность вхождения в состав России части территории иностранного государства без договоренности с этим государством.

Инициатива Сергея Бабурина — законопроект «Об единовременном федеральном государственном денежном пособии семье на рождение третьего, четвертого и пятого ребенка» — носила завуалированно националистический характер. Впрочем, вуаль была сорвана в ходе прений по законопроекту, на которых обсуждался в основном вопрос о том, будет ли данная инициатива способствовать росту рождаемости среди русского (с точки зрения этнического происхождения) населения.

Кроме этого, обсуждение законодательной инициативы Александра Чуева — законопроекта «О внесении изменений и дополнений в “Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан”» — сопровождался бурными националистическими выступлениями. Поправки Чуева предусматривали запрет на финансирование аборт в рамках программ обязательного медицинского страхования, что тоже, как выяснилось, рассматривается как способ повышения *русской* рождаемости в пику рождаемости *нерусской*.

Нашумевший осенью 2005 года законопроект фракции «Родина» о запрете иностранцам торговать на рынках на заседании Государственной Думы не обсуждался; в календарь работы Думы на первое полугодие 2006 года он не включен¹.

¹ Законопроект «О внесении изменения в статью 13 Федерального закона “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” официально внесен 5 октября 2005 г. Д. Rogozin, А. Бабаковым, А. Савельевым. Вот полный текст изменения: «Иностранные граждане пользуются правом свободно распоряжаться своими

Пристальный интерес националистов (не только из «Родины») вызывает достаточно узкий круг сюжетов. Во-первых, это сфера международных отношений: например, обсуждение ратификации соглашения о государственной границе с Китаем, выражение (в форме обращения к президенту) возмущения политикой грузинских властей в отношении российских военных баз в Грузии, вопрос о создании комиссии Федерального Собрания РФ по изучению практики обеспечения прав человека и основных свобод, контролю за их обеспечением в иностранных государствах и пр. Иногда международные инициативы (разумеется, не законы, а постановления) депутатов из «Родины» получали одобрение Думы; например, было принято предложенное Виктором Алкснисом постановление «О рекомендуемых ответных мерах Российской Федерации в отношении Республики Молдова в связи с проводимым молдавскими властями курсом на обострение обстановки вокруг Приднестровья». Во-вторых, это демографические проблемы. Более или менее пространное обсуждение Думой демографической ситуации в России неизбежно предполагает выражение мнения о геноциде русского народа и т.п. В-третьих, это вопросы культуры, точнее, обсуждение нежелательности чуждых культурных влияний и (этнически) чуждых лиц на российском телевидении и желательности обязательного преподавания основ православной культуры. К этой же сфере относится наиболее громкая история, получившая широкую огласку, — а именно история с так называемым «письмом 500» и «Кицур Шульхан Арух».

способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, а также правом на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской, за исключением розничной торговли на потребительских и вещевых рынках, и иной не запрещенной законом экономической деятельности с учетом ограничений, предусмотренных федеральным законом».

Реакция Думы на «Письмо 500»

В начале января 2005 года в Интернет просочился текст письма русских патриотов¹ (самоназвание подписавшихся) в Генеральную прокуратуру России, составленного, вероятно, во второй половине декабря 2004 года. Патриоты писали: «Можно сказать, что весь демократический мир сегодня находится под денежным и политическим контролем международного еврейства. И нам не хочется, чтобы наша Россия, против возрождения которой ведется превентивная перманентная война без правил, оказалась бы в числе таких несвободных стран. Поэтому мы, как в целях защиты нашего Отечества, так и личной самообороны, вынуждены обратиться к Вам, господин Генеральный прокурор, с настоятельной просьбой в кратчайший срок проверить изложенные выше вопиющие факты и, если они подтвердятся, на основании соответствующих статей УК РФ, закона «О противодействии экстремистской деятельности» (2002) и ст. 13 Конституции РФ («запрещаются создание и деятельность общественных объединений, цели которых направлены на разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни») официально возбудить дело о запрете в нашей стране всех религиозных и национальных еврейских объединений как экстремистских». Письмо получило название «Письма 500» (по числу подписантов)².

В качестве основания для запрета всех еврейских организаций в «письме 500» фигурировала книга «Кицур Шульхан Арух» — сокращенное изложение иудейской книги законов, впервые опубликованной в 1565 г. в Венеции. В тексте этого

¹ Полный текст см.: <http://grani.ru/Society/Xenophobia/Antisemitic/m.83334.html>

² В дальнейшем «письмо 500» трансформировалось в «письмо 5000». См.: *Кожевникова Г.* Радикальный национализм и противодействие ему в I полугодии 2005 года // Цена ненависти. Национализм в России и противодействие расистским преступлениям / Сост. А. Верховский. М.: Центр «Сова», 2005. С. 51—54.

памятника имеются законы об идолопоклонстве, предписывающие ритуальные проклятия по адресу идолопоклонников (неиудеев), оскорбительные для неиудеев сравнения идолопоклонников (в том числе христиан) с экскрементами и пр. Авторов письма возмутил и сам факт издания книги, и то, что её изучают в иешивах, которые, по их мнению, финансируются из федерального бюджета.

Когда документ впервые появился в Сети, среди подписавших фигурировал один депутат Думы, Александр Крутов из фракции «Родина», бывший тележурналист. Позже в газете «Известия»¹ появились сведения о том, что письмо подписали 20 депутатов Думы. В списке «Известий» были довольно известные родинцы вроде Николая Павлова или Сергея Глотова, но ни Дмитрия Рогозина, ни Сергея Бабурина там не было. Из популярных коммунистов фигурировали генерал Альберт Макашов и Николай «Батяка» Кондратенко. По данным газеты, письмо подписали члены фракции «Родина» Александр Крутов, Николай Павлов, Сергей Глотов, Анатолий Грешневиков, Сергей Григорьев, Николай Леонов, Олег Мащенко, Владимир Никитин, Игорь Родионов, Андрей Савельев, Юрий Савельев, Ирина Савельева, Иван Харченко, Александр Чуев² и члены фракции КПРФ Николай Кондратенко, Альберт Макашов, Сергей Собко, Николай Езерский, Владимир Кашин, Петр Свечников.

2 февраля 2005 года член фракции ЛДПР Алексей Митрофанов предложил включить в повестку дня заседания Государственной Думы проект постановления о заявлении Государственной Думы о фактах проявления антисемитизма и ксенофобии в связи с «письмом патриотов», которое к тому моменту уже было отозвано авторами³. На пленарном заседании

¹ *Ильичев Георгий, Троткина Ольга.* Двадцать депутатов расписались в антисемитизме // Известия. 2005. 25 янв.

² Александр Чуев позднее отрицал, что подписывал письмо.

³ Подробная история «письма 500» — «письма 5000» изложена, например, в докладе Вячеслава Лихачева «Антисемитизм в России (2004—2005)» См.: http://www.eajc.org/program_art_r.php?id=65

4 февраля 2005 года Государственная Дума рассмотрела и приняла подготовленное комитетом Думы по делам общественных объединений постановление «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации “По поводу обращений групп граждан Российской Федерации к Генеральному прокурору Российской Федерации”, в котором осудила проявления антисемитизма, национальной и религиозной розни¹.

Первоначальная инициатива депутата Митрофанова, которую поддержал лидер фракции ЛДПР Владимир Жириновский, судя по его выступлению, имела, кроме прямого смысла, некоторую тактическую подоплеку. Фракции ЛДПР было важно публично отмежеваться от подписантов, тем более что в средствах массовой информации, как сказал депутат Митрофанов, «неоднократно говорилось о том, что три фракции направляли такую бумагу»². Причина, по которой националистической фракции понадобилось публично отмежеваться от националистического заявления, состояла, в частности³, и в том, что это заявление было крайне несвоевременным. Как объяснил депутат Митрофанов, «то, что сделали депутаты “Родины”, — это удар в спину президенту и Госдуме. Ведь депутаты “Родины” знали, что это чувствительный международный вопрос. Президент едет в Освенцим, он должен выступать»⁴.

¹ Полный текст см.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 7.

² Тексты выступлений депутатов здесь и далее цитируются по официальному изданию стенограмм Государственной Думы, размещенному на сайте Думы по адресу: <http://wbase.duma.gov.ru/steno/nph-sdb.exe>

³ Трудно судить, насколько фракцию ЛДПР мог отпугнуть или возмутить радикализм позиции, заявленной в «письме 500», но вполне возможно, что и мог.

⁴ Имеется в виду визит В. Путина в Освенцим и его выступление в Кракове 27 января 2005 года на форуме «Жизнь народу моему!», посвященном памяти жертв Освенцима, в частности следующие слова: «Мы обязаны в один голос заявить нынешним и будущим поколениям: никто не может и не имеет права быть равнодушным к антисемитизму,

Председательствовавший на заседании Борис Грызлов, присоединившись, по собственному выражению, к мнению Митрофанова, предложил не форсировать обсуждение, сказав, что «при необходимости он (проект заявления. — ЕМ.) будет вынесен на обсуждение в пятницу». Идея обсуждения Думой «Письма 500» вызвала негативную реакцию со стороны представителей КПРФ и «Родины», подписавших письмо Сергея Собко (КПРФ), Николая Леонова и Александра Крутова («Родина») и не подписавшего его координатора фракции КПРФ Сергея Решульского.

Депутат Решульский предложил, прежде чем вносить «какие-то проекты», провести круглый стол, после чего, не особенно греша последовательностью, полемически выразил своё убеждение в том, что авторы письма неповинны в антисемитизме. «Если это заявление было в Генеральной прокуратуре и Генеральная прокуратура в отношении авторов этого заявления не сделала никакого представления, — сказал он, — то о каком антисемитизме, ксенофобии и еще черт знает о чем можно сейчас говорить?!»

Другой член фракции КПРФ, депутат Собко, в своем выступлении настаивал на том, что, ненавидя фашизм «всеми фибра-

ционализму, ксенофобии, расовой или религиозной нетерпимости. Совсем недавно, на днях, канцлер ФРГ сказал, что ему стыдно за это прошлое. И я его понимаю, но это прошлое. А сегодня я хочу сказать, что многим из нас должно быть стыдно и за сегодняшний день: эти «споры», «споры» этих болезней, к сожалению, не уничтожены, и мы с вами работаем недостаточно эффективно. Даже в нашей стране — в России, которая больше всего сделала для борьбы с фашизмом, для победы над фашизмом, больше всего сделала для спасения еврейского народа, — даже в нашей стране сегодня, к сожалению, иногда мы видим проявления этих болезней. И мне тоже стыдно за это. Но должен сказать, что Россия всегда будет не только осуждать любые их проявления, любые проявления такого рода, но и будет бороться с ними силой закона и общественного мнения».

Полный текст выступления В. Путина см.: <http://www.kremlin.ru/text/appears/2005/01/83095.shtml>

ми души», он подписал письмо в Генпрокуратуру совершенно сознательно. Его до глубины души возмутило то, что «в российских школах, которые финансируются из российского бюджета, по программе, утвержденной министерством образования и науки Российской Федерации, изучают книги, в которых написано: евреи — полноценные и совершенные человеческие существа, а неевреи, со своей стороны, — хотя и люди, однако не полноценные и не совершенные». Он начал приводить многочисленные примеры из «Кицур Шульхан Арух», и был прерван председательствующим на следующем пассаже: «Я хочу, чтобы все, кто в этом зале присутствует, кто не интересовался этим вопросом, задумались: согласны они, что они уподоблены животному? Согласны они, что семя нееврея подобно семени быка?»

В отличие от представителей КПРФ, выступавшие члены партии «Родина» вели себя сдержанно. Депутат Крутов призвал не принимать, «не зная смысла этого документа, не познакомившись с ним и не выслушав тех людей, которые его подписали». Депутат Леонов попросил Грызлова распространить в Думе полный текст обращения депутатов в Генпрокуратуру, чтобы «устранить информационный вакуум».

На заседании Думы 4 февраля 2005 года депутаты от КПРФ Николай Сапожников, Сергей Собко и Валентин Романов пытались снять с обсуждения проект заявления Думы по поводу обращения «групп граждан» в Генеральную прокуратуру — снова на том основании, что документы надо сначала проанализировать. Виктор Илюхин (также КПРФ), сказав, что он лично, скорее всего, поддержит заявление, предложил подождать заключения специалистов. Это вызвало бурную реакцию депутата Митрофанова: «Каких специалистов вы ищете? Мы — высшие специалисты. Если специальные специалисты по антисемитизму нужны, то они у вас во фракции есть. Зачем вам?.. Вы обратитесь к Альберту Михайловичу (Макашову. — ЕМ.) — и он вам всё расскажет».

Текст заявления, обсуждавшегося Думой, был подготовлен думским комитетом по общественным организациям. При этом слова «антисемитизм» и «ксенофобия» в заголовке были утрачены, их заменило нейтральное «по поводу обращения групп граждан к Генпрокурору». Докладчик, председатель комитета Сергей Александрович Попов («Единая Россия»), сказал, что история с обращением депутатов «не может рассматриваться иначе, как определенная провокация, как вызов, брошенный против одной из традиционных российских конфессий, составляющих неотъемлемую часть культурно-исторического наследия наших народов». Ссылаясь на митрополита Кирилла¹, выступление которого было роздано в зале, патриарха Алексия и выступление В. Путина в Освенциме, депутат Попов аккуратно осудил антисемитизм, никого конкретно в нем не обвиняя². Он поддержал высказанное ранее предположение Митрофанова по поводу того, что обстоятельства появления письма и распространения информации о нем в СМИ носят характер спецоперации: «Возникает закономерный вопрос: почему именно сейчас появились эти обращения? Почему в этих обращениях делаются такие выводы? Кому выгодна раскрутка этой ситуации? Почему средства массовой информации с таким упоением смакуют отдельные цитаты из обращений? Кому выгодно, чтобы пострадали международный имидж России, авторитет депутатов Государственной Думы, чтобы была поставлена под сомнение порядочность православного сообщества? Почему так безответственно, используя информационные и политические технологии, вытасканы из пыльного сундука истории старые страшилки про нетерпимость русских мракобесов? Почему

¹ Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (Гундяев) — председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата.

² Вряд ли дело в том, что докладчик симпатизировал антисемитам; скорее, он пытался избежать бурного проявления эмоций в ходе обсуждения.

вместо взвешенных правовых оценок возобладали эмоции? В этой связи я не могу не согласиться с нашим уважаемым космонавтом Леоновым Алексеем Архиповичем, который с глубоким сожалением вчера констатировал, что, вместо того чтобы стремиться к единству России, ее возрождению, авторы обращения сознательно или несознательно стравливают один народ с другим, показывают русских патриотов фактически националистами и шовинистами».

Прения по вопросу не открывали («сэкономить время» таким образом предложила «Единая Россия»)¹, однако Дума не могла уклониться от обсуждения поправок, предложенных депутатами-коммунистами. Они предложили, в частности, исключить слово «негативный» из фразы о том, что обращение депутатов в Генпрокуратуру вызвало негативный общественный резонанс. По этому поводу было принято соломоново решение написать «в том числе негативный». Поправка КПРФ об исключении из текста заявления абзаца второго, в котором, собственно, и содержалось осуждение антисемитской направленности обращений в Генпрокуратуру, не прошла, как не прошла и поправка о том, чтобы к предложению «В России не должно быть места антисемитизму, национальной и религиозной розни» добавить слова «и сионизму». Выступая в защиту этой поправки, Тамара Плетнева (КПРФ) сказала: «Вы скажете, что этого нет. Вы знаете, на пустом месте ничего не возникает, и это обращение в Генпрокуратуру тоже возникло не на пустом месте. Я вот, например, слушала однажды песню Лолиты, которая пела на всю страну с экрана: «Выйду замуж за еврея. Он же не виноват, что всех умнее». Это вообще как? Это вот как расценивать? У нас многонациональная страна. И я считаю, что олигархическая верхушка, еврейская, — она в основном сама провоцирует вот это».

Обсуждение Думой «Письма 500» на этом не закончилось. Вечером 4 февраля, в ходе часа заявлений, когда депутаты име-

¹ Депутат Митрофанов назвал это позором.

ют право, предварительно записавшись, выступить с речью на любую тему, сразу трое — Сергей Собко (КПРФ), Александр Крутов («Родина») и Алексей Митрофанов (ЛДПР) посвятили свои речи этому сюжету.

Депутат Собко заявил, что в случае с публикацией обращения была нарушена неприкосновенность депутатской переписки, и продемонстрировал, что народ его поддерживает: «Я вам скажу, что за два дня я получил сто семьдесят три телеграммы. И вот сейчас мне секретарь поднесла сегодняшнюю: «Москва. Государственная Дума. Собко. Русский народ будет всегда гордиться вами и вашими сотоварищами. Иудейский фашизм — к ответу! Вернем Русь в русские чистые руки. С вами Бог, с вами правда, за вами победа. Ветераны Вооруженных Сил, восемьдесят человек. Железнодорожный, Московская область, улица Сурикова, дом 9». Это я телеграмму зачитываю. И вот те провокаторы, которые депутатский запрос отдали в прессу, прекрасно знали, к чему это приведет, они действительно подставляют президента, а председатель комитета и большинство в Государственной Думе согласны, голосуют за. В книге «Кицур Шульхан Арух» всех нас, кто не относится к иудейской национальности, сравнивают с экскрементами».

Депутат Крутов заявил, что подписавших письмо травят, «умышленно искажая суть документа». Суть же в его изложении такова: «К нам в Думу поступило обращение и шел сбор подписей с просьбой помочь получить ответы у правоохранительных органов на следующие вопросы. Почему в СМИ развернута антирусская кампания и русские обвиняются в фашизме и шовинизме? Почему в еврейских школах, которые в основном финансируются на деньги налогоплательщиков, изучается оскорбительный для других народов кодекс поведения “Кицур Шульхан Арух”? Почему на деньги налогоплательщиков в еврейских школах воспитывают национальную неприязнь евреев к другим народам? Если евреям можно изучать свою религию на государственные деньги, то почему нельзя это делать православным?» Он заявил: «Депутаты отозвали свое обраще-

ние, потому что вместо объекта для работы над ним юристов оно стало предметом шельмования и лжи. Мы доработаем наши формулировки, сделаем их более четкими и обратимся по служебной переписке в соответствующие правовые инстанции». Вину за «шельмование» депутат возложил на «силы, которым необходимо разрушить межнациональный мир в многонациональной стране». По этому вопросу между ним и его оппонентом Митрофановым наблюдалось полное согласие. И Крутов, и Митрофанов полагают, что вся история с обращением — это провокация, выгодная внешним силам, причем Митрофанов, в отличие от более осторожного Крутова, прямо сказал: «Чего очень хотел Запад, то и произошло».

Отметим, что в ходе развития интриги вокруг обращения наиболее активную роль играли члены фракции КПРФ. Представители «Родины», которых было и в абсолютном, и в относительном исчислении больше среди подписантов, играли вторую скрипку.

История имела думское продолжение. На заседании 10 июня 2005 года Николай Леонов торжественно заявил: «Уважаемый Борис Вячеславович, дорогие коллеги! Вы помните, какой большой резонанс вызвало обращение группы граждан в Генеральную прокуратуру по поводу «Кицур Шульхан Арух», заявлений, которые характеризовались как возбуждение расовой ненависти. Рад сообщить вам, что Басманная межрайонная прокуратура, рассмотрев все жалобы, поданные представителями религиозных еврейских организаций, признала их безосновательными. Никаких признаков возбуждения расовой ненависти или религиозной нетерпимости не было найдено, и в возбуждении уголовных дел отказано»¹.

После того как 11 января 2006 года в Москве произошло нападение на синагогу², в результате которого пострадали

¹ Полный текст постановления Басманной прокуратуры см.: <http://xeno.sova-center.ru/4DF39C9/591546D>

² Подробности см. в передаче «Новости радиостанции “Эхо Москвы”» от 11 января 2006 года: <http://www.echo.msk.ru/news/288466>.

8 человек, на заседании Думы 13 января депутаты Андрей Исаев и Павел Воронин («Единая Россия») предложили фракциям КПРФ и «Родина» исключить из своих рядов депутатов, подписавших «Письмо 500». Эту идею поддержал также Алексей Митрофанов¹. На момент сдачи статьи в печать судьба этих предложений была не ясна.

Законодательная ностальгия по СССР

11 марта 2005 года Дума, подробно обсудив, отвергла предложенный «Родиной» законопроект федерального конституционного закона «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации». Действующий ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» (№ 6-ФКЗ от 17 декабря 2001 г.) был принят Государственной Думой 30 ноября 2001 года и одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года. В соответствии с законом, принятие в РФ нового субъекта — это процедура, предусматривающая изменение состава субъектов РФ в результате присоединения к Российской Федерации иностранного государства или его части. Закон определяет процедуру принятия. Подписываются международные соглашения или договоры, они становятся предметом рассмотрения в Конституционном Суде, в Государственной Думе, в Совете Федерации. Только после проведения всех согласительных процедур может быть рассмотрен вопрос о принятии иностранного государства или его части в состав Российской Федерации. Инициатором предложения о принятии в Россий-

html, а также в: *Машикин Сергей, Фочкин Олег, Гришина Юлия*. Как пройти в синагогу // Московский комсомолец. 2006. 16 янв.

¹ Подробнее см.: <http://www.scilla.ru/news.php?ChapterID=10a&NewsID=1525>

скую Федерацию в качестве нового субъекта иностранного государства или его части и заключения международного договора является иностранное государство.

«Родина» предложила дополнить статью 6 закона положением, что инициатором предложения о принятии в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта автономной республики, автономной области, автономного округа союзной республики бывшего СССР является народ, проживающий на территории данной автономии. Предложение должно быть оформлено решением всенародного референдума о присоединении к Российской Федерации. Таким образом, разработчики предложили Думе проигнорировать международные договоры России во имя частичного восстановления СССР¹.

С основным докладом выступил один из авторов законопроекта, депутат Андрей Савельев. Он начал с того, что сообщил коллегам, что они не обязаны соотносить свои законодательные действия с международным правом, Конституцией и законодательством РФ: «Законодатель на то и законодатель. Что он может решить любой вопрос»². Цель законопроекта, сказал он, в том, чтобы «создать условия для воссоединения страны, для первого шага к тому, чтобы к Российской Федерации присоединились те территории, которые были отторгнуты от нее в 91-м году путем осуществления цепи государственных переворотов, путем антиконституционного мятежа, который был и на территории Российской Федерации, и на территориях других советских республик». Следуя сложившейся думской традиции, он сослался на В. Путина: «Президент Путин как-то сказал, что в предыдущие годы мы очень много

¹ В практическом отношении речь шла не об абстрактных автономиях в составе бывшего СССР, а об Абхазии, Приднестровье и Южной Осетии, что прекрасно понимали все участники обсуждения.

² В ходе выступления Андрей Савельев также заметил: «Кроме юридической бесспорности, существует еще и политическая целесообразность».

отдали и нам необходимо возвращать всё назад¹. Что он имел в виду, стало ясно, когда он заговорил после этого о международном праве. Речь шла именно об этом — о воссоединении страны, но почему-то одни слова президента вы слышите, другие слышать не хотите».

В своем выступлении депутат Савельев привел ряд рациональных аргументов в защиту законопроекта. Это необходимость защиты прав граждан РФ² и соотечественников³ за рубежом, отсутствие полноценного суверенитета у ряда постсоветских государств, неправовой характер распада СССР⁴. Кроме этого, он употребил аргументы эмоционального характера, апеллирующие не к логике, а к чувствам парламентариев, в частности к чувству имперского рессентимента. В этом отношении характерна концовка его речи: «Мы не должны делать постыдных шагов, на которые нас толкает корпорация чиновников, предавших национальные интересы. Нам нужна не новая Россия ельцинистов в нынешних границах, а истинная Россия в границах империи! Призываю вас поддержать наш законопроект, чтобы не было стыдно смотреть в глаза своим детям и не было стыдно выходить к избирателям, чтобы мож-

¹ Андрей Савельев имеет в виду фразу президента РФ, сказанную во время встречи с Александром Лукашенко 27 ноября 2002 года: «Россия за последнее десятилетие так много отдала, что вопрос уже не стоит, чтобы что-либо отдавать. Мы будем брать, но, естественно, в рамках договоренностей и международных соглашений». Стенограмма встречи недоступна; цитируется по пресс-релизу на официальном сайте президента: <http://www.kremlin.ru/text/news/2002/11/38979.shtml>

² Имелись в виду, очевидно, не просто граждане РФ за рубежом, а отдельные категории граждан. Например, с лета 2003 года Россия массово предоставляет гражданство жителям Абхазии.

³ Концепт «соотечественников» (по смыслу это примерно то же самое, что и русские диаспоры за рубежом) — один из ключевых в идеологии националистического крыла «Родины». См.: *Ларюэль М.* Идеология блока «Родина» // Путиами несвободы / Сост. А. Верховский, М.: Центр «Сова», 2005. С. 35.

⁴ На референдуме 17 марта 1991 года большая часть граждан РСФСР и СССР высказалась за сохранение СССР, правда, обновленного.

но было сказать, что с сегодняшнего дня мы приступили к воссоединению страны, разрушенной изменниками и преступниками».

В ходе вопросов докладчику¹ и последующего обсуждения² абсолютное большинство выступавших³ с сочувствием отнеслось к пафосу законопроекта «Родины». Что касается подхода (игнорирования действующего законодательства и международных договоров), то его поддержали коммунисты; остальные фракции одобрили (в разной степени) идею, но осудили метод. Например, характерный вопрос докладчику задал Ильдар Габдрахманов («Единая Россия»): «У меня вопрос к Андрею Николаевичу. Понятно, что все сидящие в этом зале с радостью приняли бы волеизъявление другого народа о вхождении в состав Российской Федерации. Но почему авторы законопроекта, и в данном случае вы, Андрей Николаевич, выбрали заведомо провальный путь?»

Содокладчик от проффильного комитета Леонид Иванченко (независимый депутат)⁴, подробно разобрав неправовой характер законопроекта, сокрушенно заметил: «Да, нам многим приходится сожалеть о том, что было разрушено, но принятый ранее закон прописывает все возможные процедуры решения этой проблемы».

Виктор Тюлькин, выступая от фракции КПРФ в поддержку законопроекта, сказал: «Мы считаем, что нужно высказать им (авторам законопроекта) благодарность за то, что они взялись

¹ Вопросы докладчику и содокладчику — обязательная часть процедуры обсуждения законопроекта в первом чтении.

² В ходе рассмотрения законопроекта в первом чтении предусмотрены выступления от фракций.

³ Исключение составил независимый депутат Владимир Рыжков, который резко осудил законодательную инициативу «Родины», назвав ее, в частности, «законом об аннексии части территорий сопредельных нам государств».

⁴ Леонид Иванченко — член КПРФ (партии и фракции) до июня 2004 года; исключен из партии за участие в создании альтернативной КПРФ — ВКПБ Владимира Тихонова.

за эту тему и вносят данный законопроект. Даже если он будет не столь работающим, он будет нести огромную смысловую, моральную нагрузку». Точка зрения ЛДПР — законопроект хороший, но чересчур романтический. Вот мнение Сергея Иванова: «Законопроект действительно хороший, он затрагивает наши моральные такие установки — да, нам всем хочется, чтобы наша страна была большой, сильной, могучей, чтобы у нас были большие территории, мы сожалеем о развале Советского Союза, но это надо уже делать сейчас экономически». Другой жириновец, Алексей Митрофанов, устроил Александру Савельеву своеобразный ликбез: «...у страны есть хозяева... Как вы думаете, эти хозяева будут ссориться с Западом по поводу Приднестровья, Абхазии или еще чего-то, вступать в конфронтацию с Западом, теряя свои многомиллиардные интересы? Конечно, не будут, конечно, не будут, и в этом обреченность вашего и нашего положения... Дело в принципиальном изменении ситуации: мы в области экономики тесно сплелись с Западом, Запад для нас — клиент (понимаете?), тот, кто платит, поэтому раздражать их по всем поводам, связанным с Абхазией и с Приднестровьем, никто не будет».

Точку зрения пропутинской партии «Единая Россия» выразил Владимир Гришин, председатель Комитета Государственной Думы по делам Федерации и региональной политике: «С точки зрения политической я бы сказал, что позиция Российской Федерации и других государств — участников СНГ относительно признания существующих государственных границ подтверждена международными договорами, заключенными в рамках СНГ, в частности соглашением о создании СНГ, Уставом СНГ, а также декларацией о соблюдении суверенитета, территориальной целостности и так далее. Все вы прекрасно понимаете, что если мы нарушаем то, что мы уже подписали, то о чем говорить, это как бы... Господин Савельев говорил здесь о симметричности. Так вот эта симметричность может распространяться и на нас. И вот кто-то сейчас говорил в том числе о претензиях к Российской Федерации и со стороны Финлян-

дии, и со стороны, условно говоря, Литвы и так далее. Найдется много государств, которые предъявят соответствующий счет, и в том числе Российской Федерации. И не надо думать, что у нас в Российской Федерации нельзя будет провести такой референдум. Да, сегодня политическая ситуация более или менее стабильная, но кто из нас может гарантировать, что вот этим законом мы не раскачаем нашу политическую ситуацию?» При этом депутат Гришин — вовсе не противник частичного восстановления СССР: «Я не хочу сказать, что у нас нет сегодня возможности говорить о той же Абхазии, о той же Северной Осетии. Есть такая возможность! В принципе этим государствам можно помочь, в том числе и с нашей стороны, стать нормальными государствами в части признания их суверенитета и рамках международного права. И после того, как они станут нормальными государствами, они с полным правом смогут войти в Российскую Федерацию. Я считаю, что, идя по этому пути, мы нанесем меньше ущерба и себе, и авторитету страны, ее позиции на мировой арене». Таким образом, с точки зрения парламентского большинства, стремления авторов законопроекта вполне благие, вот только методы — неразумны. Более эмоционально эту точку зрения выразил другой единокоросс, Юрий Конев. Он объяснил, что его коллеги по фракции не менее, чем представители «Родины», «болеют за единую, неделимую Россию». Они вовсе не предали национальные интересы; предателей «надо было искать в ЦК КПСС, когда главный идеолог ЦК КПСС¹ заставил всю ночь искать подлинник пакта Молотова — Риббентропа, для того чтобы дать возможность Прибалтике выйти из состава Советского Союза». Путь, который предлагает «Родина», неприемлем: «фактически мы сегодня находимся в границах международного права, и никуда из этих границ выйти мы не можем». Однако, считает депутат Конев, «путь не закрыт тем автономиям, надо просто, чтобы автономии принципиально ставили вопрос в своих

¹ Имеется в виду Александр Николаевич Яковлев.

государствах перед своими законодательными собраниями, и ставили вопрос совершенно жестко в этом плане. И если они поставят вопрос о своей независимости по отношению к тому государству, куда входят, и выйдут из него, тогда и разговор будет другой».

В ходе рассмотрения законопроекта совершенно особую роль сыграл Николай Кондратенко (КПРФ), один из наиболее известных¹ и статусных² русских националистов. В своей речи, выдержанной в присутствии ему зажигательном тоне, он благословил новое поколение русских националистов на борьбу, нисколько не смущаясь межфракционными различиями. Депутат Кондратенко сказал: «Вы знаете, я сидел и гордился: в конце концов, будущее принадлежит не сегодняшним бурбулисам и собачкам, сидящим в зале, оно им, молодым, принадлежит! В этом темном сионистском царстве России они как луч света сегодня. И это прорвет, хотите вы или не хотите, прорвет! Я буду голосовать только по политическим соображениям, буду поддерживать этих молодых парней. Они не просто срез нашей Думы, они срез российского общества. И я рад, что это молодой срез!» Кроме того, «Батька» развил привычные для него мотивы: разрушение страны сионистами в совокупности с предательством страны самими русскими и т.п. Он закончил свое выступление обычными ритуальными угрозами в адрес большинства: «Голосуйте, голосуйте, коллеги, ведь придет время расплаты. Как стыдно будет детям вашим к могилам вашим подходить! Это еще будет! Не думайте, что умерла Россия. Нет, я думаю, что нет, потому что есть еще русские, и восстанет эта кровь. И горе будет тем, кто предавал Россию!»

¹ См. о нем, напр.: Кубанский антисемит Николай Кондратенко. Газета.ру. 2003. 26 авг.: <http://www.gazeta.ru/elections2003/info/51553.shtml>

² Николай Кондратенко избирался членом Совета Федерации от Краснодарского края (1993) и губернатором Краснодарского края (1996); в 2001—2004 годы представлял администрацию Краснодарского края в Совете Федерации.

В заключительной речи депутат Савельев, возможно вдохновленный Кондратенко, пригрозил депутатам божьим судом. Ему удалось также кратко сформулировать тезис о необходимости внешней территориальной экспансии для сохранения России: «Российская Федерация в нынешних границах несостоятельна как государство, и нечего здесь привлекать экономические вопросы. Мы можем в этих границах только погибнуть, и мы погибаем, страна погибает». Возможно, ассоциации с концептом «жизненного пространства»¹ не вполне правомерны; однако совершенно очевидно, что Андрей Савельев, как представитель «Родины», мыслит в категориях модерна и nation state (а не постмодерна и глобализации).

Представляется существенным, что обсуждение заведомо провального законопроекта длилось более двух часов. Это означает, что затронутая тема (восстановление империи) является актуальной в том числе с точки зрения думского большинства. В контексте состоявшейся дискуссии можно считать выдвижение идеи «народных референдумов» (плебисцитов) как способа расширить границы большой удачей «Родины». Дискуссия показала, что все представленные в парламенте фракции разделяют цели, выдвинутые депутатами «Родины», причем «Родина» находится в авангарде процесса.

Изменение законодательства об абортах и жидомасонский заговор

11 марта 2005 года Государственная Дума рассмотрела не только вопрос о способах присоединения Приднестровья к России, но и разработанный членом «Родины» Александром

¹ См. напр.: *Цительманн Райнер*. К обоснованию мотива «жизненного пространства» в мировоззрении Гитлера // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований / Пер. с нем. М.: Весь Мир, 1997.

Чуевым проект федерального закона «О внесении изменений и дополнений в “Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан”». Суть изменений — запрет на финансирование аборт по социальным показаниям в рамках программ обязательного медицинского страхования.

Александр Чуев — бывший лидер карликовой Христианско-демократической партии, горячий противник абортов. Запрет или ограничение абортов — главная тема законодательных инициатив, с которыми он выступал и в Думе третьего созыва, куда был избран по списку блока «Единство». Для депутата Чуева данный законопроект отличался не очень свойственной ему умеренностью, что никак не влияло на шансы его прохождения в Думе, поскольку взгляды парламентского большинства на этот вопрос формируют врачи-практики¹, которые считают бесплатные легальные аборты меньшим злом. Как известно, вопрос об абортах обычно вызывает бесконечные непродуктивные споры в любой аудитории, поскольку взгляды людей на него определяются их точкой зрения на то, что считать моментом возникновения человеческой жизни — зачатие или рождение, а это — вопрос веры, а не знания. Примерно в этом духе началось и думское обсуждение: сторонники защиты прав женщин («Единая Россия», мнение профильного комитета, в частности его представителя Михаила Рокицкого, член фракции КПрФ Тамара Плетнева) против тех, кто считает аборты узаконенным убийством («Родина», член фракции КПрФ Иван Ждакаев).

Затрагивались, что довольно естественно, и демографические проблемы, а именно дебатировался вопрос о том, насколько запрет (ограничение) абортов повлияет на рост рождаемости. Например, коммунист Руслан Гостев задал автору законопроекта вопрос: «Демографического взрыва какой силы можно ожидать, если будет принят предложенный вами проект?» Наталья Нарочницкая («Родина») рассуждала в терминах

¹ Например, Ольга Борзова или Михаил Рокицкий, выступавший в качестве содокладчика от комитета по охране здоровья.

демографической катастрофы: «Во всем мире... именно политика в отношении абортот является признанным стимулом к рождаемости... Уважаемые коллеги, наша страна двенадцать лет находится в состоянии демографической катастрофы. За последние годы потери — миллион в год, в дополнение — несколько миллионов абортот. Мы эту территорию не удержим, и бессмысленны все другие законы нашего парламента, потому что, по оценке демографов, скоро мы пройдем точку невозврата, когда возрастание населения уже будет невозможным». Отметим, что депутат рассматривает повышение рождаемости как своего рода военный инструмент, направленный на удержание территории России, на которую, вероятно, кто-то претендует, раз её необходимо удерживать.

Предсказуемый ход обсуждения был прерван Николаем Кондратенко. Главный тезис его выступления — политика государственного финансирования абортот является закономерным следствием общего «русофобского» (специально направленного против так называемых «этнически русских») политического курса руководства России, которое состоит, в том числе на уровне Думы, из людей «неправильного» происхождения. Он, в частности, сказал: «Я поддерживаю депутата Чуева. Поддерживаю еще и потому, что Чуев — государственник. Пусть молодой, пусть не всё у него, как говорится, глубоко, но Чуев всегда вносит предложения и проекты с позиции государственника. Наука о демографии гласит: если в обществе менее полутора процента государственников, такое общество погибает. Это то, что происходит с русскими, то, что происходит с Россией сегодня. И ты не отчаивайся, Александр Викторович, что ты останешься в меньшинстве. В меньшинстве потому, что ты не можешь не заметить, как русские сегодня оттеснены от управления Россией. Ты посмотри на наши комитеты, кто их возглавляет и много ли среди них нас, русских по происхождению... Вспомни законопроектот, которые мы здесь голосовали. Ну, допустим, продажа детей. Посмотри, как такие, как Михаил Рафаилович, доказывали, что нельзя тут какие-то запреты вво-

дить. Правильно, демократически — пусть вывозят, пусть органы у них вырезают... А наших детей сексом, порнухой разлагают и делают больными, ненормальными! Они генетически уже будут ненормальными. И опять Михаил Рафаилович голосует¹: нельзя, пусть идет разложение, пусть русские вымирают. Или возьми пропаганду абортот, ты вносил предложение. Опять они доказывали, что надо пропагандировать абортот, иначе это зажим демократии. Ты понимаешь, что это русофобия! Ты понимаешь, что это геноцид русского народа и других коренных народов России! Когда будет внесено здесь предложение (если хочешь, давай вдвоем экспериментально внесем) о кастрации русских мужиков — они проголосуют за кастрацию! Они аргументы найдут, будут доказывать, что надо их кастрировать. Я в этом ни в малейшей степени не сомневаюсь... Это сегодня на полтора миллиона нас, русских, каждый год меньше, меньше, меньше, а они нам доказывают, что это идет нормальный, демократический, правильный процесс. Спасибо тебе, Чуев, что ты есть на земле русской!»²

Итак, депутат Кондратенко воспроизводит классические националистические клише (в том числе даже маркированное и в силу этого чрезвычайно редкое употребляемое в парламенте слово «русифобия») в порядке агитации за нейтральный законопроект Чуева. При этом он совершенно уверен, что правильно понимает мотивацию «государственника» Чуева. Более того, он второй раз в течение одного и того же дня (см. выше)

¹ Кондратенко строит свое выступление таким образом, что большинство слушателей, находясь в курсе культурного и исторического контекста, понимают его так: «еврей Рокицкий и другие засевшие в Думе евреи продают на органы и разлагают русских детей». В частности, именно так поняли его и депутат Макаров, и депутат Чухраев (см. ниже). С другой стороны, доказать, что оратор имел в виду именно это, невозможно; искусное владение тропами позволяет ему придать высказыванию неоднозначность.

² Речь депутата Кондратенко была встречена шумом в зале и аплодисментами.

выступает в качестве старейшины думских националистов, благословляя молодую поросль¹.

Концентрация ненависти в речи депутата Кондратенко побудила Андрея Макарова («Единая Россия») внести предложение прекратить прения. Буквально он выразился так: «Уважаемые коллеги, наконец-то и в вопросах рождаемости нашли жидомасонский заговор². И наконец, не пора ли прекратить в Думе вот этот позор, который порочит Государственную Думу, то, что мы сейчас слушали из уст депутата?» Против этого предложения выступил другой известный думский националист, Альберт Макашов, речь которого была прервана ведущим заседание Георгием Боосом после того как Макашов обозвал Макарова «герром Макаровым». Вице-спикер Боос, тем не менее, разрешил выступить по ведению Александру Чухраеву («Еди-

¹ В ходе работы Думы нынешнего созыва были и другие случаи, когда «батька» Кондратенко принимал позу отца всего националистического крыла парламента. Например, 27 мая 2005 года, в ходе обсуждения вопроса о создании комиссии Государственной Думы по контролю за правами человека в зарубежных странах, он выступил с такой речью: «Я искренне удовлетворен докладом и содокладами. Спасибо тебе, депутат Островский (фракция ЛДПР. — *ЕМ.*), спасибо, Наталия Алексеевна (Нарочницкая, фракция «Родина». — *ЕМ.*), вам и депутату Кокошину (фракция «Единая Россия». — *ЕМ.*), за то, что, в моем понимании, если не всегда, то почти всегда занимали праведную позицию. Я сегодня спокойно засну, потому что я вижу: русский дух, стремление к правде, желание говорить правду, а не пытаться дальше нам, русским, жить по двойным стандартам. Нас американцы и сионистская братия международная пытаются склонить к этим двойным стандартам... Всегда было постыдным для русских быть таковыми!.. И запомните, молодые Островские, пройдет время и эту братию сионистскую гонять будут по всему белому свету, их будут за эту неправду бить, их будут уничтожать... Спасибо, Островский. Спасибо всем».

² Употребляя выражение из националистического лексикона — «жидомасонский заговор», Макаров демаскирует Кондратенко, сводя его позицию к нереспектабельному в современной России антисемитизму.

ная Россия», до избрания — главный врач больницы в Курске¹), Виктору Илюхину (КПРФ) и Николаю Кондратенко. Депутат Илюхин заступился за Кондратенко, проигнорировав, сознательно или нет, наиболее вызывающие фрагменты его выступления: «Ведь нас, русских, по статистике 80 процентов в России. И когда Николай Игнатович говорит о русских, связанных с проблемой, которую мы обсуждали... Конечно, в первую очередь страдать будут русские. И никакой здесь русофобии нет абсолютно, абсолютно нет никакой русофобии». Сам Кондратенко также изобразил оскорбленную невинность: «Уважаемые коллеги, да я-то и национальности не называл. Я и не думал называть здесь то, что Макаров подозревает. Но не думать о русских, не болеть о русских я просто не имею права. Я вижу, как они вымирают, коллеги, как же мне, депутату, не бить тревогу?»²

Положенное ему заключительное слово автор законопроекта начал с того, что выразил благодарность представителям КПРФ (к ним относятся, в частности, Кондратенко и Макашов). Он также воспроизвел, в смягченной форме, тезис Натальи Нарочницкой об удержании территории: «Если мы сегодня не начнем принимать экстренные меры по изменению нашей демографической политики на уровне всего государства, мы потеряем нашу страну. У нас просто жить будет некому в некоторых наших районах и на некоторых территориях. Мы не сможем просто содержать эти территории, потому что на них не хватит населения. К сожалению, наша государственность здесь уже под угрозой, и это вопрос национальной безопасности всех народов, которые здесь проживают». Депутат Чув

¹ Депутат Чухраев призвал коллег уважать Михаила Рафаиловича Рокицкого, хирурга, который с 1955 года «оперировал, не спрашивая ни у кого национальность».

² Воспользовавшись правом на реплику, Михаил Рокицкий резюмировал дискуссию так: «Я не могу не выразить восхищения изобретательностью отдельных коллег, которые умудрились придать вопросу об абортах национальную окраску».

высказался и по вопросу вымирания русского населения: «Конечно, если здесь брать национальный состав, то, безусловно, прежде всего в областях и регионах, где преимущественно русское население, рождаемость ниже, и именно поэтому это беспокоит депутатов. Ни в коей мере здесь нельзя говорить об ущемлении чьих-либо прав, каких-либо национальностей. У нас сотни национальностей проживают на территории России сегодня, и для многих национальностей эта проблема достаточно существенная. И некоторые народы у нас вообще на грани исчезновения. Но для русских она не менее существенная, потому что они вымирают сегодня очень сильно. Как видим, он выбрал примирительный тон и позаимствовал аргументацию у депутата Илюхина, но признал, что некоторых депутатов беспокоит именно низкая рождаемость «русского населения». Отметим, что в основном докладе Чуева этот аспект не освещался, хотя вполне вероятно, что им двигало в том числе стремление специально повлиять на «русскую» рождаемость. При обсуждении законопроекта было продемонстрировано единство взглядов части представителей фракции «Родина» и части членов фракции КПРФ, причем главный националист среди коммунистов воспользовался инициативой члена «Родины», чтобы заняться националистической агитацией.

Законодательное поощрение рождаемости среди людей определенного этнического происхождения

15 апреля 2005 года Дума рассматривала проект федерального закона «Об единовременном федеральном государственном денежном пособии семье на рождение третьего, четвертого и пятого ребенка». Автором законопроекта был Сергей Бабурин, тогда — заместитель председателя фракции «Родина»,

с июня 2005 года — лидер фракции «Родина» («Народная воля» — СЕПР). Он предложил, чтобы на третьего, четвертого и пятого ребенка семье¹ выплачивалось единовременное федеральное пособие в размере 200 тысяч рублей из золотовалютных запасов. Желая подчеркнуть важность законопроекта, докладчик прибегнул к типичной катастрофической риторике: «Демографическая катастрофа, самоубийство нации, исчезновение — вот какие эпитеты в полном объеме отражают сегодняшнюю ситуацию. И поэтому для людей, ответственных за будущее всех народов, живущих в России, сегодня важно принять меры по исправлению ситуации. Ситуация чрезвычайная, и меры требуются чрезвычайные»².

В своем содокладе председатель комитета по делам женщин, семьи и детей Екатерина Лахова («Единая Россия»), во-первых, подвергла критике источник финансирования «бабуриных» пособий, во-вторых, заявила, что в России нужно поощрять прежде всего второго и третьего ребенка, особенно второго.

Остроту обсуждению неожиданно придал вопрос Игоря Игошина³ («Единая Россия»): «Идея законопроекта очень правильная, но те цифры, которые приводит Сергей Николаевич

¹ Поклонник семейных ценностей Бабурин предлагал выплачивать пособие только так называемым «полным» семьям.

² Подробнее о взглядах «Родины» на демографический кризис в России см.: <http://www.rodine.ru/komm/ib0512.html>

³ Игорь Игошин родился 11 декабря 1970 года. 10 января 2000 года стал депутатом Государственной Думы третьего созыва по общефедеральному списку КПРФ (путем передачи мандата Сергея Нигкоева). 7 декабря 2003 года был избран депутатом Государственной Думы ФС РФ четвертого созыва по Владимирскому одномандатному избирательному округу № 168 (Владимирская область). В Госдуме вошел в состав фракции «Единая Россия». С 1998 года и до избрания депутатом Государственной Думы третьего созыва — генеральный директор ЗАО «Реал-Агро». Заместитель председателя Комитета по бюджету и налогам. Является председателем правления Центра стратегического развития Владимирской области.

по рождаемости, они приводятся в среднем по России. Если посмотреть разрыв рождаемости по регионам, мы увидим регионы Кавказа, где рождается третий, четвертый, пятый ребенок — это стандартная ситуация, и видим регионы средней России, где в русских семьях рождается по одному ребенку, а есть сейчас семьи, где молодые не рожают вовсе детей. Законопроект, по сути дела, еще увеличит этот разрыв, поощряя рождаемость на Кавказе, а не усиливая и никак не поощряя рождаемость в средней России. Понимает ли Сергей Николаевич, что этим законопроектом он приводит к увеличению разрыва между численностью русского населения России и населения других национальностей?»¹ Иначе говоря, представитель парламентского большинства покритиковал националиста за недостаточный национализм. Из ответа Сергея Бабурина выяснилось, что, действительно, его законопроект направлен на поощрение рождаемости определенных групп населения: «Именно поэтому, чтобы не стимулировать рождаемость в отдельных регионах, привыкших к многодетным семьям¹, у нас ограничение — только на четвертого и пятого ребенка. Такую ошибку допустили руководители Болгарии, когда не сделали этого ограничения, что привело к росту турецкого населения, а потом вносили поправки, ограничивая вторым, третьим, четвертым, максимум пятым ребенком². Так что здесь как раз

¹ «Отдельные регионы, привыкшие к многодетным семьям», были перечислены в содокладе депутата Лаховой: Калмыкия, Чеченская Республика и Карачаево-Черкесия.

² Депутат Бабурин имеет в виду демографическую политику Болгарской коммунистической партии, проводившуюся в период с 1984 года Постановлением ЦК БКП «О дальнейшем выполнении Декабрьской программы повышения жизненного уровня народа в соответствии с решениями XII съезда Болгарской коммунистической партии», принятым в апреле 1984 года, были с 1 июля 1985 года увеличены ежемесячные пособия на детей: за второго ребенка — с 25 левов до 30 левов; при рождении второго ребенка ежемесячные пособия на первого ребенка увеличены с 15 левов до 30 левов; за третьего ребенка — с 45 до 55 левов, при том, что пособие на четвертого и каждого последующе-

заинтересованность в умножении численности населения Центральной России. Именно поэтому мы говорим об ограничении — и по первому ребенку и после пятого...»¹.

Тему поддержал Владимир Свиридов (ЛДПР), который задал вопрос уже не основному докладчику, а содокладчику Лаховой: «Действительно так исторически сложилось, что в русских семьях, в православных семьях — беда это наша, конечно, — мы имеем одного, максимум двух детей. В то же время в наших национальных регионах, у наций и народностей, исповедующих мусульманство, буддизм и прочие религии, количество детей значительно больше. Вот по тем семьям, 2,7 процента, которые готовы родить третьего, четвертого и далее ребенка, есть у вас какая-то статистика, скажем так, по национальному делению?» Депутат Лахова, признав правоту подразумевавшейся Свиридовым точки зрения, перевела разговор на другое: «Валентин Валентинович, ну, конечно, вы правильно сказали, что акцент в первую очередь перейдет на южные регионы. И я не случайно назвала три субъекта, такие как Карачаево-Черкессия, Чеченская Республика и Калмыкия, которые традиционно на многодетную семью ориентируются. Они категорически против, потому что считают, что это порождает иждивенчество... Если мы хотим изменить демографическую ситуацию, мы акцент должны сделать на рождении второго ребенка, уж не говорю — третьего, максимум второго ребенка».

Хотя в целом дискуссия шла в основном об источниках и формах финансирования подобных пособий в принципе (было ясно, что бабуринский законопроект принят не будет), на-

го ребенка составляло 15 левов. Кроме ежемесячных пособий выдавались единовременные пособия в связи с рождением ребенка в сумме 100 левов на первого, 250 — на второго, 500 — на третьего и 100 — на четвертого и каждого последующего ребенка.

¹ У самого Бабурина четверо взрослых сыновей, что, вероятно, сыграло определенную роль в его представлениях о нормальном количестве детей в «русской, православной» семье.

циональная тема из обсуждения не исчезла. Упомянутый выше депутат Свиридов воспользовался своим правом на выступление, чтобы вскрыть «антирусские» настроения депутата Бабурина: «Этот законопроект несет в себе антирусские настроения. Посмотрите на Сахалин и на Камчатку: уже через два года 25 процентов населения этих территорий будут составлять граждане Российской Федерации китайского происхождения. А если мы еще их простимулируем таким образом, то через двадцать лет мы можем смело заявлять, что вся наша дальневосточная часть отойдет Китаю. Да, так исторически сложилось, и я лично могу подтвердить, что, имея одного ребенка, мы вряд ли решимся на то, чтобы завести второго, третьего и четвертого, и не потому, что мы этого не хотим, а потому, что исторически я, русский человек, отдаю себе отчет в том, что я должен не только родить ребенка, но и содержать его, дать ему достойное образование, как раньше говорили, путевку в жизнь и по крайней мере сопровождать этого ребенка по возможности до того момента, когда ребенок будет в состоянии завести свою собственную семью. Чего, к сожалению, нет у наших, скажем так, национальных семей, которые готовы родить и пятого, и шестого, и седьмого, и восьмого, и десятого ребенка, а потом половина этих детей по улицам ходит, собирая подаяния. Поэтому я считаю, что тема поднята правильно, закон считаю тем не менее антирусским». Член фракции «Родина» Фоменко, в отличие от депутата Свиридова, полагал: «Сегодня уже русским семьям пора брать пример с наших соседей. Потому что, как известно, рожают много детей и у нас, и в других странах только религиозные семьи, то есть те, которые размышляют не о том, есть ли у них путевка в жизнь, заготовлена ли она, а рожают, и всё».

Депутаты от «Единой России», явно не собиравшиеся голосовать за законопроект, тем не менее поддержали его идею. Задававший вопрос об этническом происхождении многодетных семей Игошин высказался в пользу государственных посо-

бий на второго и третьего ребенка, начав выступление с того, что не будет за недостатком времени «говорить о том вопросе, который уже серьезно здесь обсуждался, — по разрыву рождаемости в русских семьях и в национальных семьях». Единоросс Павел Воронин поблагодарил Сергея Бабурина «за то, что он все-таки мужественно внес этот проект закона, сознавая, что он не будет принят». В качестве позитивного зарубежного примера Воронин предъявил ОАЭ: «Я приведу вам цифру: в Объединённых Арабских Эмиратах в 1996 году был принят закон, по которому вначале выплачивалось 10 тысяч долларов, потом 100 тысяч, сейчас выплачивается 500 тысяч долларов при рождении ребенка (имеется в виду ребенок-араб, который рождается в арабской семье). У них численность населения в 1997 году составляла 450 тысяч человек, в 2004 году уже 1,5 миллиона человек, это чистых, так сказать, арабов. Поэтому, безусловно, необходимо в этом направлении работать». Таким образом, беспокойство за недостаток «чистых, так сказать» русских явно не является личной проблемой отдельно взятого единоросса Игошина.

В своем заключительном слове Сергей Бабурин хотел отреагировать на обвинение в антирусскости, но ему отключили микрофон. Ему удалось только начать оправдываться: «А что касается антирусскости, то именно главы исполнительной власти Бурятии, Калмыкии, Марий Эл, Мордовии, Карачаево-Черкесии, Татарстана, Удмуртии и ряда других дали отрицательный отзыв, потому что свои вопросы они решают. А мы говорим: давайте решать это...» В целом обсуждение показало, что если националистический характер законопроекта слегка завуалировать, то он способен вызвать симпатию и у осторожных единороссов. С другой стороны, сокращение опознаваемой националистической риторики в тексте выступления может привести к тому, что националист получает упреки в недостаточной последовательности от других националистов.

Место «Родины» среди думских националистов

На базе приведенных эмпирических описаний можно констатировать, что новоприбывшие в Думу националисты, избранные по списку блока «Родина», прекрасно вписались в рамки существующего в Думе с 1993 года «националистического крыла». Они получают поддержку уже освоившихся в Думе националистов, прежде всего — «ветеранов» из фракции КПРФ. В то же время пока трудно говорить о том, что они принесли в Думу какие-то новые идеи, приемы или слова¹. В известной степени это связано с тем, что Дума — консервативная площадка, на которой к тому же доминируют представители бюрократической группировки.

В силу формата работы я была вынуждена ограничиться лишь наиболее развернутыми примерами, иллюстрирующими деятельность националистов в Думе и отношение к ним парламентского большинства. За рамками осталось, например, участие депутатов-националистов в обсуждении многочисленных постановлений Думы по международным вопросам. Может сложиться ложное впечатление, что, в то время как националисты из «Родины» и КПРФ выступают в союзе, националисты из ЛДПР противостоят им по принципу «оппозиционные националисты против лояльных националистов». На самом деле расклад «националисты из ЛДПР против националистов из КПРФ и «Родины»» возникает только тогда, когда ЛДПР не может совместить поддержку президента Путина с поддержкой националистической позиции (самый яркий пример — заявление с осуждением «Письма 500»). В большинстве случаев ораторы от фракции ЛДПР выступают совершенно в том же духе,

¹ Ср. с ситуацией на выборах в Московскую городскую думу 4 декабря 2005 года, когда «Родина», безусловно, принесла и новые подходы, и новые слова.

что и их коллеги-националисты из «Родины»¹, хотя не обязательно голосуют так же, как они.

С определенным допущением можно говорить о том, что в Думе сложилась неформальная межфракционная группа националистов. Духовным лидером этой группы, безусловно, выступает Николай Кондратенко. К членам этой виртуальной группы можно отнести депутатов, подписавших «письмо 500», а если несколько расширить рамки объединения с учетом близости взглядов, то и большую часть фракции ЛДПР. Существенное различие внутри группы проходит по линии лояльность — оппозиционность. Если же от этого различия абстрагироваться — что довольно просто, поскольку в 2004 году «Родина» принадлежала к путинским лоялистам, а в 2005 году перешла в оппозицию, — то усмотреть явные различия между «национализмом КПрФ», «национализмом ЛДПР» и «национализмом «Родины» трудно, тем более что если позиция Жириновского и есть позиция фракции, то в отношении Rogozina и «Родины» как и в отношении КПрФ так сказать нельзя. Такие депутаты-националисты, как, например, Андрей Савельев, Николай Павлов и Наталья Нарочницкая, представляют разные идеологические течения. Кажется, что националисты из «Родины» более осторожны в формулировках, чем их коллеги из других фракций. Однако некоторые примеры это опровергают. Так, Николай Павлов (фракция «Родина», с декабря 2005 года — член партии «Родина») 21 мая 2005 года заявил в присутствии членов правительства: «У нас сегодня такая ситуация, когда телевидение, как мы наблюдаем, кроме насилия, садизма, извращений и открытой русофобии так сказать, которую инициируют два еврея по фамилиям Познер и Шустер, ничего не несет...» Это, безусловно, чрезвычайно радикальное заявление, достойное Кондратенко.

Если националистов из «Родины» что-то и отличает от их думских собратьев, то это их большая открытость, способ-

¹ Это особенно касается «малых форм» думской законодательной деятельности: постановлений, заявлений и парламентских запросов.

ность соединить и представлять различные националистические течения, во-первых, и способность вызывать публичные проявления сочувствия к своим идеям у представителей парламентского большинства («Единой России»), во-вторых. Это ясно видно из приведенных иллюстраций, например из высказываний депутата-единоросса Игошина в ходе обсуждения демографической проблемы. Националисты из «Родины», вероятно в большей степени, чем Жириновский, способны сделать нереспектабельные идеи респектабельными, изложив их приемлемым языком. Не отрицая роли Жириновского в реабилитации националистических идей в России, можно признать, что «Родина» справляется с этой задачей не хуже, а может быть — за счет более широкой первоначальной платформы для объединения — и лучше. В то же время нужно подчеркнуть, что усилия депутатов парламентского меньшинства по интеграции националистических идей в политический мейнстрим не были бы так успешны, если бы политическое руководство страны не разделяло некоторых националистических взглядов.

Не следует забывать, что блок «Родина» шел на выборы (и преодолел пятипроцентный барьер) под лозунгом поддержки курса президента Путина на борьбу с «олигархами» и возрождения утраченного величия России¹. Более того, широко распространено мнение, что «Родина» была и остается чисто кремлевским проектом². Вне зависимости от того, насколько

¹ В ходе избирательной кампании «Родина» критиковала правительство, но не президента.

² См., например, интервью политолога Дмитрия Орешкина с характерным заголовком «Рогозина вскормили в Кремле, а значит, до сих пор контролируют»// Московский комсомолец. 2005. 29 ноября. В то же время, например, такой информированный наблюдатель, как Егор Гайдар, считает, что Дмитрий Рогозин ведет самостоятельную игру. Это мнение он высказал в интервью радио «Свобода» 9 января 2006 г. Транскрипт интервью см.: <http://www.svoboda.org/programs/tp/2006/tp.010906.asp>

оно справедливо, деятельность фракции (с лета 2005 года — фракций) «Родина» в Думе способствует «националистическому дрейфу». Этот дрейф четко обозначился в российской политике в 2003 году, когда успех «Родины» и ЛДПР на парламентских выборах продемонстрировал, что национализм является не маргинальным феноменом, а одним из наиболее влиятельных политических трендов.

«Родина» как партия Дмитрия Рогозина, ослабленная расколом и отсутствием стратегического менеджмента, вполне может исчезнуть с политической арены так же бесславно, как другое детище Рогозина — Конгресс русских общин (КРО). Однако политический спрос на национализм никуда не исчезнет; националистическая повестка, которую депутаты «Родины» вполне успешно рекламируют в Думе, будет отыграна другими политическими силами, которые могут быть как лояльными, так и оппозиционными по отношению к путинскому режиму.

Виктор Дятлов

ОТ «ЖЕЛТОЙ ОПАСНОСТИ»
К «КИТАЙСКОЙ УГРОЗЕ»:
ЭВОЛЮЦИЯ ОДНОЙ МИГРАНТОФОБИИ
В РОССИИ

Массовое и стремительное проникновение китайских мигрантов в современную Россию, тенденция к формированию постоянной диаспоры, превращению ее в весомый фактор экономической, социальной и даже политической жизни страны — все это в контексте со взлетом экономической, политической и военной мощи КНР и системным кризисом нашего общества — возродили (или породили заново?) ксенофобский комплекс, называемый по традиции синдромом «желтой опасности». Он органично вплетается в общий комплекс антииммигрантских фобий, набирающих силу в современной России.

Российская ситуация в контексте рассматриваемой проблемы уникальна. На протяжении полутора веков наше общество два раза сталкивалось с феноменом теснейшего контакта с Китаем и китайцами через миграции, мигрантов и диаспору выходцев из Поднебесной. Один раз — в последней трети XIX — первой трети XX в. и второй — в последние годы. Промежуток между этими контактами был достаточно велик и настолько насыщен событиями и катаклизмами, что китайцы как люди и как проблема были прочно забыты, ушли из общественного сознания. Послевоенные перепады взаимоотношений СССР — КНР (от политики «русский с китайцем братья навек» до вооруженных приграничных конфликтов и подготовки большой войны) остро переживались, особенно жителями

Дальнего Востока и Сибири, но именно в контексте межгосударственных взаимоотношений.

Прерывалась интеллектуальная традиция изучения проблемы, масса дореволюционных текстов, оставаясь физически в библиотеках, фактически ушли в небытие. Радикально изменилась идеологическая атмосфера — в том числе и набор фобий. Ксенофобии, оставаясь жизненно важным элементом общественного сознания и мощнейшим инструментом для манипулирования им, отошли от этнического и, тем более, расового подхода при выборе врага.

Поэтому можно довольно уверенно предположить, что массовый приток граждан КНР в 1990-х годах стал для подавляющего большинства россиян событием не просто неожиданным, но абсолютно новым. Старая китайская диаспора, бывшая предметом пристального и, как правило, недоброжелательного интереса и глубокой озабоченности российского общества, при советской власти исчезла, была вытеснена или уничтожена. Этот сюжет ушел на далекую периферию исторической памяти и нынешним поколением воспринимается как совершенно новый.

Это дает уникальную возможность посмотреть на динамику развития феномена, соотношения преемственности и новизны. На наличие или отсутствие генетической связи. Соответственно, для этой работы важна не столько констатация наличия синдрома и выявление уровня его интенсивности, сколько его внутренняя структура, логика, композиция.

На рубеже XIX—XX веков сформировался и сам синдром, и его название — причем сразу как общемировой феномен. Я разделяю мнение Льва Гудкова о том, что возникновение массовых фобий, «появление и выработка символических “врагов” становятся формой партикуляристской реакции на процессы массовизации, вызванные модернизационными изменениями в традиционных обществах». Враг становится необходимым инструментом консолидации возникшего в результате разрушения сословного порядка «принципиально нового социаль-

ного состояния — слабо управляемой плазмы массового ресантимента и возмущения...»¹.

Можно выделить три центра генерирования, распространения и инструментального использования образа «желтой опасности» в конце XIX века. В США массовый приток китайских мигрантов и неизбежные потрясения на рынке труда спровоцировали массовые антииммигрантские настроения, волну бытовой расовой вражды и насилий. Это стимулировало формирование мощного течения в массовой культуре — от карикатурного героя Желтого Малыша (Yellow Kid)² до пережившего весь XX век образа «доктора Фу Манчу» — мистического восточного человека, хитрого, коварного, получившего европейское образование и знания и потому особенно страшного. Фу Манчу стал героем нескольких фильмов³.

«Геополитическую составляющую» интенсивно и целенаправленно разрабатывал и пропагандировал германский император Вильгельм II. По его заказу и замыслу в 1898 году был

¹ Гудков Л. Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социальной интеграции // Образ врага. М.:ОГИ, 2005. С. 17, 19.

² «В 1896 году карикатурист Ричард Фелтон Ауткольт нарисовал персонажа по имени Yellow Kid — «Желтый Малыш». Это был герой комиксов-карикатур — маленький хулиганистый грязнуля в длинном желтом балахончике. Он был лыс, лопоух и беззуб — малолетний ехидный старикашка. Он издевательски щерился. Прадедушка Симпсона и Бивиса с Баттхедом. Наверное, он был одним из первых рисованных героев поп-культуры. Малыш своей желтизной обязан китайско-японской войне 1895 года, впервые озадачившей Запад проблемой японского милитаризма и вызвавшей волну ура-патриотической истерии, которую он и пародировал, — желтые малыши имели недвусмысленно азиатские черты» (Шерман Саша. Желтый мальчик в желтой реке / / InterNet magazine. Number 15. Доступно на: www.gagin.ru/internet/15/index.html. Последнее посещение: 31.01.2005).

³ Western Visions: Fu Manchu and the Yellow Peril // The Illuminated Lantern. Revealing the Heart of Asian Cinema. 2000. Vol. 1. Oct.—Nov. Issue 5. Доступно на: <http://www.illuminatedlantern.com/fumanchu/index.html>. Последнее посещение: 19.08.2002).

создан рисунок, где «группа женщин, изображавших главные европейские нации, с ужасом видят поднимающийся с востока страшный образ Будды, на который указывает им ангел, стоящий на вершине горы с мечом в руке; под рисунком помещены слова: «Народы Европы, защищайте свои самые священные блага». Рисунок был подарен Николаю II с припиской: «Я прошу тебя благосклонно принять набросанный мной для тебя рисунок, представляющий символические фигуры России и Германии, стоящих на страже на берегу Желтого моря для проповеди Евангелия, истины и света на Востоке»¹. Впечатляющие образы глобального военного столкновения «белой» и «желтой» рас вряд ли были оригинальны уже тогда, но Вильгельм II подкреплял их мощью империи.

И, наконец, Россия. Здесь слились оба этих потока — и были усилены соседством империй и ясным осознанием незащищенности восточных окраин. Здесь произошел явный синтез: слился бытовой расизм, геополитические страхи и все это не просто усилилось, но было возведено в степень мистическим ощущением грядущей «войны миров». Соответствующим образом истолкованные сложные философские построения Владимира Соловьева стали для этого теоретическим фундаментом. Дали они и емкую, весьма операциональную метафору — «панмонголизм». При этом — в качестве часто не вычленяемого элемента — присутствовал и анализ рисков от соседства с Китаем — рисков реальных и мифических, актуальных и потенциальных.

В рамках дискурса «желтой опасности», «желтой угрозы», «желтой проблемы» формировался большой спектр представлений и оценок. Их авторы прямо или косвенно спорили, со-

¹ Ремнев А.В. «Крест и меч». Владимир Соловьев и Вильгельм II в контексте российского имперского ориентализма // Европа. Международный альманах. Вып. IV. Тюмень, 2004. С. 56—78; Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894—1914. М.; Пг., 1923. С. 8—10, 42—43, 48. Вильгельм II. Мемуары. События и люди. 1878—1918. М.; Пг., 1923 С.38—39.

глашались, выделяли как основную ту или иную составляющую, но мистический элемент-ощущение грядущей «войны миров» — присутствовал почти везде¹. О ее распространенности, обыденности говорит постоянное присутствие подобного сюжета в таком жанре массовой литературы, как фантастика. «Желтые полчища» предстают там как нерасчлененная, недифференцированная, неиндивидуализированная масса².

Теперь о нынешнем состоянии феномена. Можно ли выделить некую эволюцию в сознании российского общества по отношению к классическому, дореволюционному варианту? Или речь должна идти не о продолжении и развитии традиции, а о формировании новой ксенофобской конструкции под влиянием новой миграционной ситуации?

Хотелось бы сразу оговориться, что автору понятна при этом вся условность и операциональная неопределенность таких категорий, как «общество», «общественное мнение», особенно для России. В любом случае речь идет о попытке реконструировать логику отношения не просто той части населения, которая являлась или является носительницей и генератором изучаемого феномена, но, прежде всего, профессионалов, оставивших нам тексты для подобной попытки. Состояние слабо отрефлектированного массового сознания — предмет особого разговора³.

Реконструкция современного образа чрезвычайно сложна — это куда более трудная задача, чем при анализе аналогич-

¹ Дятлов В. Миграция китайцев и дискуссия о «желтой опасности» в дореволюционной России // Вестник Евразии. 2000. № 1 (8). С. 63—89.

² Подробнее об этом: Кошелев А. Реванш «желтый» // Алфавит. 2000. № 35 (93). Доступно на: <http://www.alphabet.ru/nomer.shtml?action=select&a=82>. Последнее посещение 18.08.2002.

³ Интересный подход к изучению этого аспекта проблемы содержится в статье: Ахметова М. «Желтая угроза» в представлениях современной прицерковной среды // Антропологический форум. Современные тенденции в антропологических исследованиях. 2004. № 1. С. 238—250.

ной дореволюционной ситуации. Прошло слишком мало времени для того, чтобы образ устоялся, «отлился» в определенные формы, чтобы он стал тривиальностью, общим местом, чем-то таким, что не требует дополнительной рефлексии именно в силу своей обыденности и тривиальности.

В дореволюционной России на это ушло несколько десятилетий. Накапливался опыт взаимодействия, вырабатывалось отношение, все это неоднократно проговаривалось, описывалось, формулировалось в газетных и журнальных статьях, путевых заметках путешественников, аналитических работах экспертов, памфлетах публицистов. Важную роль в этом процессе играла общая высокая гуманитарная культура элиты, привитый классической гимназией вкус к нарративу и анализу описываемых явлений, просто умение грамотно выстроить тексты. Погружаясь в тексты дореволюционной эпохи, видишь, как люди того времени много, с удовольствием и умело писали, в том числе и о китайцах.

Принципиальное отличие нынешней ситуации от дореволюционной в том, что еще нет сопоставимого корпуса текстов как базы источников для анализа. Для этого прошло слишком мало времени. Возможно, дело не только в этом: утеряна общая массовая гуманитарная культура, писание текстов стало делом рук только профессионалов. Жанр развернутого спокойного большого письма, путевых заметок, «физиологического очерка» ушел в прошлое. Сейчас нет текстов, хотя бы отдаленно сопоставимых по интеллектуальной мощи и уровню воздействия на формирование общественной атмосферы, со знаменитыми работами В.С. Соловьева «Панмонголизм» и «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории»¹.

При этом дореволюционные тексты по проблеме практически не введены в арсенал современных идеологов, тех, кто

¹ *Соловьев В.* Панмооголизм // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М.: Наука, 1993. С. 223; *Соловьев В.* Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьев В. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 635—762.

закладывает концептуальные основы ксенофобии. Как для массового сознания, так и для публицистов, журналистов, политиков напряженные дискуссии по «желтой проблеме» начала XX века — явление не просто забытое, а как бы не бывшее. Это некая Атлантида, о существовании которой остались в лучшем случае неясные легенды и предания. Проблема осмысливается как совершенно новая, уникальная, а потому реакция на нее отличается почти первозданной свежестью. Именно поэтому переключки и совпадения в оценках людей различных эпох так важны для адекватного понимания темы.

Сравнительно недавно я писал, что «при первом же взгляде на отечественные публикации начала и конца века бросается в глаза их несомненное сходство в жанрах, оценках, подходах и эмоциональной окрашенности. Очень часто можно говорить даже не о сходстве, а о дословных совпадениях и повторях. При этом, если исключить специалистов, современные авторы дореволюционных почти не читают, а то и не подозревают об их существовании»¹. Не отказываясь полностью от этого утверждения, хотел бы, однако, внести в него некоторые коррективы.

Вначале о совпадениях и сходствах. Они действительно впечатляют. Не отвлекаясь на цитирование, просто перечислю некоторые из них. Прежде всего, это мотив миграции как мирной экспансии. Мигранты из Китая рассматриваются как некий передовой отряд, прокладывающий дорогу неисчислимому полчищу соотечественников, организованных единой государственной волей и стремящихся не просто осесть и укрепиться в России, но и, в конечном счете, отторгнуть от нее часть территории. Производные от этого представления о китайском шпионаже, о китайцах как о «пятой колонне». Подозрение в их малой законопослушности, в массовом уклонении от исполнения российских законов, а значит, в подрыве государственности. Уверенность в их абсолютной лояльности ис-

¹ Дятлов В. Указ. соч. С. 63.

торической родине и, соответственно, нелояльности родине новой. Взгляды на мигрантов как на инструмент экономического ограбления России, вообще — элемент экономической деструкции, нечестной конкуренции. Мигранты как угроза социальной и культурной целостности и стабильности, как угроза внутренней безопасности. Совпадают сочетание чувства превосходства с плохо скрытым страхом и комплексом неполноценности. Китайцев не опасались и не опасаются поодиночке, в личном качестве. Страх и отторжение возникают перед ними как массой, группой.

В чем же видны отличия — причем отличия принципиальные? Существенное, хотя и не самое главное из них связано с радикально изменившейся ролью Китая. Если на рубеже XIX—XX веков Китай рассматривался скорее как пространство, а не как реальный носитель державной мощи, то теперь такой взгляд невозможен в принципе. КНР опасаются как соседнюю, быстро растущую сверхдержаву, чья экономическая и военная мощь не может не быть направленной вовне — хотя бы под давлением гигантского и стремительно увеличивающегося населения. Мигранты рассматриваются как абсолютно лояльный и послушный инструмент, щупальце этого государства-гиганта. Это, конечно, является дополнительным и мощным фактором страха.

Главное же отличие я вижу в том, что реально из употребления вышел (или почти вышел) эпитет «желтый», качественно важный для рассматриваемого феномена рубежа XIX—XX веков. И сам термин «желтая опасность» употребляется сейчас больше именно как термин, исторически сложившееся словообразование. Куда более адекватными для характеристики нынешних страхов я бы посчитал слова «китайская экспансия». Они и употребляются все чаще и чаще.

Вряд ли это следствие политкорректности — этот мощный на Западе феномен не получил в России достаточного распространения и уж тем более не стал эффективным инструментом регуляции поведения. Кроме того, самые «политнекорректные»

слова и эпитеты употребляются свободно — и не только в качестве терминов при необходимости. Потребности в эвфемизмах в нашем обществе пока явно не чувствуется.

Скорее можно предположить, что это результат ухода на периферию мощного, возможно преобладающего в конце XIX века расового дискурса при анализе социальных отношений и проблем¹. Расизм, конечно, сохранился, расовые различия фиксируются и реально отражаются на характере человеческих связей и отношений, но массовое представление о непреодолимой пропасти между расами (взгляд на представителей иной расы как на инопланетян) в целом ушло.

Постепенно уходит вместе с этим элемент запредельной, трансцендентной угрозы, «желтые» — как враг с нечеловеческой, *инопланетянской* логикой и мотивацией действий. На этом собственно строилась вся конструкция синдрома «желтой опасности». И на этот фундамент уже надстраивались вполне рациональные оценки рисков и угроз от Китая как государства и китайцев в качестве мигрантов. Нельзя сказать, что этот элемент ушел совсем — но ушла его системообразующая функция. «Желтая опасность» переходит в «китайскую угрозу».

Поэтому перенос центра тяжести с определения «желтый» на определение «китайский» представляется мне важнейшим, качественным сдвигом в структуре рассматриваемого феномена. Объект страхов, «враг» не просто конкретизируется — он рационализируется. Происходит движение от «врага» к «противнику». Дело теперь не только, да и не столько в дифференцированном отношении к «желтым» — вряд ли кто-нибудь

¹ Характерный пример: выдающийся полярный исследователь и общественный деятель Ф. Нансен, человек, чей природный гуманизм реализовался в гигантской по масштабам помощи беженцам и перемещенным лицам после первой мировой войны, помощи голодающим Поволжья, совершенно органично и естественно рассуждает в категориях расовых различий, противостояния и неизбежной битвы на взаимное уничтожение (*Нансен Ф. В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. Пг., 1915*).

сейчас станет рассматривать в качестве единой общности с общими интересами китайцев и японцев только исходя из их расовой принадлежности. Речь может пойти о более глубоких вещах.

И здесь хотелось бы обратиться к сопоставлению трех великих ксенофобий XX века — теории «мирового еврейского заговора» (как вариант — «жидо-масонского заговора»), синдромов «желтой опасности» и «исламской угрозы». Эти комплексы, меняя или дополняя друг друга, выходя в разные периоды и в отдельных обществах на первый план или отступая с него, во многом формировали или структурировали ксенофобскую часть общественного сознания, так или иначе присутствовали как в массовом, обыденном сознании, так и в соответствующих идейно-политических доктринах и пропагандистских материалах. При всей их, на первый взгляд, нестыкуемости (хотя бы потому, что очень уж разные «враги»), есть в них нечто принципиально общее.

При анализе динамики возникновения и распространения этих фобий, их места в массовом сознании, их эволюции, бросается в глаза элемент трансцендентности, запредельности угрозы. Угроза воспринимается не как нечто рациональное или поддающееся рациональному обоснованию и /или объяснению, по крайней мере описанию, а как нечто таинственно-грозное, глобальное, всеобще-вездесущее, мало зависящее от действий, воли и решений отдельных людей. Рок.

«Чужой», представляющий опасность, предстает не в облике конкретного «противника», имеющего совершенно конкретные интересы, несущие в себе угрозу, пусть даже смертельную. Он становится персонификацией «абсолютного зла», воплощением тотальной чужеродности, принципиальной несовместимости. Аналогом Дьявола. С ним невозможно договориться, сторговаться, достичь компромисса. Его логику невозможно понять. Конфликт с ним — это тотальное противостояние, смертельная война до полного уничтожения одной из

сторон. А неконкретность, невидимость «врага» делает сомнительной возможность победы над ним.

По словам Льва Гудкова, «речь идет не о конкретных неприятностях или частных действующих лицах — противнике, оппоненте, социально опасном лице, то есть предсказуемых и понимаемых по своим мотивам действиях. Для того, чтобы этот актор стал «врагом», он должен получить ряд генерализированных характеристик: неопределенность и непредсказуемость, асоциальную силу, не знающую каких-либо нормативных или конвенциальных ограничений. При появлении «врага» не работают или уходят на задний план обычные системы позитивных вознаграждений и стимулов взаимодействия...» От «врага» исходит гроза, смертельная опасность самому существованию группы¹.

Поиски на этом «поле», кстати говоря, приводят иногда к любопытнейшим результатам. Фобии сливаются, порождая единого, всеобщего «врага» вообще. Интересна с этой точки зрения конструкция, в которой «желтая опасность» предстает как порождение или часть «мирового еврейского заговора».

Принято считать — и для этого есть масса серьезных оснований — что хотя в основе существования этих и других этнофобий лежат общие причины (прежде всего потребность в образе врага), что распространены они у сходных или одних и тех же психологических, идеологических и политических типов и групп людей, но сами они не стыкуются, радикально отличаясь по генезису, истории и объекту формирования, сроку существования, мотивации страхов и так далее

Тем не менее и такая попытка была предпринята. Обе фобии сливаются в одну, создавая совершенно запредельную картину «мирового заговора», участниками которого становятся евреи и китайцы (или вообще «желтые»). В некоторых вариантах оба врага вообще сливаются в одно целое — и китайцы

¹ Гудков Л. Указ. соч. С. 12

(или их большинство) оказываются или воплощением еврейства, или еврейством как таковым.

Первый известный мне текст подобного рода принадлежит человеку и политику, представлять которого нет необходимости, — В. Пуришкевичу. В своем послесловии к книге П. Ухтубужского¹ он формулирует тезис о том, что евреи сознательно саботируют борьбу с надвигающейся грозной «желтой опасностью», дабы подорвать мощь России и ввергнуть ее в пучину смуты и революции.

Примерно ту же идею (но совершенно независимо от В. Пуришкевича) проводит уже ближе к нашему времени публицист русского зарубежья В. Криворотов². По его мнению, «желтая опасность» становится в наши дни реальной угрозой нашей родине. Она мостится на огромном протяжении наших азиатских границ у самого ложа больной и едва начавшей выздоравливать России». А евреи, «поджигатели» и «мировые спекулянты» типа А. Амальрика, прогнозировавшего в своей знаменитой книге³ неизбежность советско-китайской войны и краха СССР, Г. Киссинджера, начавшего тогда процесс американо-китайского сближения, «науськивают желтый Китай на белую Россию». И это не частное дело отдельных людей, а реализация плана «еврейского заговора».

И, наконец, общую, глобальную, логически завершенную картину этого «заговора» рисует современный автор Р. Русаков⁴. Китай и сионизм, считает он, — две крупнейших силы

¹ *Ухтубужский П.* Русский народ в Азии. 1) Переселение в Сибирь. 2) Желтая опасность. Издание Русского народного союза Михаила Архангела. СПб., 1913. С. 87—99.

² *Криворотов В.* «Желтая опасность», Амальрик, Киссинджер и Россия // Криворотов В. Некоторые мысли к русской возрожденческой идее. Статьи и письма. Мадрид, 1975. С. 83—95.

³ *Амальрик А.* Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? // Погружение в трясину (Анатомия застоя). М.: Прогресс, 1991. С. 643—683.

⁴ *Русаков Р.* Дыхание драконов (Россия, Китай и евреи). М.: Москвитянин, 1995.

глобального значения. В основе теснейшего еврейско-китайского сотрудничества, в частности против России, лежит не только совпадение интересов, «ярко выраженный торгашеский склад ума и гегемонистские амбиции, присущие этим двум нациям», но и то, что значительная часть китайцев — это на деле евреи. Их там десятки миллионов. Большинство лидеров КПК (в том числе Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай), Сунь Ятсен и так далее — это или скрытые евреи, или мужья евреек. А любое противодействие китайской экспансии в современную Россию встречает ярое противодействие евреев здесь.

Характерно здесь постепенное «взвинчивание ставок», перевод проблемы из плоскости реальных и очень непростых взаимоотношений отдельных государств и народов в сферу в чем-то запредельную, когда враг приобретает черты inferнальные, когда от его всемогущества и всеприсутствия охватывает сладкий ужас. Картина, при которой в мире живут и плетут жуткие интриги и заговоры миллиард двести миллионов евреев, — не слабое испытание для измученного ксенофобией сознания!

И этот крайний, доведенный до абсурда вариант такого сознания, а тем более — трезвый и циничный проект создания идеологической страшилки как инструмента манипулирования и борьбы за умы, при всей своей периферийности, дает большой материал для концептуализации и дальнейшего изучения проблемы возникновения и развития этнофобий.

Сопоставление дореволюционного и современного вариантов показывает, что со временем происходит некая рационализация фобии. Сам переход от модели «желтой» к модели «китайской угрозы» чрезвычайно в этом смысле показателен. Отодвигается далеко в сторону картина столкновения, «войны миров», так типичная для дореволюционной России. Ужас перед цивилизационной катастрофой постепенно уходит из массового сознания, отодвигается в сторону и в трудах идеологов. Остается страх перед экспансионизмом Китая — фактором

реальным или мнимым, но поддающимся рациональному описанию и объяснению.

Резкое ослабление инструментальных возможностей теории «мирового еврейского заговора» к концу XX века дает основание для выдвижения гипотезы о том, что по мере рационализации фобий они теряют свою энергетику, оттесняются на более или менее далекую периферию массового сознания. Другое дело, что освободившееся место немедленно занимает новая фобия, несущая в себе собственный иррациональный заряд. Сейчас это синдром «исламской угрозы», например. Это может свидетельствовать об общественной востребованности подобного конструкта, о том, что общество или значительная часть его нуждается в феномене запредельной угрозы. Нуждаясь — создает его.

Таким образом, два исторически разделенных временем контакта представителей столь разных культур и цивилизаций, как российская и китайская, немедленно вели к формированию в России мощной этнофобии. Возникая во второй раз заново и во многом независимо от исторической предшественницы, современный вариант становился, с одной стороны, ее дословным повторением, но, с другой стороны, несет не очень видимые, но принципиальные отличия.

НАЦИОНАЛИЗМ И ПАРАНАУКА

Понятие «новые интеллектуалы» (или «люмпен-интеллигенция») было введено ведущим французским исследователем политического ислама Оливье Руа для описания интеллектуалов, создающих политические концепции исламизма¹. Мы полагаем, что понятие «новые интеллектуалы», обычно применяемое к миру ислама, можно использовать и для анализа некоторых аспектов русского национализма. В данном случае оно относится к людям, ведущим паранаучную деятельность (написание книг и статей, составление докладов), которая вносит вклад в формирование националистической идеологии. Большинство из них также являются участниками националистических политических движений.

По мнению Руа, новые интеллектуалы отличаются, с одной стороны, от традиционного духовенства (так как не имеют теологического образования и не обладают твердым знанием теологии), а с другой — от университетской профессуры. И у тех и у других есть общее качество — «их социальный статус подтвержден процессами присвоения званий и полномочий, которые отличают их от массы»². Чтобы стать частью духовенства, нужно получить признание со стороны других членов

¹ Roy O. *The Failure of Political Islam*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2001. P. 51

² Ibid. P. 92.

корпорации (а в случае христианского духовенства — получить рукоположение, что еще сложнее). Чтобы получить признание в научном мире, необходим диплом установленного типа, свидетельства о присвоении степеней, место на кафедре университета. Всем этим новые интеллектуалы, как правило, не обладают. У них может даже не быть высшего образования. Они не являются профессиональными учеными или преподавателями в каких-либо официальных учебных заведениях (духовных или светских).

Иногда новые интеллектуалы вообще не имеют высшего образования, в других случаях их образование не имеет отношения ни к гуманитарным, ни к общественным наукам. Оливье Руа указывает, что поскольку новые интеллектуалы не работают в государственных структурах, создавая взамен собственные параллельные институты, «государство не обладает средствами контроля над социальной активностью нового исламистского интеллектуала. Его размышления не соответствуют его социальному положению, он работает не по специальности; его деятельность протекает вне институциональных рамок, если не является полностью тайной. Он действует в удаленных местах (штаб-квартирах, местах поклонения, образовательных центрах) и в пространствах, находящихся вне традиционного общества, которые государство не смогло ресоциализировать (новые городские окраины). Для государства университетский профессор-марксист безопаснее, чем проповедующий, бродячий новый интеллектуал»¹.

На примере исламистов Д. Пайпс указывает на различие между «традиционными» и новыми интеллектуалами как двумя разновидностями образованного класса. Традиционалисты проходят долгий период обучения, усваивая массив информации о религии, в том числе о различных правоведческих, теологических и других спорах. «Напротив, исламистские лидеры скорее получают хорошее образование в области науки, а не

¹ Ibid. P. 95.

ислама; в ранней молодости они сталкиваются с проблемами, к решению которых современное образование не смогло их подготовить, и они поворачиваются к исламу. При этом они игнорируют фактически весь массив исламской учености и интерпретируют Коран так, как им это удобно», — пишет он¹.

Новые интеллектуалы национализма в России, как и во всем мире, отчуждены от установившегося научного сообщества. Большинство имеет высшее образование, но не гуманитарное. Среди них много бывших офицеров армии и флота (в отставке или в резерве). Другую базовую группу можно обозначить как «писатели и журналисты», хотя большинство этих писателей так и не добились известности на основе литературной деятельности (например, Борис Миронов).

Насколько нам известно, пока не проводилось социологических исследований среди участников националистических организаций с целью определить их социальный состав. Однако похоже, что большинство членов таких организаций — профессионалы, имеющие высшее образование (часто — бывшие офицеры). Интересные (и, похоже, достоверные) данные о социальном происхождении членов организации «Славянская община Санкт-Петербурга» можно найти в интервью с ее руководителем Романом Периным. Он утверждает, что 70% членов общины имеют высшее образование, из них 40% — техническое и 30% — гуманитарное; около 5% составляют студенты, 10% пенсионеры и 15% — бывшие кадровые офицеры².

Образование большинства идеологов русского национализма является практически ориентированным и высокоспециализированным (инженер, переводчик, химик, физик, врач и так далее). У некоторых есть ученые степени (по химии, математике и так далее). Свои знания в области религии, философии, политической теории новые националистические

¹ *Pipes D. Islam and Islamism. Faith and Ideology // The National Interest. Spring (2000). P. 91.*

² Беседа с Романом Периным // За русское дело. 2005. № 1.

интеллектуалы приобретают не в университетах, а через самообразование и чтение книг. Поскольку они никогда не учились на гуманитарных факультетах, то не владеют языком официальной науки и общепризнанными исследовательскими методами. В результате, даже аккумулировав огромную информацию, они не способны выразить свои взгляды в формах, принятых сложившимся сообществом ученых.

Большинство новых интеллектуалов никогда не дает ссылок на цитированные источники или делает ссылки без указания страниц. Студенты гуманитарных факультетов учатся оформлять ссылки ещё на первом курсе — эту информацию они получают от преподавателей или же читая научные монографии старших ученых. Новые интеллектуалы извлекают знания из популярной литературы или из первоисточников — классических трудов прошлого, где обычно ссылок не бывает. Например, Владимир Бояринцев (доктор физико-математических наук) в своем исследовании «Русские и нерусские ученые: мифы и реальность»¹ основывает значительную часть выводов на популярной книге «Сто великих ученых» (без сносок) и не подвергает сомнению её достоверность как источника.

Преобладание «технарей» (включая бывших военных) — причина того, что большинство новых националистических интеллектуалов не владеет ни иностранными, ни древними языками, необходимыми для полноценного философского или исторического исследования. Список источников в их работах ограничивается изданиями на русском языке, они не знакомы ни с непереуведенными источниками, ни с альтернативными переводами. Немногие, как Александр Дугин или Наталья Нарочницкая, владеют несколькими иностранными языками (соответственно, девятью и четырьмя). Дугин — самоучка, а Нарочницкая — выпускница МГИМО, то есть получила высо-

¹ *Бояринцев В.* Русские и нерусские ученые: мифы и реальность. М.: Русская правда, 2005.

коспециализированное образование, не являющееся в полном смысле гуманитарным (своего рода техническое образование в сфере перевода и консульской деятельности).

Большинство новых интеллектуалов не представляют себе объема литературы, написанной по предмету, который они берутся изучать. Сталкиваясь с новым для них знанием (например, бывший офицер впервые узнает о существовании апокрифов), они предполагают, что это знание является новым для всех. В результате они с большим трудом приобретают знания, доступные среднему студенту гуманитарной специальности. Например, многие теоретики национализма с энтузиазмом воспринимают идеи теоретика французских «новых правых» Алена де Бенуа, которого считают собственным «открытием», а ведь теории Бенуа (о чем и пишет в данной статье ее автор, выпускница философского факультета МГУ 1994 г.) были известны профессиональным философам еще в конце 1980-х годов и преподавались студентам в ходе различных курсов по современной французской социальной мысли. Разумеется, традиционное философское сообщество воспринимало Бенуа как фигуру маргинальную.

Новые интеллектуалы читают много, но бессистемно. Владимир Шнирельман дает следующее описание их работ: «человек неподготовленный читает массу научной литературы, выхватывает оттуда то, что ему нравится, и создает концепцию, которая ему нравится. Концепция же искажает факты, потому что вырывает их из контекста и придает им совершенно фантастический облик... При этом ссылается на авторитеты: вот профессор такой-то сказал, академик такой-то сказал»¹. Можно добавить, что новые интеллектуалы стараются представить свой интеллектуальный продукт как «научное знание», подчеркивая его «объективность» и методологическую непогрешимость. Они не признают идеологической (или даже мифологической) природы своих трудов. Например, книга «Великая

¹ Расизм в языке социальных наук. СПб.: Алетейя, 2002. С. 149.

гражданская война. 1941—1945», представляющая собой апологию немецкого национал-социализма, издана с подзаголовком «научное издание» (хотя в ней нет научного аппарата, включая сноски). В аннотации говорится: «эта книга является учебно-методическим пособием для учителей истории средних школ, студентов и преподавателей профильных специальностей, а также всех, интересующихся собственной судьбой». Первое издание книги А.Г. Дугина «Конспирология» (1992) аннотировано как имеющее «строго научный, исследовательский характер».

Некоторые традиционные ученые обозначают знание, производимое новыми интеллектуалами как «псевдонауку» или «лженауку», однако не совсем понятно, как отличить лженауку от истинной науки. Мы предпочитаем определять это знание как «паранауку». Ее признаками являются, прежде всего, неразборчивость в отношении источников и ссылки на авторитет или интуицию вместо рациональных доказательств. По своему стилю труды новых националистических интеллектуалов напоминают научные трактаты Средних веков и Возрождения: отсутствие сносок, ссылки на авторитет в качестве доказательства, смешение достоверной и недостоверной информации. Это можно рассматривать как знак архаизации науки, ее возвращения к прошлым формам. Целью таких книг является не критическое исследование, а апологетическое обоснование того, что уже считается абсолютной истиной.

Неразборчивость в источниках приводит к смешению достоверной и недостоверной информации, рационального и иррационального в трудах новых интеллектуалов. Иногда это происходит из-за отсутствия упомянутых выше исследовательских навыков (похоже, некоторые авторы не могут отличить достоверные источники от недостоверных). Однако в большинстве случаев объединение рационального с иррациональным является сознательным приемом.

Например, публичные лекции по так называемой Достаточной общей теории управления (ДОТУ), которые читали в Поли-

техническом музее весной 2005 года представители Концептуальной партии «Единение», включали информацию, которая выглядела достоверной и рациональной: по общей теории систем (открытые и закрытые системы), теории менеджмента (управление по отклонению), общей психологии и т.п. Эта рациональная информация перебивалась полностью иррациональными утверждениями, например о том, что пророчества — информация, поступающая от высшей реальности «уровня эгрегоров вплоть до Бога» (эгрегор — оккультный термин). Иногда лектор включал в поток рациональной информации неожиданные иррациональные вставки: например, показывал аудитории какие-то замысловатые предметы из дерева и объяснял, что они обладают магическими свойствами, после чего вновь возвращался к рациональному изложению. Эти случаи очевидны, но иногда только специалист может отличить достоверную информацию от недостоверной. Люди, которых привлекает выглядящее достоверным и рациональным (а значит — полезным), параллельно подвергаются воздействию иррациональных доктрин.

В целом новые националистические интеллектуалы подбирают источники наугад и группируют их так, чтобы создать желаемое впечатление. Часто одновременно цитируются неравноценные или несравнимые источники, что создает впечатление их равной достоверности. Одним из примеров эклектичного подхода к источникам может служить журнал «Элементы. Евразийское Обозрение», издававшийся А. Дутиным в первой половине 1990-х годов. Здесь под одной обложкой встречаются цитаты из книг уважаемых ученых и фрагменты комиксов, портреты Бисмарка и Лейлы Халед.

Ссылки на авторитет и интуицию вместо обоснованных аргументов проистекают как от непонимания природы научного исследования, так и от стремления подтвердить то, что уже считается абсолютной истиной. Ссылка на авторитет, например, является основной тактикой Евгения Троицкого (доктора философских наук), когда он обосновывает идею славя-

но-православной цивилизации. Автор приводит многочисленные цитаты из различных писателей и философов, которые постулировали существование такой цивилизации (нужно отметить, что Троицкий, будучи членом традиционного сообщества ученых, никогда не забывает о сносках), но не уделяет внимания сравнению их теоретических размышлений с реальностью — как прошлого, так и настоящего.

Некоторые новые интеллектуалы просто утверждают, что интуитивно знают об истинности своих выводов, например Николай Богданов, автор книги «Роль врачей в убийстве царей», в которой настаивает, что многие русские цари были намеренно убиты врачами, принадлежавшими к международному масонству¹. Автор данной статьи имела возможность поговорить с Богдановым во время Книжной выставки-ярмарки в Москве (13 марта 2005 г.). Богданов признал, что «официальные историки» могут потребовать от него привести доказательства масонского заговора, но, по его мнению, в случае заговора доказательств не существует. Он просто знает, что заговор был.

Особая ниша в националистическом интеллектуальном обществе занята С.Г. Кара-Мурзой, которого тоже можно назвать новым интеллектуалом: хотя сейчас его представляют как политолога, он является доктором химических наук и в конце 1980-х был известен научно-популярными статьями по химии. Политические работы он начал публиковать только в конце 1980-х — начале 1990-х. Сергей Кара-Мурза выбрал позицию «традиционного» интеллектуала, деконструирующего либеральную мифологию, господствующую, по его мнению, в сознании постсоветских русских. Одна из ранних статей Кара-Мурзы называлась «Вырвать электроды из нашего мозга».

Пользуясь рационалистическими аргументами, такими как постоянное сравнение различных цифр или указание на логические ошибки, Кара-Мурза деконструирует миф об экономи-

¹ *Богданов Н. Роль врачей в убийстве царей. М.: Русская правда, 2004.*

ческом кризисе в СССР, миф о Столыпине, миф о сталинских репрессиях и другие подобные мифы. Тем самым он создает новые мифы или антимифы в противоположность тому, что называет либеральной мифологией. Однако он твердо придерживается позиции ученого-рационалиста, обнажающего логическую несостоятельность оппонентов. Следует заметить, что Кара-Мурза иногда делает классически оформленные сноски, а иногда ссылается на загадочные источники вроде «сообщений американской прессы», без каких-либо объяснений¹. В общем и целом, идея «деконструкции либеральных мифов» или «дезомбирования» распространена среди новых интеллектуалов. Но Сергей Кара-Мурза — единственный, кто апеллирует не к эмоциям, а к разуму и аналитическим способностям.

Иногда традиционные интеллектуалы (профессионалы-гуманитарии) присоединяются к новым в процессе производства паранаучного знания. В таких случаях стиль их публикаций резко меняется. Например, покойный А.С. Панарин, профессор МГУ, всегда был одним из самых уважаемых политологов России. В начале 1990-х годов именно он на пустом месте создал кафедру политологии на философском факультете МГУ. В то время Панарин был известен исследованиями французского и американского неоконсерватизма. Еще в 1989 году он представил советскому научному сообществу идеи французских новых правых, включая де Бенуа. Разумеется, книги Панарина на эту тему отличались академичным стилем и имели все необходимые признаки научности. Автор статьи, студентка философского факультета МГУ 1989—1994 годов, может утверждать, что в начале 1990-х годов Панарин, если судить по его лекциям, поддерживал идеи либеральной демократии и рыночной экономики (то есть был «атлантистом»). Политическая ориентация Панарина изменилась в конце 1990-х годов, когда он начал обозначать свои взгляды как «позднее евразийство».

¹ *Кара-Мурза С.* Потерянный разум. М.: Алгоритм, 2005. С. 388—389.

К тому времени научная репутация Панарина была настолько твердой, что даже публикация очевидно идеологических работ не могла её поколебать. Однако нельзя не заметить, что поздние книги Панарина приобрели характеристики, типичные для работ новых интеллектуалов — отсутствие сносок и озадачивающее смешение достоверной и недостоверной информации. В книге «Православная цивилизация» он, например, цитирует брошюру «Электронные карточки и печать Антихриста» (перевод с греческого) и приходит к выводу, что «новый естественный отбор либералов глобализма грозит новой бесчеловечностью человечества. Зверем уже сегодня запахло»¹. Брошюра рассматривается как полностью достоверный источник.

В отличие от Панарина, большинство традиционных интеллектуалов, которые осмеливаются порвать с академическими формальностями, обречены на конфликт со своим окружением. Большинство, сохраняющее верность традиционным подходам, не принимает их радикализма (вместо академической взвешенности и умеренности) и политической активности.

«Беженцы» из кругов традиционных ученых принесли в дискурс новых националистических интеллектуалов некоторые черты, присущие поздним советским общественным и гуманитарным наукам. К ним относятся:

1) Постоянные ссылки на «западных ученых», к которым часто прибегают как к последнему доводу. В поздний советский период цитирование западных источников означало, что автор имеет доступ к некоему тайному знанию, потому что такие книги были доступны только тем, кто ездил за границу или же был допущен к работе в спецхранах. Конечно, у националистов список западных авторов радикально изменился. Теперь в него входят упомянутый выше Ален де Бенуа, западные историки-ревизионисты и «отрицатели холокоста», американский

¹ *Панарин А. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. С. 486.*

правый популист Патрик Бьюкеннан (которого представляют как влиятельного политика и всемирно известного политолога), американский экономист-антиглобалист Линдон Ляруш. Националисты с гордостью приглашают на свои мероприятия иностранных гостей и афишируют их присутствие. Идеологическая близость этих гостей, похоже, особой роли не играет.

Среди авторов, которых часто цитируют, можно упомянуть С. Хантингтона, чья идея столкновения цивилизаций играет на руку националистам, выступающим от лица «остальных», сплотившихся против Запада. Парадокс в том, что Хантингтон стал одним из авторитетов, на которых новые интеллектуалы ссылаются при недостатке рациональных аргументов. При обсуждении геополитических проблем они любят цитировать Збигнева Бжезинского и других западных «ястребов», которые подтверждают их худшие подозрения относительно Запада.

2) Сциентизм или использование «чрезмерно научного» стиля, включая диаграммы, графики, техническую терминологию («поле», «обратная связь», «энергетика») и так далее, сопровождаемое постоянными ссылками на научные данные. Лектор из Концептуальной партии «Единение» обычно покрывал всю доску графиками и рисунками, напоминающими самолеты или корабли в разрезе. Как правило, большую часть этих рисунков он в ходе лекции не использовал. Ссылки новых интеллектуалов на «науку» скорее напоминают ссылки на абстрактный авторитет: «современная лингвистика утверждает», «современная медицина доказала», «последние достижения науки свидетельствуют». При этом авторы не указывают, на какие научные источники они опираются. Это естественно, так как «данные» поступают не из оригинальных научных публикаций, а из ссылок на научные исследования в обычных газетах.

Говоря о сциентизме, уместно вспомнить «электрогенератор Тесла» (по имени американского инженера Николы Тесла), который производит бесплатную энергию из «эфира» (электромагнитной субстанции, которая, согласно теориям XIX века, заполняет атмосферу и космическое пространство). Первый

раз упоминание этого устройства встретилось нам в романах православной писательницы Юлии Вознесенской, и мы отнесли его к воображению автора. Но генератор Тесла оказался идеей, распространенной в националистических интеллектуальных кругах. В конечном итоге мы обнаружили брошюру инженера Владимира Ацюковского, где объясняется, как самому сделать генератор Тесла¹. Однако большинство новых интеллектуалов не воспринимает технику настолько серьезно.

3) Использование некоторых понятий, которые были распространены в советских гуманитарных науках, но оставались неизвестными (или маргинальными) на Западе. Из этих понятий самым известным является «ноосфера», введенное геологом и философом Владимиром Вернадским. В последние годы СССР концепция ноосферы стала популярной, так как казалась жизнеспособной альтернативой марксистско-ленинскому видению будущего человечества. Вряд ли новые интеллектуалы, упоминающие «ноосферу», осознают, что эта концепция не считается безусловно научной (даже в России). Напротив, они явно пользуются ей, чтобы придать собственным публикациям более академичный вид. Такие конструкции как «постиндустриальное общество» или «научно-технический прогресс» тоже часто использовались в советской философии, которая, в отличие от западной, была сосредоточена не на семантике и психоанализе, а на проблеме исторического прогресса и роли в нем «науки» (то есть естественных и точных наук).

Разумеется, перечисленные понятия известны и на Западе (собственно говоря, некоторые из них появились на Западе), но там они никогда не были центром философствования и, уж конечно, никогда не рассматривались как что-то придающее академизм и привкус научности любой публикации. Когда, например, Евгений Троицкий пишет, что появление славянской цивилизации обеспечит «наиболее безболезненный переход

¹ *Ацюковский В.* Генератор Тесла: энергия из эфира. Жуковский, 2004.

славянского мира к технологии постиндустриального общества»¹, он выдает свой советский философский багаж. Люди, не имеющие такого багажа и не стремящиеся имитировать советские подходы к философствованию, никогда не пользуются подобными терминами. Более того, журнал «Элементы» обозначил понятие ноосферы как пример «претенциозной банальности псевдомистического интеллигентско-инженерного советского сознания 1970-х — 1980-х годов»². (Сказано жёстко, но метко).

4) Иногда новые интеллектуалы используют марксистско-ленинские концепции и терминологию. Скорее всего, они делают это бессознательно. Как все студенты неидеологических специальностей в СССР (инженеры, филологи, врачи и так далее), они обязаны были изучать диалектический материализм и научный коммунизм — для большинства это был первый опыт столкновения с философскими дисциплинами. Не удивительно, что, например, лидер Национально-державной партии России Александр Севастьянов (выпускник филологического факультета МГУ) пишет, что «потусторонний мир, и душа, и Бог — вполне материальны, ибо объективны, реальны и даны нам в ощущениях»³. Автор, скорее всего, не заметил скрытой цитаты из крупнейшей философской работы Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (материя — объективная реальность, данная нам в ощущениях). Само употребление слова «объективный» в смысле «независимый от человека» — характеристика марксизма-ленинизма, которую едва ли можно найти где-либо ещё. И вновь люди, которые марксизм-ленинизм никогда не изучали, скорее всего, не станут неосознанно цитировать Ленина.

¹ *Троицкий Е.* Концепция русско-славянской цивилизации // Русско-славянская цивилизация: исторические истоки, современные геополитические проблемы, перспективы славянской взаимности / Сост. Е. Троицкий. М., 1998. С. 27.

² «Monstruositas» // *Элементы*. 1993. № 4. С. 64.

³ НДПР — партия русского народа // *Национальная газета*, 2005.

Между новыми и традиционными интеллектуалами существуют глубокие противоречия. Обычно традиционные интеллектуалы игнорируют работы «новых». Столкновение возникает, когда новые интеллектуалы пытаются проникнуть в ряды корпорации традиционных интеллектуалов, не имея соответствующего документального подтверждения своей квалификации: диплома о высшем гуманитарном образовании, кандидатской степени и так далее. Именно так поступил А.Г. Дугин, защитивший в 2000 году диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук на тему «Эволюция парадигмальных оснований науки (Философско-методологический анализ)» в Ростовском государственном университете. Дугин, в отличие от большинства новых националистических интеллектуалов, всегда был обеспокоен тем, что у него нет ни высшего образования, ни признания со стороны традиционных ученых.

Отношение «традиционных» интеллектуалов к новым отражено в статье доктора философских наук Б.Л. Режабека, посвященной не столько взглядам, сколько биографии Дугина (похоже, позаимствованной с сайта Компромат.ру). Основная претензия к Дугину и другим «новым интеллектуалам» не в том, что они выражают странные или антинаучные идеи. В конце концов, многие люди, обладающие вполне законными высшими образованиями и учеными степенями, иной раз высказывают куда более странные вещи. Однако, чтобы высказываться по проблемам философии, религии или политики, необходимо получить одобрение соответствующей корпорации. Иначе стремление войти в научный истеблишмент вызывает у «традиционных» интеллектуалов раздражение и насмешки: «...он, не довольствуясь местом гностического геополитика, решил войти в научное сообщество в качестве кандидата философских наук...»¹. В статье Режабека сделан намек,

¹ *Режабек Б.* Ноосфера или Арктогея? // Вестник Российского философского общества. 2001. № 3. С. 79.

что диплом о высшем образовании Дугин «пробрел» (надо понимать, незаконно). В 2004 году Дугин в том же Ростовском госуниверситете защитил докторскую диссертацию по политическим наукам. Однако научное сообщество в России продолжает игнорировать его, рассматривая скорее как объект изучения, чем как коллегу.

В отличие от Дугина, большинство новых интеллектуалов не стремится любой ценой получить признание научного сообщества. Они просто не верят в то, что опыт и специальное образование необходимы для того, чтобы осуществить историческое, философское или теологическое исследование. Например, Валерий Дёмин написал книгу «От ариев к русичам», которая охватывает тысячелетия мировой истории, за один год (1996—1997). Когда профессиональный историк Виктор Шнирельман опубликовал рецензию на его работу, где указал, что автор не владеет методами исторического анализа, Демин ответил, что, по его мнению, труд историка сродни труду полководца. Поэтому, будучи подполковником запаса, он владеет всеми необходимыми методами¹. Такая позиция более характерна для новых интеллектуалов.

Тем не менее все они стараются придать себе академическую респектабельность. Например, 20 февраля 2005 года НДПР сняла для своей конференции «Геноцид русского народа в 20—21 веке», которая была заявлена как первая научная конференция на эту тему, актовый зал Института философии РАН. В результате событие отразилось в прессе как проводившееся «в Институте философии» (если не «Институтом философии»). Интересно, что ни один представитель администрации до сих пор не признался, что именно он сдал актовый зал для этой конференции, получившей печальную известность. Концептуальная партия «Единение» тоже не случайно аренду-

¹ Демин В. Ответ на рецензию моей книги «От Ариев к Русичам» В. Шнирельмана (2003) <http://www.ruspravda.org/news/otvet.htm> (1 марта 2005).

ет для своих лекций зал Политехнического музея, известный лекциями о последних открытиях в естественных науках и ассоциирующийся с высоким уровнем научной достоверности.

Не все традиционные интеллектуалы относятся к «новым» с такой враждебностью, как Б. Режабек. Однако между двумя группами все равно возникает непонимание. Традиционные интеллектуалы пытаются подходить к «новым» с позиций, принятых в научном сообществе, и находят много оснований для критики. Новые интеллектуалы часто вырывают из контекста идеи, принадлежащие «классикам» той или иной науки; они свободно добавляют к «классическим» идеям свои собственные, чего традиционные интеллектуалы буквально не могут стерпеть. Еще большую критику провоцирует свободная интерпретация текстов сакрального характера. Возможно, положительная роль «новых интеллектуалов» заключается в том, чтобы помочь «традиционным» преодолеть догматическое восприятие текстов. В любом случае многие люди принимают паранаучные работы на веру, и уже поэтому традиционному научному сообществу нельзя отмахиваться от них. Эти труды заслуживают подробного анализа и разбора со стороны профессиональных гуманитариев.

II

«Национальная политика» и русский национализм: противоречивые отношения

Александра Бахтурина

«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС»
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Изучение истории российской этнополитики в последние годы стало одной из весьма актуальных тем отечественной исторической науки. В 1990-х годах изучение Российской империи как полиэтнического государства стало более интенсивным.

Авторы работ начала 1990-х годов чаще всего оперировали понятиями «нация», «национальность», «национальная политика». Но вскоре, во-первых, активная замена понятия «нация» понятием «этнос» внесла коррективы в использование сочетания «национальная политика». Во-вторых, у современных российских исследователей возникли определенные сомнения относительно того, существовала ли в Российской империи «национальная политика» как самостоятельное направление во внутренней политике государства. По этому поводу были высказаны различные мнения. Так, Ю.И. Семенов в этой связи заметил, что в центре правительственной политики на окраинах были не этносы и не нации, а регионы и организация управления, поэтому политика на окраинах была, прежде всего, региональной и управленческой. Но при этом Ю.И. Семенов отмечает, что, по его мнению, полностью отказаться от термина «национальная политика» невозможно, поскольку необходимо терминологически разграничить «управленческую политику власти по отношению к регионам с нерусским населением от ее же управленческой политики по

отношению к русским областям»¹. Многие авторы используют термин «национальная политика» без дополнительных комментариев².

Необходимость в устойчивом термине, несмотря на разногласия, остается очевидной. Это обстоятельство побудило специалистов использовать терминологию, применявшуюся до 1917 года, а именно: «национальный вопрос» или «инородческий вопрос». Е. Воробьева в своей статье проанализировала содержание термина «инородцы» и его развитие в Российской империи (2001). Она отметила, что первоначально так обозначались группы кочевых или полукочевых восточных народов. Постепенно термин стал трактоваться более широко и в итоге применялся ко всем нерусским народам империи. В основу этой классификации был положен этнический принцип. Воробьева также отмечает, что для дифференциации нерусского населения использовались понятия культурные и некультурные инородцы. Для культурных разрабатывались политика сближения, а в отношении же народов, находящихся на низкой степени развития, предполагалась их ассимиляция³.

Е. Воробьева также отметила, что в периодической печати (преимущественно консервативного направления) начиная с 60-х годов XIX века последовательно обсуждают еврейский, польский, мусульманский, финляндский, остзейский и другие «вопросы». В результате к началу XX века, «несмотря на специфику отдельных вопросов, было выработано также понятие об инородческом вопросе как общей проблеме сближения ино-

¹ Национальная политика в императорской России. Поздние первобытные и предклассовые общества севера Европейской России, Сибири и русской Америки. М., 1998. С. 31—32.

² См. например: Национальный вопрос в Государственных Думах России: опыт законотворчества. М., 1999. С. 7.

³ *Кэмпбелл Е.И. (Воробьева). «Единая и неделимая Россия» и «инородческий вопрос» в имперской идеологии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 209.*

родцев с русскими. Оценка правительственными кругами степени важности того или иного инородческого вопроса зависела главным образом от того, насколько среди инородцев были развиты национальные идеи, поскольку именно они считались властями наиболее опасными для единства государства¹. Автор пришла к выводу о том, что по замыслу властей средством решения инородческих вопросов должна была стать политика сближения. Имея определенную специфику по отношению к различным инородцам, эта политика фактически заключалась в сочетании ограничительных мер с мероприятиями, направленными на распространение русских учреждений, русской культуры и русского образования. Хронология постановки, география инородческих вопросов, развитие обсуждения этих вопросов и участие в нем правительства в Российской империи конца XIX — начала XX века показывают, как власть смотрела на империю и как формулировала и строила политику в отношении нерусских подданных империи. Таким образом, «национальный» или «инородческий вопрос», по мнению Е. Воробьевой, в Российской империи означал политику в отношении нерусских подданных. Она не представляла собой целостного политического курса и строилась в зависимости от степени развития антиправительственных настроений в среде отдельных этносов.

Следует отметить, что политика самодержавия в отношении нерусских этносов включала политику в отношении национальных окраин, на которых были в большей или меньшей степени локализованы отдельные этносы. Поэтому в российской историографии 1990-х годов изучение «национального вопроса» вобрало в себя историю политики самодержавия в отношении нерусских этносов и историю национальных окраин. Наряду с этим национальный вопрос в политике самодержавия изучается в рамках других тем. Наиболее присталь-

¹ Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 213—214.

ное внимание российских ученых вызывают такие вопросы, как роль этнополитического фактора в распаде Российской империи, организация управления обширной территорией государства с учетом этнических особенностей, политика самодержавия в отношении «инородцев» и окраин.

Одновременно, начиная с середины 1990-х, российскими исследователями был предпринят целый ряд попыток дать целостную картину решения национального вопроса в Российской империи¹. Специфика Российской империи, где этноконфессиональная политика на окраинах находилась в непосредственной связи с административно-правовыми и внешнеполитическими задачами, обусловила то, что написание обобщающих работ по названной теме стало довольно сложным.

¹ *Железкин В.Г.* Национально-государственное устройство России в XVIII — начале XX в. // Архивы Урала. Екатеринбург, 1996. № 1; *Национальная политика... История и современность.* М., 1997; *Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления / Отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов; Русское население национальных окраин России XVII—XX вв. / Отв. ред. В.В. Трепавлов.* М., 2000; *Никонов А.В.* Национальный фактор в социально-экономическом развитии регионов в границах отечественной государственности (90-е гг. XIX — 20-е гг. XX в.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1995; *Никулин А.И.* Национальная политика России: История и современность. М., 1993; *Родионов А.И.* Децентрализм в истории развития Российской государственности: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1996; *Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия / Отв. ред. В.В. Трепавлов.* М., 2003; *Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений.* М., 1999; *Овчинникова Б.Б., Главацкая Е.М., Редли Д.А.* Обзор основных тенденций в управлении национальными территориями в Российской империи XVIII—XIX вв. // Архивы Урала. Екатеринбург. 1996. № 1; *Семерин В.* Центр и окраины (Как складывалось национально-государственное устройство России // Народный депутат. 1990. № 15; *Сенцов А.А.* Национально-государственное устройство России накануне Октября 1917 г. // Советское государство и право. 1990. № 11; *Чепелкин М.А., Дьяконова Н.М.* Исторический очерк формирования государственных границ Российской империи (2-я половина XVII — начало XX в.). М., 1992.

Первый значительный шаг в этом направлении был сделан В.С. Дякиным. В своей статье, посвященной решению национального вопроса в Российской империи конца XIX — начала XX века, он рассмотрел основные этапы его истории. Говоря о способах решения национального вопроса, он выделил два основных направления — официально-охранительное и «имперско-либеральное»¹, то есть отметил сочетание в этнополитике империи консервативного курса и частичных уступок требованиям отдельных этносов. К сожалению, В.С. Дякин не успел закончить начатое исследование.

Следующей попыткой стала книга «Национальная политика России: история и современность» (1997). В разделе, посвященном Российской империи, авторы рассмотрели как политику в отношении отдельных этносов, так и политику в отношении окраин, имевших самостоятельный административный статус. Значительное внимание уделено истории управления окраинами, планам общественно-политических кругов по изменению административно-территориального устройства страны в начале XX века. Рассмотренные исследования являются наиболее значимыми среди обобщающих работ российских ученых 1990-х годов.

Вопрос о роли национального вопроса в распаде Российской империи одним из первых затронул В.С. Дякин (1996). Он считал, что «при наличии определенной степени зрелости этносов, включенных в состав многонациональных империй, удержание их в одном государстве возможно только при помощи силы. Как только империя высказывает отсутствие такой силы, она разваливается»². Он также выделил факторы распада империй, к которым относятся, во-первых, компактное проживание этноса, во-вторых — достижение им определенной степени зрелости или наличие собственной государственной традиции и развитой культуры. Последние подталкивают этнос к автономии, а затем — и к государственной независимости.

¹ Вопросы истории. 1996. № 11/12. С. 52.

² Вопросы истории. 1996. № 11/12.

сти.

Помимо историков к этнополитическим проблемам России в различные периоды ее развития вплоть до современности обращаются политологи, юристы, экономисты, специалисты в области этнологии. Важные наблюдения в изучении факторов распада полиэтнического государства сделаны М.Н. Губогло, Ю.И. Семеновым, В.А. Тишковым.

Роль национальных проблем в развитии Российской империи ряд специалистов рассматривает в контексте вопросов о межэтнических конфликтах на территории Российской империи. В рамках изучения межэтнических противоречий в Российской империи и СССР исследователи пытаются ответить, во-первых, на вопрос о влиянии межнациональных противоречий на устойчивость полиэтнического государства и, во-вторых, проанализировать поведение власти в межэтнических конфликтах.

В статье Л.С. Гатаговой (2000) на примере Большого Кавказа автор выделяет следующие причины возникновения этнических противоречий: географические (ограниченность территории), суровые природно-климатические условия, этнические (избыток этносов на одной территории), конфессиональные (слишком близкое соседство христианства и ислама) и ряд других. Интересно также наблюдение Л.С. Гатаговой об этнических конфликтах на Кавказе как способе преодоления внутриэтнической дробности¹.

Подробная характеристика особенностей и содержания этнических конфликтов в истории России была дана российскими участниками VI Международного конгресса Центрально- и Восточноевропейских исследований, состоявшегося летом 2000 года в Финляндии. Л.С. Гатагова, анализируя эпоху Александра II, пришла к выводу, что для России пореформенного периода были характерны «протоконфликты», которые

¹ *Гатагова Л.С.* Кавказ после Кавказской войны: этноконфликтный аспект // Россия и Кавказ сквозь два столетия. М., 2001. С. 49, 52.

отличались стихийностью, слабой связью с внешними событиями, архаичным характером мотиваций, неучастием элит, политической неангажированностью¹. В докладе В.П. Булдакова было отмечено, что изучение «этнических конфликтов по горизонтали» имеет существенное значение для определения природы революционного кризиса Российской империи в 1917 году. «Характер этнических конфликтов позволяет утверждать, что кризис империи носил системно-традиционалистский, а не чисто политический или идеологический характер»². В коллективной монографии в разделе, посвященном межэтническим конфликтам, Л.С. Гагагова поставила задачу рассмотреть конфликт типа этнос — этнос на материале российской истории XVIII — начала XX веков³. Но в настоящий момент рассматриваются конфликтные ситуации между русскими и «иностранцами». При этом противоречия между другими этносами практически не изучаются. В этой связи весьма перспективным представляется изучение роли государственной власти в урегулировании противоречий во взаимоотношениях нерусских этносов.

К вопросу о роли этнического фактора в развитии России в последние годы обращаются не только историки, но и политологи и этнологи. В первой половине 1990-х годов многие из них пришли к выводу, что характер, развитие и формы выражения и разрешения межнациональных конфликтов в России и СССР не дают основания утверждать, что существовала осознанная социокультурная несовместимость людей с

¹ Гагагова Л. Межэтнические отношения и протоконфликты в эпоху Александра II // VI World Congress for central and East European studies. 29 July — 3 August. 2000. Tampere. Finland. P. 127.

² Булдаков В.П. Кризис империи и динамика межэтнических конфликтов в России (1917—1918 гг.) // VI World Congress for central and East European studies. 29 July — 3 August. 2000. Tampere. Finland. P. 75.

³ Гагагова Л.С. Межэтнические конфликты // Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия. М., 2003. С. 213—264.

различной этнической и языковой принадлежностью в России и СНГ¹. В.А. Тишков в «Этнографии чеченской войны» (2001) в число причин, вызывающих межэтнические противоречия, включил взаимодействие элит в полиэтнических обществах, «ибо элиты, а не массы склонны и способны вызывать вражду... Согласие и сотрудничество элит и есть тот самый “мир между народами”»². Необходимо также обратить внимание на вывод Тишкова о значении для нивелирования этнических движений привлечения к власти местной элиты. «Инкорпорация в высшую бюрократию ослабляет и даже может элиминировать этническую ориентацию, а некоторые представители этносов могут намеренно в целях демонстрации личной лояльности и укрепления выступать за жесткую государственность»³. В статье М.Н. Губогло «В лабиринтах этнической мобилизации» (2000) подведены некоторые итоги исследовательского проекта «Национальные движения в СССР

¹ Губогло М.Н. Опыт и уроки суверенизации (На материалах Башкортостана и Татарстана) // Отечественная история. 1995. № 2. С. 50—51; *Его же*. Этнополитическая ситуация в Казахстане в представлениях его граждан // Казахстан: реалии и перспективы независимого развития. М., 1995. С. 281—286; Тишков В.А. Амбиции лидеров и надменность силы. Заметки о чеченском кризисе // Свободная мысль. 1995. № 1. С. 19.

² Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 635.

³ Тишков В.А. Концептуальная эволюция национальной политики в России // Россия в XX в. Проблемы национальных отношений. М., 1999. С. 49.

⁴ В рамках проекта под руководством М.Н. Губогло опубликовано 99 монографий и сборников документов, в том числе: Губогло М.Н. Развивающийся электорат России. Этнополитический ракурс. Т. 1—2. М., 1995—1996; Федерализм власти и власть федерализма / Отв. ред. М.Н. Губогло. М., 1997; Суверенный Татарстан. Документы и материалы. Хроника. Т. 1—3. М., 1998; Хроника жизни национальностей накануне распада СССР. 1989 год. М., 1997; Калмыкия — этнополитическая панорама. Т. 1—2. М., 1995—1996; Амелин В.В., Торукало В.П. Оренбуржье в этнополитическом измерении. Т. 1—2. М., 1996; Лежава Г.П. Между Грузией и Россией. М., 1998, и др.

и в постсоветском пространстве»⁴. Говоря о причинах распада полиэтнического государства, он отметил, что в России начала XX века произошло «разбалансирование идентичностей», что, в сочетании с другими объективными факторами, привело к распаду Османской империи и поставило на грань развала Российскую¹.

Анализируя развитие российского федерализма, многие экономисты отмечают, что специфика взаимоотношений субъектов и общенационального центра связана не столько с национально-этническим или чисто политическими аспектами, сколько с нескрываемыми экономическими интересами. В результате влияние этнического компонента на развитие полиэтнического государства признается незначительным².

Важное место в изучении истории национального вопроса в Российской империи занимает проблема взаимодействия «центра» с «окраинами». Одним из наиболее дискуссионных является вопрос о том, можно ли проводить аналогии между окраинами Российской империи и колониями западноевропейских государств и, соответственно, насколько правомерной может считаться оценка политики России на окраинах как «колониальной». Исследователи оказались перед необходимостью ответа на вопрос о том, рассматривать ли нерусское население Российской империи в качестве жителей колоний или необходимы другие критерии оценки. Данная проблема нашла отра-

¹ Отечественная история. 2000. № 3. С. 122.

² *Валентей С.Д.* Федерализм: российская история и российская реальность. М., 1998. С. 83; *Лексин В.Н., Швецов А.Н.* Государство и регионы: Теория и практика государственного регулирования территориального развития.

³ *Ахмеджанов Г.А.* Российская империя в Центральной Азии (История и историография колониальной политики в Туркестане). Ташкент, 1995; *Вишневский А.Г.* Серп и рубль. М., 1998; Казань, Москва, Петербург: Российская империя под взглядом из разных углов. М., 1997; *Цимбаев Н.И.* Опасная мечта (Евразийство: за и против, вчера и сегодня. Материалы «круглого стола») // Вопросы Философии. 1995. № 6. С. 17; *Федотов Г.* Судьба империй // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. М., 1993, и др.

жение как в научных исследованиях, так и в публицистике³. В ряде работ предпринимались попытки сравнить политику России в отношении окраин с политикой западноевропейских колониальных держав и делался, например, вывод о том, что Российская империя была «великой колониальной державой», которая несла основы цивилизации народам Урала, Сибири, Средней Азии и Закавказья¹. А.Г. Вишневский (1998) в этой связи отметил, что «русский колониализм» постепенно готовил восточные окраины к «модернизации и развитию». При этом он подчеркнул, что влияние Российской империи на западные окраины было иным, т.к. последние не нуждались в российском посредничестве для восприятия западных ценностей².

Наряду со сторонниками концепции российского колониализма, оценивающими взаимоотношения с окраинами как отношения колонии и метрополии, в постсоветской историографии высказываются иные мнения. В пользу утверждения о том, что Россия не была колониальной державой и ее политика в отношении «иностранцев» существенно отличалась от политики колониальных империй Запада, А.Н. Боханов (1995 г.), например, отмечал, что в Российской империи самодержавие рассматривало вновь присоединяемые территории как естественное продолжение России, распространяя на них законодательство и права населения империи³. Ряд специалистов (В.И. Уколова, А.Филиппов и другие) отмечали наличие в Российской империи практики интегрирования местных элит в центральную власть, что придавало империи стабильность и усиливало связь окраин с центром⁴. Авторы предисловия к

¹ Цимбаев Н.И. Опасная мечта (Евразийство: за и против, вчера и сегодня. Материалы «круглого стола») // Вопросы Философии. 1995. № 6. С. 17; Федотов Г. Судьба империй // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. М., 1993. С. 337.

² Вишневский А.Г. Серп и рубль. М., 1998. С. 280.

³ Родина. 1995. № 7. С. 21.

⁴ Родина. 1994. № 6. С. 27, 28—29; Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 108.

сборнику «Казань, Москва, Петербург: Российская империя под взглядом из разных углов» (1997) в этой связи отметили, что в России XIX — начала XX веков «понятия “нации” и “империи” оказались нераздельно взаимосвязанными». Эта взаимосвязь обеспечила то, что нерусские народы не противопоставлялись русскому как народы колоний народу метрополии, но «инкорпорировались» в состав русского государства. Процесс культурного, языкового и религиозного включения нерусских народов в империю, по их мнению, имел двойные последствия: с одной стороны, стимулировал политику русификации, «проводившуюся с тем большей бесцеремонностью, что все народы империи символически как бы уже были приобщены к русскому государству», с другой — давал возможность «развития местной национальной культуры, национальных административных и религиозных институтов»¹. Также рядом авторов было высказано мнение о том, что в законодательстве Российской империи практически отсутствовали ограничения по этническому признаку, за исключением ограничений для евреев и поляков², поэтому в «России не было национального угнетения, не было господствующей нации»³.

Наряду с вопросом о «колонизаторской» и «цивилизационной» роли Российской империи в отношении окраин национальный вопрос в России рассматривается сквозь призму проблемы «русификации».

К концу XIX века в рамках историографии либерального направления появился термин «русификация». Его употребление носило преимущественно политизированный характер. Авторы, употреблявшие понятие «русификация», трактовали его в самом разнообразном смысле и использовали преимуще-

¹ Казань, Москва, Петербург: Российская империя под взглядом из разных углов. М., 1997. С. 17.

² Национальная политика... История и современность. М., 1997. С. 174.

³ Национальная политика... История и современность. М., 1997

ственно для негативных оценок российской национальной политики¹. С середины 30-х годов использование этого понятия надолго прекратилось под влиянием утвердившейся в историографии концепции «наименьшего зла».

В зарубежной исторической науке понятие «русификация» было ключевым для характеристики и описания российской и советской национальной политики вплоть до конца 70-х годов.

С начала 1990-х как под влиянием зарубежных исследований, так и в связи со стремлением к опровержению историографических оценок предшествующего периода понятие «русификации» стало вновь активно использоваться в отечественной историографии. В 1994 году Л.И. Семенникова в качестве основных составляющих национальной политики России выделила «русификацию, задержку развития национальной культуры, усредненности, стирание самобытных различий и так далее», следствием чего, по ее мнению, на территории Российской империи стала долговременная стабильность. Не ставя своей задачей оценивать правомочность данного вывода, отметим, что использование понятия «русификация» в работе Л.И. Семенниковой для отечественной историографии конца 1980-х — начала 1990-х было и новшеством, и шагом назад. С одной стороны, эта терминология была повторением выводов советской историографии 1920-х — начала 1930-х годов. С другой, признание за российской национальной политикой «русификаторского» подхода было шагом вперед, поскольку с конца 1930-х вплоть до середины 1980-х годов в отечественной исторической науке превалировали историографические оценки сталинского периода, основанные на концепции А. Шестакова. Важным является также то обстоятельство, что в отечественной исторической науке первой половины 90-х годов использование термина «русификация» независимо от положительного или отрицательного контекста практически

¹ Корнилов АА. Курс русской истории России XIX века. М., 1993. С. 355.

никак не пояснялось. Преимущественно под понятием «русификация» в отечественных работах подразумевалась государственная политика, направленная на культурную и языковую ассимиляцию народов Российской империи.

Во второй половине 1990-х годов российскими исследователями были востребованы положения Э. Тадена о структурировании понятия «русификация»¹. А.И. Миллер в качестве теоретической основы своей монографии «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.)² использовал наблюдения Э. Хобсбаума об использовании идей единства нации в качестве нового способа поддержания государственной стабильности в конце XIX в.: «...Идея “нации” стала новой религией государств»³. Хобсбаум ввел понятие «государственный национализм», под которым подразумевал государственную политику, направленную на укрепление национального патриотизма и формирование «однородной массы граждан, гомогенизированной... в лингвистическом и административном отношении»⁴. Таким образом, Э. Хобсбаум констатировал появление во второй половине XIX века государственной политики языковой и административной ассимиляции населения как средства укрепления государства.

Основываясь на этих выводах, А.И. Миллер рассмотрел попытки проведения ассимиляторской политики самодержавия в малороссийских губерниях. Деятельность российских властей была проанализирована А.И. Миллером в сравнительно-историческом контексте. Он рассмотрел аналогичную политику во Франции, Британии и Испании. В итоге он пришел к

¹ *Андреева Н.С.* Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999.

² *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000.

³ *Хобсбаум Э.* Век империи. 1875—1914. Ростов н/Д.: Феникс. 1999. С. 219.

⁴ Там же. С. 221.

выводу о закономерности ассимиляторской политики на определенном этапе развития государств-империй. «В рамках государственного национализма государство стремится минимизировать внутреннюю этническую разнородность». Для этого оно активно утверждает единый язык «высокой культуры, администрации и образования, а также общенациональной идентичности, которая могла подавлять региональные отличия, а могла и терпеть их, но лишь как подчиненные»¹. Таким образом, А.И. Миллер вернулся к господствовавшему в российской историографии конца XIX в. понятию государственной ассимиляции. Ассимиляционная политика государства предстает в работе Миллера не как зловещая «русификация», а как закономерность в развитии полиэтнического государства конца XIX — начала XX века, направленная на достижение государственной стабильности.

В итоге в последние годы значительная часть исследователей приходит к выводу о том, что в российской этнополитике доминировал не русификаторский курс, а вполне закономерное стремление к укреплению административно-территориальной целостности государства. Формируется новый взгляд на имперское прошлое России. «Русификация» превращается в политику ассимиляции, направленную на обретение государственной властью независимости от этнополитических элит путем отказа от признания их автономности и самоценности, обеспечение условий для развития государственного целого. Следует отметить, что использование теоретических положений ряда зарубежных историков о процессах государственной ассимиляции, дифференцированной трактовке понятия «русификация» является процессом осознанным, далеким от политизации. Привлечение архивных документов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот в монографиях Л.Е. Горизонтова, А.И. Миллера, статьях С.М. Исхакова и других

¹ Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 27.

убеждает многих российских историков в необходимости отказаться от однозначных оценок взаимоотношений центра и окраин Российской империи.

Варианты решения «национального вопроса» и изменения статуса окраин в составе Российской империи, предлагавшиеся кадетами, октябристами, националистами, эсерами, социал-демократами в начале XX в., подробно рассматриваются в монографиях и статьях Ю.В. Анисина, В.В. Шелохаева, Д.А. Коцюбинского и других авторов¹. В монографии Ю.В. Анисина анализируются межпартийные отношения и тактика социал-демократов, эсеров в «национальном вопросе»². Либеральный вариант решения «национального вопроса» в России подробно изучен В.В. Шелохаевым³. По его мнению, конкретные действия и политическая позиция либералов практически на всех этапах не совпадали с их теоретическими и программными установками. Д.А. Коцюбинский рассмотрел взгляды российских националистов на перспективы развития Российской империи и статус окраин⁴. В целом все авторы приходят к выводу о том, что практически все политические партии в Российской империи, за исключением крайне левых, придерживались лозунга сохранения «единой и неделимой России», допуская, в зависимости от политической конъюнктуры, расширение культурно-языковых и административных прав от-

¹ *Брейяр С.* Партия кадетов и украинский вопрос (1905—1917 гг.) / Исследования по истории Украины и Белоруссии. Вып. 1. М., 1995. С. 89—110; *Копосова Н.В.* Дискуссия о национально-государственном строительстве России в конце XIX — начале XX в. // Проблемы отечественной истории. М., 1999. Вып. 5. Сб. статей. С. 62—83, и др.

² *Анисин Ю.В.* Национальные проблемы России в программах и тактике партий революционно-демократического лагеря. М., 1991.

³ *Шелохаев В.В.* Национальный вопрос в России: либеральный вариант решения // Кентавр. 1993. № 2; *Секиринский С.В., Шелохаев В.В.* Либерализм в России. Очерки истории (середина XIX — начало XX в.) М., 1995.

⁴ *Коцюбинский Д.А.* Русский национализм в начале XX столетия. М., 2001.

дельных окраин.

Через анализ административно-правового статуса национальных окраин многие исследователи делают выводы о способах решения национального вопроса в Российской империи в целом. Весьма активно в 1990-х годах российскими исследователями изучалась история управления, а также история деятельности административно-полицейских органов на отдельных окраинах¹. Значительное внимание исследователей в

¹ *Васильев Д.В.* Организация и функционирование главного управления в Туркестанском генерал-губернаторстве (1865—1884 гг.) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1999. № 3; *Геворкьян Д.П.* Система управления в Дагестане и ее особенности (60-е гг. XIX — начало XX в.) // Труды молодых ученых Дагестанского государственного университета. Махачкала, 1996. Вып. 2; *Он же.* Создание и деятельность российской администрации в Дагестане (1860—1917): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1999; *Геворкьян Д.П.* Создание и деятельность российской администрации в Дагестане (1860—1917): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1999; *Он же.* Учреждение российского управления в Дагестане («военно-народная система») // Вестник Дагестанского государственного университета. Махачкала, 1997; *Он же.* Учреждение российского управления в Дагестане // Научная мысль Кавказа. 1998. № 3; *Наврузов С.* Путешественники и ученые об административном устройстве Хивинского ханства XIX — начала XX века // Общественные науки в Узбекистане. Ташкент, 1991. № 10; *Сенин А.С.* «Требует большого искусства и осмотрительности...» (Из истории управления национальными окраинами Российской империи) // Этнополитический вестник, 96. М., 1996; *Сооданбеков С.* Административно-политическое управление в дореволюционном Кыргызстане // Философские и юридические чтения: Ин-ту философии и права 25 лет. Право. Бишкек, 1991; *Правилова Е.А.* Местное и центральное управление в России: проблема правового регулирования отношений // Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX в.). М., 1997; *Суходалов А.П.* Управление и административно-территориальное деление в дореволюционной Сибири // Иркутская область в панораме веков. Иркутск, 1997; *Тимошевская А.Д.* Особенности организации полиции в национальных регионах Российского государства (XIX — начало XX в.): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998; *Ярмыш А.Н.* Карательные органы царизма на Украине в конце XIX — начале XX в. Харьков, 1990, и др.

последние годы привлекают вопросы управления Сибирью (Ремнев А.В., Конев А.Ю., Матханова Н.П. и другие), Кавказом (Гатагова Л.С., Лежава Г.П., Геворкьян Д.П.) и другими российскими регионами. Большинство авторов система административного управления признается достаточно эффективной, адаптированной к потребностям «инородческого» населения, обеспечивавшей стабильность Российской империи в течение долгого времени.

В 1990-х годах активно изучалось положение отдельных этносов в составе Российской империи. Значительным вниманием пользуется история немцев и евреев, проживавших на территории Российской империи, которым посвящены многочисленные статьи, публикации документов, коллективные исследования¹. Особое место занимает ряд статей в журнале «Отечественная история». Значительный интерес представляют тематические номера журнала «Родина», посвященные положению отдельных этносов в составе Российской империи².

¹ Миграционные процессы среди российских немцев. Исторический аспект. М., 1997; *Рябченко С.А.* Погромы 1915 г. Три дня из жизни неизвестной Москвы. М., 2000; Немцы России и СССР. 1900—1941. М., 2000; Немцы России на рубеже веков. История, современное положение, перспективы: Материалы научно-практической конференции. Оренбург. 2000; Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. М., 1999; Немцы в России: Петербургские немцы. СПб., 1999; Немецкий российский этнос: вехи истории: Материалы научной конференции. М., 1994; Российские немцы на Дону, Кавказе, Волге. М., 1995; Российские немцы: Проблемы истории, языка и современного положения: Материалы международной научной конференции. Анапа. 20—25 сентября 1995 г. М., 1996; *Соболев И.Г.* Крестьянский поземельный банк и борьба с «немецким засильем» в аграрной сфере (1915—1917 гг.) // Вестник С.-Петербургского государственного университета. Сер. 2. История. 1992. Вып. 3. С. 24—29; Евреи в России. Историографические очерки. 2-я половина XIX века — XX век. М., 1994; Евреи в Российской империи XVIII—XIX вв. Сб. трудов еврейских историков. М., 1995. *Кандель Ф.* Очерки времен и событий. Из истории российских евреев. М., 1994, и др.

² *Гатагова Л.* Хроника бесчинств. Немецкие погромы в Москве в 1915 году // Родина. 2002. № 10. С. 18—23; *Горяева Т.* Убить немца //

В контексте проблемы истории отдельных этнических групп, проживавших на территории Российской империи, в отечественной исторической науке на современном этапе стали изучаться вопросы политики перемещения населения (насильственные депортации по этническому признаку и история беженцев)¹. С.Г. Нелипович в ряде статей (1996—2000) рассмотрел этническую политику российских властей на театре военных действий Северо-Западного и Юго-Западного фронтов в годы Первой мировой войны. Следует отметить, что статьи Нелиповича основаны на отдельных документах из фондов РГВИА. В них отсутствует полноценная статистика депортаций мирного населения по этническому признаку, поэтому представленные выводы о деятельности военных властей отличаются крайней резкостью суждений. С начала 1990-х годов среди разнообразного спектра «инородческих» вопросов определенное место стали отводить «русскому вопросу». Попыткам исследовать положение русских в составе Российской империи и СССР по многом способствует утверждение взгляда на русскую историю как историю многонационального государства. В 1993 году А.С. Барсенков, А.И. Вдовин и В.А. Корецкий опубликовали монографию «Русский вопрос в национальной политике. XX век». Эта небольшая книга стала первой в ряду исследовательских работ, посвященных проблемам русского населения на территории СССР и частично — Российской империи.

В коллективном труде А.И. Вдовина, В.Ю. Зорина и А.В. Никонова (1998) на конкретно-историческом материале авторы рассматривают «русский вопрос» в национальной политике

Родина. 2002. № 10. С. 41—46; *Вашикау Н.* Без вины виноватые. Российские немцы на спецпоселении и в трудовом лагере // Родина. 2002. № 10. С. 99—104.

¹ *Нелипович С.Г.* Генерал от инфантерии Н.Н.Янушкевич: «Немецкую пакасть уволить и без нежностей»; Депортации в России. 1914—1918 гг. // Военно-исторический журнал. 1997. № 1. С. 42—51; *Он же.* Население... // Военно-исторический журнал. 2000. № 2. С. 60—69.

Российской империи начала XX века, СССР и современной Российской Федерации. В целом «русский вопрос» как самостоятельная тема применительно к истории Российской империи почти не изучается. Основное внимание названных авторов и других специалистов обращено на положение русских после 1917 года.

Все же большинство исследователей, занимающихся историей национального вопроса в Российской империи, в своих работах стремятся к комплексному изучению политики в отношении этносов и национальных окраин¹.

В монографии Л.Е. Горизонтова «Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX — начало XX века)» (1999) предпринята попытка через изучение польского вопроса в национальной политике России «осмыслить Россию как империю». Автор пришел к заключению, что ее развитие «в очень существенной степени зависело от взаимодействия центра и окраин». Одним из аспектов этого взаимодействия со стороны центра стала попытка самодержавия усилить русскую диаспору в польских губерниях. Мероприятиям в этой области и реакции на них со стороны поляков в основном и посвящена монография Л.Е. Горизонтова. Он рассмотрел значение «этнографического воздействия» со стороны правительства на население окраины. Л. Горизонтов пришел к выводу, что правительственная политика, направленная на укрепление в Польше государствообразующего этноса, привела к созданию там русского общества в миниатюре, которое унаследовало политические, социальные и экономические проблемы российских губерний².

С 1991 года вплоть до настоящего времени начинает более

¹ *Конец А.Ю.* Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII — начало XX в.). М., 1995; *Он же.* Административные реформы у аборигенов Тобольского Севера на рубеже XIX—XX вв. // Тобольский исторический сборник. Тобольск, 1994

² *Горизонтов Л.Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX — начало XX в.). М., 1999. С. 217.

активно рассматриваться история Великого княжества Финляндского конца XIX — начала XX веков. Среди имеющихся исследований в основном преобладают статьи¹. В 1992 г. была опубликована работа И.М. Соломеща, посвященная истории российской политики в Финляндии в 1914—1917 годы². Но, к сожалению, данная работа в большей своей части является повторением выводов финского историка П. Лунтинена, представленных в монографии, посвященной деятельности А.Ф. Зейна³. Следует отметить, что в современной российской историографии Великого княжества Финляндского преобладает тенденция к изучению истории Финляндии как самостоятельного государства. Поэтому российская политика в отношении Княжества рассматривается преимущественно с точки зрения ее влияния на положение Финляндии. Фактически история Финляндии XIX — начала XX века оказывается вне истории Российской империи. В результате вопросы о причинах мероприятий, инициированных в отношении Финляндии российской стороной, рассматриваются вне истории революционного движения, внешней политики, организации обороны государства. Исключением являются работы А. Кана⁴ и И.Н. Новиковой. В своей статье И.Н. Новикова (1997) поставила перед собой задачу показать историю Финляндии в контексте рос-

¹ Дубровская Е.Ю. Шведское общество и мировая война (по материалам 1914—1917 гг. в делах русских военных властей в Финляндии) // Скандинавские чтения 1998 г.: этнографические и культурно-исторические аспекты. Материалы 2-го международного симпозиума. 13—16 октября 1998 г. СПб.: Наука. С. 216—226.

² Соломещ И.М. Финляндская политика царизма в годы Первой мировой войны. Петрозаводск. 1992. См. также: Соломещ И.М. Русско-финляндские отношения в годы Первой мировой войны (Современная историография вопроса). Петрозаводск, 1988.

³ См.: *Luntinenn P. F. A. Seinn. 1862—1918. A political Bioography of a Tzarist Imperialist as Administrator of Finland.* Hels., 1985.

⁴ Кан А. Шведские левые социалисты и Февральская революция в России // Проблемы всемирной истории: Сборник статей в честь А.А. Фурсенко. СПб., 2000. С. 206—215.

сийской имперской политики¹. Также она частично затронула вопросы о связи внешней политики Российской империи и политики в Финляндии². Ей удалось показать влияние прогерманской ориентации части финских общественно-политических деятелей на развитие антиправительственного движения в Финляндии в годы Первой мировой войны. История Прибалтийских губерний конца XIX — начала XX века рассматривается в работах Н.С. Андреевой, Э.П. Федосовой³.

Крупным самостоятельным направлением современной историографии окраин Российской империи являются исследования по истории Сибири и Дальнего Востока⁴. В отличие от

¹ Новикова И.Н. Великое княжество Финляндское в имперской политике России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX в.). М., 1997.

² Новикова И.Н. Германия и проблемы финляндской независимости. 1914—1918 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997.

³ Андреева Н.С., Федосова Э.П. Культурно-национальное возрождение народов Прибалтики в контексте российской национальной политики (вторая половина XIX — начало XX в.) // История народов России в исследованиях и документах. М., 2004. С. 73—106.

⁴ Конев А.Ю., Рабцевич В.В., Ремнев А.В. Итоги и проблемы изучения административной политики самодержавия в Сибири (XVII — начало XX в.) // Культурное наследие Азиатской России. Материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса (25—27 ноября 1997 г.). Тобольск, 1997; Ремнев А.В. Административно-территориальное устройство сибирского региона (теоретические проблемы) // Вестник Омского университета. Омск, 1996. Спец. вып. 3.; Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь в конце XIX — начале XX века: проблемы регионального управления // Отечественная история. 1994. № 2; Он же. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX в.). М., 1997; Он же. К вопросу о периодизации административной политики самодержавия в Сибири XIX — начала XX в. // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI — XX века. Материалы четвертой региональной научной конференции. Новосибирск, 1999; Он же. Проблемы дальневосточного управления накануне и в начале Первой российской революции // Революция 1905—1907 годов и общественное дви-

других окраин Российской империи этнические факторы там не являлись доминирующими, поэтому в рамках изучения истории Сибири и Дальнего Востока были высказаны мнения о том, что в истории окраин Российской империи необходимо основное внимание уделять изучению структур и методов управления имперской периферией, понимая ее как некую территорию, где сосуществуют (не обязательно в состоянии конфликта) различные религиозные и этнические группы. Эта позиция во многом повторяет взгляды немецкого ученого А. Каппелера. Развитие этого направления ряд российских и зарубежных историков (А. Каппелер, А. Ремнев и др.) считают наиболее перспективным, так как путем изучения отдельных регионов станет возможным реконструировать в целом основные принципы и методы региональной политики Российской империи на всей территории страны¹.

Таким образом, историки стали рассматривать влияние национального вопроса на внутри- и внешнеполитические

жение в Сибири и на Дальнем Востоке. Омск, 1995; *Он же*. Проблемы управления Дальним Востоком России в 1880-е гг. // Исторический ежегодник. Омск, 1996; *Он же*. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX — начала XX века. Омск, 1997; *Он же*. Управление Сибирью и Дальним Востоком в XIX — начале XX в. (Учебное пособие). Омск, 1991; *Он же*. Охотско-Камчатский край и Сахалин в планах российского самодержавия (конец XIX — начало XX в.) // Проблемы социально-экономического развития и общественной жизни Сибири (XIX — начало XX в.). Омск, 1994.

¹ Подробнее об этом см.: *Каппелер А.* «Россия — многонациональная империя»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // *Ab Imperio*. 2000. № 1. С. 9—22; *Ремнев А.* Региональные параметры имперской «географии власти» // Там же. № 3/4. С. 343—358; *Ремнев АВ, Савельев ПИ.* Актуальные проблемы изучения региональных процессов в имперской России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX в.). М., 1997; *Ремнев АВ.* Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX в.). М., 1997.

процессы¹. В целом в числе факторов, приведших к распаду Российской империи, большинство авторов выделяют разрушение космополитизма национальных элит и стремление этносов к созданию или возрождению национальной государственности, но практически все российские историки отмечают, что эти факторы не являются единственной причиной распада империи и революции 1917 года. Специалисты в области современной истории и этнополитики также склоняются к мысли о том, что этнические проблемы не являются доминирующими в развитии государства. При этом большинство российских авторов считают, что политика самодержавия в отношении отдельных этносов вплоть до конца XIX в. была весьма продуманной, основывалась на сохранении этноконфессиональных особенностей и местной специфики в организации управления.

Несколько иначе выглядит политика Российской империи в решении национального вопроса в отношении нерусских этносов в работах историков субъектов Российской Федерации, стран СНГ и государств Балтии, авторы которых нередко становятся жертвой политических амбиций. Огромный массив научной и популярной исторической литературы², активные попытки создания «национальных историй» привели к тому, что во второй половине 1990-х годов эти работы стали объек-

¹ См. например: История внешней политики России. Конец XVII — начало XX в. М., 1997. С. 12.

² См. например: Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары. 1999; *Тагиров И.Р.* Очерки из истории Татарстана и татарского народа (XX век). Казань. 1999; *Кульшарипов М.М.* Башкирское национальное движение (1917—1920 гг.) Уфа, 2000; *Он же.* Историческая демография башкирского народа // История Башкортостана по материалам всероссийских и всесоюзных переписей населения в XVI—XX вв. Уфа, 1999; *Касимов С.Ф.* Автономия Башкортостана: становление национальной государственности башкирского народа (1917—1925 гг.). Уфа, 1997; *Хаким Р.* История татар и Татарстана. Казань, 1999; *Юнусова А.Б.* Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999.

том самостоятельных историографических исследований¹. Л.С. Гагагова выделила наиболее характерные черты, присущие региональным историческим исследованиям 1990-х годов, — использование их национальными элитами республик в качестве влиятельного фактора воздействия на массовое сознание, безапелляционность и негативные оценки прошлого. «Суждения о жесткой экспансионистской политике, колониальном гнете, ассимиляции, русификации, христианизации и геноциде» заслоняют или крайне искажают реальную, гораздо более неоднозначную картину. Она отмечает развитие этноцентризма в исторических работах по истории Кавказа. С.М. Исхаков, рассматривая написание истории народов Поволжья и Урала, также отметил, что особым вниманием историков Башкортостана, Татарстана пользуются вопросы происхождения и исторического развития татар, башкир, удмуртов, история вхождения их в состав России. С.М. Исхаков отметил наличие разных мнений по этим вопросам среди татарских и башкирских историков.

В последние годы башкирская историография развивается весьма активно. Одной из основных тем в изучении истории Башкортостана в республике является в настоящий момент описание исторического опыта национальной государственности. В «Истории Башкортостана» (1997) подчеркивается, что наличие этого опыта доказывается фактом возникновения в 1917 году национального движения и провозглашения автономной республики, поскольку «совершенно очевидно, что народ, не обладавший историческими традициями государственности, не смог бы совершить подобный ответственный исторический шаг»². Эта тема продолжает развиваться в башкирской историографии до настоящего времени. При этом авторы, работающие в данном направлении, не скрывают по-

¹ Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. Г. Бордюгова и К. Аймермахера. М.: АИРО XX, 1999.

² История Башкортостана (1917—1990-е годы). Уфа, 1997. С. 7.

литического подтекста своих исследований. М.М. Кульшарипов в своей работе «Башкирское национальное движение (1917—1920 гг.)» (2000) подчеркивает, что это «исследование представляет интерес для обоснования закономерности возникновения движения за суверенные права Республики Башкортостан¹. Аналогичные задачи обоснования собственной государственности ставят перед собой историки Татарстана. «Любая государственность, — подчеркивает Р. Хаким, директор Института истории Национальной академии наук Республики Татарстан, — нуждается в своем историческом обосновании и черпает духовный потенциал в традициях. Татарстан, став самостоятельным, перестал зависеть от московской точки зрения и начал вырабатывать собственные взгляды на историю»².

В ряде работ по истории Эстонии и Латвии присутствует негативный образ российской политики с конца XIX века. Деятельность российского самодержавия по ограничению немецкого влияния в крае трактуется как русификация латышей и эстонцев, разрушение системы национального образования, а период с 1940 года именуется временем «советской оккупации»³.

В 1990-х годах изучение Российской империи как многонационального государства стало более интенсивным. При этом исследователи столкнулись с проблемой, которая наложила отпечаток на большинство работ этого времени, — отсутствием в Российской империи единой этнополитики. Изучение

¹ *Кульшарипов М.М.* Башкирское национальное движение (1917—1920 гг.) Уфа, 2000; См. также: *Кульшарипов М.М.* Историческая демография башкирского народа // История Башкортостана по материалам всероссийских и всесоюзных переписей населения в XVI—XX вв. Уфа, 1999; *Касимов С.Ф.* Автономия Башкортостана: становление национальной государственности башкирского народа (1917—1925 гг.). Уфа, 1997.

² *Хаким Р.* История татар и Татарстана. Казань, 1999. С. 2—3.

³ История Эстонии. Т. 2. Таллинн, 1996. С. 15, 95.

отдельных регионов, ранее преобладавшее в историографии, до определенной степени сглаживало эту проблему. Переход же к комплексным исследованиям показал все разнообразие действий самодержавия в отношении отдельных народов и окраинных территорий, особенно во второй половине XIX — начале XX века.

Имеющиеся отечественные исследования подчеркивают, что значительную часть правительственной политики на окраинах составляли административно-правовые мероприятия. Нередко их рассматривают как проявление русификации. Поэтому в настоящий момент в изучении истории национального вопроса в Российской империи назрела настоятельная необходимость провести границу между политикой русификации и деятельностью правительства по рационализации системы государственного управления, вычленив собственно русификаторские мероприятия и меры по укреплению единого административно-правового пространства империи. В этой связи особое значение приобретает вопрос о геополитической роли окраин Российской империи. Изучение их места во внешней политике, в решении задач обороны государства позволит сделать более объективные выводы об «окраинной» политике Российской империи.

НАЦИОНАЛИЗМ И «НАЦИОНАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА» РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ:
1991—2006

На идеологическом поле в современной России присутствуют два национализма: гегемонистский (русский) и периферийный (нерусский)¹. Главный упрек первого по адресу власти состоит в том, что она недостаточно русская, тогда как главный упрек второго — в том, что она, эта власть, слишком русская. И русские, и нерусские националисты требуют от власти радикального пересмотра ее «национальной политики». Первые ожидают конкретных шагов по созданию национального (в этническом смысле) государства. Вторые, напротив, призывают власти не забывать о «многонациональном» характере российской государственности и именно в забвении этого обстоятельства усматривают коренной порок сегодняшней «национальной политики».

Что отвечает на это власть? Какую «национальную политику» она проводит?

Выражение «национальная политика» приходится закавычивать, поскольку его содержание неясно. В частности, под «национальной политикой» в России принято понимать:

(1) регулирование взаимоотношений федерального центра и субъектов федерации, образованных по «национальному»

¹ От вопроса, насколько влиятельны эти течения, мы здесь отвлекаемся.

(этническому) признаку — так называемыми национально-территориальными объединениями;

(2) поддержку аборигенных народов;

(3) поощрение лингвистического и культурного разнообразия (развитие образования на языке меньшинств, поддержка общественных организаций, нацеленных на удовлетворение этнокультурных потребностей граждан и так далее);

(4) защиту граждан от дискриминации по этническому или религиозному признаку;

(5) поддержание связей с выходцами из России (гражданами и негражданами), проживающими за ее пределами («поддержка соотечественников»)¹;

(6) регулирование миграции².

Таким образом, мы не можем заменить выражение «национальная политика» на более определенное — например такое, как «этническая политика» или «политика в этнокультурной сфере». Такая замена повлекла бы за собой ущерб для многозначности словосочетания, устоявшегося в российском публичном дискурсе.

Каковы основные особенности, характерные для действий российской власти в интересующей нас сфере? Уместно выделить две группы таких особенностей и, соответственно, два аспекта проблематики. Первый носит *эпистемологический* характер и связан со спецификой политического мышления российских элит. Второй имеет *практико-политический* характер и обусловлен (меняющимися диспозициями на политическом поле).

¹ Сюда включаются как бывшие граждане СССР, оказавшиеся после его распада за границей, так и потомки эмигрантов, покинувших страну после революции 1917 года.

² В силу характерной для российского публичного дискурса тенденции к этнизации социальных проблем, миграция (коль скоро она ведет к изменению этнического состава населения) также воспринимается как составная часть «национальной политики».

Эпистемологический аспект «национальной политики»

Концептуальный эклектизм

Практически все программные заявления и законодательные акты, связанные с регулированием в интересующей нас сфере, несут на себе отпечаток двух плохо совместимых друг с другом политических философий — *демократической*, основанной на абстракции национального политического тела (нации как совокупности граждан), и *националистической*, основанной на представлении о нации как этнокультурном теле.

Строго говоря, данное противоречие заложено уже в Конституции. В тексте Основного закона, с одной стороны, присутствует понятие «народа» в политическом смысле термина — как гражданского сообщества, а с другой — этническое понятие народа, его понимание как сообщества происхождения¹.

Данная коллизия дала знать о себе еще до принятия Конституции. В частности, в Постановлении правительства от 5 июня 1992 года, которым был учрежден новый орган власти (Государственный комитет РФ по национальной политике), задачи этого органа формулировались как в гражданско-демократических, так и в этнонационалистических терминах. В постановлении говорилось, что учреждаемый Комитет

«осуществляет свою деятельность на всей территории России с учетом особенностей и в интересах каждого народа, каждой этнической группы в целях обеспечения прав и свобод человека и гражданина независимо от национальной принадлежности и территории проживания, достижения и укреп-

¹ Ср. статью 3, пункт 3 и статью 82, в которых авторы Конституции пользуются политической концепцией нации (народа), со статьями 9, пункт 1 и 68, пункт 3, где слово «народы» употребляется в этническом значении.

ления межнационального согласия, доверия и взаимопонимания, содействия в решении вопросов социально-экономического, политического и культурного развития и сотрудничества народов».

Авторов этого документа, по-видимому, нисколько не смущало, что они провозглашали своей целью защищать интересы народов независимо от национальной принадлежности входящих в них индивидов.

Не менее эклектичным был и другой основополагающий документ — «Концепция государственной национальной политики», подписанный президентом Борисом Ельциным в июне 1996 года. С одной стороны, в этом тексте немало однозначных указаний на то, что российское государство ориентировано на благополучие гражданской нации. В качестве принципов государственной национальной политики декларируются:

«равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от его расы, национальности, языка, отношения к религии, принадлежности к социальным группам и общественным объединениям»;

«запрещение любых форм ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности», а также «право каждого гражданина определять и указывать свою национальную принадлежность без всякого принуждения»¹.

С другой стороны, данный текст содержит целый ряд формулировок, позаимствованных из этноцентричного дискурса: «стремление народов к самоопределению» (при том, что выход из российской федерации Конституцией запрещается), «объединяющая роль русского народа», «этнические россияне» и так далее.

¹ Это положение опять-таки излишне, поскольку фактически буквально повторяет текст Конституции.

В Части I Концепции имеется пассаж, который уместно процитировать полностью:

«Наряду с достижениями в развитии и сотрудничестве народов, которые имелись в советский период, проводился курс на унификацию, заложивший основу нынешних противоречий».

Тем самым молчаливо предполагается, что мероприятия государства по формированию культурной однородности управляемой территории недопустимы и государство должно строиться по иной модели — взаимодействия автономных национально-культурных единиц. Как иначе следует понимать положительную оценку «сотрудничества народов» и осуждение «унификации»?

Примечательно в Концепции и выражение «этнические россияне»¹. Авторы текста не могли позволить себе выражения «этнические русские», поскольку среди 25 млн. бывших советских граждан, оказавшихся после декабря 1991 года за границей, было много этнических нерусских. Слово «россияне» использовано здесь в качестве обозначения выходцев из России, а определение «этнические» — для подчеркивания особого типа культурной лояльности. В дальнейшем это выражение будет заменено термином «соотечественники» (употребляемым, впрочем, и в тексте «Концепции»). Однако содержание данного термина также осталось неопределенным. Он употребляется как для обозначения граждан России, проживающих за рубежом, так и для обозначения всех проживающих за границей этнических русских, независимо от их гражданства. Во втором случае речь может идти, опять же, как о бывших советских гражданах, оказавшихся за пределами РФ после распада СССР, так и о потомках эмигрантов, проживающих в Европе и Северной Америке. В тексте «Концепции» сказано буквально:

¹ Оно встречается дважды в Части VI настоящего документа.

«защита прав и интересов граждан Российской Федерации за ее пределами, поддержка соотечественников, проживающих в зарубежных странах, в сохранении и развитии родного языка, культуры и национальных традиций, в укреплении их связей с Родиной в соответствии с нормами международного права»¹.

Эклектическое сочетание этноцентричного мышления с демократической риторикой стало фирменным знаком официального дискурса. Для иллюстрации приведу высказывание одного из высших чиновников. Это Вячеслав Михайлов, долгое время возглавлявший ведомство, курировавшее интересующую нас сферу. (Он был главой Миннаца в 1995—1998 годах, а также с мая 1999 по январь 2000 года.) «Что такое национальная политика? Если говорить коротко, это искусство соединения национальных интересов. А таковые имеет каждый народ. Поэтому задача национальной политики государства состоит в том, чтобы максимально гармонизировать эти интересы <...>. Думается, что именно полнокровный федерализм является оптимальной моделью развития государственности в России. Но федерализм с учетом особенностей нашей многонациональной державы, ее территории, доминирования русской нации»².

В том же 1996 году был принят другой документ — Федеральный закон «О национально-культурной автономии». По сравнению с «Концепцией» текст данного документа выигрывает в том отношении, что его авторы не отсылают к « народам » и « этническим общностям » как к обладателям прав. Вместо этого разработчики Закона ведут речь о правах « граждан, относящих себя к определенным этническим общностям ». То обстоятельство, что в тексте Закона граждане не « принадлежат » к той или иной этнической группе, а *относят себя* к ней, нельзя не приветствовать.

¹ Не внесло ясности в терминологию и принятие в 1999 году федерального закона «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом».

² См.: Национальная политика России. История и современность. М.: Русский мир, 1997. С. 3—4.

Разработчики закона об НКА были склонны считать своей заслугой проведение мысли об экстерриториальном характере этой автономии — то есть о разрыве связи между этничностью и территорией. Однако разрыв этот не был сколько-нибудь последовательным.

Так, в статье 5-й Части 6-й Закона говорится об этнических общностях, имеющих «соответствующую республику или автономный округ, автономную область». За этой формулировкой стоит то же допущение, что и за характерным для российского публичного дискурса определением национальных меньшинств как сообществ, не имеющих «своих» национально-территориальных образований¹. Это допущение, согласно которому существует связь между этническими группами и субъектами федерации (а стало быть, и с институтами власти в этих субъектах).

О концептуальной рыхлости Закона говорит и содержащаяся в нем дефиниция НКА как «формы национально-культурного самоопределения». Самоопределения кого? На этот вопрос текст Закона не отвечает. Авторы явно не решились использовать здесь термин «народы», хотя он и напрашивается, учитывая контекст словоупотребления, сложившегося за многие десятилетия. Вместо «народов» они ведут речь о «гражданах». Но в тексте закона содержится недвусмысленное указание на то, что граждане вольны сами решать вопрос о том, к каким общностям им себя относить (и относить ли вообще). Зачем тогда понадобилось нагруженное многими коннотациями слово «самоопределение»? По-видимому, прав А. Осипов, выдвигая гипотезу, что законодатели стремились подчеркнуть разницу между культурной автономией и территориальным самоопределением. Вводя в дефиницию НКА термин «самоопределе-

¹ См.: *Malakhov V., Osipov A. The Category of «Minorities» in the Russian Federation: Reflection on Uses and Misuses // International Obligations and National Debates: Minorities around the Baltic Sea / Editor-in-Chief Sia Spiliopoulou Akermark. Marienhamn, Åland, Finland: Ålands Islands Peace Research Institute, 2006. P. 497—544.*

ние», они хотели заострить внимание на том, что, хотя НКА и являются формой «самоопределения», касается оно только культурной сферы и притязаний на обладание территорией не предполагает.

Декларативность

Политика, о которой идет речь, существует больше в плоскости риторики, чем в плоскости обязывающих решений. Начнем с «Концепции...». Она явно решала преимущественно символические задачи. Данный документ не получил конкретизации в законах, которые перевели бы его из разряда политических деклараций в разряд правовых обязательств. Это понятно, поскольку большая часть тех сфер общественной жизни, которые подлежали регулированию в рамках «Концепции», уже регулировались российским законодательством. Так, удовлетворение запросов граждан, связанных с их этнокультурной идентичностью, было предметом рассмотрения в Федеральном законе «О языках народов Российской Федерации», в «Основах законодательства РФ о культуре» и в законе «Об образовании». Запрет на дискриминацию граждан по этническому признаку предусмотрен Уголовным кодексом¹, а защита народов, ведущих традиционный образ жизни, находится в ведении федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов» (1999)².

¹ Статья 136 Уголовного кодекса РФ предусматривает уголовную ответственность за действия, ограничивающие права и свободы граждан на основании их половой, этнической, языковой и так далее принадлежности, а статья 218 — уголовную ответственность за разжигание расовой, национальной или религиозной вражды.

² Данный закон предусматривает, среди прочего, возможность квотирования депутатских мест в представительных органах власти на уровне соответствующего субъекта федерации и на муниципальном уровне. Предоставление таких квот регулируется избирательными за-

Казалось бы, шаг в сторону практико-политической конкретики был сделан с принятием федерального закона «О национально-культурной автономии». Однако и он в большей мере относится к сфере символической, чем инструментальной политики. Во-первых, значительная часть положений, содержащихся в этом законе, уже содержится в перечисленных выше законодательных актах, а также в федеральном законе «Об общественных объединениях». Во-вторых, закон не предусматривал четких мер по его реализации — ни объемов финансирования, ни ответственности чиновников за невыполнение содержащихся в нем положений.

То же самое можно сказать и о законе «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (1999). Закон критиковали за расплывчатость формулировок уже в пору его принятия, а прошедшие годы подтвердили, что власть, по крайней мере на федеральном уровне, не готова предпринимать конкретные действия ни по правовой или социально-экономической помощи русскоязычным жителям бывших советских республик, ни по поощрению их иммиграции в Россию. Более того, принятый в 2002 году закон «О гражданстве РФ» усложнил процедуру получения российского гражданства выходцами из России, оказавшимися после декабря 1991 года за ее пределами.

Практико-политический аспект: позиции политических акторов, определяющих повестку дня в «национальной политике».

конодательствами субъектов федерации. В частности, этническое квотирование для представителей коренных малочисленных народов предусматривается избирательными законами Ненецкого, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. См. об этом подробнее: *Оситов А.Г.* Национально-культурная автономия: Идеи, решения, институты. СПб.: Центр независимых социологических исследований, 2004. С. 430.

Исполнительная власть

Не подлежит сомнению, что доминирующим (если не сказать — монопольным) игроком на российском политическом поле выступает исполнительная власть. Конституция 1993 года наделила президента «царскими» полномочиями, сделав тем самым второстепенной роль законодательной власти. После административной реформы, проведенной В.В. Путиным, концентрация власти в руках президентской администрации и контролируемого ею правительства еще более усилилась. В этой связи весьма симптоматичной выглядит судьба правительственной структуры, на которую в течение 11 лет возлагалась ответственность за проведение «национальной политики».

Данная структура возникла в начале 1992 года и называлась «Государственный комитет по национальной политике» (как в СССР). В марте 1993 года она получила название «Госкомитет по делам федерации и национальностей»¹. В январе 1994 года — в результате слияния Госкомнаца с Госкомитетом по социально-экономическому развитию Севера — было образовано Министерство по делам национальностей и региональной политике. В марте 1996 года оно вновь было переименовано и стало называться Министерством по делам национальностей и федеративным отношениям. В течение следующих пяти лет оно меняет название еще четырежды. Сначала — на Министерство региональной и национальной политики, затем — на Министерство национальной политики (Рамазан Абдулатипов

¹ Это переименование следует вменить в заслугу В.А. Тишкову, первому главе данного ведомства, к тому времени, впрочем, уже уволенному. Академический работник по специальности, В.А. Тишков сумел убедить высшее руководство в том, что термин «национальная политика» означает «государственная». См.: *Тишков В.А.* Концептуальная эволюция национальной политики в России // *Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений* / Отв. ред. А.Н. Сахаров и В.А. Михайлов. М.: Наука, 1997. С. 31—54.

получил тогда скромную должность «министр национальной политики»; при этом он имел статус вице-премьера), затем — на Министерство по делам федерации и национальностей, затем — на Министерство по делам федерации, национальной и *миграционной политике*. В октябре 2001 года министерство было упразднено. Правда, спустя два месяца после его расформирования был создан пост министра без портфеля, который занимал Зорин Владимир Юрьевич. Однако в феврале 2004 года под сокращение попала и эта должность.

Законодательная власть

В силу монополизации принятия решений исполнительной ветвью власти пространство маневра российских законодателей сузилось до более чем скромных размеров. Они демонстрируют свою активность в основном тем, что создают повод для парламентских слушаний. Один из таких поводов — обсуждение («обострившегося») «национального вопроса»¹.

Существует целая группа парламентариев, заинтересованная в воспроизводстве специфического типа говорения об этничности. Это, в частности, депутаты, сколачивающие свой политический капитал в качестве представителей тех или иных «этнических» интересов (прежде всего «русских»). Уже много лет в Госдуме лежит законопроект «О русском народе», основная идея которого — установление некоего особого набора прав для этнически русского населения. Речь шла главным образом о пропорциональном представительстве этнических русских во властных структурах. Калькой с этого законопроекта является проект закона «О татарском народе» — с той раз-

¹ Характерный пример из этого ряда — «Письмо пятисот», обращение группы граждан, в том числе девятнадцати депутатов Государственной Думы, в Генеральную прокуратуру с требованием проверить законность деятельности на территории России еврейских организаций.

ницей, что татарский народ не объявляется «государствообразующим». Проект был внесен в Думу второго созыва депутатом от фракции «Регионы России» Фандасом Сафиуллиным. Он предусматривал «адекватное представительство» татар «во всех органах власти, в том числе в местной», а также в учреждениях культуры и в средствах массовой информации. Татарский народ предполагалось считать «разделенным» и принять меры по «восстановлению его единства, разрушенного в годы Советской власти». Наконец, так же, как и в «Законе о русском народе», от государства требовалось обеспечить демографический рост татар. Для достижения этой цели предполагалось создавать «общественные и государственные структуры».

Стоит упомянуть также законопроект «О национально-культурном развитии русского народа», предложенный еще в 1999 году Дмитрием Рогозиным. Данный законопроект предлагал считать русский народ разделенным и содержал рекомендацию правительству «в течение трех месяцев» разработать концепцию его «воссоединения». Непроходной характер всех упомянутых законопроектов достаточно очевиден. Похоже, что об этом знают и их инициаторы. В противном случае они бы не выдвигали их всякий раз в период накануне выборов и не «забывали» бы о них по окончании предвыборных кампаний.

К числу законодателей, позиционирующих себя как знатоков «национального вопроса», принадлежат также члены парламентских комитетов, задачи которых прямо или косвенно связаны с «национальной политикой». Это прежде всего Комитет по делам национальностей¹, а также Комитет по делам СНГ и связям с соотечественниками, Комитет по делам федерации и региональной политике, Комитет по проблемам Севера и Дальнего Востока, Комитет по делам общественных объедине-

¹ Именно в этом Комитете разрабатывались упомянутые выше законопроекты о русском и татарском народах, а также такой проект, как «Об уполномоченном Федерального Собрания по правам народов Российской Федерации».

ний и религиозных организаций. Так, заместителем председателя Комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками является депутат от фракции «Родина» Андрей Савельев, обративший на себя внимание, среди прочего, публичной поддержкой серии книг под рубрикой «Расовый смысл русской идеи». Членами этого комитета являются ветераны «национал-патриотического» движения (правда, представляющие разные его фланги) Виктор Алкснис и Константин Затулин. Заместителем председателя Комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций является депутат от фракции «Родина» Александр Чуев, известный своей активностью в качестве лоббиста новой редакции Закона о свободе совести и принятия закона «О социальном партнерстве церкви и государства».

Бюрократия

Самостоятельным игроком в данном сегменте политического поля является бюрократия. Речь идет о достаточно многочисленном отряде профессиональных чиновников (как из аппарата Администрации, так и из аппарата правительства), выживание и благополучие которых зависит от их способности эффективно управлять той или иной сферой общественной жизни или *создавать видимость такой эффективности*. Поведение этой группы определено зазором между необходимостью поддержания положительного имиджа о собственной активности, с одной стороны, и скромными результатами этой активности, с другой. Отсюда особенность функционирования бюрократии, которую вслед за Нилом Бронссоном можно назвать «*системным лицемерием*»¹. Постоянное балансирование и уклонение от обязывающих решений встроено в самую логику

¹ См.: *Осинов А.Г.* Национально-культурная автономия: Идеи, решения, институты. СПб.: Центр независимых социологических исследований, 2004. С. 8—9.

ку функционирования этого института. Переход от слов к конкретным действиям иногда вовсе не предусматривается.

Характерный пример — имитация активности по «поддержке соотечественников». Несмотря на горячие публичные дискуссии о миллионах россиян, попавших после распада СССР под юрисдикцию других государств, никаких решений по этому поводу не принималось до самого конца 1990-х годов¹. Вышедший же в 1999 г. закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» имел своей целью скорее продемонстрировать благие намерения властей, чем оказать реальную помощь людям, которых он касался.

Как сказались на «национальной политике» изменения политического контекста?

В действиях российской власти в области «национальной политики» достаточно четко различаются три этапа. Первый этап — с начала 1990-х по декабрь 1993 года — можно обозначить как этап неопределенности и демократической эйфории. Российское государство, заявившее о своем суверенитете 12 июня 1991-го, не имело Основного закона. Оно считалось федеративным, однако неясными оставались как распределение компетенции между центром и субъектами федерации, так и статус самих этих субъектов. В частности, не было определено, обладают ли субъекты, образованные по этническому признаку, — «национально-территориальные образования», большим весом, чем остальные «территориальные образования».

Неуверенностью новой власти в своих силах объясняется известная фраза Ельцина, произнесенная во время поездки в

¹ Упоминание о необходимости «поддержки соотечественников» в «Концепции» 1996 года долгое время оставалось единственным жестом официальной власти.

Татарстан в 1991 году: «берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить». Она стала сигналом региональным элитам о том, что никто не намерен лишать их привилегий, которые они имели при Советах. Пользуясь слабостью центральной власти, руководители многих российских регионов объявили о своем «суверенитете» и даже о первенстве региональных законов перед федеральными¹.

По-видимому эйфорией первых месяцев демократических перемен объясняется закон «О репрессированных народах», принятый парламентом (тогда Верховным Советом) в 1991 году. Это была целая серия законов, включавшая, наряду с этническими группами, подвергшимися большевистским репрессиям, также казачество.

В этот период парламент принимает «Основы законодательства о культуре», закон «О языках народов Российской Федерации», а также закон «Об образовании», в каждом из которых специально оговариваются обязательства государства по удовлетворению культурных запросов граждан, связанных с их этнической принадлежностью.

Мы намеренно не обсуждаем здесь такую проблему, как проблема чеченского сепаратизма, которая возникла почти одновременно с появлением новой России (генерал Дудаев объявил о суверенитете Чеченской республики в сентябре 1991 года). Этот вопрос требует отдельного разбирательства. Однако мы не можем не помнить о косвенном воздействии этого вопроса на внутривнутриполитическую ситуацию в целом, и на «национальную политику», в частности².

¹ Такое положение, в частности, содержалось в проекте Конституции республики Башкортостан в 1992 году.

² Центральная власть в начале 1990-х годов предпочитает игнорировать чеченскую проблему. В сентябре 1991 года тогдашний вице-президент России Александр Руцкой объявляет о введении на территории Чечено-Ингушской республики чрезвычайного положения. Однако этот указ был отменен президентом Ельциным тремя днями позже. О настроениях в обществе красноречиво говорит заголовок

Начало второго этапа можно отнести к 1993—1994 годам. Его вехи — силовое разрешение спора между законодательной и исполнительной властью (расстрел парламента в октябре 1993 года), принятие Конституции (декабрь 1993) и начало Чеченской военной кампании (ноябрь 1994). Используя выражение официального дискурса, этот период может быть обозначен как «укрепление федерализма». В этот отрезок времени принимаются три программных документа, имеющих прямое отношение к нашей теме: «Концепция государственной национальной политики», «Закон о национально-культурной автономии» (оба 1996), а также Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (1999).

Третий этап — управляемая демократия или, пользуясь официальным языком, «укрепление вертикали власти» — можно датировать осенью 1999 года (назначение В.В.Путина премьер-министром и начало второй чеченской войны). Для наших целей важны как новые законодательные акты в сфере «национальной политики», принятые в этот период — поправки к закону об НКА, поправки к законодательству о языке (2003—2004) и новая редакция «Концепции государственной национальной политики» (о начале работы над которой было объявлено в октябре 2005) — так и ряд мероприятий власти, влияющих на эту сферу, хотя формально к ней не относящихся¹.

статьи в газете «Московские новости» (17 ноября 1991), посвященной этому событию: «Мы не прибавим себе свободы, отняв ее у других». Вряд ли это мнение можно отнести на счет индивидуальности корреспондента — о том, что оно отражает точку зрения редакции, свидетельствует шапка над статьей: «Кавказ: время российской империи уходит. Настанет ли пора Российского содружества наций?».

¹ Это создание федеральных округов, реформа Совета федерации, административная реформа (включая изменения в законодательстве о самоуправлении) и отмена выборности губернаторов.

На какие вызовы отвечала российская власть?

На наш взгляд, существовало несколько вызовов, реагируя на которые, федеральная власть могла проводить «национальную политику». Это (1) амбиции региональных элит в «национальных республиках»; (2) этнизация социальных проблем на локальном уровне; (3) необходимость поддержания положительного международного имиджа. Кроме того, отдельного обсуждения заслуживает проблема русского национализма.

1. С большой долей вероятности можно предположить, что чеченская и татарстанская проблемы начала 1990-х годов в значительной мере определили то, в каких терминах власть определяла для себя наиболее серьезные угрозы. Эта угроза — дезинтеграция страны вследствие этнически мотивированного сепаратизма. Правда, есть серьезные сомнения как в реальности такой угрозы, так и в роли этнического фактора в возникновении сепаратистских настроений. Некоторые исследователи находят, что достаточных оснований для опасений дезинтеграции государства в результате «суверенизации» регионов не было. Зато спекуляции на таких страхах служили власти безотказным инструментом в укреплении собственной вертикали. Особенно явным наигранный характер риторики «распада страны» стал в конце 1990-х — начале 2000 годов, когда Кремль обратился к ней для того, чтобы лишить регионы какой-либо самостоятельности¹.

Равным образом неочевидно, что у этнических элит имелась достаточная мотивировка и достаточные ресурсы для того, чтобы использовать аргумент сепаратизма в переговорах с центром. Как показал опыт, правящие круги «национальных

¹ См.: *Паин Э.А.* Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Новое издательство, 2004. С. 50—70.

территорий» — от Калмыкии и Башкортостана до Карачаево-Черкесии, Ингушетии и Кабардино-Балкарии — способны к рациональной калькуляции выгод и издержек «этнической мобилизации». Руководители национальных республик ни разу не оказали сколько-нибудь заметного противодействия центральной власти, когда та ограничивала их полномочия. Казань проглотила и сворачивание привилегий, которые имела после договора с Москвой от 1994 года, и новый закон о языке (2002), заблокировавший инициативу татарских этнических активистов перевести татарский язык на латиницу. Элиты этнических республик явно предпочитают сделку с центральной властью конфликту с ней. Более того, существует немало свидетельств тому, что лояльность центру носит неформальный характер, будучи вызвана давлением на эти элиты снизу. Негласный договор с Кремлем позволяет местным властителям править на феодальный манер, отвечая жесткими репрессиями на любую общественную самоактивность, в том числе со стороны «национальных движений».

2. В некоторых российских регионах, в частности на Северном Кавказе, наблюдается тенденция подмены территориального принципа организации муниципальной власти этническим принципом. Де-факто такая практика на Северном Кавказе существует давно. В Дагестане с 1995 по 2003 год она существовала и де-юре, причем на региональном уровне¹. На выполнение функций местных органов власти стали претендовать, с одной стороны, съезды тейпов и «конгрессы народов», с другой стороны — казахи «сходы». С такими претензиями выступили, например, Терское казачество в Ингушетии,

¹ Об институционализации этой практики в управлении Дагестаном см.: *Кисриев Э.* Модель «со-общественной демократии» и опыт политического развития республики Дагестан // *Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ* / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. С. 206—223.

Дагестане, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, Всекубанское казачье войско в Адыгее, а также Донское казачество в Волгоградской области¹.

Дискуссии о «народах» как субъектах власти приобрели особую остроту накануне принятия закона «Об общих принципах местного самоуправления» (1995). Правда, этот закон не предусматривал расширения полномочий органов местного самоуправления, находящихся, по существу, под полным контролем республиканских органов власти. Как бы то ни было, тенденции *этнизации социальных проблем* и переструктурирования политической власти по этническому признаку содержат в себе серьезную опасность конфликта.

3. Немаловажным фактором, определявшим поведение власти, является забота о собственном имидже в глазах международного сообщества. Вступление России в Совет Европы (1995) и присоединение к Большой восьмерке (1998) налагают на российское руководство вполне определенные обязательства. Отсюда понятные действия, прежде всего в символической сфере, нацеленные на подтверждение приверженности правительства либерально-демократическим ценностям. Так, в 1996 году Россия ратифицирует (с оговоркой) рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств, а принятый в том же году закон «О национально-культурной автономии» рекламируется российской стороной как решительный шаг в сфере защиты меньшинств, причем настолько решительный, что избавляет законодателей от принятия специального закона о нацменьшинствах².

¹ См.: *Тишков ВА* Местное управление в сложном обществе: российский опыт // Местное управление многоэтничными сообществами в странах СНГ / Под ред. В. Тишкова и Е. Филипповой. М.: ОАО «Авиаиздат», 2001. С. 17.

² Примечательно, что эта реклама сработала. По оценке Вила Кимлики, российский закон о национально-культурной автономии в принципе предоставляет этническим меньшинствам больше возмож-

Русский национализм?

Среди политических партий, использующих рессантиментные настроения среди этнически русского населения для набирания предвыборных очков, выделяются ЛДПР Жириновского, КПРФ и «Родина».

Шокирующий успех Жириновского на парламентских выборах 1993 года (около 24%) был обусловлен умелой эксплуатацией массовой фрустрации, распространившейся после распада союзного государства и провала либеральных реформ. С тех пор Жириновский растерял большую часть своего электората, однако лозунг «мы за бедных, мы за русских» по-прежнему гарантирует ему преодоление 5%-го барьера. (Не приходится сомневаться в том, что и 7%-й барьер жириновцы преодолеют.)

Будированием «русского вопроса» время от времени занимаются Г. Зюганов и его соратники. В последние два года на формулировку повестки дня заметное влияние оказывает блок «Родина» (партия и две фракции в нижней палате парламента). Свою предвыборную кампанию на выборах в Московскую городскую думу «Родина» построила в основном на эксплуатации мигрантофобии вообще и кавказофобии в частности¹.

По вопросу об отношении власти к феномену русского национализма существует две взаимно противоположных версии. Согласно первой, Кремлю приходится считаться с ростом ксенофобии, наблюдаемым в широких слоях этнически рус-

ностей, чем законодательства западных стран, проводящих «мультикультурную» политику. См.: *Kymlicka W. Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe // Can Liberal Pluralism be Exported? / Ed. by W. Kymlicka & M. Opalski. Oxford; NY: Oxford University Press, 2001. P. 68.* Выражаю благодарность А. Осипову за это указание.

¹ Как ни анекдотично, эта партия была снята с московских выборов в декабре 2005 года на основе судебной жалобы, причем жалобу в суд подали активисты ЛДПР. (Приверженцы Жириновского обвинили «Родину» в использовании ксенофобии в агитационных материалах.)

ского населения. У радикальной оппозиции есть немалый ресурс массовой поддержки, а в структуре этой поддержки очевидна значимость этнонационалистического элемента. Политические организации и движения шовинистической, расистской и профашистской направленности — реальная сила, не считаться с которой власти не могут. Согласно второй версии, самоактивность подобных политических организаций не стоит преувеличивать: ЛДПР и КПРФ — системные партии, которых вполне удовлетворяет занимаемая ими ниша, блок «Родина» — продукт политтехнологической работы Кремля, а шайки бритоголовых и опереточные чернорубашечники — явные маргиналы, существующие в значительной мере благодаря патронажу со стороны властей. Поэтому следует вести речь об «управляемом фашизме». Центральная власть сознательно попустительствует экстремистским организациям крайне правого толка (при этом демонстративно жестко действуя в отношении крайне левых) — с тем, чтобы в один прекрасный день выступить в качестве избавителя страны от фашистской угрозы.

На мой взгляд, ни та, ни другая версия не содержит исчерпывающей интерпретации. Стратегией власти скорее всего является маневрирование. Создание сегодняшнего правящего класса не является ни «демократическим», ни «националистическим». Отдавая себе отчет в шаткости собственных позиций, обусловленной нелегитимностью в глазах большинства населения результатов приватизации собственности, власть объективно ограничена в возможности действия. Она не может четко позиционировать себя как сторонница либеральных ценностей, ибо «либерализм» основательно дискредитирован внутри страны в 1990-е годы. В этой ситуации единственной опцией власти остается ставка на «патриотизм». В то же время власть не может позволить себе слишком активно играть на «патриотическом» поле, ибо это неизбежно приведет к ее дискредитации на международном уровне. Таким образом, представляется вполне разумным от случая к случаю вспоминать о своей роли арбитра в регулировании «межнациональных отношений».

Современное состояние «национальной политики»

Если попытаться обобщить тенденции, наметившиеся в интересующей нас сфере в последние годы, то первое, что бросается в глаза, это *минимизация этнического фактора в политике*. Об этом свидетельствуют следующие обстоятельства.

1. *Сужение пространства маневра элит национальных республик*. Центральная власть в последние пять лет отыграла многие из позиций, упущенных в споре с региональными этническими элитами в первой половине 1990-х. Это касается в первую очередь отмены норм законодательств национальных республик, противоречащих Конституции. В начале 2000-х годов была отменена норма избирательного законодательства республики Адыгея, согласно которой этническим адыгейцам гарантировалась половина мест в региональном парламенте. Конституционный суд признал незаконной норму Конституции Республики Татарстан, согласно которой на пост президента республики мог баллотироваться только гражданин, владеющий татарским языком. В 2003 году под давлением Москвы была принята новая Конституция республики Дагестан, отменившая прежде существовавшую систему этнического квотирования депутатских мест в региональном Народном собрании (парламенте).

Полномочия этнических элит ощутимо урезаются и в результате проводимых центральной властью административных преобразований (что является скорее побочным эффектом «укрепления властной вертикали», чем политикой, адресованной элитам «национальных территорий»). Так, реформа Совета Федерации изменила принципы формирования этого органа: лидеры регионов больше не являются членами верхней палаты парламента автоматически. В результате создания семи Федеральных округов создается система надзора над

руководителями субъектов федерации со стороны полномочного представителя Президента, а также со стороны федерального инспектора по соответствующему округу. В частности, Республика Татарстан оказалась частью Приволжского федерального округа — и, соответственно, Приволжского военного округа. Тем самым утратило действенность право властей Казани, выторгованное ими в 1994 году у Москвы, согласно которому призывники из Татарстана несут службу в пределах республики. Теперь они призываются не республиканским, а окружным военкомом, и служат там, куда их пошлют, в том числе и в Чечне¹.

Наконец, отмена выборности глав субъектов федерации ставит политическую судьбу лидеров национальных республик в прямую зависимость от воли Кремля.

Своего рода сигналом этническим элитам об актуальной расстановке политических сил стало принятие парламентом поправок к закону «О языках» (2002). Хотя поправки сделали невозможным перевод татарского языка на латинскую графику, заметных протестов в этой связи не наблюдалось.

Наконец, упоминания заслуживают мероприятия центральной власти по укрупнению субъектов федерации. В 2005 году Коми-Пермяцкий Автономный округ стал частью (новообразованного) Пермского края, а Корякский Автономный округ вошел в состав Камчатской области. В 2006 году Усть-Ордынский Бурятский Автономный округ вошел в состав Иркутской области. Обсуждается вопрос о вхождении республики Адыгея в состав Краснодарского края. Наблюдатели рассматривают эти процессы как своеобразную пробу сил центра, проводимую в рамках проекта мягкого демонтажа этнической государственности.

2. Дополнительные ограничения на деятельность этнических активистов. История принятия закона «Об НКА»

¹ См.: Паин ЭА. Между империей и нацией... С. 53.

(1996) показала, что лидеры этнических организаций являются абсолютно пассивной стороной во взаимодействии с властями. Они выступают как получатели социальных благ, не имеющие рычагов влияния ни на размер этих благ, ни на сам факт их получения. В 2003—2004 гг. были приняты поправки к упомянутому закону, наложившие на НКА еще большие ограничения. Примечательно, что этнические активисты не только не возражали против этих поправок, но и приветствовали их¹.

3. *Понижение статуса органов власти, курирующих «национальную политику».* Как мы уже отмечали, упразднение в 2001 году Министерства по делам национальностей было достаточно симптоматичным. Того же рода симптомом следует считать и упразднение тремя годами позже поста Министра по национальной политике.

В настоящее время вопросы «национальной политики» (которая все чаще именуется «этнокультурной») курирует департамент внутри Министерства регионального развития (министр Яковлев Владимир Анатольевич, бывший полпред Президента в Южном федеральном округе).

Что касается миграционной политики, то она передана в ведение Министерства внутренних дел (именно в его составе функционирует Федеральная Миграционная Служба).

4. *Исключение субъектов федерации из сферы «политики в отношении соотечественников за рубежом».* В 2004 году парламент принял поправки к законодательству, предусматривающие полное исключение субъектов Российской Федерации из «государственной политики в отношении соотечественников за рубежом». Это значит, что Московская мэрия и Москов-

¹ См.: *Осинов А.Г.* Национально-культурная автономия: Идеи, решения, институты. СПб.: Центр независимых социологических исследований, 2004. С. 296—300.

ская городская дума не смогут вести ту деятельность, которую они ведут, в частности, на Украине¹.

5. *Сворачивание привычной риторики.* В речах крупных чиновников в последние годы больше не встречается ритуальная фраза о «совершенствовании федеративных и национальных отношений». Из новой «Концепции государственной национальной политики», которую в 2005-м по поручению Президента начало разрабатывать Министерство регионального развития, исчезла глава «Совершенствование федеративных отношений». Более того, в формулировках целей политики вообще отсутствует фраза «формирование федерации, которая отвечала бы современным социально-экономическим требованиям». Исчезли из текста и отсылки к закону «О репрессированных народах».

6. *Манипуляции в символической сфере.*

Все эти изменения, однако, сопровождаются символическими манипуляциями, долженствующими показать приверженность сегодняшнего руководства тому курсу, который был провозглашен еще в начале 1990-х годов. Так, проект новой «Концепции государственной национальной политики» формулирует цель последней как «формирование многонационального общества при консолидирующей роли русского народа». Власть одновременно адресуетя и к нерусским мень-

¹ Широко известны инициативы мэра Москвы Юрия Лужкова по строительству жилых домов для отставных моряков Севастополя и по поддержке русскоязычных образовательных учреждений в Крыму. Благодаря финансовой помощи из Москвы в Симферополе действует филиал Московского Государственного Университета. В продолжение программ, действовавших в 1990-е годы, Правительство Москвы приняло «Комплексную целевую среднесрочную Программу поддержки соотечественников за рубежом на 2003—2005 гг.» При активной поддержке исполнительной и законодательной власти Москвы здесь действует Центр по оказанию правовой помощи соотечественникам за рубежом «Москва—Россияне».

шинствам («многонациональность»), и к активистам русских националистических организаций («русский народ» как особо значимая группа). С одной стороны, крупные чиновники демонстрируют свою приверженность «русско-православной» традиции, отстаивая ночь богослужения на Пасху и ныряя в прорубь на Крещение. С другой стороны, проводятся мероприятия иной направленности: в Кремле периодически устраиваются приемы духовных лидеров «традиционных конфессий», закрепленных за определенными нерусскими группами (ислам — за народами Поволжья и Северного Кавказа, буддизм — за калмыками и бурятами, иудаизм — за евреями); летом 2005 года с большим размахом было отпраздновано тысячелетие Казани¹. Россия объявила о своем намерении стать членом организации «Исламская Конференция»², в настоящее время участвуя в ее работе в качестве наблюдателя.

Коль скоро забота о «национально-культурном возрождении» и регулирование «межнациональных отношений» таят в себе неисчерпаемый потенциал для манипулирования, отказа от системного лицемерия, о котором мы говорили выше, в обозримом будущем не предвидится. Невнятный язык программных заявлений, сомнительные с правовой точки зрения указы и постановления, не имеющие обязывающего характера законы — все это характерно для российской «национальной политики» сегодня так же, как десять лет назад.

¹ Несмотря на то, что в 1980-х праздновалось 800-летие этого города, а также несмотря на то, что Москва оказывается на полтора столетия менее древней.

² Об этом заявил В.В. Путин на сессии ОИК в октябре 2003 года.

НАЦИОНАЛИЗМ И СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО МУЛЬТИЭТНИЧНОСТИ В РОССИИ: НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ АВТОНОМИЯ И ЭТНИЧЕСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ

Тема настоящей статьи — то, насколько сильно понятия и представления, свойственные этническому национализму как идеологическому направлению, влияют на российские дебаты о так называемой национальной политике. Я берусь утверждать, что элементы этнического национализма оказываются необходимой составной частью той картины мира, которую разделяет значительная часть идейного *mainstream*¹, хотя риторически этнонационализм может осуждаться и отрицаться.

Дискуссии о «национальной политике» в России продолжаются по меньшей мере 17 лет и являются заметной частью общего публичного говорения на общественно значимые темы¹. Во многом они наследуют обсуждению так называемого «национального вопроса» в рамках советских официальных институтов на протяжении предшествующих десятков лет.

В советской и постсоветской общественной мысли доминировали и доминируют такие представления об этничности (зачастую нерефлексивные), которые можно условно назвать

¹ Особенностью современных дискуссий является, в частности, невозможность проведения сколько-нибудь четкой границы между их академическими и неакадемическими сегментами. В частности, различные публичные персонажи нередко — одновременно или попеременно — позиционируют себя в качестве представителей власти, этнических активистов или ученых.

методологическим этноцентризмом¹, не сводимым к эссенциализму и имеющим несколько относительно независимых компонентов. Это, во-первых, эссенциализм, который, как правило, неоднороден и эклектичен. Этничность рассматривается по умолчанию как объективно данная, устойчивая и социально значимая субстанция, причем имеющая, как правило, не биологическую, а некую социоисторическую природу. Вторым компонентом можно считать культурдетерминизм — стремление объяснять социальные феномены посредством отсылок к категории *культуры*². Культурдетерминизм не является синонимом эссенциализма, хотя нередко с ним совпадает; вообще в мире этот подход характерен для многих инструменталистов³. Наконец, третий показатель — это группоцентризм. Группы по умолчанию рассматриваются как целостности, имеющие внутреннюю структуру, выступающие как агенты социального действия, отделенные устойчивыми социальными границами от других таких же целостностей. Нередко авторы, и не

¹ Я бы предпочел использовать понятие «методологического этноцентризма» по аналогии с понятием «методологического национализма», введенного А. Виммером. Для А. Виммера «методологический национализм» обозначает подходы, основанные на признании национального государства (в разных прочтениях) основным и центральным компонентом существующего социального порядка; см.: *Wimmer A., Schiller N.G. Methodological Nationalism, the Social Sciences, and the Study of Migration: An Essay in Historical Epistemology // International Migration Review. 2003. Fall. Vol. 37. Issue 3. P. 576—611.* Соответственно «методологический этноцентризм» я бы определил как восприятие (онтологизируемых) этнической группы и этнической культуры в качестве отправной точки и основной объяснительной категории при анализе социальной реальности.

² О традиционном использовании понятия культура см., например: *Wright S. The politicization of «culture» // Anthropology Today. 1998. Vol. 14. № 1. P. 7—15.*

³ Например, в знаменитом сборнике под редакцией Н. Глейзера и П. Мойнихена, где этот подход проводится достаточно четко, большинство авторов можно отнести к инструменталистскому направлению; см.: *Ethnicity: Theory and Experience / Ed. by N. Glazer, D. Moynihan. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1975.*

только российские, декларирующие верность конструктивистской парадигме, на деле реифицируют социальные категории и последовательно рассуждают именно в категориях межгрупповых отношений¹.

Есть довольно много публикаций, посвященных доминированию эссенциализма и — шире — методологического этноцентризма в российских дебатах, и я не буду на этом останавливаться².

В рамках дискуссий о «национальной политике» национализм (вообще интерпретируемый в России преимущественно как этнический национализм³) несет преимущественно негативные коннотации и получает в целом отрицательные оценки. Аргументация в основном укладывается в диапазон от отождествления национализма с идеями доминирования определенной этнической группы⁴ до суждений о национализме как угрозе стабильности многонационального государства⁵.

¹ Яркая иллюстрация подобного двоемыслия — так называемая критическая расовая теория, сложившаяся в 1980—1990-е годы в США на стыке социологии и юриспруденции и претендующая на новую критическую интерпретацию социального, расового и гендерного неравенства и доминирования; см.: Crossroads, Directions, and a New Critical Race Theory / Ed. by F. Valdes, J. McCristal Culp, and A.P. Harris. Philadelphia: Temple University Press, 2002.

² *Brubaker R.* Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1996; *Воронков В.* Мультикультурализм и деконструкция этнических границ // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М.: ИЭА РАН, Институт философии РАН, 2002. С. 38—47; *Малахов В.С.* Преодолимо ли этноцентричное мышление? // Расизм в языке социальных наук / Под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб.: Алетея, 2002. С. 9—22; *Тишков В.А.* Реквием по этносу. М.: Наука, 2003. С. 120—174.

³ Так называемый гражданский национализм часто упоминается в литературе, но как умозрительный проект.

⁴ *Тошченко Ж.Т.* Этнократия: история и современность (социологические очерки). М.: РОССПЭН, 2003. С. 296—299; *Тураев В.А.* Этнополитология: Учебное пособие—хрестоматия. М.: Ладомир, 2001. С. 62—72.

⁵ *Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997. С. 102—114, 126—137.

Интересным здесь представляется то обстоятельство, что те, кто риторически отрицают национализм, как правило, разделяют его основные допущения и постулаты, а именно по умолчанию рассматривают этническую группу не просто как субъект общественных отношений и структурную единицу общества, но как субъект и организационную основу государственности (в том числе территориальной автономии). Этот тезис я хотел бы проиллюстрировать двумя сюжетами.

Национально-культурная автономия

Выражение «национально-культурная автономия» (далее — НКА) стало в России одним из ключевых понятий, используемых в дебатах по этнической тематике. В 1996 г. принят федеральный закон об НКА, этот термин присутствует в ряде других законов и прочих нормативно-правовых актов федерального и регионального уровней. Развитие национально-культурных автономий называется в качестве одного из основных направлений деятельности государства в «Концепции национальной политики Российской Федерации» 1996 года.

На восприятие понятия НКА в России сильно повлияла концепция нетерриториальной автономии для этнических групп, придуманной К. Реннером и О. Бауэром в конце XIX — начале XX века¹. Австрийские марксисты предлагали, по сути, превратить этнические группы в сословия («национальные союзы»), членство в которых не зависело бы от места жительства. Члены «национальных союзов» посредством выборов должны были формировать органы управления, которые представляли бы соответствующую этническую группу на общегосударственном

¹ См.: Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. СПб.: Серп, 1909; Шпрингер Р. [Реннер К.] Национальная проблема (Борьба национальностей в Австрии). СПб.: Изд-во «Общественная польза», 1909.

уровне, распоряжались частью налоговых поступлений, пропорциональной доле этнической группы в составе населения, и ведали учреждениями культуры и образования, обслуживающими соответствующую группу. По мнению авторов плана, такая конструкция могла положить конец политическому соперничеству между партиями, выступавшими от имени разных этнических групп, поскольку «национальности» могли удовлетворять свои «объективные» потребности и без установления контроля над органами власти и территориальным управлением.

Концепция австромарксистов была жестко раскритикована В.И. Лениным как теория, отвлекающая трудящихся от борьбы за свои классовые интересы¹, а потому отрицалась и осуждалась официальной советской идеологией². Одним из следствий такого отношения стало то, что идея приобрела немалую популярность на волне критики марксизма-ленинизма во время перестройки.

С конца 1980-х годов понятие НКА и сходные термины были введены в общественную дискуссию. НКА получала и получает три разные, не всегда четко артикулируемые и пересекающиеся интерпретации. В единичных случаях под НКА понимают право лица на выбор индивидуальной языково-культурной стратегии; чаще под НКА подразумевается общий принцип, согласно которому граждане посредством разных организационных форм коллективно реализуют права и интересы, связанные с их этнической принадлежностью, языком и культурой; так же часто НКА обозначает особую форму организации на этнической основе³.

¹ Ленин В.И. Из тезисов по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 315—322; *Он же*. Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 115—149; *Он же*. О культурно-национальной автономии // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 224—229.

² См., например: Железнов Б.Л. АССР — высшая форма советской автономии. Казань: Изд-во Казанского государственного ун-та, 1984.

³ Обо всех сюжетах, связанных с НКА, подробнее см.: Осипов А.Г. Национально-культурная автономия. Идеи, решения, институты. СПб.: ЦНСИ, 2005.

В России идея НКА в разных прочтениях приветствовались разными силами по разным соображениям. В значительной степени она воспринималась в контексте критики так называемого «национально-государственного устройства» страны (далее — НГУ), или «этнического федерализма». В начале 1990-х многие представители федеральной власти¹, политических организаций² и академической науки³ в числе основных и наиболее привлекательных достоинств идеи НКА находили именно то, что она может служить или полной альтернативой НГУ, или средством устранить нежелательные последствия его функционирования. Во-первых, нетерриториальная организация могла положить конец противопоставлению «титულных», или «государствообразующих» национальностей всем остальным, живущим на определенной территории⁴. В крайнем случае, НКА могла стать средством защиты прав и интересов «нетитульного населения» и устранения противоречий в области

¹ *Шахрай С.М.* Три кита для новой России // Независимая газета. 1994. 5 марта; *Он же.* Горизонты российского федерализма // Государственная служба и межнациональные отношения. М., 1995. С. 46; *Печенев В.* О национальной и региональной политике в федеративной России // Этнополитический вестник. 1994. № 1. С. 84.

² Программа партии «Демократический выбор России» // Права и свободы человека в программных документах основных политических партий и объединений России. XX век. М., 2002. С. 467—468.

³ *Кукушкин Ю., Барсенков А. и др.* К вопросу о концепции национальной политики Российской Федерации // Этнополитический вестник России. 1992. № 1. С. 85—93; *Тишков В.* Россия как национальное государство // Независимая газета. 1994. 26 янв.; *Тишков В.А.* Стратегия и механизмы национальной политики // Национальная политика в Российской Федерации. М., 1993. С. 8—40; *Шушарин В.П.* Национально-территориальная или национально-общинная автономия // Россия и современный мир. 1993. № 2. С. 89—94.

⁴ См.: *Вдовин В.И.* Этнополитика и формирование новой государственности в России // Кентавр. 1994. № 1. С. 3—11; № 2. С. 18—29; *Ситнянский Г.Ю.* Если татарин ограбил татарина, зачем вмешиваться Центру? // Независимая газета. 1994. 30 апр.

образования, языка и культуры¹. Во-вторых, НГУ подразумевает по крайней мере символическую иерархизацию этнических общностей — некоторые как бы наделены «своей» государственностью, некоторые — совместно с другими группами, а некоторые не имеют «своей» государственности вообще. Идея НКА, если распространяется на все этнические группы страны, как бы выравнивает их статусы.

В апреле 1995 года депутаты Государственной думы внесли проект федерального закона об НКА, согласно которому «автономии» могли создаваться от имени граждан, относящихся к любым этническим группам². Проект не получил одобрения по причинам процедурного характера и в октябре того же 1995 года. Правительство РФ внесло в Думу иной текст. Этот проект рассматривал НКА как особую разновидность неправительственной организации на этнической основе и допускал учреждение НКА только от имени «национальных меньшинств»³, под которыми понималось «нетитульное» население субъектов РФ⁴. Между первым (ноябрь 1995 года) и вторым (апрель 1996 года) чтениями из текста было удалено упоминание о меньшинствах и возмож-

¹ Паин Э. Становление государственной независимости и национальная консолидация России: проблемы, тенденции, альтернативы / Мир России. 1995. № 1. С. 86.

² Текст проекта см.: Архив Государственной думы Федерального собрания РФ. Ф. 10100. Оп. 2. Д. 1339. Л. 75—95.

³ Примечательно, что сходный термин «культурно-национальная автономия», введенный Основами законодательства РФ о культуре 1992 года, определяется как субъективное право не всех «этнических общностей», а только «компактно проживающих вне своих национально-государственных образований или не имеющих своей государственности», и содержательно сводится к возможности «создавать ассоциации, творческие союзы, гильдии или иные культурные объединения в порядке, определяемом законодательством об общественных объединениях».

⁴ Архив Государственной думы Федерального собрания РФ. Ф. 10100. Оп. 24п-П. Д. 7. Л. 116—134.

ность создания НКА была предоставлена всем группам¹. В таком виде проект получил окончательное одобрение и стал законом².

По общему смыслу федерального закона о национально-культурной автономии НКА есть разновидность общественных объединений, то есть неправительственных организаций, созданных по этническому признаку «в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры». По статусу различают местные, региональные и федеральные НКА.

Предусматриваются две основные функции НКА: деятельность в области развития языка, образования и культуры и консультирование органов власти и государственных учреждений по подобным вопросам. Кроме того, закон содержит общие нормы, касающиеся образовательной деятельности, создания СМИ, развития языков. Эти положения являются декларативными и в основном дублируют нормы других федеральных законов.

При этом законодательство допускает существование «просто» некоммерческих организаций на этнической основе. Хотя НКА находятся в юридическом отношении в менее благоприятном положении, чем «просто» общественные объединения, бренд «автономии» остается очень привлекательным для этнических активистов. В России создано более 300 НКА, и это число постоянно растет.

Для нас в связи с НКА важен только один сюжет — как решается вопрос, от имени кого, каких групп могут создаваться «автономии». Закон до ноября 2003 года не содержал никаких ограничений подобного рода по этническому признаку. Более того, после принятия закона депутаты — члены Комитета Думы

¹ Архив Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации. Ф. 10100. Оп. 24п-II. Д. 8. Л. 89—90.

² Федеральный закон «О национально-культурной автономии» № 74-ФЗ от 17 июня 1996 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2965.

по делам национальностей — особо подчеркивали важность того, что им удалось избежать выстраивания иерархии групп или ограничения круга общностей, от имени которых создаются НКА, национальными меньшинствами¹. Такая позиция со всех точек зрения выглядела логичной — НКА являются неправительственными организациями, возможность создания НКА есть форма реализации конституционного права на объединение, граждане сами способны определить, каковы их этнокультурные потребности и что им нужно делать, чтобы эти потребности удовлетворять. Исходя из таких соображений ограничение возможности учреждения НКА какими-либо этническими общностями выглядит необоснованным.

Однако вскоре оказалось, что исполнительная власть изначально стремилось ограничить круг учредителей НКА только «нетитульными» группами. Правительство РФ в июне 2001 года внесло в Государственную думу проект изменений в дополнений в закон об НКА. Было предложено считать НКА объединением граждан Российской Федерации, относящих себя к одной, «определенной этнической общности», причем эта общность должна была находиться «в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории». По мысли инициаторов, это исключало бы образование русских НКА в Калужской области и татарских — в Татарстане. Поправки были приняты в третьем чтении в октябре и вступили в силу в ноябре 2003 года. При этом выражение «этнические общности, находящиеся в состоянии национального меньшинства на соответствующей территории», не прояснено ни в самом обсуждаемом законе, ни в действующем законодательстве вообще.

Мотивировка Правительства, изложенная, в частности, в Думе Министром РФ В.Ю. Зориным при обсуждении во втором

¹ *Никитин В.* Широкое понимание, гарантированная поддержка // *Жизнь национальностей.* 1996. № 6. С. 18; *Зорин В.* Закон, ставший прорывом // *Жизнь национальностей.* 1999. № 1. С. 46.

чтении поправок к Закону об НКА, звучит следующим образом: «Субъектами права на создание НКА становятся не все, а только те этнические группы, которые испытывают объективные трудности в решении своих национально-культурных задач, и этим определяется предмет или сфера действия данного закона»¹. Сотрудник аппарата Правительства РФ уже после принятия поправок 2003 года говорил, что при всей неопределенности формулировок закона на местах необходимо ориентироваться на его «дух». Закон предназначается не для всех, а только для тех групп, которые испытывают проблемы в удовлетворении своих этнокультурных потребностей обычным порядком. У русских, у «титulyных» национальностей и у тех, кто составляет большинство населения на какой-либо территории, таких проблем якобы нет, поэтому НКА им не нужна².

В конце 1990-х гг. пересмотрел прежние подходы и председатель думского Комитета по делам национальностей В.Ю. - Зорин, ранее бывший противником ограничения круга этнических групп, от имени которых могут создаваться НКА. Уже в одном из интервью марта 1999 года он так прокомментировал якобы поступающие из Минюста сообщения о попытках создания НКА «титulyных наций»: соблюдение «буквы» закона (то есть права создавать НКА от имени любой группы) противоречит его духу, поэтому необходима срочная коррекция «буквы»³.

Особенно нетерпимую позицию власти (в первую очередь Министерство по делам национальностей) заняли по отноше-

¹ Стенограмма пленарного заседания Государственной думы Федерального собрания РФ 27 сентября 2002. [http://wbase.duma.gov.ru/steno/nph—sdb.exe?B0CW\[F11&27.09.2002&F11&27.09.2002&F11&F258&^&\]T1519F258P1005](http://wbase.duma.gov.ru/steno/nph—sdb.exe?B0CW[F11&27.09.2002&F11&27.09.2002&F11&F258&^&]T1519F258P1005).

² Интервью автора с А.В. Поздняковым, советником Департамента регионального развития Правительства РФ, в прошлом сотрудника Миннаца. Москва. 16 марта 2004 г.

³ Зорин В.Ю. Дневник не для себя. Кн. 2: Страсти Охотного ряда. М.: Виоланта, 1999. С. 428.

нию к русским НКА. Среди множества НКА, учрежденных во второй половине 1990-х — начале 2000-х гг., оказались «автономии» русских, в том числе в преимущественно русских по составу населения областях (Калининградской, Свердловской, Владимирской, Курганской). Несколько региональных русских НКА провели в ноябре 1999 года съезд и учредили Федеральную русскую национально-культурную автономию России (ФРНКА), но получили последовательно несколько отказов Министерства юстиции РФ в регистрации. Все они в числе прочего были мотивированы тем, что такая регистрация противоречила бы Концепции государственной национальной политики РФ, поскольку НКА относится в частности к малочисленным народам и национальным меньшинствам, а в России русские составляют большинство¹. Последний отказ был обжалован в суде; в конечном счете 15 ноября 2002 года Таганский межмуниципальный суд Москвы отклонил жалобу, согласившись с доводами Минюста².

Какие точки зрения высказывали академические эксперты, комментировавшие НКА в РФ? Подавляющее большинство рассуждает исходя из перспективы властей или абстрактного «развития этносов», а не конкретных людей, участвующих в этнических организациях.

Даже до поправок 2003 г. только меньшинство авторов приходит к выводу, что экстерриториальной автономии по зако-

¹ Кузнецов М. Дискриминация // Независимая газета. 2001. 8 февр.

² Решение Таганского суда ЦАО г. Москвы от 15 ноября 2002 года по гражданскому делу № 2—1033—02/4 по жалобе общественной организации «Региональная национально-культурная автономия русских Калининградской области». Копия у автора.

³ Комментарий к Федеральному закону «О национально-культурной автономии» (с приложениями). М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 1997. С. 4, 8; Кузеев Р.Г. Демократия. Гражданственность. Этничность. М.: Центр по изучению межнациональных отношений ИЭА РАН, 1999. С. 122.

ну заслуживают все этнические группы³ и что ограничения по этническому признаку на создание НКА недопустимы¹. Большинство же ограничивало круг претендентов только меньшинствами и малочисленными народами² или считали, что НКА, «как правило», применяется в отношении меньшинств³ или «актуальна» для меньшинств. Наконец, следом за властями нашлись желающие помянуть недобрым словом идею русской НКА или из-за ее «нецелесообразности», или поскольку та «искажает и выхолащивает смысл законодательства»⁴. Наконец, делается вывод о том, что создание НКА от имени «титულных» национальностей или этнического большинства нарушает принцип равенства, поскольку у этих групп и так есть «своя» го-

¹ *Филиппов В.Р., Филиппова Е.И.* Закон и этничность. М.: Комитет общественных и межрегиональных связей Правительства Москвы, Центр «Этносфера», 1998. С. 64.

² Проблемы управления в сфере межнациональных отношений. Саратов: Изд-во Поволжской академии государственной службы, 1998. С. 244; *Хабриева Т.Я.* Проблемы совершенствования законодательства о национально-культурной автономии в Российской Федерации // Национальный вопрос и государственное строительство: проблемы России и опыт зарубежных стран: Материалы научной конференции. Москва, 27—28 апреля 2000 г. М., 2001. С. 148.

³ *Алексеев С.В., Каламанов В.А., Черненко А.Г.* Идеологические ориентиры России (Основы новой общероссийской национальной идеологии). М.: Книга и бизнес, 1998. Т. 2. С. 70; *Блищенко И.П., Абашидзе А.Х.* О Законе Российской Федерации «О национально-культурной автономии» как об одной из форм национально-культурного самоопределения народов России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 1997. № 2. С. 8.

⁴ *Елеонский В.О.* Совершенствование законодательства Российской Федерации о защите национальных меньшинств // Национальный вопрос и государственное строительство: проблемы России и опыт зарубежных стран: Материалы научной конференции. Москва, 27—28 апреля 2000 г. М., 2001. С. 162.

⁵ *Чурбаков А.В.* Национально-территориальное и национально-культурное самоопределение: соотношение понятий // Государственно-правовые основы обеспечения безопасности в Российской Федерации. СПб., 1999. С. 74—75.

сударственность⁵.

После внесения в Думу предложений правительства об изменении закона об НКА даже до их принятия почти все комментарии прямо утверждали, что НКА предназначается только для «меньшинств»¹. Само же принятие поправок в 2003 году осталось практически незамеченным.

«Национальная государственность»

Общим местом для многих российских и зарубежных публикаций, да и для обыденного дискурса, стали суждения о том, что Россия как федерация строится по «национальному» и территориальному принципам, а часть субъектов РФ — республики, автономная область и автономные округа — являются «национально-государственными образованиями». «В Российской Федерации из 89 ее субъектов 21 республика, одна автономная область и 10 автономных округов уже в своих названиях несут явную этническую нагрузку, связанную с названием титульной нации»². Между тем неясно, что это означает в юридическом или социологическом смысле. Интересно то, что эта неопределенность, хотя она касается самих основ федерации, практически не обсуждается, и все авторы, затрагивающие эту тему, по умолчанию признают этнический характер государственности как данность.

Сам по себе тот факт, что некоторые субъекты федерации названы по имени тех или иных этнических групп, ни о чем не говорит. Каковы правовые последствия этого наименования? Определяет ли это доктрину и режим власти в соответствующих регионах? Является ли это фактором, влияющим на обще-

¹ Хабриева Т.Я. Национально-культурная автономия в Российской Федерации. М.: Юридический дом «Юстицинформ», 2003. С. 46—47; Тощенко Ж.Т. Указ. соч. С. 309.

² Медведев Н.П. Политическая регионалистика. М.: Альфа-М, 2005. С. 384.

ственные практики? Амурская область названа так, потому что расположена на берегу Амура, а Камчатская — на полуострове Камчатка. И что из этого следует?

Идея «национальной» в этническом смысле государственности несет в себе коллизию даже в обыденном смысле. Если определенный субъект федерации «принадлежит» «титульной национальности», то следует ли из этого, что он не является «своим» для остальных живущих там граждан? Как тогда интерпретировать то, что они платят налоги, участвуют в выборах и пользуются всей полнотой прав гражданина и человека? Если государственность является для них также «своей», то зачем нужны заявления о ее этнической «принадлежности»? Если такие заявления имеют не только символическое значение, то в чем, в каких институтах и отношениях находит выражение эта связь между этничностью и территорией?

Если речь идет о «принадлежности» территории и институтов власти определенной этнической группе, то ее в России, как и в современном мире в целом, крайне проблематично закрепить правовой нормой (что и не происходит), поскольку это означало бы нарушение правового равенства граждан. И.А. Умнова совершенно справедливо отмечает, что в соответствии со ст.3 Конституции РФ носителем и единственным источником власти в стране признается только многонациональный народ России. Кроме того, по смыслу Преамбулы и ст.5 Конституции в их связи с другими конституционными положениями, «народ как политико-территориальная общность, представляющий территорию — субъект Федерации, — не есть какая-то однородная в этническом или национальном отношении общность»¹.

Федеральное законодательство содержит только двусмысленные формулировки и не утверждает прямо, что то или иное образование является «владением» или формой организации той или иной этнической группы. Концепцию «этнической»

¹ Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М.: Дело, 2000. С. 159.

государственности, хотя и в опосредованном виде, впервые юридически закрепил формально действующий до настоящего времени Закон СССР «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР» 1990 г., что однозначно следует из формулировки «граждане, проживающие за пределами *своих* национально-государственных образований или *не имеющие их*» (курсив мой. — А.О.). Федеральный закон «О национально-культурной автономии» 1996 г. содержит понятие «этнические общности, имеющие соответствующие республику или автономный округ, автономную область» (ч. 6 ст. 5). Закон РСФСР «О языках народов Российской Федерации» 1991 года содержит понятие «население, не имеющее своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущее за их пределами» (п. 4 ст. 3, п. 5 ст. 9). Таким образом, в этих случаях подразумевается особая связь определенных этнических общностей с определенными территориальными образованиями, но никак не разъясняются правовая природа и содержание этой связи.

Региональные конституции и законы содержат компромиссные положения и избегают прямого декларирования того, что определенная территория «принадлежит» определенной группе. Обычно либо «титульные» группы не упоминаются вообще, либо одновременно говорится о «самоопределении» «титульной» нации и о том, что источником власти является все население, либо каким-то образом подчеркивается особая роль «титульной» группы без отсылок к политической власти. Например, согласно Преамбуле Конституции Республики Татарстан 1994 г., Конституция выражает «волю *многонационального* народа Республики Татарстан *и татарского народа*», а согласно ч. 1 ст. 1, «носителем суверенитета и единственным источником власти в Республике Татарстан является ее *много-*

¹ http://www.tatar.ru/?DNSID=e3f7f926f448630c4906d630fe02c8e5&node_id=222.

национальный народ»¹. В ст. 2 Конституции Республики Коми 1994 г. говорится, что «источником власти Республики Коми является ее *многонациональный народ*», ст.3 оговаривает, что «образование Республики Коми и ее название связаны с исконным проживанием на ее территории *коми народа*»¹. Конституция Республики Карелия 1978 года (с изменениями и дополнениями), действовавшая до февраля 2001 года, не содержала никаких упоминаний о связи между этничностью и государственностью Карелии, за исключением того, что область, населенная вепсами (одно из автохтонных меньшинств региона), образует отдельный избирательный округ. Новая Конституция Карелии 2001 г. содержит следующие положения: согласно Части 5 ст. 1, «исторические и национальные особенности Республики Карелия определяются проживанием на ее территории *карелов*», а по ст. 21, «в Республике Карелия осуществляются меры по возрождению, сохранению и свободному развитию *карелов, вепсов и финнов*, проживающих на ее территории»² (курсив мой. — А.О.). Для сравнения — ссылка на особое положение казачества и русского народа с 1997 года содержится в Ч. 1 ст. 2 Устава Краснодарского края, а этот никто не относит к «национально-государственным образованиям».

Можно ли говорить о том, что государственное образование является «национальным», если его конституция или устав закрепляют норму о покровительственной политике в отношении определенной этнической группы? Далеко не все конституции российских республик содержат такую норму. Ч. 3 ст. 43 Конституции Республики Мордовия указывает лишь на то, что республика оказывает «содействие в обеспечении национально-культурных и образовательных потребностей граждан мордовской национальности, проживающих за пределами Республики Мордовия. Для выводов о природе государственности и доктрине власти РМ этого явно недостаточно. С другой

¹ <http://www.rkomi.ru/gosud/konst.html>.

² <http://gov.karelia.ru/gov/Constitution>.

стороны, Устав Псковской области содержит отдельную статью, гарантирующую «права народности сету»¹ на исконную среду обитания, на сохранение самобытности, языка, обычаев и традиций, на самоуправление»². Никто не возьмется на этом основании называть Псковскую область национальной государственностью сету.

Характер российского федерализма вроде бы является одной из ключевых проблем государственного устройства и развития правовой системы РФ. Сама по себе тема «этнической» государственности регулярно затрагивается в публичных дискуссиях, но в реальности содержательно не анализируется, хотя, казалось бы, столь важные вопросы о правовой природе, признаках и проявлениях «этнической» государственности должны быть в числе основных предметов профессионального обсуждения. Но последнее просто не имеет места. Преобладают лапидарные констатации того, что Федерация в России строится в числе прочего по «национальному признаку», либо того, что «национально-государственные образования» являются формой организации «титულных» этнических общностей.

«Национально-территориальный подход соответствует международно признанному праву наций (народов) на самоопределение, то есть коллективному праву этносов на самостоятельный выбор формы организации своей жизни»³. «Различаются федерации, созданные на основе или с учетом *национального* (языкового, лингвистического) признака, и фе-

¹ Сету — православная по вероисповеданию группа, говорящая на эстонском языке и живущая по обе стороны границы между Россией и Эстонией.

² http://www.pskov.ru/downloads/ustav_rus.doc.

³ Чиркин В.Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. М.: Зерцало, 1998. С. 307.

⁴ Теория государства и права. / под ред. М.М. Рассолова, В.О. Лучина, Б.С. Эбзеева. М.: Закон и право, 2001. С. 87.

дерации, не учитывающие его»⁴.

В академической и популярной литературе встречается расхождение в оценках НГУ: есть сторонники «этнического федерализма»¹, есть противники, обвиняющие власти российских республик в «этнократии» и дискриминации «нетитульного» населения². Однако, ни те, ни другие не пытаются объяснить, что именно, какие практики и институты они подразумевают под «национальной государственностью». Например, такие вопросы не ставятся в монографии В.Р. Филиппова, целиком посвященной критике «этнического федерализма»³.

Таким образом, почти все авторы оперируют категориями «этнической» государственности и «этнического» федерализма так, как будто по поводу их значения достигнуто всеобщее согласие или хотя бы пришла интуитивная ясность, но и то, и другое весьма сомнительно. В один ряд иногда ставятся настолько разные феномены, как российский Татарстан, канадский Квебек, иракский Курдистан или Аландские острова в Финляндии⁴.

Интересно, что попытки предложить интерпретации феномена «этнической государственности» делались раньше, в 1960—1980-е годы. По сути, были сформулированы два подхода, причем оба выводились из концепции «национального» в этническом смысле суверенитета. Один строился на том, что советская «национальная» республика является формой организации соответствующей «социалистической нации», её госу-

¹ *Арутюнов С.* Федерализм, этничность и политика аффирмативных действий // Профессионалы за сотрудничество. М., 1998. Вып. 2. С. 15—25.

² См. например: *Тощенко Ж.Т.* Указ. соч.; *Федоров В.* Необязательный федерализм в России: опасности для страны // Безопасность Евразии. 2001. № 3. С. 277—293; *Филиппов В.Р.* Критика этнического федерализма. М.: Российская академия наук, Центр цивилизационных и региональных исследований, 2003.

³ *Филиппов В.Р.* Указ. соч.

⁴ *Хабриева Т.Я.* Национально-культурная автономия в Российской Федерации. С. 7—8.

дарственный суверенитет произведен от «национального». Живущие в республике граждане других национальностей прямого отношения к ней в государственно-правовом смысле не имеют, хотя никто не отрицает их права и не собирается их дискриминировать¹. Другой, более распространенный подход был основан на фикции учредительства. В этом случае мы имеем дело с утверждением, что когда-то в первые годы советской власти та или иная республика или автономия возникли в силу волеизъявления определенной национальности (что подается, однако, не как условность, а как социологический факт). Впоследствии, в силу миграций население стало неоднородным, и первоначально «национальный» характер государственности был как бы поглощен функциями общенародного государства, выражающего интересы всего населения, но не исчез, как не исчезает и не отчуждается «национальный» суверенитет².

Интересно, что в 1990-е годы, когда все связанные и с федерализмом, и с этничностью вопросы стали гораздо более актуальными, эти подходы не получили развития, а дискуссия не сложилась. Напротив, произошло «размывание» картины, и в настоящее время даже сложно говорить о каких-либо четко выраженных и аргументированных подходах. Фикция «учредительства» («титульная» нация учреждает организацию, то есть республику, но как учредитель пользуется равными правами с другими членами организации, то есть всем прочим населением) нашла отражение в нескольких декларациях о суверенитете и конституциях республики в составе РФ (например, Башкортостана), но теоретическому обсуждению не подверглась. Крайние позиции — защита идеи «национальной государственности» как в буквальном смысле «владения» «титульных национальностей» и осуждение федеративного устройства как

¹ Коваленко АИ. Советская национальная государственность. Минск: Высшая школа, 1983.

² Железнов БЛ. Указ. соч.; Коржмасова КД. Национально-государственное устройство СССР. Ростов-н/Д: Изд-во Ростовского государственного ун-та, 1984.

системы «этнократий» — остаются маргинальными.

В литературе, затрагивающей вопросы государственного управления и конституционного права, можно выделить два подхода.

Один — это непоследовательные и достаточно беспринципные попытки эклектически соединить противоречащие одна другой идеи. Например, тексты, выпускаемые Р.Г. Абдулатиповым, по сути построены на жонглировании тремя тезисами: 1) РФ есть союз и народов, и территорий, 2) федерация в России строится по «национальному» принципу, и от него нельзя отказываться, 3) дискриминация недопустима, республики принадлежат всему их населению, а не только «титульной» национальности¹. Можно, например, в одном месте книги утверждать, что «автономия является одной из форм реализации народами национального суверенитета» или что автономия есть «форма внутреннего государственно-правового самоопределения народности, компактно проживающей на определенной территории»², а в другом отрицать, что носителем суверенитета является этническая общность, и указывать, что субъектом самоопределения выступает все население территории³.

Другая позиция основана на неэтническом понимании термина «народ», при этом ссылки на «самоопределение» этнической общности, использованные в некоторых декларациях о суверенитете республик начала 1990-х годов и в литературе, трактуются как теоретическое заблуждение⁴. Однако при этом сам по себе дискурс «национально-государственного устрой-

¹ *Абдулатипов Р.* Национальный вопрос и государственное устройство России. М.: Славянский диалог, 2000; *Он же.* Федералогия. СПб.: Питер, 2004.

² *Коржмасова К.* Конституционные основы Российского Федерализма и общенациональная идея России. Ростов-н/Д: Изд-во Института управления, бизнеса и права, 2002. С. 102—103, 130.

³ Там же. С. 168—169.

⁴ *Умнова И.А.* Указ. соч. С. 160—162.

ства» РФ оставляется без комментариев. В позиции И.А. Умновой интересно и то, что приписывание «права на самоопределение» этнической общности отвергается не по принципиальным соображениям — не из-за сомнений в том, можно ли такого рода группы считать субъектами права и имеет ли правовой смысл сама идея самоопределения. Поставленные И.А. Умновой вопросы следует считать не принципиальными, а техническими: как быть с «нетитульными» национальностями, почему «нациями» можно называть «титульные» национальности республик, но не округов, что делать, если кто-то потребует для «нации» в этническом смысле отделения от существующего государства?¹

Символическая vs инструментальная политика

Пикантность ситуации в том, что практическая значимость и НКА, и «национально-государственного устройства» оказывается весьма проблематичной.

«Национально-культурные автономии» как общественные объединения обладают меньшим объемом прав, чем «простые» общественные объединения, а их учреждение и функционирование связано с большим числом процедурных ограничений.

Закон об НКА приводит закрытые списки сфер деятельности (ст.1) и, соответственно, прав «автономий» (ст.4). НКА предоставляются права, связанные исключительно с «сохранением самобытности, развитием языка, образования, национальной культуры». Законы об общественных объединениях и некоммерческих организациях предоставляют «просто» неправительственным организациям больше форм и оснований получения государственной поддержки, чем НКА.

Положения закона, посвященные отношению государства

¹ Умнова И.А. Указ. соч. С. 160—162.

с НКА, сформулированы двусмысленно, посредством использования глаголов настоящего времени в изъявительном наклонении: органы власти оказывают поддержку, содействуют, рассматривают предложения, учитывают, осуществляют финансирование, предоставляют и пр. И общие нормы литературного языка, и принятая юридическая техника таковы, что подобные конструкции могут интерпретироваться и как обязывание, и как дозволение. На практике такие положения толкуются как дающие право органам власти оказывать содействие НКА, но не как обязывающие их это делать. Согласно Закону об НКА в редакциях до августа 2004 года, «финансовые средства предоставляются национально-культурным автономиям... при условии, что эти средства имеют целевой характер и могут использоваться только на конкретные мероприятия» (часть 1 ст. 20).

Закон об НКА, однако, не определяет уполномоченные органы, механизмы выделения и распределения, так же как и критерии установления объемов выделяемых ресурсов, то есть не предусматривает конкретных обязательств государства. Следует также отметить, что предусмотренный законом механизм государственной поддержки заведомо допускает финансирование только краткосрочных проектов и едва ли может быть основой поддержания учреждений образования и культуры.

Закон об НКА явно устанавливает только два преимущества НКА перед прочими неправительственными организациями: государственные СМИ могут бесплатно размещать материалы НКА, и при органах исполнительной власти могут создаваться консультативные советы по делам НКА. Эти нормы закона на деле не трактуются как обязывающие, а консультативные структуры по делам НКА в большинстве регионов сформированы не были. Закон об НКА во всех редакциях не содержит никаких упоминаний о гарантиях и средствах защиты прав, предоставляемых «автономиям».

За редким исключением НКА не получают якобы гарантированной им государственной поддержки. Если власти оказывают НКА такую поддержку, то только вместе и наравне с другими этническими неправительственными организациями¹. Практически никаких ресурсов от государства не получают русские НКА, на борьбу с которыми было положено столько усилий.

«Этническая» государственность республик, автономной области и автономных округов не является правовым институтом и вообще не определена и не закреплена в юридическом отношении. Скорее, приходится говорить о фигурах речи, которые являются лишь продуктом доминирующего этноцентричного нарратива и одним из приемов саморепрезентации государства в социально приемлемых терминах.

Во многих случаях республиканские власти действительно оказывают преференции «титულным» национальностям. Это выражается в символическом декларировании особой роли «титулных» групп, в официальном статусе местных языков и поддержке их публичного функционирования, в финансировании культурных и образовательных институтов, а также СМИ, ориентированных на потребности «титулного» населения. Однако при этом государственными могут быть не только языки «титулных» этнических групп. Например, в Карачаево-Черкесской Республике такой статус имеют пять языков.

В официальных декларациях властей республик, в том числе в республиканских законах, программах и концепциях «национальной политики», подчеркиваются многоэтничный характер их населения и стремление официального руководства поддерживать языки и культуры всех групп. Именно в республиках принято большинство региональных законов, касающихся поддержки региональных меньшинств, — законы о НКА в 1996 году в Республике Коми, в 2003 году в Республике Татар-

¹ Подробнее см.: *Осипов А.Г.* Указ. соч.

стан и в 2004 году в Республике Мордовия. Наиболее активную «этнокультурную» политику в отношении меньшинств и «нетитульного» населения проводят именно республики, такие как Татарстан, Башкортостан, Карелия, Коми и Чувашия¹.

Кроме того, на практике оказывается, что статус республики или автономного округа сам по себе не гарантирует патернализма государства по отношению к «титულной» этнической группе или группам. Несмотря на громкие заявления, никому не удалось доказать, что республиканские власти проводят политику ограничения социальных возможностей «нетитульного населения»; скорее, приходится говорить о спонтанных процессах социальной стратификации². В ряде республик (например, Карелии, Хакасии) и в автономных округах поддержка «титулных» языков и культур по своему характеру и объему сопоставима с мерами, принимаемыми в краях и областях РФ по отношению к своим этническим меньшинствам. Ситуация, сложившаяся в Республике Марий Эл (Среднее Поволжье) в 2001—2005 годы, более того, показывает, что республиканс-

¹ Полезные описания ситуации в разных субъектах РФ приводятся в подборке официальных ответов федеральных ведомств и органов государственной власти субъектов федерации на запросы министра РФ, отвечавшего за национальную политику, — В.Ю. Зорина, см.: Концепция государственной национальной политики Российской Федерации: опыт, реализация. 2002 год. К Всероссийскому совещанию в Доме Правительства Российской Федерации 18 апреля 2003 года «О реализации Концепции государственной национальной политики Российской Федерации». Т. 1—2. М.: Правительство РФ, 2003. Также см.: *Мукамель В.* Национальные меньшинства в федеральном законодательстве и законодательство субъектов Федерации // Новые диаспоры. Государственная политика по отношению к соотечественникам и национальным меньшинствам. М., 2002. С. 158—199. Сравнительный обзор «национальной политики» в разных регионах РФ размещен на сайте Центра этнополитических и региональных исследований <http://www.indem.ru/ceprs/Minorities>.

² См. например: Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Автор проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Academia, 2002.

кое руководство в принципе может вступить в конфронтацию с движением, выступающим от имени «титულიной» национальности, резко свернуть поддержку местного языка и культуры, а также оказывать в разных формах давление на деловую и культурную элиту «титულიной национальности», подозреваемую в нелояльности. При этом во всех регионах РФ государственные языки республик выполняют меньший объем коммуникативных функций, чем русский язык, а во многих случаях сохраняются лишь как языки бытового общения, даже несмотря на их официальный статус.

Есть некая универсальная логика, в соответствии с которой признание культурного плюрализма из группоцентричной перспективы в конечном счете ведет к выстраиванию иерархии групп. Само по себе описание социальных отношений как взаимодействия этнических или культурных групп порождает ряд чисто технических ограничений. Любое современное общество имеет весьма неоднородный состав; любая попытка передать это разнообразие через перечень «реальных» этнических сообществ дает списки в десятки и сотни наименований. Подобная мозаика мало пригодна для выстраивания публичной политики и управления, — например, для взаимодействия властей с воображаемыми этническими «общинами» или поддержки государством культуры и образования для «общин». Самым простым решением выглядит ограничение списка по тем или иным основаниям, чаще с националистическими обертонами, то есть выделение «более равных» групп и игнорирование всех прочих. Иными словами, в условиях дефицитарной экономики не могут не возникать в той или иной форме представления о необходимости ограничений и приоритетов в публичной поддержке языка и культуры¹. Если отправной точкой для выработки решений о приоритетности

¹ Соколовский С.В. Права меньшинств. Антропологические, социологические и международно-правовые аспекты. М.: МОНФ, 1997. С. 96.

поддержки служат представления о принципиальной разделенности общества на группы, то результатом будет выстраивание иерархии именно групп в зависимости от их веса и значимости. Практика во многих случаях показывает, что технические решения поднимаются до уровня идеологических.

Подобная логика в России имеет некоторую историческую специфику. Процедуры власти на протяжении 70 с лишним лет правления коммунистов, а также после распада СССР изначально упорядочивали политическое пространство в соответствии с представлениями о «весе» различных этнических групп. Одни производились в разряд «наций» и символически наделялись «государством» («национально-территориальным образованием» того или иного уровня), другие объединялись в одно подобное образование вместе с одной или несколькими группами, третьи не получали «своей» территории. Еще до 1917 года в общеевропейском русле развития националистических идей начали складываться представления о связи этнической группы с территорией, о «коренных» и «некоренных» группах, находящихся на разных уровнях символической иерархии и заслуживающих различного отношения. В развитие такого рода представлений были сделаны колоссальные инвестиции. Таким образом, с одной стороны, доминирующие дискурсы опирались на постулат о плюралистичности (многонациональности) российского (советского) общества; с другой — на базовые представления и допущения этнонационализма — связь этничности с территорией и этническая группа как субъект государственности. Такая комбинация хорошо описывается термином, однажды использованным Б. Бэрри — «мультинационализм»¹.

Упорядочение этнического пространства требует соответствующих легитимных, в том числе официальных narra-

¹ *Barry B. Culture and Equality. An Egalitarian Critique of Multiculturalism.* Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2001. P. 314.

тивов. Спрос проявляется по меньшей мере с двух сторон: государственного руководства, нуждающегося в легитимном описании действительности, и этнических элит, требующих признания. Агенты власти, в том числе экспертное сообщество, занимаются (вос)производством этой легитимной картины мира, то есть этноцентричного нарратива. Отсутствие иных четко артикулируемых требований демонстрирует, что потребности в институциональных решениях и в ресурсах просто нет. То, что «национальные проблемы» и говорение о них относятся преимущественно к области символической, а не инструментальной политики, подтверждают и другие, помимо НКА и НГУ, сюжеты. Установившаяся в головах символическая картина этнического устройства не просто социально приемлема, но самоценна и не нуждается ни в обсуждениях, ни в рационализациях.

Говорение о «национально-культурных автономиях» и «национально-государственном устройстве» позволяет воспроизводить упорядоченную и основанную на иерархии картину этнического пространства. Русские являются основой страны и делят ее со всеми другими национальностями, многие национальности имеют «свои» государственные образования, и эти образования обеспечивают возможности для их, национальностей, «развития»; остальные могут организоваться в НКА и решать свои проблемы посредством нетерриториальной организации. Это объясняет почти всеобщую резко негативную реакцию на создание русских НКА — такая идея означает или нарушение, или дискредитацию желаемого символического порядка. Интересно отметить, что термин «национализм» исторически связан с посягательствами на этот порядок, а потому отрицается и осуждается. В это же время основные постулаты и допущения этнонационализма являются основами установленной символической организации социального пространства.

Сергей Соколовский

ЭССЕНЦИАЛИЗМ В РОССИЙСКОМ КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ

(на примере терминологии, используемой
в конституциях республик в составе РФ)

Прежде всего, прошу рассматривать мое сообщение в качестве описания одного конкретного случая, то есть одной из множественных реализаций той идеологической и философской позиции, которую многие именуют *эссенциализмом* или *субстанциализмом*. Иными словами, я совсем не намереваюсь утверждать, что такого рода взгляды присущи только российским законодателям и правоведам; скорее, они являются продуктом усилий довольно многочисленного сообщества интеллектуалов, чья деятельность непосредственно связана с производством, описанием и анализом социальных представлений. Рассматривая этот отдельный случай, я также хочу подчеркнуть, что вовсе не считаю, что субстанциалистская позиция популярна лишь среди отечественных обществоведов и политиков. Она остается влиятельной и у наших коллег в Европе и США (в качестве примера могу привести концепцию Сэмюэла Хантингтона, с его эссенциализацией понятия «цивилизация»¹). Кроме того, многие положения современного международного права, в особенности в той его части, которая касается защиты прав коренных народов, оформлялись в контексте и на основе эссенциалистских трактовок понятия «народ». Вообще можно отметить как парадокс нашего времени, что в то время как суб-

¹ *Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon à Schuster, 1996.*

станциалистская позиция становится все менее и менее популярной в современных философии и антропологии, она все больше используется в качестве основы для политического активизма лидерами различных этнических групп, в том числе в движении за защиту прав коренного населения, и находит отражение в концепции групповых прав и прав народов у некоторых правоведов, специализирующихся в области международного права и политической философии. Одним словом, эссенциализм российских законодателей — это не специфическая черта российского мышления, но, скорее, фрагмент значительно более широкого дискурсивного поля, сформированного реакцией на антисубстанциалистскую позицию Дэвида Юма, повлиявшую, как известно, на становление современного конструктивизма. Конструктивизму противостоит позитивистско-натуралистическая традиция трактовки социальных явлений (применительно к нашей теме — концептуализации этнических феноменов — здесь прежде всего вспоминается Гердер), которую я и называю эссенциализмом или субстанциализмом. В соответствии с ней динамика современной социально-политической ситуации и мировой политики в целом определяется поведением взаимодействующих в ней народов, именуемых также нациями или этносами и представляющих собой особые лингвокультурные сущности, или организмы.

Последняя оговорка. Я не хочу создать впечатление, что то дискурсивное поле, о котором я только что сказал, и динамика дискуссий между конструктивистами и субстанциалистами является исключительным продуктом деятельности интеллектуалов. В формировании этого поля деятельное участие принимают различного рода «практики» — не только политики и законодатели, но и уже упомянутые активисты национальных движений. То есть конкретные позиции в этом поле формируются не только интеллектуалами и их дискурсом, но часто оформляются на основе антиинтеллектуалистских идеологий и действий. В качестве примера можно привести неофашист-

ские движения, опирающиеся, как известно, на эссенциалистские трактовки «расы» и «народа». К сожалению, мобилизационный потенциал риторики неофашистов пока значительно превосходит интеллектуалистскую риторику конструктивистов¹.

Сделав эти оговорки, я перехожу к рассмотрению понятийно-терминологической системы российского конституционного права, точнее, к тому фрагменту этой системы, который имеет отношение к концептуализации так называемых «межнациональных отношений», «национальной политики»², к за-

¹ Как отмечает один из российских социологов, «борьба части интеллектуальной элиты России, сосредоточенной главным образом в городах федерального значения и ориентированной космополитически, против якобы ретроградного “субстанциализма” и “эссенциализма” в трактовке этноса, против его мнимой “натурализации” и “реификации” увеличивает и без того колоссальный отрыв интеллигенции от основной массы российского народа, живущего в регионах — в средних и малых городах, поселках и деревнях. Это происходит потому, что, с одной стороны, “птичий язык” постмодернистского мультикультурализма обычные люди просто перестают понимать. С другой стороны, он не позволяет адекватно решать реальные острые наболевшие проблемы межнациональных и федеративных отношений в РФ, так как не соответствует отечественным социальным реалиям, ориентируясь на иные, более продвинутые в политико-экономическом отношении западные образы социальной реальности. Область практического применения понятий и их дефиниций (типа “этнос — это гипертекстуальный код этнологического дискурса”) резко сужается, происходит что-то вроде интеллектуалистской возгонки концепции, ее замыкания на саму себя. Зато вместо гуманитарно-научной “зауми” до народа доходят ясные и грубые человеконенавистнические лозунги ультра националистов и нацистов, а здравомыслящие интеллектуалы, переключая иногда свое внимание с Запада на Россию, позиционируются в роли сторонних наблюдателей за тревожными событиями в родной стране» (*Малинкин А.Н.* Новая российская идентичность: исследование по социологии знания // Социологический журнал. 2001. № 4).

² В России обычно используется термин «национальная политика»; им обозначают по преимуществу политику по отношению к нерусским народам; в западных демократиях аналогичное понятие от-

щите прав национальных меньшинств и коренных народов и урегулированию, условно говоря, «этнических конфликтов». Мне приходится здесь избирать эту модальность условности и ставить в кавычки большинство из только что названных мною терминов, поскольку я не разделяю эссенциалистских симпатий тех, кто ими обычно пользуется. Между тем практически каждый из этих терминов хорошо мотивирован идеологически, то есть вполне соответствует той теоретической парадигме, которую мы здесь именуем эссенциалистской или субстанциалистской.

Терминологическая система российского конституционного права в том ее разделе, который касается формулирования основ политики в отношении сообществ со специфическими культурными, языковыми, этническими и конфессиональными интересами, остается крайне противоречивой и весьма запутанной. Такая ситуация отчасти объясняется отсутствием консенсуса в соответствующих областях и разделах научного знания, обосновывающего введение и использование официальных категоризации и классификации населения в соответствии с идентичностью граждан и их политическими, социальными и культурными интересами. Разнообразные категоризации и классификации опираются, в свою очередь, на теоретические схемы и модели, разрабатываемые в этнологии,

существует: в англоязычных странах, например, терминосочетание «national policy» будет означать «государственную политику», как внешнюю, так и внутреннюю. Для передачи смысла русскоязычного термина советологи и современные специалисты по странам Восточной Европы используют термин «nationalities policy». В дальнейшем, во избежание путаницы, я пользуюсь термином «этнонациональная политика» как синонимом российского понятия «национальная политика», в словоформе которого подчеркивается, что речь идет о политике государства по отношению к этническим категориям. Термин «этническая политика» представляется менее удачным хотя бы потому, что в тех же англоязычных странах его аналог «ethnic politics» используется для обозначения политического поведения этнических групп, например, их голосования во время выборов.

социальной антропологии и социологии. Здесь будут рассмотрены лишь те из них, которые используются для концептуализации этнических феноменов (сообществ, процессов и их качеств) в документах конституционного права, в частности в текстах основных законов республик в составе Российской Федерации¹.

Тексты действующих сегодня основных законов республик в составе Российской Федерации содержат около 20 терминов и ассоциированных с ними понятий, используемых для обозначения категорий и групп граждан со специфическими культурными, языковыми, этническими и конфессиональными потребностями и интересами (*Таблица 1*). Лишь часть из этих понятий по своему содержанию и объему соответствует понятиям, используемым в федеральной конституции и международном праве. Такое положение усугубляется тем обстоятельством, что в разрабатываемых сегодня законопроектах и уже принятых законодательных актах размер соответствующего тезауруса (и число терминов в и без того избыточной терминосистеме, обслуживающей потребности регулирования прав меньшинств и коренных народов в рамках государственной

¹ Я уже неоднократно обращался к этой теме, различные аспекты которой отражены в ряде публикаций: общая характеристика терминологии российского конституционного права приведена в статье: *Соколовский С.В.* Терминология и концептуализация этнонациональной политики в конституционном праве РФ // Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации. М., 2004. С. 13—26. Анализ соответствующей терминологии различных разделов республиканских конституций вместе с документированием контекстов употребления терминов был представлен в статье: *Соколовский С.В.* Концептуализация этнонациональной политики в текстах республиканских конституций // Право и этничность в субъектах Российской Федерации / Под ред. Н.А. Ворониной и Маркуса Галдиа. М., 2004. С. 11—56. Более ранние версии текстов республиканских конституций рассмотрены в кн.: *Соколовский С.В.* Концептуализация этнического в российском конституционном праве // Расизм в языке социальных наук. СПб.: Алитейя, 2002. С. 94—117.

этнонациональной политики) оказывается еще бoльшим. Упорядочение терминосистемы, однако, затрудняется не только наличием противоборствующих политических программ, но и, как уже упоминалось выше, отсутствием консенсуса по целому ряду существенных для рассматриваемой темы позиций в рамках российского академического сообщества.

Теоретические позиции экспертов — представителей весьма широкого круга социальных наук, а также потребителей этого экспертного знания, нередко активно участвующих в его производстве политиков и законодателей, уже неоднократно подвергались классификации. К наиболее известной из таких классификаций относится определение противоборствующих подходов как *конструктивистского*, с одной стороны, и *примордиалистского* или эссенциалистского, с другой. Даже в случае такой простой классификации приходится говорить об осторожности в выборе терминологии, поскольку наименования теоретических позиций, как правило, осуществляются не их носителями, а их противниками и, таким образом, каждый из существующих терминов отражает определенный угол критики и, тем самым, конструирует идеализированный объект, подчас придавая главенствующее значение тем чертам и характеристикам в концепциях оппонентов, которые сами они не всегда расценивают как существенные или определяющие или не осознают в качестве таковых. Это, помимо прочего, означает, что противники не узнают друг друга в создаваемых ими критических образах, что приводит к стагнации дискуссий и их идеологизации и политизации, когда ярлык примордиалиста или конструктивиста превращается, в зависимости от аудитории и прочих обстоятельств, в стигму или символический капитал. Например, критики позиции, ставшей известной под именем конструктивизма, называют этот подход, в зависимости от фокуса своей критики, релятивистским, субъективистским, ситуационистским, иногда инструменталистским и так далее. В свою очередь, так называемый примордиалистский подход его противники обозначают также как *исконнический*,

натуралистский и, наконец, субстанциалистский или субстантивистский и эссенциалистский. Я согласен с Роджерсом Брубейкером, который утверждает, что «сегодня ни один серьезный исследователь не придерживается мнения, обычно приписываемого карикатурно изображаемым примордиалистам, будто нации или этнические группы суть изначальные, неизменные сущности». «То, что я критикую, — пишет этот исследователь, — это не соломенное чучело примордиализма, но более убедительная субстанциалистская позиция сознания, приписывающая реальное, устойчиво длящееся существование нациям, как бы они при этом ни воспринимались». Действительно, этот подход, критике которого в отечественной антропологии продолжают уделять большое внимание, уместнее ассоциировать с тропами реификации, гипостазирования, натурализации социальных отношений, опредмечивания языковых и культурных категорий, персонифицирования групп и т.п., нежели с идеями древности происхождения или неизменности этнических сообществ. Таким образом, я придерживаюсь той точки зрения, что если уж именовать всю совокупность довольно различных концептуализаций этнических феноменов, опирающихся на перечисленные выше тропы, то удачнее называть ее эссенциализмом или субстанциализмом, нежели примордиализмом, что не исключает наличия элементов действительно примордиалистских воззрений. Нам необходимо также отдавать отчет, что в случае российского академического сообщества споры между приверженцами так называемого «субстанциалистского подхода» (вовсе, к слову сказать, внутренне не однородного, а скорее представляющего целое семейство разнообразных моделей) и адептами столь же условно именуемого «конструктивизма» так и не привели ни к консолидации мнений в рамках каждой из этих взаимно непримиримых позиций, ни тем более к выработке приемлемого для всех участников дискуссии решения.

Как эта ситуация сказалась на понятийном аппарате, используемом в рамках правового регулирования положения этнокультурных сообществ? Она выразилась, прежде всего, в

той особенности концептуализации сферы «национальной политики», которую я, за неимением лучшего, определяю как методологический и терминологический эклектизм. В существующих в этой сфере подходах, отраженных в текстах конституций республик в составе Российской Федерации, помимо представлений, которые ассоциируются с понятийным аппаратом демократического устройства и институционального признания существования групп населения с культурными, языковыми и конфессиональными особенностями и с признанием необходимости защиты их прав, есть и представления, связываемые с идеями этноцентризма, этнонационализма, закрепления привилегий локально доминирующих групп и т.п.

Если исходить из широко распространенного мнения о необходимости упорядочения системы понятий российского конституционного права (мнение, презумпцией которого служит представление о необходимости концептуального единства конституционного права в рамках одного государства), то следует начинать анализ с обслуживающей ее терминосистемы, а в конкретном случае нашего рассмотрения — с системы терминов, применяемых для формулирования основ государственной политики в отношении групп меньшинств и коренных народов, то есть той сферы политических отношений, которая в России традиционно обозначалась термином «национальная политика». В терминоведении разработана серия стандартных процедур для упорядочения терминосистем. К ним относятся, прежде всего, устранение полисемии и омонимии в границах отдельной терминосистемы, отбор мотивированных и лингвистически правильных терминов и так далее¹.

В конкретном случае корпуса текстов конституционного права, слагающегося из основных законов (республиканских

¹ Об основах упорядочения терминосистем, см., например: *Сутеранская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В.* Общая терминология. Вопросы теории. М.: УРСС, 2003; *Лотте Д.С.* Как работать над терминологией. Основы и методы. М., 1968; *Даниленко В.П.* Русская терминология: Опыт лингвистического описания. М., 1977.

конституций, уставов областей, краев и автономных округов), мы обнаруживаем практически все типичные ошибки, свойственные недостаточно продуманным и терминоведчески не выверенным терминосистемам, — наличие разных понятий, выражаемых одним и тем же термином, существование групп терминов, отражающих одно и то же понятие; использование терминов и понятий, выражающих идеологически устаревшие представления, несовместимые с прокламируемыми в этих же текстах принципами и так далее. Иногда тексты конституций отдельных субъектов федерации (в части формулирования основ национальной политики) расходятся друг с другом и с текстом федеральной конституции настолько существенно, что можно поставить под сомнение само единство обслуживающего их дискурса. Тем не менее деятельность Конституционного Суда по приведению республиканских конституций в соответствие с федеральной дает некоторые основания для рассмотрения всех текстов конституций в качестве *единого*, во всяком случае — связного и, в принципе, соотносимого с неким образцом текста, что и позволяет производить терминоведческую процедуру сравнения понятий, используемых в конституциях различных республик. Полный семантический анализ рассматриваемой терминосистемы предполагает сотрудничество терминоведов и юристов и рассмотрение не только текстов основных законов, но и разработанных на их основе законов и законопроектов и является делом будущего. Вне такого рода сотрудничества даже логически безукоризненная и строгая терминосистема может остаться невостребованной.

Термин «народ»

Термин «народ» содержится во всех рассматриваемых здесь текстах конституционного права, однако он обозначает в них различные понятия, а сами понятия используются в разных контекстах и с различной частотой.

Он содержится в Преамбуле Конституции РФ («Мы, многонациональный народ Российской Федерации...»), а также еще в шести ее статьях:

3 (1) *многонациональный народ* как единственный источник власти и носитель суверенитета; 3 (2) о формах осуществления власти *народом* [населением, согражданством]; 3 (3) о выражении власти *народа* через референдум и свободные выборы; 5 (3) федеративное устройство РФ основано на... равноправии и самоопределении *народов* в РФ; 9 (1) земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в РФ как основа жизни и деятельности *народов*, проживающих на соответствующей территории; 68 (3) РФ гарантирует всем ее *народам* право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития; 69 РФ гарантирует права *коренных малочисленных народов* в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации; 82 При вступлении в должность Президент РФ приносит *народу* следующую присягу: «Клянусь... верно служить *народу*».

Рассмотрение и анализ всех приведенных контекстов употребления термина «народ», позволяет утверждать, что за ним скрываются два разных понятия и две различных, если не диаметрально противоположных, концепции: *народ*₁ — «население», «согражданство» и *народ*₂ — «этническая общность» (Рис. 1), причем не всегда ясно, какое из понятий употребляется в конкретном контексте, как неясна и позиция авторов текста Конституции РФ относительно некоторых существенных положений. Так, например, ст. 3(1) и 82 бесспорно имеют в виду *согражданство*, в то время как ст. 68(3) и 69 столь же бесспорно имеют дело с понятием *этническая общность*. Содержание термина *многонациональный народ* (Преамбула Конституции и ст. 3.1) может быть раскрыто лишь при анализе еще одного термина — *национальность*, который будет рассмотрен ниже. Тем не менее уже теперь можно утверждать, что здесь имеется в виду *население (согражданство)*, особо харак-

теризуемое с точки зрения его этнической (национальной) принадлежности как неоднородное, полиэтническое, то есть мы имеем дело с понятием *народ*₁, в его соотносительности с одним из компонентов значения понятия *народ*₂. Таким образом, в случае термина «народ» мы сталкиваемся с омонимией (один термин используется для обозначения нескольких понятий).

Сложнее обстоит дело с анализом контекстов, в которых понятие *народ* соотносится с некоторыми коллективными правами — самоопределением (Преамбула и ст. 5.3) и правом на природные ресурсы (ст. 9.1), перекликающимися с соответствующими положениями Международного Билля о правах и рядом деклараций ООН. Вне соотносительности с соответствующими положениями международного права можно было бы категорично утверждать, что нормы Конституции РФ подразумевают самоопределение этнических сообществ. Так это, по-видимому, и есть, и в международной дискуссии о субъектах самоопределения разработчики российской Конституции находятся на позиции тех, кто признает это право за этническими сообществами. Это отнюдь не самая популярная сегодня позиция в мире, хотя она имеет давнюю традицию, на которую опирались, помимо прочих, В. Вильсон и В. Ленин¹.

¹ Как известно, аналогичные воззрения были у идеологов американской и французской революций и связаны они с идеей национального государства. Принцип «один народ — одно государство» рассматривался некоторыми теоретиками демократии в качестве ее неперемennого атрибута. Так Дж.С. Милль в своих «Размышлениях о представительном правительстве» писал, что свободные институты почти невозможны в стране, объединяющей несколько национальностей (nationalities), и, в соответствии с этим, необходимым условием существования независимых институтов является совпадение границ юрисдикции правительств с границами распространения национальностей. Следуя именно этому принципу, В. Вильсон призвал в феврале 1918 года положить конец межнациональным конфликтам и руководствоваться на мирных переговорах стремлением удовлетворить «все четко определенные национальные интересы, без создания новых причин для раздора и увековечивания старых».

События Второй мировой войны заставили международное сообщество отказаться от «этнического» содержания самоопределения и сделать акцент на гражданских сообществах. Неслучайно понятие *народ* в многочисленных резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН и знаменитой Декларации № 1514 (XV) о колониализме, провозглашающей, среди прочего, право «всех народов на самоопределение», трактуется большинством специалистов как синоним выражения «население страны». Известно также, что подавляющее большинство народов Африки в эпоху деколонизации «самоопределились» отнюдь не по этническому принципу. Тем не менее, трудно полагать, что российская Конституция опирается на гражданское понимание термина *народ* в своей Преамбуле и ст. 5(3). Это, в свою очередь, позволяет многим республикам принимать в качестве субъекта самоопределения не население республики в целом, а лишь его титульную часть. Так, например, в Конституции Бурятии мы читаем: «Республика Бурятия, образованная в результате реализации права *бурятской нации* на самоопределение, защищает интересы всего *многонационального народа* республики» (статья 60.1). В Конституции Чечни: «Чеченская Республика — суверенное демократическое правовое государство, созданное в результате самоопределения *чеченского народа*...» (ст. 1). «Алтайский народ» (ст. 77) и «*башкирская нация*» (ст. 69), признаны субъектами самоопределения в текстах конституций соответствующих республик.

Парижская мирная конференция образовала новые государства, изменив границы и расселение этнических групп, однако проведение межгосударственных границ строго по этническим оказалось невозможным вследствие исторических миграций, смешения и определяемой ситуацией политики идентичности. Именно для тех групп, члены которых оказались в «чужих» государствах, и была создана Лигой Наций система защиты меньшинств, предусматривающая не только защиту против дискриминации (в данном случае, равенство в отношении политических и гражданских прав), но и позитивные права в области образования, религии и языка (предоставление государственных субсидий на поддержку школьной системы, обучения на языках меньшинств и т.п.).

В текстах конституций всех республик в составе РФ отсутствует терминосочетание «титульный народ» (титульная нация), но его с успехом заменяют в ряде случаев такие сочетания, как приведенные выше, а также «*коренная нация*» (Тува, ст. 31, в прежней редакции) и «*коренной этнос*» (Хакасия, ст. 60.в).

Вообще, трактовка принципа самоопределения относится к наиболее непоследовательным и запутанным сюжетам конституционного права субъектов РФ. Помимо уже отмеченных случаев провозглашения в этом качестве титульных групп, ряд республиканских конституций называет несколько субъектов самоопределения одновременно. Так, в преамбуле Конституции КБР (до внесения поправок, то есть в прежней редакции) содержалась следующая формулировка:

«Верховный Совет Кабардино-Балкарской Республики, — выражая волю *многонационального народа* Кабардино-Балкарии, — сознавая историческую ответственность за судьбу Кабардино-Балкарии, — свидетельствуя уважение к суверенным правам всех народов, — реализуя неотъемлемое право *кабардинской и балкарской наций, всего народа Республики* на самоопределение, — подтверждает государственный суверенитет Кабардино-Балкарской Республики...».

Аналогичные нормы содержат конституции Адыгеи (ст. 51 «Республика Адыгея, образованная в результате реализации права на самоопределение *адыгейского народа и исторически сложившейся общности людей, проживающих на ее территории...*») и Удмуртии (ст. 1.1. «Удмуртская Республика — Удмуртия — государство в составе Российской Федерации, исторически утвердившееся на основе осуществления *удмуртской нацией и народом Удмуртии* своего неотъемлемого права на самоопределение...»).

Особый случай представляют формулы, допускающие и «этническое» и «гражданское» толкование субъекта самоопреде-

ления. Так, в соответствии со ст. 1 Конституции Ингушетии она представляет собой «демократическое, правовое, светское государство, образованное на основе реализации *народом Ингушетии* своего неотъемлемого права на национально-государственное самоопределение». Столь же неоднозначная формула содержится и в преамбуле Конституции Марий Эл: «*Народ Республики Марий Эл* через своих представителей в Конституционном Собрании, реализуя свое неотъемлемое право на самоопределение, подтверждая историческое единство с *народами России...* принимает настоящую Конституцию».

Ряд республиканских конституций (Калмыкии, Карелии, Карачаево-Черкесии, Коми и Чувашии вообще не содержат статей, имеющих термин «самоопределение»¹. Наконец, оригинальную трактовку содержание понятия «субъект самоопределения» содержит Конституция Тувы: «Республика Тыва, — суверенное демократическое государство в составе Российской Федерации, имеет право на самоопределение и выход из состава Российской Федерации путем всенародного референдума Республики Тыва». Лишь две республики — Саха (Якутия) и Мордовия — объявляют в качестве субъектов самоопределения «народ»², впрочем, конституция последней не содержит понятия самоопределения, вместо этого ст. 1 гласит: «Единственным источником власти в Республике Мордовия является *многонациональный народ*, проживающий на ее территории».

¹ Конституция Республики Коми в своей ст. 3 содержала (в прежней редакции до 09.01.01) следующую формулу: «Коми народ — источник государственности Республики Коми. Политика государства направлена на поддержание и развитие языка, культуры и жизненного уклада коми народа в соответствии с международными нормами и принципами, действующими в отношении коренных народов».

² Республика Саха (Якутия) является суверенным, демократическим и правовым государством, основанным на праве народа на самоопределение. Носителем суверенитета и источником государственной власти в республике является ее народ, состоящий из граждан республики всех национальностей (ст. 1.4).

Необходимо прокомментировать еще одно терминосочетание, содержащееся в Основном законе РФ — *коренной малочисленный народ* (ст. 69). С этим термином оказываются семантически связанными еще ряд терминосочетаний, представленных как в тексте Конституции РФ, так и в текстах республиканских конституций — *малочисленная этническая общность* (ст. 72.м Конституции РФ) и отчасти — *коренной этнос, коренная нация, и народность*. В соответствии со ст. 72 «в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся: <...> м) защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни *малочисленных этнических общностей*; <...>».

Эксплицитная соотносительность понятия *коренной малочисленный народ* в ст. 69 Конституции РФ с «общепризнанными принципами и нормами международного права» позволяет соотносить его содержание с аналогичными понятиями, используемыми в документах Международной Организации Труда (Конвенции МОТ № 107 и № 169), однако терминология (а также, в значительной степени, содержание соответствующих понятий) не совпадает — в документах МОТ отсутствует, например, критерий численности.

Если иметь в виду исторический аспект, то термин *коренные народы* долгое время в нашей стране официально не употреблялся. Еще относительно недавно его заменяло выражение *малые народности Севера*, которое оставалось в употреблении до середины 1980-х гг., но постепенно вытеснялось терминосочетанием *малые народы Севера, Сибири и Дальнего Востока*. До 1993 г. выражение «коренные народы» в официальных документах появляется лишь дважды и оба раза — в указах президента. В указе № 118 от 5 февраля 1992 года есть предложение о ратификации Конвенции МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах», а указ № 397 от 22 апреля 1992 года содержит распоряжение «подготовить до конца 1992 г. и внести в Верховный Совет РФ проекты законов «О правовом статусе корен-

ных народов Севера» и «О правовом статусе национального района, национального сельского и поселкового Советов, родовых и общинных Советов коренных народов Севера». Шестидесятилетнее табу на употребление формулы *коренные народы* и замена ее выражением *малые* или *малочисленные народы (народности)* не случайно. Оно объяснялось официальной позицией, выраженной представителем СССР на одной из сессий Рабочей группы ООН по коренному населению, в соответствии с которой использование выражения «коренные народы» уместно лишь в колониальном контексте. В соответствии с этой позицией было заявлено, что «коренных народов» в юридически строгом понимании этого термина на территории СССР нет¹. С 1993 года с принятием Конституции РФ в юридическую практику вошло терминосочетание *коренной малочисленный народ*, которое воспроизводится, вместе с соответствующей формулой о разделении полномочий, в текстах некоторых республиканских конституций (Бурятия — ст. 62; Коми — ст. 64.м; Мордовии — ст. 62.м; Адыгеи — ст. 54.1).

В текстах некоторых республиканских конституций в понятие *коренной народ*, наряду со стандартным, соответствующим духу и букве документов МОТ, вкладывается иное содержание, по существу совпадающее с понятием *титульного народа (нации)*. Так, например, ст.10 Конституции Республики Алтай гласит: «Территория Республики Алтай является исконной землей традиционного расселения ее *коренного и других народов*, обеспечивает сохранение их самобытности...» Это же понятие фигурирует рядом с содержательно неопределенным *малочисленные этнические общности* в ст.24: «Республика Алтай гарантирует и обеспечивает защиту исконной среды обитания и традиционного самобытного уклада жизни и хозяйствования *коренного народа и малочисленных этнических общностей* в местах их компактного проживания в соответствии с феде-

¹ *Barsh R. Indigenous Peoples: An Emerging Object of International Law // American Journal of International Law. 1986. Vol. 80. P. 375.*

ральными и республиканскими законами, принципами и нормами международного права».

Обширные права и их гарантии для коренных народов содержит Конституция Республики Саха (Якутии). Статья 42 этой конституции гласит: «Республика Саха (Якутия) гарантирует сохранение и возрождение *коренных народов* республики, а также *русских и других старожилов*. Республика, уважая традиции, культуру, обычаи *коренных народов и малочисленных народов Севера*, защищает и обеспечивает их неотъемлемые права: — на владение и пользование в соответствии с законом землей и ресурсами, в том числе родовыми сельскохозяйственными, охотничье-рыбопромысловыми угодьями; — на организацию социальной и медицинской программ с учетом экологических особенностей среды обитания, хозяйствования и этнической специфики организма человека; — на защиту от любой формы насильственной ассимиляции и этноцида, а также посягательства на этническую самобытность, на исторические и священные места, памятники духовной и материальной культуры. Порядок и условия реализации прав *малочисленных народов Севера*, не предусмотренных настоящей Конституцией, определяются законом».

В этой же Конституции содержатся следующие гарантии прав коренных малочисленных народов: «На территории компактного проживания представителей *малочисленных народов Севера* по волеизъявлению населения могут быть созданы национальные административно-территориальные образования. Статус этих образований определяется законом республики» (ст. 43). «Территория Республики Саха (Якутия) принадлежит многонациональному народу республики и является исконной землей традиционного расселения ее *коренных народов*. Территория республики в пределах существующих границ на момент принятия настоящей Конституции целостна и неделима» (ст. 44). «...В местностях компактного проживания представителей *малочисленных народов Севера* местные органы государственной власти могут быть образованы с учетом

национально-этнических особенностей в порядке, установленном законом» (ст. 85). «В местах компактного проживания малочисленных народов Севера могут образовываться избирательные округа с меньшей численностью избирателей» (ст. 112). Отсылки к титульным народам как к коренным содержатся в конституциях Дагестана (ст. 5) и Коми (ст. 3).

Таким образом, рассмотрение контекстов употребления и особенностей терминологического оформления понятия «коренной народ» позволяет утверждать, что мы на самом деле сталкиваемся с несколькими плохо дифференцированными понятиями, в которых присутствуют такие компоненты значения, как *малая численность, автохтонность, экстремальность климатических и иных характеристик территорий проживания* и специфический образ жизни, зависящий от форм хозяйствования (так называемое «традиционное хозяйство»). Часть этих значений содержится и в других понятиях конституций, тематизирующих сферу этнонациональной политики — *коренной этнос, народность, национальное меньшинство, национальная группа* и др. То обстоятельство, что в ряде текстов конституций (включая федеральную) правами наделяются народы, а не лица, обладающие специфическими языковыми и культурными потребностями, свидетельствует о том, что взгляды авторов этих текстов определяются эссенциалистской позицией в трактовке этнических феноменов. Рассмотрим теперь понятие «меньшинство» и ассоциированные с ним термины.

«Меньшинство» и ассоциированные термины

Наличие в российском дискурсе неизвестных в западных странах понятий и терминов превращает известные — в узнаваемые с трудом, и, скорее, по словоформе, нежели по содержанию и референциальному объему. Именно поэтому тему взаимосвязей между гражданскими и этническими идентично-

стями в России следует рассматривать как бы «с чистого листа» — слишком много новых понятий и терминов вошло в российский правовой дискурс совсем недавно и коренным образом изменило прежние понятия и термины. У многих сохраняется иллюзия, что «новые слова» были использованы для переобозначения старых понятий, как, например, выражение «малые народности» было заменено сначала «малочисленными народами», а затем «коренными народами Севера». Однако новые термины просто не могут не изменять смысла прежних понятий за счет того, что они обладают особыми ассоциативными рядами, что не может не привносить новые компоненты значения и т.п. Следовательно, с моей точки зрения, необходимо внимательней отнестись к особенностям современных словоупотреблений и уже на основе их анализа заново реконструировать значения терминов. «Вчитывание» же в новые контексты прежних смыслов создает особую ситуацию гетерохронности производства и потребления текста и порождает множество ошибок интерпретации, поскольку здесь смешиваются понятия из хронологически различных дискурсивных полей.

Вернемся, однако, к рассмотрению текстов конституций, которые располагают рядом терминов, еще более усложняющих схему тезаурусных связей базового для этого рассмотрения понятия «*национальное меньшинство*». Здесь достаточно отметить, что этот термин используется лишь в 12 (из 21) республиканских конституций в контексте, который копирует положения основного закона РФ о разделении полномочий между федеральным центром и республиками (соответствующие статьи раздела «Государственно-правовой статус»). Исключением является конституция Дагестана, где норма, гарантирующая права национальных меньшинств, включена в раздел «Основы конституционного строя», а также конституция Тувы, где помимо стандартных положений о разделении полномочий в разделе «Права и свободы человека и гражданина» приводится положение об Уполномоченном по правам че-

ловека, который осуществляет деятельность по обеспечению... защиты прав *национальных меньшинств*, их соблюдения и уважения органами государственной власти, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами (ст. 52.1). Конституция Республики Алтай (раздел «Правовой статус человека и гражданина») «гарантирует и обеспечивает защиту исконной среды обитания и традиционного самобытного уклада жизни и хозяйствования *коренного народа* и *малочисленных этнических общностей* в местах их компактного проживания в соответствии с федеральными и республиканскими законами, принципами и нормами международного права» (ст. 24).

Ассоциированный с понятием «национальное меньшинство» термин «народность» содержат тексты двух республиканских конституций: ст. 1.1 Конституции Удмуртской Республики гласит: «...Удмуртия — государство в составе Российской Федерации, исторически утвердившееся на основе осуществления *удмуртской нацией* и *народом Удмуртии* своего неотъемлемого права на самоопределение и суверенно осуществляющее государственную власть на своей территории в соответствии с Конституцией Российской Федерации и Конституцией Удмуртской Республики. Развитие Удмуртской Республики в существующих границах осуществляется равноправным участием всех *наций* и *народностей* республики во всех сферах ее жизнедеятельности».

Термин *народность* содержится в преамбуле Конституции Чеченской Республики («По воле Всевышнего народ Чеченской Республики, выражая стремление *чеченского народа*, руководствуясь идеями гуманизма и целью построения социально справедливого общества, исходя из высокой ответственности перед нынешним и будущими поколениями наших соотечественников, уважая права и интересы всех *наций* и *народностей*, провозглашая Чеченскую Республику самостоятельным суверенным государством и признавая себя равноправным субъектом в системе мирового содружества *наций*, принима-

ет настоящую Конституцию и считает ее впредь Основным Законом общества и государства»), а также в ст. 4: «Государство, его органы и должностные лица служат всему обществу, а не какой-то его части. Оно способствует консолидации всех социальных слоев и групп, *наций и народностей* Чеченской Республики на основе социальной справедливости, гражданского согласия и мира».

Наконец, Конституция Чувашии, принятая в 1978 году и действовавшая с поправками в 1989, 1991—1993 и 1998 годах, содержала несколько контекстов, иллюстрирующих употребление этого термина: «Социальную основу Чувашской Республики составляет нерушимый союз рабочих, крестьян и интеллигенции. Государство способствует усилению социальной однородности общества — стиранию классовых различий, существенных различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом, всестороннему развитию и сближению всех наций и народностей» (ст. 19). «Граждане Чувашской Республики различных рас и национальностей имеют равные права. Осуществление этих прав обеспечивается политикой всестороннего развития и сближения всех наций и народностей, воспитанием граждан в духе патриотизма и интернационализма, возможностью пользоваться родным языком и языками других народов...» (ст. 31). «Долг каждого гражданина Чувашской Республики — уважать национальное достоинство других граждан, укреплять дружбу наций и народностей многонационального государства» (ст. 58)¹.

Архаика этого словоупотребления особенно выразительна на фоне значительных изменений дискурса, связанных с самоутверждением титульных народов и новой риторикой прав человека, заимствованной авторами конституций из документов международного права. Понятно, что термин *народность*, помещенный рядом с термином *нация*, отсылает к известной сталинской триаде «племя — народность — нация» и подразу-

¹ В новой Конституции Чувашской Республики, принятой 30 ноября 2000 года, данные статьи отсутствуют.

мевают разновидность этнической общности, «находящейся стадийно между племенем или союзом племен и нацией»¹. Мы обнаруживаем здесь, что схемы социальных эволюционистов, дожившие в советских общественных науках с помощью марксистского исторического материализма до середины XX века, оказались «стадийно совпавшими» с либеральной риторикой прав меньшинств.

На фоне пары *нации — народности* понятия *национальная группа, этническая группа, этническая общность, коренной этнос, национальная общность* воспринимаются как концептуальные новации. Все они, так или иначе, оказываются связанными с концептом *национальное меньшинство*, либо замещая его (как в случае *национальной и этнической группы* конституций Башкирии и Алтая соответственно), либо противопоставляясь ему (коренной этнос — в Конституции Хакасии), либо вступая с ним в синонимические отношения (национальная общность — в Конституции Хакасии).

Анализ употребления терминов гражданской и этнической идентичности в конституциях республик

Область употребления терминов, связанных с понятиями из сферы этнонациональной политики, может подразделяться с позиций терминоведческого анализа на ряд подобластей (фрагментов текстов основных законов республик), в рамках которых рассматриваемые понятия оказываются связанными с особыми функциями. Именно эта функциональная специфика и позволяет выделять сами эти подобласти, с одной стороны, и рассматривать всю совокупность одинаковых разделов республиканских конституций как более однородную, чем

¹ Козлов В.И. Народность // Этнические и этносоциальные категории. Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 6. М., 1995. С. 69.

совокупность их текстов в целом — с другой. Содержательная однородность разделов обеспечивает более надежную базу для сравнения разных конституций и позволяет корректнее подойти к проблеме упорядочения терминосистемы.

Терминология преамбул республиканских конституций

Функциональную специфику первого из рассматриваемых контекстов употребления терминов из сферы этнонациональной политики — конституционной преамбулы — проще продемонстрировать на конкретном примере. В качестве такого примера возьмем текст преамбулы Конституции Чувашской Республики:

«Государственный Совет Чувашской Республики, свидетельствуя уважение к многовековой истории *чувашского народа*, сохраняя самобытность *народов*, проживающих на территории Чувашской Республики, признавая Чувашскую Республику субъектом Российской Федерации, осознавая историческую общность *народов* Российской Федерации, стремясь обеспечить благополучие и процветание Родины, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения *народов*, учитывая высокую ответственность перед *народом*, принимает Конституцию Чувашской Республики».

Как и во всех сравниваемых конституционных преамбулах, Преамбула Конституции Чувашской Республики называет субъекта, от имени которого принимается основной закон, и перечисляет цели и принципы, которые кладутся в основу этого закона. Термин «народ» в этой преамбуле используется пять раз и выражает по меньшей мере два разных понятия — «*этническая общность*» и «*население республики*». Из числа народов — этнических общностей особо выделяется *чувашский*

народ, наделяемый таким атрибутом, как «многовековая история». Остальные этнические сообщества (по-видимому, в это число входит и чувашский народ) наделяются такими характеристиками, как самобытность, историческая общность, равноправие и самоопределение. Краткость формулы преамбулы, выражающей основные принципы конституционного устройства, создает особые трудности для ее разработчиков, и в данном конкретном случае можно определенно утверждать, что не все из этих трудностей были успешно преодолены.

Текст Преамбулы федеральной конституции содержит лишь два из интересующих нас терминов — *многонациональный народ* и *народ* в значении «этническое сообщество», причем референт соответствующего понятия наделяется такими признаками, как равноправие и самоопределение. Как известно, принцип самоопределения был сформулирован в резолюциях ООН о деколонизации в начале 1960-х годов¹, а принцип равноправия и самоопределения народов — в декларации о принципах международного права 2625 (XXV) 1970 года. Помимо этого, первые статьи обоих пактов о правах человека фиксируют право народов на самоопределение.

Преамбула Конституции Российской Федерации звучит следующим образом:

«Мы, *многонациональный народ* Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения *народов*, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности

¹ Резолюция 1514 (XV) от 14 декабря 1960 г. и резолюция 1803 (XVII) от 14 декабря 1962 года.

за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем Конституцию Российской Федерации».

Рассмотрение контекстов употребления терминов, относящихся к сфере этнонациональной политики, в преамбулах конституций республик в составе РФ (Табл. 1) позволяет утверждать, что в них используется менее половины всех терминов и терминосочетаний из области этнонациональной политики российского конституционного права (семь из основных 17). По частоте употребления на первом месте стоит термин *народ* в значении «*этническая общность*» (иногда перечислены конкретные этнонимы, обозначающие так называемые «титовые народы»): он используется в преамбулах 15 из 22 сравниваемых текстов преамбул, причем в некоторых даже по три (Бурятия, Чувашия) или четыре раза (Карачаево-Черкесия). В семи текстах преамбул (конституции республик Адыгеи, Дагестана, Ингушетии, Карелии, Коми, Удмуртии и Хакасии) данный термин в этом значении отсутствует.

Вторым по частотности является терминосочетание *многонациональный народ*, также содержащееся в преамбулах 16 республик, включая преамбулу федеральной конституции. Такое подчеркивание многокомпонентности этнического состава населения восходит к формуле, закреплённой преамбулой федеральной Конституции, и отражает принцип *этнического федерализма*, в рамках которого национальная принадлежность и этническая идентификация граждан считаются, очевидно, более важными, чем другие аспекты их идентичности — территориальная (локальная), профессиональная, конфессиональная, сословно-классовая, возрастная, половая и так далее. Логика этнического федерализма заставляет ставить интересы сообществ, основанных на этнической солидарности, выше интересов групп, основывающихся на иных идентичностях. Такое выделение этнических групп среди прочих и их привилегированность в отношении групповых прав под-

вергается критике, на наш взгляд, заслуженной, со стороны некоторых юристов¹.

Термин *народ* в значении «население страны, республики» используется в преамбулах только шести республик, хотя в соответствии с духом основного закона именно это понятие представляется наиболее уместным (Табл. 1 приложения). В целом нужно признать, что обращение от имени народа (или к народу) как *населению в целом* или ко всему населению территории (республики, страны), с подчеркиванием многонационального характера этого населения (ср.: *многонациональный народ*), выглядит более уместным в конституционной преамбуле, нежели обращение к конкретным этническим общностям в составе этого населения (или от их имени). Выделение отдельных народов в качестве адресатов обращения или его субъектов косвенно устанавливает привилегированный статус титульного населения республик.

К числу терминов, концептуально опирающихся на устаревшие представления, следует отнести используемые в текстах некоторых конституционных преамбул термины *нация* и *народность*. Соответствующие им понятия практически не используются сегодня в академическом дискурсе в аналогичных контекстах, а в текстах основных законов такое использование имеет отчетливый политический характер, поскольку разделяет население на ряд неравноправных категорий, наделяемых различным правовым статусом. Такое выделение представителей отдельных этнических сообществ, если оно не мотивировано вытекающей из их настоящего положения функциональной ограниченностью в правах², вряд ли можно считать оправданным.

¹ Pogge T.W. Group Rights and Ethnicity // Eds. by I. Shapiro and W. Kimlicka. Ethnicity and Group Rights. N.Y. & L.: New York University Press, 1996. P. 187—221.

² Подобная ограниченность (малочисленность и вытекающая из нее ограниченность влияния на принятие политических решений в мажоритарных системах; ведение особого образа жизни, опирающе-

Аналогичным образом выделение титульного населения республик в преамбулах республиканских конституций косвенно противоречит либерально-демократическим принципам равенства и справедливости, недискриминации на основе национальной принадлежности. Разумеется, из констатации «уважения к многовековой истории *чувашиского народа*», закрепленного в Преамбуле Республики Чувашия, еще не следует, что многовековая история представителей иных этнических сообществ, входящих в состав населения этой республики, не уважается, однако преференциальное выделение именно чувашского народа в качестве объекта такого уважения, на наш взгляд, должно уравниваться равным уважением к культуре и истории всех остальных граждан Чувашии независимо от их этнической принадлежности, и, следовательно, речь должна идти, скорее, об истории и культуре *населения республики*, а не одной из категорий этого населения, выделяемой по признаку этнической принадлежности. Преамбула Конституции Татарстана констатирует, что она «выражает волю *многонационального народа* Республики Татарстан и *татарского народа*...». Здесь так же, как и в предыдущем случае, специальное упоминание «татарского народа» (а не народа Татарстана, который по существу и является субъектом самоопределения, исходя из духа и буквы международных норм) выглядит избыточным, поскольку он несомненно входит в состав «многонационального народа Республики Татарстан». Аналогичные логические противоречия содержатся и в начальной части преамбулы Конституции Чеченской Республики.

«По воле Всевышнего *народ Чеченской Республики*, выражая стремление *чеченского народа*, руководствуясь идеями гуманоцентризма, направленными на ценности, несовместимые с ценностями индустриальных обществ с рыночной экономикой и т.п.), разумеется, требует особых правовых мер компенсации (политики аффирмативных действий) и используется при защите коренных малочисленных народов.

низма и целью построения социально справедливого общества, исходя из высокой ответственности перед нынешним и будущими поколениями наших соотечественников, уважая права и интересы всех *наций и народностей*, провозглашая Чеченскую Республику самостоятельным суверенным государством и признавая себя равноправным субъектом в системе мирового содружества наций, принимает настоящую Конституцию и считает ее впредь Основным Законом общества и государства».

Не слишком понятно как «народ Чеченской Республики» выражает не собственные стремления, но стремления лишь одной своей части, выделяемой на основе этнической принадлежности — «чеченского народа». Текст этой Конституции вообще содержит множество противоречий, в том числе с федеральным основным законом и некоторыми международными нормами, и, вероятно, будет в ближайшее время пересмотрен.

В некоторых случаях обращения к «коренному» или «титольному» населению республик в конституционных преамбулах, также строящиеся на апелляции к истории, основываются на недостоверных фактах и упоминают не существовавшие в то время государства, как, например, Россию в XVI веке¹. Такое политически мотивированное «изобретение истории» выглядит анахронизмом на фоне научно достоверного исторического знания, создаваемого в том числе и учеными-историками Башкортостана.

¹ Часть Преамбулы Конституции Республики Башкортостан звучит следующим образом: «...принимая во внимание, что башкирский народ в XVI веке добровольно присоединился к России, в 1919 году на основе Соглашения Центральной Советской Власти России с Башкирским правительством о советской автономии Башкирии в результате реализации права башкирской нации на самоопределение была образована Башкирская автономная республика в составе РСФСР, преобразованная в 1990 году в Республику Башкортостан в соответствии с Декларацией о государственном суверенитете Республики Башкортостан...».

Терминология разделов «Основы конституционного строя»

Большой объем соответствующих разделов основных республиканских законов и обусловленное им сравнительное богатство контекстов объясняет возросшее (по сравнению с текстами конституционных преамбул) разнообразие понятий и терминов, встречающихся в данных разделах, — их оказывается почти вдвое больше: 14 по сравнению с 8 (Табл. 2). Помимо терминов, используемых для обозначения понятий международного права — *коренных народов* (терминосочетания *коренной малочисленный народ*, *коренной народ*, *малочисленный народ*) и *национальных меньшинств*, в соответствующих разделах некоторых конституций используются такие терминологические и понятийные новации, как *национальная группа*, *национальная общность* и *n-ская диаспора*, правовой и политический смыслы которых зачастую остаются весьма неопределенными.

Соответствующий раздел Конституции РФ содержит лишь два понятия, выражаемые тремя терминами — *народ* в значении населения страны (*многонациональный народ*, *народ*) и *народ* в значении этническая общность — в трех статьях раздела (3-й, 5-й и 9-й). Соответствующие контексты употребления этих терминов выглядят следующим образом.

Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее *многонациональный народ*. *Народ* осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Высшим непосредственным выражением власти *народа* являются референдум и свободные выборы (ст. 3).

Федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности... равноправии и самоопределении *народов* в Российской Федерации (ст. 5).

Земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности *народов*, проживающих на соответствующей территории (ст. 9).

По сравнению с этим разделом конституции РФ соответствующий раздел Конституции Республики Алтай содержит интересующую нас терминологию уже в десяти статьях; и в двух ее статьях используются такие терминосочетания, как *коренной народ* и *алтайский народ*.

Понятие «коренной народ» в этой конституции используется не в общепринятом смысле сообщества, ведущего традиционный образ жизни и отвергающего ценности современного индустриального общества (то есть в совпадающем с духом и смыслом соответствующего понятия международного права), но являются частью националистического дискурса, в котором этничность территориализуется, о чем свидетельствует фраза «территория Республики Алтай является исконной землей традиционного расселения» ее *коренного и других народов*, обеспечивает сохранение их самобытности (ст. 10). Выражение «исконная земля традиционного расселения» здесь можно было бы соотнести с соответствующим объемом понятиями «земли» или «территории» Раздела II «Земля» международной Конвенции МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» (статьи 13—19), однако этому препятствует, прежде всего, неопределенность выражения «другие народы»¹. Выделение алтайского или иных народов в качестве привилегированных субъектов, якобы обладающих особой связью с территорией

¹ Помимо этого, алтайский народ не может быть признан «коренным» в смысле Конвенции № 169, поскольку подавляющая часть его представителей хорошо интегрирована в современное общество и экономику, а его специфические права, в том числе право на самоуправление, реализованы в результате учреждения Республики Алтай в качестве самостоятельного субъекта федерации.

проживания, входит в противоречие и с нормой ст. 6, зафиксированной в конституции республики, в соответствии с которой в качестве такого субъекта называется все население республики, то есть ее *«многонациональный народ»*¹.

Терминосочетание *n-ский народ*, обозначающее титульное население соответствующей административно-территориальной единицы, используется в соответствующих разделах основного закона еще восьми республик², однако оно не увязывается в рассматриваемых конституционных разделах с понятием *коренной народ*. Последнее обнаруживается в разделах «Основы конституционного строя» еще двух республик — Дагестана (ст. 5, гарантирующая права *коренных народов и национальных меньшинств* в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами) и Якутии (ст. 5.5, гарантирующая право *коренных малочисленных народов Севера* на природные ресурсы).

К числу понятийно-терминологических анахронизмов следует отнести используемые в текстах рассматриваемого раздела некоторых республиканских конституций термины и выражаемые ими понятия — *нация* и *народность*. Их употребление исторически восходит к устаревшим классификационным эволюционистским схемам типа известной сталинской триады «племя — народность — нация», ранжирующим реифицированные языково-культурные общности в соответствии с уровнями их политического и экономического развития. Термин *нация* используется в соответствующих разделах конституций

¹ Ст. 6 звучит следующим образом: «Единственным источником государственной власти в Республике Алтай является ее многонациональный народ. Никакая часть народа, никакая общественная организация или политическая партия, никакое отдельное лицо не могут присвоить себе право осуществления государственной власти».

² В соответствующих разделах конституций Калмыкии, Карелии, Коми, Северной Осетии, Татарстана, Удмуртии, Чечни и Чувашии (Табл. 3).

республик Бурятия (ст. 4), Удмуртия (ст. 1) и Чечня (ст. 4), а термин *народность* — в тех же статьях конституций Удмуртии и Чечни (в конституции Бурятии он заменен еще менее определенным термином «национальная группа»). Стоит отметить, что в конституции Удмуртии особо выделена *удмуртская нация* в качестве субъекта самоопределения, но в этой же статье встречается и терминосочетание *удмуртский народ* в качестве носителя особого языка и культуры. Соотношение этих двух понятий, референциально указывающих на один и тот же объект, в рамках очевидно разделяемых авторами конституции эволюционистских построений не выдерживает критики. Вообще, в данной статье конституции Удмуртии нагромождено 7 различных терминов и терминосочетаний, относящихся к интересующей нас сфере, половина из которых остается слабо мотивированной в понятийном и терминоведческом отношении и без особого ущерба для смысла может быть устранена из основного закона.

Терминология разделов «Права и свободы человека и гражданина»

Интересующая нас терминология содержится лишь в одной статье федеральной конституции (ст. 19.2 гарантирует *«равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств»*. Еще в одной статье раздела гарантируется право на указание национальной принадлежности и пользование родным языком (ст. 26.1—2). Помимо этого, в статье особо формулируется запрет пропаганды и агитации *«возбуждающей социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду»* (ст. 29.1).

Термин *национальность* используется в соответствующих разделах практически всех республиканских конституций, за исключением Калмыкии и Удмуртии (Степное уложение и Конституция Удмуртии специальных статей, гарантирующих равенство прав и свобод, не содержат), Татарстана и Якутии (в соответствующих статьях конституций этих двух республик речь идет о *национальной принадлежности*). В соответствующих разделах основных законов республик Мордовия и Чувашия используются также терминосочетания *мордовская* и *чувашская национальность*. Обе республики оказывают «содействие в обеспечении национально-культурных и образовательных потребностей граждан *мордовской (чувашской) национальности*, проживающих за пределами республики» (ст. 43.3 и 41.3, соответственно).

Наибольшее число терминов, относящихся к сфере этнонациональной политики, содержится в соответствующем разделе конституции республики Алтай. Помимо термина *национальность*, несколько статей раздела содержат термины *народ* (в значении — этническая общность), *коренной народ* и *малочисленная этническая общность*. Помимо общих гарантий равенства и недискриминации в отношении прав и свобод граждан, ст. 22 этой конституции содержит следующую норму: «Республика Алтай обеспечивает проживающим на ее территории *народам* защиту от посягательств на их *этническую самобытность*». Статья 24 дает некоторый материал для раскрытия понятия «этническая самобытность» (скорее политического и научного, нежели правового характера):

«Республика Алтай гарантирует и обеспечивает защиту исконной среды обитания и традиционного самобытного уклада жизни и хозяйствования *коренного народа* и *малочисленных этнических общностей* в местах их компактного проживания в соответствии с федеральными и республиканскими законами, принципами и нормами международного права».

Тем не менее остаются вопросы, что такое «исконная среда обитания» и «самобытный уклад жизни», а также — что мо-

жет квалифицироваться как «посягательства» на таким образом защищаемую самобытность. Остается непроясненным также референциальный объем введенного здесь понятия *малочисленная этническая общность* (не вполне понятно, какие конкретно общности на территории республики имеют в виду законодатели). Помимо этого, одна из норм раздела, зафиксированная в статье 36 («Запрещается ограничение прав и свобод граждан по признаку невладения *государственными языками*»), входит в противоречие со статьей 117 следующего раздела республиканской конституции («Присяга приносится на *государственных языках*...»).

Термин *n-ский народ* используется в соответствующих разделах конституций республик Татарстан и Башкортостан, однако мотивировка его включения и контекст употребления свидетельствуют о недостаточной продуманности используемых формулировок:

«РТ обеспечивает сохранение и защиту интеллектуального и художественного наследия, сохранение и развитие культуры *татарского народа*, национальных культур представителей *других народов*, проживающих на территории РТ» (ст. 57.5).

«РБ обеспечивает сохранение и защиту исторического и культурного наследия, развитие культуры *башкирского народа* и *других народов*, проживающих на территории РБ» (ст. 57).

В частности, остается неясным, почему в одном случае речь идет о народе в целом, а в другом — и о «*представителях* других народов» (ст. 57.5 Конституции Татарстана) или в соответствии с какими принципами татарский или башкирский народ выделяется как отдельный объект попечения и защиты и почему речь не идет обо «*всех народах*», или «*населении* республики» в целом, ведь конституции этих республик гарантируют «равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, *национальности*, языка, происхождения?»

Конституции двух республик — Тувы и Чечни — в одной из норм соответствующих разделов гарантируют защиту прав национальных меньшинств. Частотность использования всех

терминов и терминосочетаний рассматриваемых разделов республиканских конституций, относящихся к сфере этнонациональной политики, приведена в *Таблице 4*.

Терминология разделов «Государственно-правовой статус»

Если сравнивать разделы федеральной конституции по числу терминов, относящихся к сфере этнонациональной политики, то ее заключительный раздел оказывается наиболее богатым: из семи терминов, используемых во всем тексте и относящихся к этой сфере, здесь употребляется пять. Помимо термина *народ* в значении *населения страны* (использован в тексте присяги президента, ст. 82), есть этот же термин в значении *этническая общность* («Российская Федерация гарантирует всем ее *народам* право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития» (ст. 68.3). В статьях о разделе полномочий между федерацией и ее субъектами (ст. 71 и 72) используются еще два терминосочетания: *национальные меньшинства* и *малочисленные этнические общности*, причем последние наделяются такими характеристиками, как *исконная среда обитания* и *традиционный образ жизни*. Раздел также содержит особую статью, гарантирующую защиту прав *коренных малочисленных народов* (ст. 69).

Соотношение понятий *коренной малочисленный народ* и *малочисленная этническая общность* не определено. Можно было бы полагать, что последнее используется в качестве родового понятия, объединяющего объемы понятий *коренной малочисленный народ* и *национальное меньшинство*, но этому препятствуют два обстоятельства — уже отмеченные выше характеристики (*исконная среда обитания* и *традиционный образ жизни*), позволяющие рассматривать это терминосочетание в качестве понятия, синонимичного понятию *коренной*

малочисленный народ, а также тот факт, что термин *национальное меньшинство* упоминается в другом параграфе той же статьи. Если понятия *коренной малочисленный народ* и *малочисленная этническая общность* действительно синонимичны, то второй термин следует рассматривать как избыточный и устранить его из терминосистемы. Это следует сделать еще и потому, что соответствующий параграф продублирован в текстах ряда республиканских конституций, в том числе и тех, на территории которых нет компактных поселений групп, которые можно было бы отнести к коренным народам в соответствии с международным правом или к коренным малочисленным народам в соответствии с законодательством РФ (например Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Мордовии и Удмуртии). Помимо этого в отдельных случаях терминосочетание *малочисленная этническая общность* встречается наряду с термином *коренной этнос* (Республика Хакасия, ст. 60 и 61) или *этническая группа* (Республика Алтай, ст. 130.8), что еще более запутывает отношения между системой терминов, выражающих понятие «коренной народ». В восьми статьях соответствующего раздела конституции Республики Саха (Якутия) вместо термина *малочисленная этническая общность* используются термины *коренной малочисленный народ Севера* и *коренной народ*, причем объем последнего понятия, по всей видимости, включает и титульный народ республики — саха (якутов).

В рассматриваемом разделе основных законов шести республик — Адыгеи, Алтая, Дагестана, Коми, Мордовии и Хакасии — для обозначения титульного населения соответствующей республики используется термин *n-ский народ*, однако контексты, в которых употребляется этот термин, весьма различны. В случаях республик Адыгеи и Алтая соответствующее понятие используется в контексте права на самоопределение, причем речь идет, по всей видимости, о так называемом внешнем аспекте самоопределения, что позволяет рассматривать используемое здесь понятие *n-ский народ* (*адыгейский* и *ал-*

тайский, соответственно) в качестве элемента антиколониального дискурса. В качестве субъекта самоопределения здесь называется титульная этнокультурная общность (в случае Адыгеи есть существенное дополнение — «реализации права на самоопределение» осуществляется не только *адыгейским народом*, но и «*исторически сложившейся общностью людей*, проживающих на ее территории» (ст. 51). Аналогичное выражение *дагестанский народ*, являясь терминологически идентичным, весьма существенно отличается по своему смыслу, поскольку в данном случае речь идет о территориальной, а не этнокультурной общности, и, следовательно, это понятие совпадает по объему с понятием *население республики*, что подчеркивается и формулой, использованной в президентской присяге: «...верно служить *многонациональному дагестанскому народу*» (ст. 94). В контексте права на самоопределение используется и понятие *n-ская нация* (конституция республики Бурятия, ст. 60.1). В остальных конституциях трех из упомянутых выше республик — Коми, Мордовии и Хакасии — термин *n-ский народ* используется в ином, не связанном с правом на самоопределение контексте: речь идет о праве законодательной инициативы, принадлежащем, помимо прочих, съездам коми, мордовского и хакасского народов, соответственно.

Заслуживает упоминания и тот факт, что в анализируемом разделе федеральной конституции отсутствует понятие «многонациональный народ», а президент РФ приносит присягу населению страны — *народу*. Это позволяет предполагать, что терминосочетание *многонациональный народ* также является избыточным для терминосистемы регулирования этнических отношений. Такую точку зрения можно дополнительно обосновать и тем обстоятельством, что понятие *нация* используется в русском языке не только в традиционном смысле *этнонации*, но и для обозначения *согражданства* или *государства*, о чем свидетельствуют такие словосочетания, как *национальный гимн* или *Организация Объединенных Наций*. Однако возможно и прямо противоположное рассуждение.

Строго говоря, термин *народ* (и соответствующее ему понятие — *население страны* или республики) лишь условно можно относить к терминосистеме (соответственно, тезаурусу) этнонациональной политики, поскольку, как уже говорилось выше, у людей, населяющих страну, имеются и иные формы идентичности — территориальная (локальная), профессиональная, конфессиональная, сословно-классовая, возрастная, половая и так далее. Терминосочетание *многонациональный народ*, подчеркивающее лишь один аспект идентичности населения, как раз и создает необходимые условия для включения его в число терминов, обслуживающих эту политику и одно из важнейших ее направлений — этнический федерализм. По всей видимости, его неуместно употреблять в тех контекстах, в которых речь ведется о согражданстве, населении страны в целом, безотносительно к принципам ее государственного устройства (сочетанию этнического и территориального федерализма) и этнической идентичности ее граждан. Напротив, представляется уместным, во всяком случае до тех пор, пока доктрина федерализма, на которой основывается российская государственность, не будет пересмотрена, в тех контекстах, где речь идет о государственном устройстве, использовать термин *многонациональный народ*. В этой связи его отсутствие в конституционном разделе, специально посвященном изложению принципов федеративного устройства, выглядит нелогичным. Частотность терминов этнонациональной политики представлена ниже в *Таблице 5*.

Выводы

Предпринятый обзор текстов основных законов республик в составе Российской Федерации остается сугубо предварительным. Отсутствие отечественных исследований с использованием современных методов дискурсивного и терминоведческого анализом до сих пор служит препятствием для

российских законодателей в выработке экономной и однозначно понимаемой терминологии, используемой в такой общественно значимой области, как этнонациональная политика.

По всей видимости, базовыми понятиями этой политики остаются принятые в международном праве понятия *коренной народ* и *национальное меньшинство*, сохраняющие статус основных субъектов и объектов этой политики. Вместе с тем уместно подчеркнуть, что оба понятия остаются дискуссионными (в смысле конкретного набора компонентов значений, используемых в контекстах различающихся дискурсов различных научных дисциплин), и каждый из них требует тщательно-го критического анализа и обсуждения.

В Конституции РФ используется семь базовых терминов и терминосочетаний: *народ* (население), *народ* (этническое сообщество), *многонациональный народ*, *коренной малочисленный народ*, *национальное меньшинство*, *малочисленная этническая общность* и *национальность*. Образованная ими терминосистема, используемая для концептуализации этнонациональной политики, не лишена противоречий. Помимо этого, она имеет некоторые недостатки и с точки зрения терминоведения, главным из которых является использование омонимических терминов для обозначения различных понятий (термин «народ» в различных значениях и терминосочетаниях). Представляется целесообразным *упорядочение этой терминосистемы* на основе современных научно и политически выверенных знаний в области этнонациональной политики и ее правового регулирования.

Как уже упоминалось выше, полный анализ рассматриваемой терминосистемы предполагает сотрудничество терминоведов и юристов при участии представителей целого ряда социальных наук (антропологов, социологов, политологов и т.п., так или иначе использующих понятия и термины этой сферы) и рассмотрение не только текстов основных законов, но и разработанных на их основе законов и законопроектов. Ориенти-

рами в деятельности по упорядочению терминосистемы и тезауруса российского конституционного права в рассматриваемой сфере должны служить документы международного права. Можно констатировать, что продуманная система терминов, концептуализирующих сферу этнонациональной политики, в российском конституционном праве пока отсутствует. В качестве практического шага для разработки такой системы можно было бы рекомендовать создание экспертной группы с привлечением юристов, специализирующихся в области регулирования этнонациональной политики, антропологов, социологов и терминоведов, которая могла бы детально проанализировать все контексты употребления соответствующей терминологии не только в основных законах республик, но и в федеральном и республиканском законодательствах, а также в уставах краев и областей и в региональном законодательстве. Такая работа могла бы развиваться в рамках уже проводимого пересмотра основ национальной политики РФ или под эгидой Конституционного Суда РФ и Министерства юстиции РФ.

ПРИЛОЖЕНИЕ

(к докладу *С.В. Соколовского* «Эссенциализм
российского конституционного права»)

Таблица 1

Концептуализация сферы национальной политики
в текстах конституций республик в составе РФ
(по состоянию на 2004 г.)*

Наименование республики	Терминология конституции															
	народ						национальность	национальная/ое		этническая	нация	народность	коренное население / этнос			
	[население]	многонациональный	[этническая общность]	п-ский	[коренной] малочисленный	коренной		?	п-ская					меньшинство	группа	общность
РФ	4	2	4	1		1	2			1						
Адыгея	7	2	1	1		2	1			2						1
Респ. Алтай	9	5	10	2	2	1				2	1					
Башкирия	7	5	4	3		1									1	
Бурятия	5	4	6	1		2	2	1		1	1	1				
Дагестан	2	3	15	3	1	4	1									
Ингушетия	4	3	3			1										
Кабардино-Балкария	6	4	9			2	6	1	1							
Калмыкия	8	1	4	4												
Карачаево-Черкесия	2	6	8			2	1			1						
Карелия	2		1			2										

Продолжение табл. 1

Наименование республики	Терминология конституции															
	народ						национальность	национальная/ое		этническая	нация		народность коренное население / этнос			
	[население]	многонациональный	[этническая общность]	n-ский	[коренной] малочисленный	коренной	?	n-ская	меньшинство	группа	общность	[малочисленная] общность		группа	?	n-ская
Коми	5	2	2	3			1	2			1					
Марий Эл	6		2				1									
Мордовия	5	2	2	1			1	1	1		1					
Саха (Якутия)	14	4	3		13	3	1									
Северная Осетия	7	3	2	1			1									
Татарстан	5	2	4	2												
Тува	8	3	2				5	3			1		1			
Удмуртия	11	2	1	1			1	2			1		1	1	1	
Хакасия	4	2	2	1			1	2		2	1					1
Чечня	8		1	2			2	1					3		2	
Чувашия	6		4	2			1	1								

* В Таблице приведены наиболее часто встречающиеся понятия и термины. *N-ский (n-ская)* означает в сочетании с «титულным народом» соответствующей республики так называемый «основной народ» (национальность, нацию) данной республики; например '*алтайский народ*', '*мордовская национальность*', '*бурятская нация*'. Слова в квадратных скобках раскрывают значение основного понятия (например, слово [население] в столбце 'народ' означает, что понятие 'народ' в тек-

сте данной конституции используется в значении 'население' столько-то раз, а в значении 'этническая общность' или в сочетании с другими терминами (коренной, малочисленный, многонациональный и так далее) — иное число раз.

Рис.1

Система терминов для обозначения понятий *народ* (население) и *народ* (этническая общность) в российском конституционном праве

Таблица 2

Частотность терминов гражданской и этнической идентичности в преамбулах конституций

Терминология преамбул основных законов	Терминология, относящаяся к сфере этнонациональной политики							
	Народ				Нация		национальность	народность
	[население]	многонациональный	[этническая общность]	п-ский	—	п-ск я		
Наименование республики								
РФ	—	1	1	—	—	—	—	—
Адыгея	—	—	—	—	—	—	—	—
Респ. Алтай	—	2	1	—	—	—	—	—
Башкирия	—	1	2	1	—	1	—	—
Бурятия	—	1	3	—	—	—	1	—
Дагестан	—	2	—	1	—	—	—	—
Ингушетия	—	1	—	—	—	—	—	—
Кабардино-Балкария	—	1	1	—	—	—	—	—
Калмыкия	—	1	2	—	—	—	—	—
Карачаево-Черкесия	—	1	4	—	—	—	1	—
Карелия	2	—	—	—	—	—	—	—
Коми	2	1	—	—	—	—	—	—
Марий Эл	2	—	1	—	—	—	—	—
Мордовия	1	—	1	—	—	—	—	—
Саха (Якутия)	1	1	1	—	—	—	—	—
Северная Осетия	—	1	1	—	—	—	—	—
Татарстан	—	1	2	1	—	—	—	—
Тува	—	1	1	—	—	—	—	—
Удмуртия	2	1	—	—	—	—	—	—
Хакасия	—	1	—	—	—	—	—	—
Чечня	1	—	—	1	2	—	—	1
Чувашия	1	—	3	1	—	—	—	—

Таблица 3

Частотность терминов гражданской и этнической идентичности раздела «Основы конституционного строя» в республиканских конституциях

Терминология раздела «Основы конституционного строя»	Народ						Нация		Нацио- наль- ное/ая			национальность	народность	п-ская диаспора
	[население]	многонациональный	[этническая общность]	п-ский	малочисленный	[коренной]	—	п-ская	меньшинство	группа	общность			
Наименование республики														
РФ	1	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Адыгея	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
Респ. Алтай	5	1	6	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Башкирия	3	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Бурятия	3	1	1	—	1	—	1	—	—	1	—	—	—	—
Дагестан	2	2	7	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—
Ингушетия	2	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кабардино-Балкария	2	1	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Калмыкия	5	—	2	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Карачаево-Черкесия	2	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Карелия	1	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
Коми	3	1	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Марий Эл	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Мордовия	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Саха (Якутия)	6	1	—	—	1	1	—	—	—	—	—	1	—	—
Северная Осетия	4	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Татарстан	3	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Тува	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—
Удмуртия	5	1	1	1	—	—	1	1	—	—	—	1	1	1
Хакасия	2	1	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Чечня	4	—	1	1	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—
Чувашия	4	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Таблица 4

Частотность терминов гражданской и этнической идентичности в республиканских конституциях (разделы «Права и свободы человека и гражданина» и «Обязанности гражданина»)

Терминология разделов «Права и свободы...» и «Обязанности гражданина»	Национальность		Народ					[малочисленная] этническая общность	национальное меньшинство
	1	п-ская	многонациональный	[этническая общность]	п-ский	[коренной]	коренной малочисленный Севера		
Наименование республики									
РФ	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Адыгея	1	—	—	—	—	—	—	1	—
Респ. Алтай	1	—	—	3	—	1	—	1	—
Башкирия	1	—	—	2	1	—	—	—	—
Бурятия	1	—	—	1	—	—	—	—	—
Дагестан	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Ингушетия	1	—	—	2	—	—	—	—	—
Кабардино-Балкария	1	—	—	2	—	—	—	—	—
Калмыкия	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Карачаево-Черкесия	1	—	—	1	—	—	—	—	—
Карелия	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Коми	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Марий Эл	1	—	—	1	—	—	—	—	—
Мордовия	1	1	—	1	—	—	—	—	—
Саха (Якутия)	—	—	1	—	—	—	1	—	—
Северная Осетия	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Татарстан	—	—	—	1	1	—	—	—	—

Продолжение табл. 4

Терминология разделов «Права и свободы...» и «Обязанности гражданина»	Национальность		Народ					[малочисленная] этническая общность	национальное меньшинство
		п-ская	многонациональный	[этническая общность]	п-ский	[коренной]	коренной малочисленный Севера		
Наименование республики	1								
Тува	1	—	—	—	—	—	—	—	1
Удмуртия	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Хакасия	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Чечня	2	—	—	—	—	—	—	—	1
Чувашия	1	1	—	1	—	—	—	—	—

Таблица 5

Частотность терминов гражданской и этнической
идентичности раздела
«Государственно-правовой статус»
республиканских конституций

Терминология раздела конституции	Народ										На- цио- наль- ное / ая		На- ция						
	[население]	многонациональный	[этническая общность]	п-ский	коренной малочисленный (Севера)	коренной	коренное население / этнос	[малочисленная] этническая общность	меньшинство	группа	общность	этническая группа	национальность	п-ская национальность	—	п-ская	п-ское население	исторически сложившаяся общность людей	национально-родовая община
РФ	1	—	1	—	1	—	—	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Адыгея	3	1	—	1	—	—	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
Респ. Алтай	4	1	1	1	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	1
Башкирия	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Бурятия	2	2	1	—	—	—	—	1	2	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Дагестан	—	1	6	3	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—
Ингушетия	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кабардино-Балкария	2	—	2	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	6	—	—	—	—	—
Калмыкия	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Карачаево-Черкесия	—	4	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Карелия	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Коми	—	—	1	1	—	—	—	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Марий Эл	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

III

Национализм, литература и литературоведение

«ДОЛГИЙ» ДИСКУРС О НАЦИОНАЛЬНОЙ
САМОБЫТНОСТИ И ОППОЗИЦИЯ
ЗАПАДНИЧЕСТВА И АНТИЗАПАДНИЧЕСТВА
В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ*

Дискуссии о национальной самобытности России, об отношении ее к Западу, о перспективах модернизации и возможности «особого пути» продолжаются около двух столетий, порождая относительно устойчивый дискурс, структура которого задана противостоянием двух полюсов, рассматривающих Россию как тоже-Европу или не-Европу и соответствующим образом оценивающих перспективы освоения западного опыта и задачи внутренней и внешней политики. Будучи реакцией на сложные зигзаги российской модернизации, этот дискурс, в свою очередь, оказывает существенное влияние на ход социальных трансформаций, определяя восприятие возникающих проблем и задач.

Было бы неверно представлять противостояние «западничества» и «антизападничества»¹ как исключительно российское

* Исследование проводится при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 06—03—02—038а.

¹ Термин «западничество» используется здесь расширительно: он указывает не столько на классическое западничество, то есть комплекс идей, сложившийся в 1840-х годах и тесно связанный с определенным общественно-историческим контекстом, сколько на условное направление в отечественной общественно-политической мысли, рассматривающее опыт «Запада» как ориентир для российской модернизации. «Антизападнический» лагерь, в свою очередь, представлен множеством направлений, так или иначе настаивавших на принципиальном несхождении России и Запада и на необходимости своего, особого пути.

явление: проблема коллективной самоидентификации по отношению к «прогрессивному» Западу вставала во многих странах «догоняющей модернизации», раскалывая элиту на призывающих к скорейшему освоению передового опыта «западников» и уповающих на национальную самобытность «почвенников»¹. Вариации на те же темы звучат сегодня в постколониальных дискурсах, в спорах «евроскептиков» и «еврооптимистов», в выступлениях антиглобалистов и так далее. Однако в России данный тип дискурса воспроизводится беспрецедентно долго²; причем периодически он приобретает значение одного из *главных идеологических водоразделов*³. В этом дискурсе явно преобладают *полярно противоположные* образы и оценки. И хотя крайнее западничество, как и крайнее антизападничество, — явление сравнительно редкое, каждый

¹ См.: *Walicki A. Poland Between East and West. The Controversies over Self-Definition and Modernization in Partitioned Poland.* Cambridge (Mas.): Harvard University Press, 1994; *Jedlicki J. A Suburb of Europe. Nineteenth-century Polish Approaches to Western Civilization.* Budapest: Central European University Press, 1999; *Daskalov R. Populists and Westernizers in Bulgarian History and Present / Y. Miller, I.G. Toth (eds.) Central European University. History Department Yearbook 2001—2002.* Budapest: Central European University, 2002. P. 113—142.

² Если вообще можно говорить о *longue durèe* применительно к интеллектуальной истории, то дискурс о «России и Европе» / «России и Западе» несомненно должен рассматриваться в качестве примера такого «долгого» спора, возобновлявшегося на протяжении жизни нескольких поколений в меняющихся контекстах. Хотя вопрос о том, действительно ли мы имеем дело с одним и тем же типом дискурса, безусловно, нуждается в исследовании.

³ К примеру, в Польше, где в XVIII и XIX вв. тоже были свои «западники» и «славянофилы, в силу более разнообразной повестки дня, где сложно переплетались различные аспекты националистических, политических и экономических программ, цивилизационный выбор более сложно коррелировал с традиционным делением на правых и левых (см.: *Walicki A. Russia, Poland, and Universal Regeneration. Studies on Russian and Polish Thought of the Romantic Epoch.* Notre Dame: University of Notre Dame press, 1991. P. 9; *Jedlicki J. Op. cit.* P. XI).

из лагерей «заостряет» позиции оппонентов, фиксируя преимущественно негативные смыслы¹. Структура данного дискурса задана жесткой бинарной оппозицией, в рамках которой конструируются модели идентичности, основанные на зеркально противоположных образах Нас и Других.

В настоящей статье мы рассмотрим некоторые особенности современного «западничества» и «антизападничества» в контексте этого «долгого» дискурса. Исторически по крайней мере с XVIII века «Европа», «Запад» были значимым Другим, по отношению к которому определялась и переопределялась русская идентичность. Разумеется, в этой роли выступала *не только* Европа; однако *данная* оппозиция была чрезвычайно устойчивой и важной, и на то был ряд причин — геополитических, исторических, культурных. Вопрос о сохранении национальной «самобытности» в ситуации «догоняющей модернизации» на протяжении большей части XIX века занимал центральное место в комплексе проблем, осмысление которых составляло содержание складывавшегося дискурса о нации. Отчасти это было связано с относительной неактуальностью «собственно националистических» вызовов: соперничающие модели идентичности конструировались в уже существующем государстве, которое безусловно полагалось русским. Даже в 1880-х годах национальный вопрос в России, по словам В.С. Соловьева, был «вопросом не о существовании, а о *достойном* существовании»². В силу этого, из трех основных националистических лейтмотивов, выделенных Э. Смитом, — национальной автоно-

¹ Подмеченное В.А. Кошелевым стремление участников дискуссий середины XIX века «путать идеологические адреса» и оперировать мифологемами, редуцирующими позиции оппонентов, характерно и для современного дискурса (см.: *Кошелев В.А.* Славянофилы и официальная народность // *Славянофилы и современность.* СПб.: Наука, 1994. С. 122—135).

² *Соловьев В.С.* Национальный вопрос в России. Предисловие ко второму изданию // *Соловьев В.С.* Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 260.

мии, национального единства и национальной идентичности¹ — в России ведущую роль играл последний. Вместе с тем, когда русскому обществу пришлось столкнуться с политическими вызовами со стороны «чужих» национализмов (особенно остро — в связи с польским восстанием 1863 г.), дискурс о европейскости/неевропейскости России существенно повлиял и на восприятие этих вызовов, и на формулировку ответных программ. Наконец, имело место сложное переплетение имперского и националистического дискурсов, и здесь Запад также оказывался Другим, с которым удобно было соотноситься².

Таким образом, есть основания полагать, что именно в рамках дискурса об отношении России к «Европе» и «Западу», который в том или ином виде воспроизводится на протяжении большей части XIX и XX века, сформировались важные элементы представлений о русской национальной³ идентичности.

¹ *Смит Э.* Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004. С. 343.

² Несколько упрощая, можно сказать, что оппозиция по цивилизационному принципу играла важную роль в имперском дискурсе. Вместе с тем соотношение с отдельными западными странами (прежде всего — с Австрией) создавало уверенность в том, что в России национальный вопрос стоит иначе, и перспективы встраивания национального проекта в имперский — более оптимистичные.

³ В действительности в данном контексте не всегда можно говорить о «русской национальной идентичности», поскольку едва ли можно утверждать, что все участники дискуссий о русской «самобытности» принимали националистическую «картину мира» и были готовы рассматривать Россию как нацию наряду с другими нациями. Отчасти этому способствовал и заданный ракурс противопоставления: в качестве Другого России рассматривалась «Европа», «Запад», то есть некое цивилизационное целое, а не отдельные европейские народы-нации. Представляется однако, что уже к концу 1850-х — началу 1860-х годов националистический дискурс со свойственным ему стремлением легитимировать политическую субъектность «органическими» потребностями «народности» начал доминировать, вбирая в себя смыслы, наработанные в рамках других дискурсов. Вместе с тем дискурсы о национальной, цивилизационной, конфессиональной и имперской идентичности настолько тесно переплетались, что на практике не всегда можно провести между ними четкую грань.

При этом речь идет не только о некоем наборе черт, которыми наделяется данное «мы» (хотя корни мифа о русском национальном характере также восходят к дискуссиям XIX века), но и о разных интерпретациях того, что можно было бы назвать «идеей нации» (этим термином мы обозначаем комплекс представлений о том, что такое нация, на основании каких критериев она определяется, что отличает нашу нацию от других, кто к ней принадлежит и каким видится ее прошлое и будущее, ее «проблемы» и «перспективы» и так далее). На наш взгляд, в рамках «долгого» дискурса о «самобытности» России и отношении ее к «Западу» имело место соперничество *разных* интерпретаций «идеи нации», опиравшихся на определенные мировоззренческие установки¹. Для их анализа мы используем *идеально-типические модели*, описывающие «полюса», между которыми располагались и к которым в большей или меньшей степени тяготели представления отдельных участников данного дискурса.

Первая модель (назовем ее условно *либерально-прогрессивной*) опирается на либеральную концепцию прогресса, рассматриваемого как универсальный процесс поступательного развития от низшего к высшему, который потенциально (но не в данный момент) охватывает все человечество. Предполагается, что успехи разных народов на пути прогресса неравномерны, отсюда — предметом интерпретации оказывается вопрос об их взаимном позиционировании в системе ценностных координат, задаваемой вектором прогресса (в определении которого, в свою очередь, возможны вариации). Необходимость такого позиционирования создает перспективу «соревнования» народов, которое, однако, не является жестким, по-

¹ Такое соперничество существовало, разумеется, не только в России. См.: Малинова О.Ю. Либерализм и концепт нации // Полис. 2003. № 3. С. 96—111; Малинова О.Ю. Идея нации в интерпретации либералов и консерваторов // Эволюция консерватизма: европейская традиция и русский опыт: Материалы международной научной конференции. Самара, 2002. С. 143—157.

скольку у аутсайдеров сохраняется надежда на «рывок». Эта модель «идеи нации» придает большое значение инновационной деятельности и индивидуальному творчеству и в целом позитивно оценивает роль культурных заимствований. В зависимости от того, как видятся «конечная цель» прогресса и способы ее достижения, возможны различные версии этой модели — собственно либеральная, социалистическая, радикально-демократическая, христианско-экуменическая и так далее

Вторая модель (условно — *консервативно-почвенническая*) в качестве основного субъекта истории рассматривает некое органическое «живое целое» — народ (нацию, «племя») с присущими ему культурой, «бытом», системой сложившихся социальных отношений. Развитие этого «живого целого» мыслится либо как процесс «органичного возрастания» без изменения качества, либо как циклический процесс рождения — расцвета — и упадка. Однако и в том, и в другом случае оно уникально и по определению не является «повторением» опыта других народов (что не исключает момента соревнования: идея «исторических народов», играющих особую роль в судьбах человечества, разрабатывалась и в рамках этой модели). Отсюда — характерный для данного типа интерпретаций «идеи нации» акцент на культурную самостоятельность и предубеждение против заимствований, равно как и против инноваций, инициированных творчеством отдельных индивидов, самонадеянно опирающихся на собственный разум. Идеал «органического развития» придает особое значение мудрости народа (хранителя традиций и носителя цельного, непосредственного, «не испорченного» рационалистическим анализом истинного знания) и власти авторитета. Эта модель интерпретации «идеи нации» также может варьироваться в зависимости от того, какими смыслами наделяется описываемое «органическое целое» и как видятся его отношения с Другими.

Разумеется, реальные позиции тех, кто на протяжении почти двух столетий вставал под знамена «западничества» и «антизападничества», были гораздо более сложными и многооб-

разными; менялся и состав «лагерей», и контекст спора, и его содержание, — формат настоящей статьи не позволяет показать весь спектр соперничавших интерпретаций «идеи нации». Но противостояние двух «полюсов», отчетливо оформившееся уже в полемике западников и славянофилов в 1840—1850-х годах, с разной степенью интенсивности имело место на протяжении большей части XIX и XX веков. В советском официальном дискурсе оппозиция «западничества» / «антизападничества» оказалась трансформирована, поскольку различия между СССР и Западом принято было описывать как формационные (тем самым историко-культурные аспекты идентичности уходили на второй план). Однако соперничество двух лагерей продолжалось в среде эмиграции, в неофициальных дискурсах в «приватно-публичной сфере», а отчасти — и в официальной публичной сфере. В 1990-х годах дискуссии открыто возобновились в контексте критики советского режима, а затем — постсоветских реформ.

Лагерь современных «западников» представлен главным образом политиками и публицистами либерального направления. Мировоззренческие симпатии «антизападников» более разнообразны: среди них есть и левые, и правые; и русские националисты, и сторонники различного рода имперских проектов; и жесткие критики советского режима, и те, кто испытывает ностальгию по СССР; и верующие, и те, кто апеллирует к религиозным идеям по вполне прагматическим соображениям. Размежевания настолько существенны, что едва ли современных «антизападников» можно считать единым лагерем. Тем не менее общим для продвигаемых ими моделей национальной идентичности является то, что все они тяготеют к описанной выше консервативно-почвеннической модели (разумеется, с вариациями) и активно используют репертуар смыслов и образов, созданных еще славянофилами и их интеллектуальными наследниками.

Споры о «самобытности» и самоидентификации по отношению к Западу вплетаются во множество разных дискурсов:

оппозиция «западников» и «антизападников» во многом определяет идеологический ландшафт современного российского общества. Поводы для столкновений многообразны: оценка уже состоявшихся реформ и планов новых преобразований, концепция национальных интересов, внешняя политика, перспектива вступления в ВТО, и даже методология общественных наук (см. дискуссию в «*Pro et contra*» в 2000 году). Объектом нашего анализа стали тексты политиков и интеллектуалов, публично продвигающих соответствующие идеи.

Очевидно, что образы «Европы» и «Запада» равно важны как для «западнической», так и для «антизападнической» моделей. Как писал И. Нойман, «идентичность пребывает не в неотъемлемых и легко определяемых культурных атрибутах, а в отношениях, и решающий вопрос — где и как пролегает граница с Другими»¹. При этом не все *реально существующие* различия интерпретируются как *значимые*: лишь некоторые из них, причем в определенных контекстах, воспринимаются как демаркационные линии, в силу чего представления о конкретных Других играют разную роль в (само)определении данного Мы. Что делает определенных Других *значимыми*? По-видимому, смысл конкретной оппозиции Мы/Другие определяется долговременными факторами, задающими необходимость данного *со-отнесения* (прежде всего, конкуренцией по поводу материальных и/или символических ресурсов, конфликтами интересов, властными и иерархическими отношениями, устойчиво воспроизводящими ситуацию противостояния и др.). Можно также предположить, что потребность в особенно напряженном осмыслении различий появляется именно тогда, когда граница, отделяющая Нас от Других, неоднозначна, в силу чего возникает соперничество разных ее интерпретаций (там, где различия несомненны, они не нуждаются в обсуждении и переосмыслении). Наконец, дискурсы, определяющие и переоп-

¹ *Neumann IB. Russia and the Idea of Europe. A Study in Identity and International Relations. London; New York: Routledge, 1996. P. 1.*

ределяющие границы, обладают внутренней инерцией: мысля собственную идентичность, мы оперируем устоявшимися образами и нарративами, привычно черпая из исторически сложившихся «репертуаров смыслов». Таким образом, функция «конституирующего Другого» — не только следствие «объективных» обстоятельств, но и продукт дискурсивного конструирования; она задается как контекстом, так и *опытом предыдущих интерпретаций*. Все это справедливо в отношении России и «Запада».

В ходе рассматриваемого нами «долгого» дискурса сформировался определенный «репертуар смыслов», к которому апеллируют и участники сегодняшних дискуссий, избирательно используя составляющие его представления, образы и оценки. Конструирование русской идентичности в этом смысле можно уподобить путешествию по зеркальному лабиринту, где образы Нас и Других многократно преломляются, рождая новые ракурсы. Какими образы Запада и Европы предстают в изображении современных «западников» и «антизападников»?

Прежде всего, есть смысл говорить именно об «образах» во множественном числе, ибо представления о «конституирующем другом» имеют сложную структуру и несут разную смысловую нагрузку. Так, Г.Г. Дилигенский предлагал различать внешнеполитическую и «экзистенциальную» составляющую образа Запада. Первая определяется отношением к Западу как к важнейшей части той внешней среды, в которой существует и развивается российское общество; она соотносится с конкретно-исторической ситуацией, возникшей в результате окончания холодной войны. Вторая связана с проблематикой цивилизационного самоопределения России, с вопросом о том, в какой мере западное общество с присущими ему экономическими, социальными, культурно-ценностными и институционально-политическими структурами может или не может служить моделью для России. По мысли Дилигенского, хотя эти составляющие и взаимосвязаны, они относительно автономны и, будучи в различной степени определяемы соображениями

мировоззренческого или прагматического характера, могут иметь разную динамику¹. Нас интересует главным образом «экзистенциальный» аспект образов Запада, представленных в текстах политиков и публицистов «западнического» и «антизападнического» направления.

Однако и здесь мы сталкиваемся со сложной структурой этих образов, ибо Запад предстает в нескольких ипостасях, которые могут по-разному интерпретироваться и оцениваться. Он может выступать как:

- носитель определенных ценностей, институтов, культурных норм,
- воплощение определенного уровня жизни,
- технологический лидер,
- союзник и партнер (внушающий большую или меньшую степень доверия),
- противник, источник угрозы,
- центр культурной экспансии и др.

Примечательно, что характеристики, значащиеся в начале этого списка, можно обнаружить в текстах представителей обоих лагерей, однако оцениваются они по-разному.

Главную доминанту образа Запада в изображении современных «антизападников» можно было бы определить словами: *Запад — это враждебный Нам Другой*. За этим Другим признаются роли *технологического лидера* и *образца высокого уровня жизни*, однако им придаются негативные коннотации: это благополучие достигнуто за счет безжалостной эксплуатации остального человечества «золотым миллиардом»².

¹ Дилигенский Г.Г. Хочет ли Россия дружить с Западом? // Запад и западные ценности в российском общественном сознании. М.: ИМЭМО РАН, 2002. С. 87—88; Дилигенский Г.Г. «Запад» в российском общественном сознании // Там же. С. 6—23.

² По словам А.С. Панарина, лидерство Запада в процессе глобализации бесспорно, однако «менее бесспорно его право монополично присваивать себе позитивные возможности глобализации, а негативные следствия ее перекладывать на плечи других» (Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. С. 24).

Запад представляется как сила, *посягающая на Нашу идентичность*. По словам А. Дугина, последовать совету «западников» начать активно встраиваться в западный мир — значит согласиться с тем, что «Россия должна перестать быть той, какой она была, и превратиться в нечто, не имеющее аналогов в прошлом, более того, в нечто, отвергающее собственную историческую идентичность, осуждающее свое самобытное качество»¹. Стремление Запада навязать России чуждую ей идентичность представляется современными «антизападниками» как часть глобального заговора. Их тексты пронизаны откровенной ксенофобией и мало напоминают славянофильскую классику. В них открыто говорится об «экспансии Запада», остановить которую «можно только защитив основные цели, избранные им для агрессии: наша духовность, культура, образование, наша “самость” — все то, что позволяет нации называться нацией»². Сохранение Россией собственной идентичности представляется как миссия, которую необходимо выполнить во имя всего человечества: наша страна призвана выполнить роль «*последнего оплота*» *сопротивления культурной экспансии Запада*, направленной против всех незападных стран. По Дугину, «только Россия в будущем может стать главным полюсом, очагом планетарного сопротивления, точкой притяжения всех мировых сил, отстаивающих свой собственный путь, свое собственное культурное, национальное, государственное и историческое “я”»³.

Постсоветские годы представляются историей тяжелой и неравной борьбы, в которой коварный враг умышленно рассчитывает свои предательские удары, прикрываясь риторикой прогресса, демократии, прав человека и проч. По мысли Н. Нарочницкой, «уничтожение российского великодержавия во

¹ Дугин АГ. Евразийский путь как национальная идея. М.: Арктогея-Центр, 2002. С. 3.

² Подберезкин А. Русский путь: сделай шаг (некоторые вопросы русского коммунизма) // Обозреватель — Observer. 1998. № 3. С. 166.

³ Дугин АГ. Указ. соч. С. 85.

всех его духовных и геополитических определениях, устранение равновеликой всему совокупному Западу материальной силы и русской, всегда самостоятельной исторической личности... — вот главное содержание нашей эпохи. Под видом прощания с тоталитаризмом сокрушена не советская — русская история»¹. «Запад» представляется не просто Другим, следовать примеру которого невозможно и опасно, но Врагом, сознательно посягающим на величие и силу России. И в этом отношении современное «антизападничество» ведет свою родословную не столько от славянофилов, сколько от Данилевского.

Запад в изображении современных «антизападников» предстает *отступником от некогда провозглашавшихся им ценностей*; под видом рассуждений о свободе, модернизации и прогрессе он стремится защищать свои эгоистические интересы. Примером такого представления является концепция *евроцентризма*, развиваемая Сергеем Кара-Мурзой. В соответствии с нею, современное российское западничество в лице Егора Гайдара и «младореформаторов» опасно именно тем, что под его маской в действительности скрывается «евроцентризм — расистская идеология Запада, возникшая вместе с капитализмом в недрах протестантского мироощущения... Это — идеология, претендующая на универсализм и утверждающая, что *все народы и все культуры проходят один и тот же путь и отличаются друг от друга лишь стадией развития*»². Евроцентризм опирается на серию мифов, преувеличивающих роль Европы и Запада в мировой истории; он служит основанием для двойной морали и является предпосылкой культурного расизма.

Если для С.Г. Кара-Мурзы ложный универсализм евроцентризма неприемлем, то А.С. Панарин, напротив, критиковал идеологов западничества за отступления от былого универсализма и переход к «цивилизационной парадигме», открывающей «до-

¹ *Нарочницкая Н.А.* Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2003. С. 12.

² *Кара-Мурза С.Г.* Евроцентризм — эдипов комплекс интеллигенции. М.: Алгоритм, 2002. С. 9—10.

рогу монопольного присвоения понятий “демократия”, “свобода”, “гражданское общество” западной цивилизацией в качестве их единственного аутентичного истолкователя и носителя». Тем самым человечество автоматически делится на «избранных и пасынков прогресса»¹. Но и в том, и в другом случае Запад обвиняется в культурном империализме, то есть в стремлении «представить опыт и культуру доминирующей группы в качестве универсальной и предъявить их в качестве нормы»².

Со времен классического славянофильства, «антизападническая» критика всегда сочеталась с утверждением о том, что Запад страдает тяжелыми недугами, которые он не в состоянии излечить сам. Этой традиции следуют и сегодняшние «антизападники». В их обвинениях звучит нотка сожаления о том, что Запад не ведает, что творит, и сам не сознает будущие катастрофические последствия поощряемых им тенденций.

Почти зеркально противоположный образ Запада мы обнаруживаем в текстах современных «западников». Его доминанта: *Запад — это Другой, которого стоит взять за образец*. Прежде всего, Запад — это успешная цивилизация, достигшая высокого уровня развития, *лидер прогресса*. Поэтому его опыт следует принимать во внимание, хотя бы даже из прагматических соображений. По словам бывшего заместителя министра иностранных дел А. Адамишина, «на рынке успеха именно Запад продает модель, пользующуюся повышенным спросом, в том числе на Востоке. Ее основное отличие — сочетание рынка и демократии. Запад может нравиться или не нравиться, но предлагаемая им модель опробована и показала наибольшую эффективность»³.

Однако выбор российских «западников» определяется не только прагматическими, но и ценностными соображениями,

¹ *Панарин А.С.* Указ. соч. С. 19—20.

² *Young I.M.* Justice and the Politics of Difference. — Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990. P. 59.

³ *Адамишин А.* Зачем нам нужна прозападная внешняя политика // Независимая газета. 2002. 16 марта.

ибо Запад — это *либеральное общество*. Примечательно, что, намереваясь дать определение «западной цивилизации», С.Н. Юшенков счел возможным обойтись лишь одним ее аспектом: «Начнем рассмотрение основополагающих принципов западной цивилизации с анализа учения о либерализме», — писал он¹.

Запад — это *общество с высокими показателями качества жизни*. И поэтому в глазах «западника» не выглядит парадоксальной формулировка: национальный интерес России — в том, чтобы «стать европейской страной по уровню и качеству жизни». Причем речь идет о вполне конкретных и осязаемых вещах: о доходе на душу населения, об автомобилизации и компьютеризации, о приобщении граждан к национальным и мировым информационным потокам, о свободе передвижения внутри страны и за ее пределами, о снижении языкового барьера для широких масс населения и так далее².

Наконец, Запад — это единственный *потенциальный инвестор* в российскую экономику. А потому, как смиренно констатировал Л. Радзиховский, «другого Запада у нас нет... А сами, без западных инвестиций, без настоящей интеграции в западную экономику, мы сейчас не поднимемся»³.

В то же время, Россия в глазах «западников» обладает собственной культурной спецификой, она — *не совсем Запад*. А потому охотно воспроизводится тезис о необходимости адаптивного и избирательного усвоения западного опыта. Порой дело доходит до забавных упрощений, подозрительно напоминающих рассуждения Лейбница о преимуществах позднего приобщения к благам цивилизации. В 1712 году в пись-

¹ Юшенков С. Постзападная цивилизация: попытка определения / Постзападная цивилизация. Либерализм: прошлое, настоящее и будущее. М.: Новый фактор; Минувшее, 2002. С. 27.

² Шейнис ВЛ. Россия и Европа: интересы и мифы // Независимая газета. 2000. 20 дек.

³ Радзиховский Л. Другого Запада у нас нет, а на Восток лететь некуда // <http://www.Euroclub-duma.ru/showarticle.php?id=52>

ме Петру I он рассматривал Россию как *tabula rasa* и предполагал, что ей «можно избежать бесчисленных ошибок, которые постепенно и незаметно укоренились в Европе» — подобно тому как «дворец, возводимый совершенно заново, выходит лучше, чем если над ним работали многие столетия, возводя, улучшая и многое меняя»¹. В том же ключе звучат и некоторые рассуждения сегодняшних «западников»: «мы берем у Запада два главных компонента его эффективности: рынок и демократию... А то, что относится к третьему компоненту — образ жизни, культура, традиции, мировоззрение и так далее, — следует быть гораздо более сдержанными по части иностранных заимствований. Более того, необходимо сознательно поощрять наше своеобразие, слава богу, его в нашей многонациональной стране хватает»².

Как известно, представления об идентичности всегда неоднозначны и текучи; отчасти этому способствует различие объемов понятий, определяющих Нас и Других. Другой, относительно которого конструировалась русская идентичность, имел два названия: «Европа» и «Запад». Хотя эти понятия часто рассматриваются как синонимы, их содержание не вполне тождественно: ни в XIX, ни в XXI веке Россия ни в каком смысле не могла быть частью «Запада». Однако не только западники, но и славянофилы не отрицали ее принадлежности к Европе (хотя и определяли эту принадлежность по-разному).

И сейчас в тех случаях, когда образы Запада и Европы различаются, последний, как правило, наделяется более положительными чертами (прежде всего, по контрасту с США). Эта тенденция характерна как для «западников», так и для «антизападников». Европа — это старая цивилизация со сложившимися культурными традициями, она «ближе» России не только географически, но и исторически. И это обстоятельство признает не только «западник» А. Кара-Мурза, по мнению которого

¹ Цит. по: Ламбсдорфф О.Г., Явлинский Г.А. Россия и Германия: кто мы друг для друга? М.: Комплекс-Прогресс, 1999. С. 41.

² Адамшиш А. Указ. соч.

«Россия — это уже Европа. После многих неудавшихся, хотя и не бесполезных, цивилизационных экспериментов страна возвращается к своим европейским культурным истокам»¹. Его признает и «антизападник» С.Г. Кара-Мурза: «Мы вышли из одной с Западом «материнской» цивилизации, — пишет он, — а потом, в союзе с множеством народов, в географических условиях Евразии... создали свою, особую цивилизацию. Но о разрыве с Западом и речи не было...»².

Европейские социально-экономические модели кажутся гораздо более приемлемыми для России, чем американские (в частности, «шведская модель» приводится антизападниками в качестве примера и упрека «реформаторам», хотя и несколько реже, чем китайская или японская; о германской модели говорят как о предпочтительной по отношению к американской).

Европа оказывается в числе «пострадавших» от американской культурной экспансии, и в этом смысле она — «товарищ по несчастью» и возможный союзник. Наконец, представители обоих лагерей нередко отмечают тот факт, что Европа — разная. Следуя традициям классического западничества, А. Кара-Мурза пишет: «Строго говоря, разнообразие Европы, совокупность различий, которые можно увидеть в ней, — это и есть одна из главных характеристик феномена Европы и ее постепенно раскрывающейся либеральной сути. Европа — уникальная цивилизационная площадка, в которой возможен диалог, причем диалог внутренний, то есть не с другими, а между своими. И Россия — культурная, органически европейская Россия — занимала свою позицию в этом внутривосточном диалоге»³.

Еще большая степень общности между Россией и Европой обнаруживается, когда объектом сравнения оказывается не «Запад» и «Европа» в целом, а отдельные составляющие их стра-

¹ Кара-Мурза А.А. Комментарий // <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=213>

² Кара-Мурза С.Г. Указ. соч. С. 9.

³ Кара-Мурза А.А. Указ. соч.

ны: с одной стороны, оказывается, что каждая из них обладает чертами, выпадающими из общего собирательного образа (в том или ином смысле и Германия, и Испания, и Италия, и даже Англия — это «не совсем Европа»), с другой стороны, образы *отдельных* стран более положительно окрашены воспоминаниями о прошлых культурных связях, об опыте личных поездок и контактов и так далее.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что с понижением уровня обобщения в образе Другого наряду с различиями появляется и сходство. Перестают работать те «сцепки смыслов» и стереотипы, которые доминировали на обобщенном уровне. Разумеется, в конструировании образов «французов», «немцев», «англичан», «американцев» и так далее тоже велика роль мифов и стереотипов, но это *другие* мифы и стереотипы.

Есть основания утверждать, что конкуренция альтернативных моделей национальной идентичности имеет место в любом обществе. И не только в России «прогрессисты» и «традиционалисты» вносили (и продолжают вносить) свою лепту в формирование этих моделей — в этом смысле противостояние «западников» и «антизападников» отнюдь не уникально. Однако по крайней мере в одном отношении российский дискурс является особенным: он воспроизводится с большей или меньшей интенсивностью на протяжении жизни нескольких поколений, сохраняя структуру жесткого противостояния «плюсов», причем периодически оказывается в роли фактора, определяющего структуру политико-идеологического спектра.

В чем причины живучести этого дискурса? Почему ни одна из конкурирующих моделей национальной идентичности не смогла стать доминирующей? Одно из возможных объяснений, на наш взгляд, связано с тем, что в условиях «запаздывающей модернизации» оба варианта оказались недостаточно «эффективными». Мобилизационные возможности соперничающих моделей национальной идентичности в немалой степени определяются их «компенсаторными возможностями», то

есть способностью повышать самооценку коллективного субъекта. И в этом смысле шансы либерально-прогрессивистской модели не столь высоки: в 1840-е годы еще можно было говорить о великом европейском будущем России, относя содержание ее миссии на усмотрение «детей и внуков»¹, но с течением времени такого рода аргументы становятся менее убедительными. Впрочем, радикальные версии прогрессизма обладали большими компенсаторными возможностями, нежели либеральные, обрекавшие Россию на роль догоняющего: выдвигая в качестве цели прогресса социальный идеал, который (еще?) не реализован на Западе, они оставляли ей шанс обойти соперника. Однако 70 лет советского «эксперимента» свели и это преимущество на нет. И в начале XXI века «антизападники» с полным основанием могут обвинять своих оппонентов в том, что те «обречены презирать Россию, ибо, отказывая ей в специфической цивилизационной идентичности, они прилагают к ней западный эталон и винят за несоответствие этому эталону»². Если строго следовать этой логике, то сегодня действительно есть основания вместе с В.И. Новодворской представлять Россию разгильдяем, отчаянно пытающимся «угнаться за последней электричкой и вскочить на ходу в самый последний заплывающий вагон», пренебрегая возможностью ехать по расписанию и в первом классе. Едва ли можно вдохновиться тем единственным позитивным моментом, которым Новодворская украшает этот образ «вечного двоечника» в школе модернизации: «Можно отчаяться и пойти на дно. А можно барахтаться... На челе России клеймо неудачи, но это, по словам Анны Ахматовой, «золотое клеймо». Кто еще мог бы столько карабкаться, невзирая на боль от падения, на переделы и увечья? В эту вожделенную Европу, в этот заоблачный

¹ *Белинский В.Г.* Взгляд на русскую литературу 1846 г. // *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953—1959. Т. 10. С. 21.

² *Панарин А.С.* Указ соч. С. 5.

Запад? Кто, кроме Сизифа и России?»¹. Уподобление Сизифу — более чем красноречивая иллюстрация трудностей, с которыми сталкиваются уже далеко не «внуки» классических западников.

Консервативно-традиционалистская модель, стремящаяся повысить самооценку нации за счет выстраивания *альтернативной системы координат*, в данном отношении гораздо более привлекательна, и именно этим объясняется многократный ренессанс «русской идеи». Однако консервативный проект сталкивается с другой угрозой — перспективой архаизации. Как это ни парадоксально, его мобилизационные возможности также зависят от успехов модернизации, создающих новые варианты «нашего славного прошлого», новые форпосты, которые можно защищать, увязывая с прежними традициями. Таким образом, в ситуации «запаздывающей модернизации» и эта модель оказывается уязвимой, ибо ее труднее приспособлять к вызовам времени. Отчасти эта проблема решается за счет появления нового «врага» — глобализма, в противостоянии которому усматривается миссия России. Тем самым российское «антизападничество» с его вековыми традициями оказывается в лагере антиглобалистов в роли «патриарха». Хотя рассуждения о «цивилизационной альтернативе западноцентричным течениям» и «приоритете нематериальных ценностей, который всегда был присущ русскому обществу», в век компьютеров и глобальных сетей все же пахнут нафталином. Однако еще более трудной проблемой для сторонников «консервативно-почвеннических» моделей сегодня становится поиск подходящей утопии: прошлое слишком разнородно, чтобы на его основе можно было синтезировать органичную традицию. Этим отчасти и обусловлена отмеченная выше идеологическая неоднородность современного «антизападничества»: его сторонники более или менее едины в от-

¹ Новодворская В.И. Золотое клеймо неудачи // Постзападная цивилизация. С. 144, 157.

ветах на вопрос: «кто виноват?», но по-разному определяют, «что делать».

Вместе с тем продолжительность этого «долгого» дискурса безусловно объясняется не только особенностями соперничающих моделей национальной идентичности. В частности, в том, что антитеза «западничества» / «антизападничества» приобрела значение чуть ли не главного водораздела российско-го идеологического спектра, в свое время важную роль сыграли цензурные запреты: в отсутствие возможности публичного обсуждения *политических* проблем главным полем для столкновения мировоззрений становились проблемы *культурные*. Безусловно, нельзя недооценивать и то, что «масштаб противопоставления» в данном случае задается «объективными» геополитическими факторами. Необходимо учитывать и влияние образов России, сконструированных на Западе¹: ментальные карты складываются подобно картинке в калейдоскопе, где изображение возникает в результате многократного отражения в системе зеркал.

Есть ли перспектива маргинализации этого «долгого» дискурса? Теоретически можно было бы надеяться на постепенную его трансформацию за счет понижения «уровня обобщения» и концентрации на более конкретных проблемах. Такое изменение фокуса позволило бы перестраивать устоявшиеся «сцепки» представлений, видеть не только то, что отличает нас от Других, но и то, в чем Мы похожи, а в перспективе — способствовало бы вытеснению моделей идентичности, построенных на бинарных оппозициях, более гибкими конструкциями, допускающими множественную идентичность. Однако этот дискурс обладает большой инерцией, в силу которой в высказываниях, претендующих на «срединную» позицию, выделяются

¹ См.: *Нойман И.* Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2005; *Malia M.* Russia Under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999.

смыслы, значимые для того или иного «полюса». В качестве примера можно привести реакцию на последнее послание президента В. Путина Федеральному Собранию (2006)¹. Хотя текст лишь косвенно затрагивал тему отношения к Западу, «антизападниками» он был воспринят как «сигнал, которого долго ждали». Отсутствие упоминаний о либеральных ценностях заставляет С.Г. Кара-Мурзу сделать вывод, что «знамя либеральных ценностей, под которым нас волочили 15 лет, отброшено», что власть наконец тоже поняла, «что под этим знаменем выхода из кризиса для России нет. Оно держало нас в трясине, где гнус высосал бы нас до шкурки»². Как и сто лет назад, в этом споре трудно занять позицию «золотой середины»: логика его такова, что все аргументы воспринимаются как уступка той или иной стороне.

Кроме того, факторы, обусловившие формирование именно *такого* дискурса, во многом сохраняются, да и наблюдаемые сейчас тенденции не внушают большого оптимизма. С одной стороны, как уже отмечалось, участники этого дискурса чутко реагируют на то, как нас представляют Другие, а образ России на Западе в последние годы меняется не в лучшую сторону. Динамика образов Другого — результат сложного стечения обстоятельств (геополитических, экономических, идеологических и других), и трудно сказать, насколько убедительными для западных политиков и публичных интеллектуалов окажутся призывы российских «центристов» заняться «исправлением имен» и признать «специфику» российской демократизации, объективную потребность России в

¹ Следует отметить, что В.В. Путин в своих публичных высказываниях с большей или меньшей последовательностью стремится соблюдать баланс между «западничеством» и «почвенничеством». В том числе это достигается и за счет того, что в его риторике «внешнеполитическая» составляющая образа Запада (по Дилигенскому) превалирует над «экзистенциальной».

² *Кара-Мурза С.Г.* Что же сказал Путин? // <http://conttrtv.ru/print/1782>

интеграции «мира соотечественников», ее нежелание оставаться «сырьевым придатком» Запада¹. С другой стороны, в силу нынешних тенденций развития российской политической системы (сужение поля публичной политики, идеологическое доминирование «центра» и др.) игры с «цивилизационной» идентичностью по-прежнему остаются значимым фактором структурирования политико-идеологического спектра.

¹ Лужков Ю.М. Мы и Запад // Российская газета. 2006. 15 июля; <http://www.edinros.ru/news.html?id=113780>

Илья Кукулин

РЕАКЦИЯ ДИССОЦИАЦИИ:
ЛЕГИТИМАЦИЯ УЛЬТРАПРАВОВОГО ДИСКУРСА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ¹

1

Летом 2002 года Александру Проханову была присуждена литературная премия «Национальный бестселлер» — за роман «Господин Гексоген», вышедший незадолго до этого в издательстве «Ad Marginem». Критики, придерживающиеся либеральных взглядов, сразу же после присуждения «Гексогену» крупной общенациональной премии опубликовали резкие статьи, в которых заявили о том, что легитимация советского, откровенно плохо пишущего и радикально-имперского по идеологии автора в качестве наиболее значимого писателя² современной России — симптом

¹ Благодарю М. Габовича, Н. Митрохина, О. Дубицкую и Г. Морева за различные замечания и консультации при работе над этой статьей. Благодарю также участников обсуждения доклада, на основе которого написана данная работа: А. Береловича, Б. Дубина и др. В 2007 году она была опубликована (под другим названием) на сайте «Полит-ру»: <http://www.polit.ru/culture/2007/04/08/kukproh.html>“_edn1

² 11 апреля 2002 года в газете «Ex Libris НГ» была опубликована статья Дмитрия Ольшанского «Как я стал черносотенцем», в которой молодой критик отрекался от своих прежних взглядов — по его мнению, «либеральных» — и в качестве нового «символа веры» завершал статью словами: «Лучшим русским писателем 2002 года является Александр Проханов».

кризиса литературной критики и интеллектуального сообщества в целом¹.

Все эти факты, кажется, давно и хорошо известны, однако в действительности «история с гексогеном» хотя и получила в критике нравственную оценку («безобразие!»), но не была последовательно отрефлексирована. Не были осмыслены и предпосылки, благодаря которым оказалась возможна интеграция Проханова в пространство «большой литературы», и последствия, к которым привели эта и подобные ей, хотя и менее громкие, кампании. Легитимацию ультраправого писателя рассматривали и рассматривают как коварный пиар-проект, как постмодернистскую игру или как проявление деятельности закулисных сил². Однако в личных беседах я убедился в том, что роман Проханова в 2002 году действительно понравился

¹ См., например, статьи: *Ицкович С.* Странный «Господин Гексоген» // Вестник Online. 2002. 28 марта (<http://www.vestnik.com/issues/2002/0328/win/itskovich.htm>); *Архангельский А.* Господа гексогены // Известия. 2002. 13 апреля; *Он же.* Где стол был яств — там гроб стоит // Известия. 2002. 8 июня; *Немзер А.* Гексоген с вами // Время новостей. 2002. 3 июня; *Агеев А.* Голод 76. Практическая гастроэнтерология чтения (авторская колонка) // Русский журнал. 2002. 13 июня (http://old.russ.ru/krug/20020613_ageev.html); *Кенжеев Б.* Лобстеры с Борнео, или Хороший писатель Проханов // Русский журнал. 2002. 14 июня (http://old.russ.ru/krug/20020613_kenzh-pr.html). См. также стенограмму семинара в институте философии РАН, состоявшегося 13 июня 2002 года, где обсуждались последствия легитимации Проханова (наиболее развернутые выступления сделаны М. Рыклиным и И. Чубаровым): <http://anthropology.rinet.ru/drupal/node.php?id=56> Под «интеллектуальным сообществом» подразумевается совокупность пересекающихся кругов писателей, художников, журналистов, литературных, кино— и артыкритиков и интернет-авторов, которые поддерживают общение через Интернет и полуприватную клубную жизнь, а также в рамках публичных культурных мероприятий, проходящих в основном в Москве и Петербурге.

² «...“Гексоген” — это не литература, а “литературный проект” группы критиков» (*Костырко С.* Обозрение С.К. “101 // http://old.russ.ru/krug/period/20020417_kost.html). См. также: *Чупринин С.* После драки (2002) // Чупринин С. Перемена участи. М.: НЛО, 2003. Я считаю верной высказанную в этой статье мысль: первоначально версия, соглас-

или, во всяком случае, показался весьма интересным относительно многим молодым читателям, которые в других отношениях разделяют «западнические» эстетические взгляды и не склонны к прохановской ностальгии по всевластию КГБ. Здесь и далее я исхожу из предположения, что только «пиаром» «история с гексогеном» не исчерпывается¹. Этот казус — следствие

но которой взрывы жилых домов в Москве и Волгодонске в 1998 году были спровоцированы ФСБ, была политическим событием; после того, как она была изложена в романе Проханова, а роман стал поводом для литературного скандала, предположение о причастности ФСБ к взрывам было переведено из разряда политического компромата в разряд художественных фантазмов (с. 336), — таким образом, дискуссия вокруг подлинных причин взрывов оказалась дискредитирована. В дальнейшем, поскольку фильм о возможной причастности силовых структур России к терактам финансировался Борисом Березовским, произошла еще одна метаморфоза: журналисты-«государственники» в Интернете и в газетах стали интерпретировать поддержку этой версии как «работу на Березовского».

¹ Вероятно, стремление устроить скандал в самом деле было одним из импульсов, побудивших «Ad Marginem» переиздать роман «Господин Гексоген», за год до этого вышедший как приложение к газете «Завтра» (об использовании скандалов в PR-тактике «Ad Marginem» см., напр.: Кузнецов С. Ощупывая слона. Заметки по истории русского Интернета. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 204–210). Однако не следует забывать, что с самого начала перепечатка «Гексогена» в «Ad Marginem» была оформлена как культурно-политическая акция, имевшая целью интеграцию Проханова в «общее» пространство русской литературы: начиная с момента заключения предварительных договоренностей между Прохановым и главой «Ad Marginem» Александром Ивановым и вплоть до присуждения «Гексогену» премии «Национальный бестселлер» весь процесс публикации и «раскрутки» романа сопровождался репортажами и интервью в газете «Ex Libris НГ», в которых все эти события комментировались как важные и актуальные. По-видимому, проект был задуман еще раньше: сразу после выхода «Гексогена» в приложении к газете «Завтра» в «Ex Libris НГ» была помещена рецензия Игоря Зотова, оформленная как передовая статья, и ответы различных писателей (Михаила Веллера, Алексея Цветкова-младшего и др.) на вопрос о том, в чем состоят главные качества Проханова как литератора: Маджахед Проханов (Опрос) // Ex Libris НГ. 2001. 11 октября. — http://exlibris.ng.ru/fakty/2001-10-11/7_opros.html).

глубинных изменений в общественном сознании, произошедших во второй половине 1990-х — начале 2000-х годов.

Несомненно, в начале 2000-х годов в российском общественном сознании произошла легитимация ультраправых дискурсов: составной частью культурного — литературного, философского, журналистского — поля (в терминологии Бурдье) стали высказывания и произведения людей, не стесняющиеся своих крайне националистических или фундаменталистских убеждений или симпатий к фашизму и сталинизму. Романы Проханова рецензируются в глянцевах журналах («Афиша», «TimeOut-Петербург», русская версия «Playboy» и др.) как модное и актуальное чтение. Проханов — ведущий авторской рубрики на радиостанции «Эхо Москвы», рассчитанной на интеллектуальную и либеральную аудиторию; другими ведущими политических рубрик на этой же радиостанции являются либеральные писатели и журналисты (Юлия Латынина, Виктор Шендерович, Сергей Пархоменко и другие) и одновременно — правый публицист-«государственник» Михаил Леонтьев. В конце 1990-х — начале 2000-х Проханов окончательно вошел в культурно-политический истеблишмент, — стал, например, постоянным экспертом телевизионных ток-шоу, а в 2003—2005 годах — еще и излюбленным «дуэлянтом» в программе Владимира Соловьева «К барьеру!»; его романы публикуются в издательствах, которые позиционируют себя на рынке как «современные» и «интеллектуальные» или «молодежные»: «Ad Marginem», «Ультра.Культура», «Амфора». На Франкфуртской книжной ярмарке 2003 года Проханова представлял немецким читателям известный русско-немецкий культуролог Борис Гройс.

В «приличном» обществе оказался принят не только Проханов. Ультраправый публицист Александр Дугин — колумнист крупнейших национальных газет («Известия» и «Комсомольская правда») и русской версии журнала «Rolling Stone»; характерно, что колумнистов у «Rolling Stone» всего два, и второй — кроме Дугина — Сергей Шнуров, популярный рок-певец, выс-

казывающий в песнях и публицистике взгляды леволиберального или либертарианского характера. В журнале «Критическая масса», где публикуются рецензии на сложные, инновационные книги по гуманитарным наукам и стилистически нетривиальная поэзия, в конце 2005 года появляется апологетическая статья автора «филологического шансона» Псоя Короленко, посвященная сочинениям того же Дугина о поп-музыке. В книжных магазинах продается осуществленное в 2004 году первое полное русское издание собрания афоризмов Ф. Ницше «Воля к власти»; в послесловии к книге подготовивший ее историк, профессор МГИМО Владимир Миронов пишет безо всякой иронии: «Идеологи фашизма распознали в Ницше своего предтечу. <...> Муссолини и Гитлер, действуя по его рецептам, словно вернули в старую, обрюзгшую, пошлую и обывательскую Европу могучий воинственный дух, разбудили мужские инстинкты, наполнили ее города громогласным воинственным кличем, зовущим к битвам и доблести»¹.

В феврале 2006 года в московском клубе «Жесть» прошел вечер поэтов, принадлежащих к движению «За Родину!» (и организованный этим движением) — молодежной секции ультраправой партии «Родина», незадолго до этого снятой с выборов в Московскую городскую думу за использование в предвыборной пропаганде ксенофобских призывов. В другие вечера в клубе «Жесть» обычно проходят концерты «этнической» музыки, фестивали музыки рэггей и т.п.

Осенью 2005 года по Первому каналу российского телевидения был целиком показан концерт рок-группы «Алиса». В основе значительной части песен на новых альбомах группы («Сейчас позднее, чем ты думаешь», 2003, «Изгой», 2005) — их автором, как и раньше, является лидер группы Константин Кинчев — лежит националистическая, религиозно-фундаменталистская идеология:

¹ *Ницше Ф. Воля к власти* / Пер. Е. Герцык и др. Сост. и послесл. В. Миронова. М.: Культурная революция, 2005. С. 634.

Сколько шакалов да псов
 Скалятся с разных сторон
 На золото наших хлебов,
 На золото наших икон.
 («Инок, воин и шут»)

Нас точит семя орды,
 Нас гнет ярмо басурман,
 Но в наших венах кипит
 Небо славян.
 («Небо славян»)

Как заметил по этому поводу обозреватель газеты «Коммерсант» Борис Барабанов, «...показ [в прайм-тайм] концерта рок-группы целиком на ТВ считается провальным с точки зрения рейтинга, тем более если речь идет о такой тяжелой, агрессивной и совсем не “уикендной” музыке, как та, которую сейчас играет “Алиса”. Эта жертва (то есть показ концерта. — *И.К.*) окончательно дала понять, что из всех русских рок-групп именно “Алиса” наиболее точно выражает в своих песнях сегодняшнюю государственную идеологию»¹. Правда, еще большей популярностью, чем Кинчев, на телевидении начала 2000-х пользовались Юрий Шевчук и его группа «ДДТ»², однако в главном Барабанов прав: взгляды Кинчева, который неоднократно выражал в интервью свою солидарность с крайними нацио-

¹ Предисловие Б. Барабанова к беседе с К. Кинчевым по случаю выхода альбома «Изгой» цит. по интернет-перепечатке: <http://www.rsnews.net/print.phtml?id=1086&lang=RUS>.

² Фильм «Время ДДТ», снятый в 2002 году В. Бледновым, демонстрирует, по словам режиссера, «историю нашей страны последних 20 лет через призму биографии “ДДТ” и ее лидера Юрия Шевчука» (<http://imperiadvd.ru/film/?4757>). Этот фильм был дважды показан по телевидению (первый раз — в январе 2002 года на канале ТВС) и продается на DVD- и mpeg4-дисках.

налистами¹, во всяком случае *не противоречат* идеологии современных политических элит. Более того, Кинчев продолжает пользоваться полным признанием в сообществе русских рок-музыкантов поколения «бури и натиска» (то есть ставших известными во второй половине 1980-х годов), которые воспринимались во времена перестройки как глашатаи демократизации и выразители социально-критической позиции. Пользуется Кинчев и уважением рок-критиков: взгляды и агрессивные тексты песен Кинчева воспринимаются как элементы его поэтики, и на публичную полемику с ним решился, кажется, только Барабанов.

Аналогичный сдвиг заметен и в фантастике 2000-х. Большими тиражами публикуются романы, описывающие происходящие в футурологическом пространстве битвы «хороших» русских и «плохих» американцев; так, роман Кирилла Бенедиктова «Война за “Асгард”» (М.: ЭКСМО, 2003) описывает битву русского партизана, бывшего офицера, и маленькой группы его единомышленников против всемирной власти дьявольской секты, центр которой находится в Хьюстоне, штат Техас («нефтяная» привязка местоположения секты основана на интерпретации связей нынешнего президента США Джорджа Буша-младшего с нефтяным лобби в духе «теорий всемирного заговора»). Эпизодическим героем романа является демонический палач-кавказец (без уточнения национальной принадлежности), находящийся на службе у отвратительного русского буржуа-помещика; поскольку среди положительных героев романа кавказцев нет, роман может быть — несмотря на то, что

¹ «— Вот сейчас по Москве прошел “Правый марш” против нелегальной иммиграции. Поддержали бы его? — Конечно. Это же колоссальная опасность. <...> Посмотрите на Францию. Может, хоть сейчас европейцы проснутся от сна своего благодного и поймут, что Вавилон был разрушен не случайно. Нельзя перемешивать народы. Каждый человек должен жить там, где Господь ему уготовил родиться, а не мигрировать туда-сюда» (Музыкант Константин Кинчев: «Я же державник» (беседовал А. Мунипов) // Известия. 2005. 11 нояб.).

среди персонажей есть представители различных этносов, — охарактеризован как произведение с ксенофобскими элементами. Об имперско-националистическом уклоне первых романов из широко разрекламированной серии фантастических детективов «Хольма ван Зайчика» писалось уже неоднократно¹. Так, например, в романе «Дело незалежных дервишей» (СПб.: Азбука, 2001) в единый сюжет сплавлены отделение Украины от СССР, меры против распространения русской поп-культуры, предпринятые в 2000 году мэрией Львова, и террористическая деятельность сепаратистов в Чечне². Все эти действия рассматриваются в романе как нравственно эквивалентные — все они якобы в равной степени продиктованы личной корыстью, эгоцентризмом и забвением великой национальной общности, которая в романах «ван Зайчика» называется Ордусь.

Таким образом, легитимация ультраправых или ксенофобских идей происходит в различных сферах культуры и затрагивает разные аудитории. Однако, на мой взгляд, в первую очередь необходимо проанализировать причины и стратегии легитимации ультраправых идей в полях «модной» журналистики, аналитической критики и «высокой», инновационной литературы.

Произведения, относящиеся к «высокой», инновационной литературе, выходят относительно небольшими тиражами; статьи журналистов и критиков, публикующихся в *life-style magazines* с интеллектуальным уклоном, выражают скорее их собственные вкусы или пристрастия небольшой референтной

¹ См., напр.: *Витенберг Б.М.* Игры коррективовщиков // НЛО. 2004. № 66.

² Язык, на котором объясняются «незалежные дервиши», основан на соединении тюркских корней с украинскими флексиями: город, в котором происходит действие, называется Асланів (то есть Львов, или, по-украински, Л'вів: «а(р)слан» — «лев» на многих языках тюркской группы), а вместо «добро пожаловать» в этом городе говорят «ласкаво рахматуемо» («ласкаво просимо» (*укр.*) + «рахмат» («благодарю» — *татарск.*)).

группы, чем мнение репрезентативной части общества. Но именно там происходит легитимация и рефлексия новых смыслов, экспортируемых впоследствии в иные культурные сферы. Даже если эти смыслы выработаны в иных сегментах культурного поля, например в рок-музыке или в каких-либо субкультурах, окончательную легитимацию они получают именно в среде, так или иначе связанной с «высокой» словесностью: вспомним осмысление первых хэппенингов и порнографической «Истории О» в работах С. Зонтаг, концептуализацию творчества отбывшего тюремное наказание за воровство¹ Жана Жене в работе Ж.-П. Сартра, философскую рефлексию уличных граффити в работах современных американских искусствоведов и пр.

2

Несмотря на вписанность в истеблишмент, и Проханов, и Дугин представляют себя как авторов оппозиционных. Правда, на протяжении 2000-х годов Проханов отзывался все более критически о существующем политическом режиме и государственной идеологии, а Дугин представляет себя как своего рода метафизического оппозиционера, выступающего против современного миропорядка в целом. Первоначально о своей оппозиционности оба этих автора заявили еще в конце 1980-х — начале 1990-х, когда они были категорически не согласны с происходившей в стране демократизацией и либерализацией².

¹ И настаивавшего после освобождения на своей глубокой враждебности к обществу. См.: *Жене Ж. Малолетний преступник (1948)* / Пер. с фр. // [Жене Ж.] *Театр Жана Жене*. СПб.: Гиперион; Гуманитарная академия, 2001.

² Хотя Дугин, насколько можно судить, был в оппозиции к советской власти — «справа»; но в начале 1980-х годов, когда сформировались взгляды Дугина, он был еще очень молодым человеком и ничего не публиковал ни в СССР, ни за рубежом.

На протяжении всех 1990-х годов они продолжали клеймить демократию и либерализм. Однако «ауру» оппозиционности эти люди принесли и в 2000-е годы, когда идеологические программы правящих элит и общественные настроения сдвинулись резко «вправо», в сторону изоляционизма, национализма и ностальгии по имперскому величию. В романах Проханова «Идущие в ночи» и «Господин Гексоген» было высказано откровенно апологетическое отношение к В.В. Путину и крайне отрицательное — к России 1990-х; Дугин также комментировал приход Путина к власти одобрительно¹. Вскоре после этого Проханов начал выступать с резкими нападками на Путина и партию «Единая Россия»² и печатно поддержал Владимира Сорокина, против которого выступило пропрезидентское молодежное движение «Идущие вместе». Сегодня Проханов, а также его единомышленник и апологет литературный критик Владимир Бондаренко и другие близкие им авторы утверждают, что нынешняя власть остается, как и в 1990-е годы, «либеральной» и что в этом и заключается причина ее авторитаризма: например, обличительная статья В. Бондаренко о пропрезидентском молодежном движении «Идущие вместе» называлась «НЛО — новый либеральный обман».

После 2002 года рефлексия либерально настроенных критиков по поводу легитимации Проханова была фактически свернута: одни решили, что проза Проханова настолько плоха, что феномен ее популярности является сугубо масскультурным

¹ См., напр.: *Дугин А.* Асимметрия // Вторжение. 2000. № 44, а также ответ на эту статью в обзоре: *Агеев А.* В поле, в храме и на просторах Евразии // Время МН. 2000. 26 августа. По отношению к Путину в 2000 году российские ультраправые раскололись: часть их энергично поддержала нового президента, другая часть отнеслась к нему как к преемнику Б.Н. Ельцина крайне отрицательно.

² Во время кампании по выборам в Московскую городскую думу осенью 2005 года листовка партии «Родина» с нападками на «Единую Россию» была выпущена как бесплатное приложение к газете «Завтра» и содержала статью самого Проханова «“Единая Россия” — партия измены» (впервые опубликованную в «Завтра» от 16 марта 2005 г.).

явлением (наподобие популярности Дарьи Донцовой) и поэтому не заслуживает серьезного анализа, другие, — что ситуация вокруг Проханова — лишь частный пример радикализации вкусов и политических убеждений младшего поколения литераторов и журналистов, которое можно рассматривать как единое целое¹.

В 2000-е годы деятельность Проханова была легитимирована не только как оппозиционная, но еще и как культурно-инновационная — и публикация романа «Господин Гексоген» в издательстве «Ad Marginem» стала важнейшим действием по такой легитимации. В 1990-е и начале 2000-х годов это издательство позиционировало себя на книжном рынке как публикатора «неклассической»² западной и российской философии (от Ницше до Мамардашвили и Деррида), а также художественной литературы и non-fiction, нарушающих привычные эстетические нормы и престапующих разнообразную табу (прежде всего — произведений Владимира Сорокина)³. Однако если любимый издательством «Ad Marginem» Сорокин при советской власти в самом деле не имел возможности пе-

¹ Обоснование второй позиции см.: Чупринин С. Свободные радикалы (2003) // Чупринин С. Перемена участи.

² Под словами «неклассическая философия» здесь понимается совокупность философских проектов, направленных на критическое переосмысление фундаментальных традиций европейского мышления, которые восходят к античности.

³ Публикация художественных произведений в «авангардно-философском» (выражение М.Л. Гаспарова) издательстве «Ad Marginem» рассматривалась его главным редактором Александром Ивановым в значительной степени как их легитимация в поле московского интеллектуального сообщества, особенно — молодой его части. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что некоторые художественные публикации «Ad Marginem» рубежа 1990-х — 2000-х годов были *переизданиями*: ранняя проза Владимира Сорокина выходила за несколько лет до «Ad Marginem» в издательстве «Obscuri Viri», роман Михаила Иванова «Банан» — менее чем за год до «Ad Marginem» в приложении к журналу «Соло». В этом же ключе, вероятно, следует рассматривать и перепечатку — в отредактированном и сильно сокращенном виде — романа Проханова.

чататься¹, то Проханов регулярно публиковался в СССР с конца 1960-х годов как в журналах (например, в «Новом мире»), так и отдельными книгами. С конца 1980-х годов постоянным местом «литературной прописки» Проханова стали крайне правые националистические издания, — такие, как журнал «Наш современник»² или газета «Завтра», где он является главным редактором.

Теперь же критик Лев Данилкин в своих статьях в журнале «Афиша» и в книге о литературной ситуации 2005 года «Парфянская стрела»³ причисляет к наиболее актуальным российским авторам, кроме Проханова, еще и другого любимого автора журнала «Наш современник» — Владимира Личутина (в ряду важнейших «новаторов» оказались также авторы популярных бестселлеров Оксана Робски, Алексей Иванов и Сергей Доренко⁴). Обозреватель оппозиционной газеты «Объединенный гражданский фронт» Александр Панов пишет о новом романе Проханова «Политолог»: «Последние прохановские тексты суть почти мистерии, персонажи которых... проходят все круги современного политического ада, описанного с дан-

¹ Другие авторы, в разное время издававшиеся «Ad Marginem», — Павел Пепперштейн, Егор Радов, Михаил Иванов, Сергей Болмат, Михаил Елизаров, Баян Ширянов и др. — по разным причинам (Пепперштейн и Радов не могли рассчитывать на советскую публикацию, Михаил Иванов, кажется, вообще первоначально не предназначал свои тексты для какой бы то ни было печати, Михаил Елизаров достаточно молод) также получили возможность опубликовать свою прозу только в последнее десятилетие.

² Кажется, именно «Нашему современнику» принадлежит замечательное «know-how». В 2000—2001 г. роман Проханова «Идущие в ночи» был опубликован в этом журнале *дважды*: сначала отдельным изданием, как приложение к журналу (при том, что обычно «Наш современник» с приложениями не выходит), а потом в самом журнале — в нескольких номерах с продолжением.

³ Данилкин Л. Парфянская стрела. СПб.: Амфора, 2006.

⁴ Этих авторов к ультраправым отнести нельзя; анализ их политических взглядов выходит за рамки данной работы. См., напр.: Кукулин И. Героизация выживания // Новое литературное обозрение. 2007. № 86. С. 302—330.

товским размахом. И с такой же фантазией — некогда правоверный советский реалист-баталист, “соловей Генштаба”... с крушением Империи превратился в отчаянного сюрреалиста, из Верещагина став Босхом»¹. Вообще идея «переворота от «социалистического реализма» к «коммунистическому сюрреализму»» (Наталья Курчатова²), произошедшая в творчестве Проханова в 1990-е годы, по сути, текстуально не обоснованная и основанная на незнании более ранних произведений Проханова, кажется, уже стала в критике общим местом. «Новаторство» Проханова засвидетельствовано также его сотрудничеством с художниками-авангардистами. Презентация романа «Крейсерова соната» состоялась в галерее «А-3» на Старом Арбате и сопровождалось выставкой иллюстраций к роману, созданных художниками Александром Савко и Владимиром Анзельмом. Презентация романа «Политолог» прошла в клубе «Дом» (известном в основном концертами новой музыки) в сопровождении перформанса знаменитого авангардного художника и музыканта Германа Виноградова — основателя и многолетнего руководителя проекта «Бикапо»³. В презентации

¹ Панов А. Презентация нового романа А. Проханова // <http://www.listovka.net/subject.php?act=subject&id=7>. Критик Максим Замшев сравнил стиль романа «Крейсерова соната» со стилем позднего Д. Шостаковича (*Замшев М. По воле русского Бога — http://www.moswriter.ru/proza/archiv/01_2004/proza2.htm*).

² http://www.timeout.ru/site/books/20050717_81703.shtml. В этом номере журнала «TimeOut — Петербург» роман Проханова «Надпись» был объявлен «книгой номера». Следует отметить, что Наталья Курчатова регулярно публикуется как поэт, при этом ориентируется на наиболее актуальные литературные направления.

³ Тот же Виноградов 24 марта 2005 г. провел акцию у здания Генеральной прокуратуры РФ: в знак протеста против суда над организаторами выставки «Осторожно — религия!» в Сахаровском центре полуголый художник облил себя холодной водой (*Савина Е. Художники охладелись у Генпрокуратуры // Коммерсант. 2005. 25 марта. Перепечатано: <http://www.religare.ru/print15713.htm>*). Таким образом, Проханов оказался частью авангардно-правозащитного контекста, в котором сосуществует с Михаилом Ходорковским и руководителем Сахаровского центра правозащитником Юрием Самодуровым.

романа «Политолог», где один из положительных персонажей явно имеет своим прототипом М. Ходорковского принимал участие адвокат заключенного бизнесмена Антон Дрель; таким образом, презентация была организована одновременно как событие из области актуального искусства и как политическая акция, в рамках которой «оппозиционность» Проханова и политическую позицию Ходорковского предлагалось воспринимать как рядоположные явления. (Впрочем, после статей Ходорковского, в которых была изложена программа «левого поворота» в российской политике, и другие ультраправые деятели стали выражать ему публичную поддержку — несмотря на еврейское происхождение бизнесмена. Так, Владимир Квачков, обвиняемый в подготовке покушения на А. Чубайса и много общавшийся с Ходорковским в камере предварительного заключения, отозвался о нем с большой симпатией и сказал, что в будущей, «национально ориентированной» России Ходорковского и подобных ему следует использовать в качестве менеджеров¹.)

Журналисты Федор Ромер и Галина Юзефович еще в 2003 году прокомментировали сдвиг, ознаменованный легитимацией Проханова и его тактическим «объединением» с либеральной оппозицией:

...постмодернистам из стана современной литературы или актуального искусства Проханов... выгоден. Им очень хочется быть по-нонконформистски радикальными, ходить взад-вперед по лезвию политического ножа, но выходить на демонстрации с красным флагом мешают и вкус, и сибаритство. А тут тебе настоящий оппозиционер, но заговоривший с ними практически на одном языке концептуалистской прозы в духе Павла Пепперштейна. И сам по себе игрок-эстет. «Советский патриций», как когда-то называли Проханова в «Афише»².

¹ Полковник Квачков: «Национальное восстание — да!» (Интервью А. Проханову) // *Завтра*. 2005. 19 окт.

² *Ромер Ф., Юзефович Г.* Господин оппозиционер // *Еженедельный журнал*. 2003. 7 окт.

Авторы статьи странным образом соглашаются с Прохановым, который сам себя называет левым радикалом¹, но не замечают идеологической позиции, последовательно заявленной в его романах и имеющей мало общего с левым радикализмом. Эта позиция сочетает прославление имперской мощи, пафос технической модернизации (и отдельно — внимание к устройству различных шпионских «спецсредств»), ксенофобию (ср. хотя бы фразу положительного персонажа, некоего пророка из народа, о том, что Сталина «жиды умучили», в романе «Господин Гексоген») и энергично воспроизводимую ностальгию по образам, концентрирующим в себе советскую идеологию — особенно сталинского времени: герой романа «Господин Гексоген» возмущается тем, что улицу Георгия Димитрова переименовали в непонятную «Якиманку» (то, что улица названа в честь церкви во имя родителей Богородицы свв. Иоакима и Анны, очевидно, неинтересно ни Проханову, ни его герою), а персонажи «Крейсеровой сонаты» попадают в секретный архив советской памяти, где бережно хранятся зачитанные простыми людьми до дыр романы Семена Бабаевского (!!!) и разоблачительный памфлет против Солженицына с «остроумным» (авторская характеристика) названием «Со-Лжец». Соединение имперского пафоса, модернизации и ксенофобии — это, разумеется, никакой не левый радикализм; генетически такая идеология восходит к идеологическим установкам сталинского СССР конца 1940-х годов.

Эстетически романы Проханова тоже укоренены в литературе позднесталинской эпохи. Особый эффект стилистики Проханова рождается оттого, что этот писатель, сохранив в неприкосновенности эстетические основы позднесталинской литературы («Молодой гвардии» Александра Фадеева с ее ат-

¹ В передаче Радио «Свобода» от 27 сентября 2005 года («Круглый стол», посвященный обсуждению ответов В.В. Путина на вопросы избирателей).

мосферой героического заговора, Елизара Мальцева с его аляповато-цветистым языком, шпионских саг Николая Шпанова), сумел привить к ней новые стили: в 1970-е годы — сюрреалистически-сновидную метафорику своих сверстников Владимира Маканина¹ и Анатолия Кима, в 1990-е — стилистику «Красного колеса» Солженицына, в 2000-е — стилистики Юрия Мамлеева, Виктора Пелевина и Владимира Сорокина (подробнее об этом еще пойдет речь ниже). Вероятно, следует вообще предположить, что в развитых литературах, особенно в переходные периоды — такие, как 1990-е годы для русской прозы — сосуществуют несколько страт, имеющих разное социально-историческое происхождение.

На идеологическом уровне Проханов отнюдь не оппозиционен — несмотря на свои антипутинские декларации, он совпадает с важнейшими тенденциями путинского времени². Одна из них — поиск синтетической исторической идентичности, то есть стремление представить отдельное явление или всю социально-политическую систему страны в целом наследующими одновременно нескольким традициям: советской; имперской России «до 1913 года»; архаической Руси (ср. интерес В.В. Путина к древней истории, его широко освещаемые в прессе поездки на археологические раскопки и пр.); и — в некоторых случаях — западноевропейской цивилизации. Аналогичное конструирование синтетической идентичности описано в новых романах Проханова — «Надпись» и «Политолог». В

¹ Ср. хотя бы описание детей как бабочек в рассказе Маканина «Человек убегающий», а также стилистику романа А. Кима «Белка».

² «Что не разрешено Березовскому, позволено Проханову, и тот в своей процветающей при нынешней власти газете “Завтра” широко этим пользуется. Поражает острота публичной критики президента России Прохановым и великодушная терпимость критикуемого, даже принимавшего Проханова как ни в чем ни бывало в Кремле. О чем была беседа президента с главным редактором “газеты государства российского”, неизвестно, но выпады против Путина в каждом номере газеты “Завтра” не прекращаются» (*Ицкович С.* Странный «Господин Гексоген»).

романе «Политолог» герой-полуеврей Стрижайло в решающий момент вспоминает о своих псковских корнях и становится на сторону сил добра, а в романе «Надпись» процесс «конструирования идентичности» в сознании главного героя, погружающегося в транс, описан следующим образом:

...Мозга становилось все меньше, и под сводами опустевшего черепа начинали плавать зыбкие пьянящие туманы. Вместе с тонкой отточенной трубочкой он погружался вглубь самого себя, проходя слои, из которых состояло его сознание. Это были слои «советского», красные, словно спрессованный кумач. Слои «православного», в которых присутствовало золотое и белое, как Успенский собор в Кремле. Слои «крестьянские», белесые, словно сухие снопы, и смутло-коричневые, как венцы в деревенской стене. И под этими преодоленными слоями открывалось нечто первобытное, живое и сочное, зелено-голубое и косматое, как мхи и лишайники, водоросли и речные заводи, — «языческое», до которого дотянулось его раскрепощенное «Я».

Через некоторое время после описываемого эпизода герой делает драматический выбор, решая, что главное для него — это все же советское. В целом подобная эстетика «совмещения идентичностей» не является изобретением правящих элит России или каких-либо писателей: она сложилась стихийно на рубеже 1990-х и 2000-х годов, когда в обществе сформировалось стремление к эстетизации истории, восприятию ее как красочной драмы и отказу от рефлексии травматических эпизодов¹. Это стремление стало психологической и эстетической основой для формирования в литературе, искусстве, публицистике и медиа разнообразных «дискурсов нормализации», представляющих историю страны как цепь преемственности и наследственности, связывающую имперскую Россию, Советский Союз и постсоветскую эпоху.

В романе Проханова «Идущие в ночи» (2000) содержатся четкие, хотя и крайне тенденциозные предсказания развития

¹ Подробнее см., например: *Левинсон А.* Люди молодые за историю без травм // *Неприкосновенный запас.* 2004. № 4 (36).

событий в современной России, сделанные, очевидно, человеком, который входит в одну из правящих элит. Главный герой, бывший полковник КГБ Белосельцев, попадает в таинственный подземный центр, где видит огромную электрифицированную карту России. Его старший товарищ объясняет, что на карте изображено проникновение бывших сотрудников КГБ в государственные органы и частные компании новой России. Они — повсюду: начальники отделов безопасности в банках и фирмах — из этой среды (трудно с этим не согласиться), заместители руководителей крупных корпораций — тоже. Все они — «спящие» агенты: в час «икс» они выйдут из тени и возьмут в руки управление государством. Такой час наступит после прихода к власти невысокого, светловолосого человека, которого готовит на смену Ельцину еврейский олигарх Астрос; но этот человек, похожий на Андрея Болконского, вскоре выйдет из-под контроля Астроса и поведет Россию в правильном направлении, то есть не даст превратить ее в мировой еврейский центр. Этот фрагмент нельзя считать точным описанием произошедшего в начале 2000-х вхождения сотрудников ФСБ в государственные структуры и правление сырьевых монополий, однако «прогноз» Проханова, безусловно, отражает точку зрения одной из элит, пришедших в России к власти в указанный период.

Каким образом критики и читатели могли отождествить эстетику Проханова с эстетическим и политическим нонконформизмом?

В 2002 году руководитель «Ad Marginem» Александр Иванов, объясняя автору этих строк причины публикации в этом издательстве романа «Господин Гексоген», сказал, что в своей прозе Проханов нарушает принятые эстетические конвенции и выходит за установившиеся границы литературы — так же, как до него это делали Артюр Рембо, Велимир Хлебников и Владимир Сорокин. То, что г-н Иванов «озвучил» не свое личное мнение, а некоторое коллективное убеждение, было понятно уже тогда: один из инициаторов публикации «Гексогена» в из-

дательстве «Ad Marginem» говорил мне несколько ранее, что его цель — взорвать скучное и слишком «конвенциональное» течение российского литературного процесса.

В книге «Физики продолжают шутить» была опубликована (переведенная из англоязычного пародийного «Journal of Irreproducible Results») классификация ненаблюдаемых (то есть невозможных) явлений, расположенных в порядке убывания их интереса для физика: явления, ненаблюдаемые по определению (например, невидимый свет), явления, ненаблюдаемые в принципе (например, абсолютная скорость), явления, ненаблюдаемые в природе (например, потомство от стерилизованных кроликов) и явления, ненаблюдаемые в обществе воспитанных людей.

Предполагая, что Проханов — новатор, принципиально такой же, как Хлебников, Деррида или ранний Сорокин¹, — критики и аналитики смешивают два вида ненаблюдаемых явлений. Творчество Хлебникова или Деррида — явления, ненаблюдаемые по определению, парадоксальные по сути, взламывающие наши представления о литературе и философии. Проза Проханова — явление, которому хорошо бы быть ненаблюдаемым в обществе воспитанных людей. Ее публикация через запятую с Сорокиным — не расширение границ литературы, а разрушение рамок этически допустимого.

Говоря об этом, я не считаю, что произведения Проханова, Дугина или ультраправых авторов прошедших эпох должны быть запрещены или подвергаться цензуре. Моя задача — призвать не к запрету, а к контекстуализации и изучению подлинной, а не мифологизированной структуры литературного поля и его изменений.

¹ Я полагаю, что творчество Сорокина начиная с романа «Лёд» — то есть и последующие романы «Путь Бро» и «23 000» — строятся на эксплуатации его же более ранних идей и на их гибридации с эстетикой массовой литературы. Подробнее об этом на материале романа «Лёд» см.: *Куклин И.* Every trend makes a brand // Новое литературное обозрение. 2002. № 56; *Липовецкий М.* Паралогии. М.: НЛО, 2008. Гл. 15.

Сорокин с его сценами жестокости и копрофагии — явление одного порядка, а Проханов — другого. Однако в конце 1990-х в сознании молодых читателей они оказались рядом. Причина тому — особый режим понимания литературы. В условиях социальной аномии и кризиса традиционных для советского общества жизненных сценариев наиболее популярными писателями стали Сорокин и Пелевин, которые были стихийно восприняты как учителя релятивизма ценностей и тотальной критики языков. Шок, рождающийся от восприятия сцен расчленений, каннибализма, копрофагии и т.п. в произведениях Сорокина, оказался своего рода замещающим эмоциональным эквивалентом коллективному социальному шоку начала 1990-х. Впрочем, не стоит забывать, что постепенный подспудный распад социальных структур начался еще в 1970-е годы, а его фольклорным выражением стали бесконечные подростковые «страшилки», — их распространение в подростковой среде стало, по глубокому замечанию Владимира Кукушкина, предвестием успеха Сорокина в 1990-е¹. В текстах Пелевина был дан другой «ответ» на социальную аномию — последовательная картина мира бесконечного оборотничества, в котором освобождение души возможно только после того, как она поймет: любой облик иллюзорен, любая сущность — тоже. Эта переключка и стала причиной, по которой Сорокин и Пелевин, писатели изначально чрезвычайно разные, оказались прочитаны «в связке».

Но такое восприятие литературы (подчеркиваю: не само творчество Сорокина и Пелевина, а упрощающие типы их прочтения²) подготовило и успех Проханова. Это стало возмож-

¹ *Кукушкин В.* Мудрость Сорокина // Новое литературное обозрение. 2002. № 56. С. 250.

² Принципиально другой тип прочтения Сорокина был предложен в первой половине 1990-х годов критиком Вяч. Курицыным: «согласно Курицыну, именно... показ тоталитарного высказывания Сорокиным снимает тоталитарное начало с его поэтики. <...> Осознание этого парадокса приводит Сорокина к игре со... значениями» (*Ролл С.* От

ным после того, как постсоветское общество в конце 1990-х — начале 2000-х пережило новый эмоциональный шок, но уже иной природы: не социальную аномию, а чувство страха от террористических актов по всей территории страны и, более того, по всему «западному» миру¹. Мегатеракты в США 11 сентября 2001 года, многократно показанные по разным программам российского телевидения, были для российского общественного сознания столь же страшны, как и взрывы домов в Москве и Волгодонске в 1998 году. Реакцией на этот шок стало коллективное стремление интерпретировать мегатеракты как результат чудовищного заговора. Не случайно первым текстом Проханова, получившим признание за пределами «патриотической» субкультуры, оказался роман «Господин Гексоген», описывающий «подлинные причины» взрывов домов в Москве.

Не менее важным последствием шока, видимо, стало коллективное навязчивое стремление читателей вновь и вновь возвращаться к переживанию внезапной и бессмысленной гибели многих людей — и здесь Проханов оказался «кстати»: еще в романах советского времени он изображал крайне жестокие сцены с отстраненным спокойствием натуралиста; интонация была мотивирована тем, что их наблюдал не имеющий права на сильные чувства сотрудник КГБ. Таков, например, эпизод с грудями черепов в романе «В островах охотник...» (действие, напомню, происходит в Кампучии после ее освобождения вьетнамскими войсками от полпотовского режима). Так же отстраненно описан мертвый, разрушенный Грозный в романе «Идущие в ночи», где интонация мотивирована рассказом от лица продажного и циничного журнали-

альтернативной прозы к культуре альтернативного сознания // Ролл С. Постмодернисты о посткультуре: Интервью с современными писателями и критиками. М.: ЛИА Р. Элинина, 1996. С. 18).

¹ Гудков Л. «Чеченский тупик»: прогноз? Диагноз? // Гудков Л. Негативная идентичность. С. 328—338. Левинсон А. Надолго ли? // Неприкосновенный запас. 2004. № 5 (37). С. 49—53.

ста (его образ — тенденциозный и искаженный «портрет» Андрея Бабицкого¹).

Далее, Сорокин и Пелевин воспринимались в 1990-е годы как авторы, утверждающие относительность и фиктивность истории: в произведениях Сорокина на эту цель «работала» вторичная эстетизация приемов советской литературы и помещение действия во вневременное пространство фантазма², в произведениях Пелевина — разнообразные «переигрывания» известных исторических ситуаций, интерпретированных с «конспирологической» точки зрения: советские космонавты изображают свои подвиги на земле перед телекамерами («Омон Ра»), Чапаев оказывается мистическим учителем, наподобие Г. Гурджиева («Чапаев и Пустота») и т.п.; действительность же постсоветских 90-х изображена у Пелевина предельно иронически. Восприятие истории как фикции, литературного нарратива — важнейшая черта постмодернистского сознания³, предвосхищенная еще в философии Ницше, но в России 90-х такое восприятие соединилось с коллективным ощущением исторической травмы. Следующим логическим этапом в начале 2000-х стала легитимация Проханова, для которого история — это поле идеологического реванша, — нарратив, подлежащий переписыванию (как в романе Оруэлла «1984») и идеологическому перетолкованию.

Критики-традиционалисты, как правило, неприязненно относящиеся к Сорокину и Пелевину, считали эволюцию от

¹ Аналогично, некрофильско-каннибальская сцена в романе «Надпись» представлена как фрагмент рассказа писателя Малеева.

²² Что свойственно даже антитоталитарной притче «Падеж» (включена в книгу «Норма»), где действие отнесено к 1948 году («поклон» Дж. Оруэллу, который в названном году написал роман «1984»): как справедливо заметил Вяч. Курицын, антитоталитарный пафос рассказа в контексте всей книги эстетизируется и релятивизируется.

³ См., например: *Барт Р.* Драма, поэзия, роман // Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. М.: МГУ, 1986. С. 218.

Сорокина к Проханову закономерной: дескать, и у того и у другого описывается всевозможная «расчлененка», оба с интересом относятся к советской литературе, стало быть, оба — одного поля ягоды. Это неверно. Но поскольку психология восприятия названных авторов в силу социально-исторических причин оказалась сходной, ретроспективный анализ их различий требует специальной реконструкции. Суть же различия в том, что произведения Сорокина, в первую очередь — ранние и «средние» (до середины 1990-х годов) относятся к трансгрессивной, или экспериментальной литературе, а произведения Проханова — нет.

Произведения экспериментальной литературы — Рембо, Хлебников, Хармс, Введенский, Арто, Паунд, Венедикт Ерофеев, ранний Сорокин — ставят под вопрос, тем или иным образом проблематизируют субъектность человека, инстанцию авторства, наличное состояние языка и бытие в целом¹. «Мне кажется, что каждое существо должно быть наделено множеством *иных* жизней» (А. Рембо); «Я — это другой» (он же)². «Я произвел поэтическую критику разума» (А. Введенский). Согласно Ю. Кристевой, главным объектом проблематизации в подобных условиях оказывается процесс производства смысла. В результате «субъект [письма] предстает в событийности, а не дан как некий стереотип. И эта событийная данность субъекта закономерно приводит к рассмотрению его в особых предельных состояниях *трансгрессии*...»³. Произведения, написанные исходя из этих предпосылок, и являются экспери-

¹ См.: *Литовецкий М.* Аллегория письма: «Случай» Хармса (1939) // Новое литературное обозрение. 2003. № 63; *Бадью А.* Манифест философии. СПб.: Machina, 2003. С. 42—47. Оговорю, впрочем, что я не согласен с предложенной Бадью концепцией «века поэтов».

² Цит. по: *Косиков Г.К.* Два пути французского постромантизма: символисты и Лотреамон // Поэзия французского символизма. Лотреамон. М.: МГУ, 1993. С. 21.

³ *Lichte J.* Julia Kristeva. L.; N.Y., 1990. P. 101. Цит. по: *Грякалов А.А.* Письмо и событие. СПб.: Наука, 2004. С. 362.

ментальной или трансгрессивной литературой. Декларации раннего Сорокина в целом вполне согласуются с такой постановкой проблемы: «Я постоянно работаю с пограничными зонами, где тело вторгается в текст... Я получаю удовольствие в тот момент, когда литература становится телесной и нелитературной» (из интервью 1995 г.)¹.

Гротескная метафоричность Проханова не проблематизирует производство смысла, а «удваивает» общественные страхи и мифы, направленные на поиск виноватых и демонизацию всевозможных «врагов» («Ельцин развалил Россию», «Чубайс всех ограбил», «американцы хотят весь мир завоевать» и т.п.); эти утверждения как бы дублируются на метафорическом языке и легитимизируются в пространствах журналистики (передовицы Проханова) и литературы. Поэтому произведения Проханова не проблематизируют, а мифологизируют и гиперболизируют любую идентичность (см. процитированный выше фрагмент из романа «Надпись») и фактически сводят к ней человеческую личность как целое. Человек в его прозе — прежде всего *агент*: сил добра или сил зла, определенной национальности или закрытой группы — например, мистической общности бывших сотрудников КГБ в романе «Господин Гексоген». Пусть даже эта идентичность описана как следствие выбора, она абсолютна и определяет все остальные аспекты существования героя.

Фетишизацией идентичности и возведением ее в главный эстетический принцип Проханов радикально отличается, например, от антисемита Достоевского и от других авторов-новаторов, которым были свойственны антисемитские убеждения (вплоть до Евгения Харитонов): постоянная и мучительная рефлексия психологии преступления как экзистенциального события в романах Достоевского — лишь самый поверхностный признак проблематизации и исследования

¹ Сорокин В. Литература как кладбище стилистических находок (интервью) // Ролл С. Постмодернисты о посткультуре. С. 113—114.

идентичности в его прозе; пристальное внимание к бессознательному и «беспочвенному» — одна из причин, по которым романы Достоевского привлекли внимание Ф. Ницше и З. Фрейда¹.

Но именно фетишизация идентичности в творчестве Проханова и Дугина (ср. лозунг Дугина «все хорошие люди — русские»; являющийся очевидным перифразом и подменой идеи «все хорошие люди — анонимные христиане») и оказалась необходима некоторой части российского интеллектуального сообщества 2000-х годов: ультраправые были востребованы как люди «с твердыми и самостоятельными убеждениями». Наиболее прямолинейно это отношение выразил писатель и публицист Дмитрий Быков: «Споря с Прохановым (а не отрицая и не запрещая его), либерал укрепляется в собственных убеждениях. Нельзя спорить только с рыночником или постмодернистом: с ними возможен разговор о гонорах и литературных стратегиях, о новых электронных СМИ и о пиаровских технологиях, но спор по существу немислим, ибо убеждений нет. Со всеми остальными — включая антисемитов, евразийцев и оголтелых врагов государственности — спорить можно и должно: в споре приобретаются друзья»². Таким образом, убеждения в статье Быкова сведены к идеологической ангажированности; люди же, которые не декларируют такой ангажированности, убеждений иметь не могут в принципе (попутно замечу, что в некоторых странах дискуссии между «рыночниками» и либералами, то есть между либералами в экономике и либералами в политике, ведутся регулярно и являются

¹ Впрочем, и Достоевскому не все современники были склонны прощать его антисемитизм и национализм: Н.К. Михайловский обрушился на писателя с жесткой критикой за прославление «арийского начала» в Пушкинской речи. Хотя этот факт хорошо известен профессиональным историкам литературы, но в общественной памяти он не присутствует, поэтому о нем стоит напомнить.

² *Быков Д.* Быков-quickly: взгляд-38 // http://old.russ.ru/ist_sovr/20020610_b-pr.html

важной частью политической жизни¹). Пространство культуры представлено в этой статье как пространство фрагментарных политических диспутов, напоминающих одновременно интеллигентскую кухню и ток-шоу второй половины 1990-х.

Судя по изменениям в содержании СМИ первой половины 2000-х годов (см. начало статьи), далеко не только Дмитрию Быкову свойственно представление о том, что «интересные» убеждения совпадают с экстремистской ангажированностью. Современное интеллектуальное сообщество в целом испытывает острый дефицит новых смыслов и языков рефлексии; по этой причине, в частности, интенсивное развитие литературы 1990-х годов отрефлектировано крайне слабо. Действительно новаторское искусство 1990-х словно бы убежало от потенциальных интерпретаторов и, возможно, будет осмыслено — а заодно и мифологизировано, только через несколько десятилетий, подобно тому как это случилось с литературой 1900—1910-х годов.

Сегодня любой подлинный диалог требует предварительных усилий по концептуализации собственной точки зрения и осмыслению контекста. «Большие» дискурсы (структурализм, марксизм, психоанализ и пр.) в 1990-е годы в значительной степени исчерпали свой созидательный потенциал и требуют переосмысления; важнейшие термины, обозначающие культурные и политические реалии современного «западного мира»² («постмодернизм», «либерализм», «левые», «правые» и др.), в условиях постсоветской России либо дискредитированы, либо обесмыслены присвоением произвольных значений. Это началось еще в советские времена, когда «правыми» в обиходе называли сторонников сталинистской линии в руковод-

¹ См. описание некоторых таких дискуссий в кн.: *Розанваллон П.* Новый социальный вопрос. М.: Ad Marginem; Московская школа политических исследований, 1997.

² О «западном мире» в целом, разумеется, можно говорить лишь с известной долей условности, так как этот мир — далеко не цельный; здесь это словосочетание употреблено для краткости.

стве КПСС и СССР, а «левыми» — их более «либеральных» оппонентов (например, А.Н. Яковлева в начале 1970-х). В 1990 году в СССР была зарегистрирована Либерально-демократическая партия, которая, в отличие от своей японской «тезки», вскоре (в 1991 г.) стала выступать с откровенно националистическими лозунгами — что было связано с «политтехнологической», симулятивной природой этой партии¹; в 1990-е годы «правыми» стали называть либералов — например, из Союза правых сил; с другой стороны, возникший в начале 2000-х сайт <http://pravaya.ru> является резко антилиберальным и праворадикальным (в европейском смысле) по своему содержанию. «Левыми» в 1990-е стали называть, например, последователей Г.А. Зюганова, сочетающего в своих выступлениях лозунги патерналистского государства, государственного капитализма, «национальных ценностей» и антизападную риторику.

Безусловно, определения «правых» и «левых» в политических культурах XX века много раз менялись², но в России 1990-х эта ситуация стала особенно запутанной из-за многочисленных идеологических мутаций различных политических сил, художественных и литературных движений. В условиях этого «смешения языков» формулирование конструктивной, от-refлектированной позиции неизбежно предполагает ревизию наличных языковых и методологических средств, прояснение смысла и контекста употребляемых терминов³.

¹ Первоначально политическая программа, с которой В.В. Жириновский выступил в 1988 году, называлась программой Социал-демократической партии. Об этом см. материалы по ранней истории ЛДПР: <http://www.elections.ru/duma/zhirinovskiy/ldpr.html>; http://www.panlog.ru/modules.php?name=vizitka&file=show_card&sid=24853

² Первая известная мне констатация семантической неопределенности этих понятий в условиях идеологического «разброда» содержится в статье С.Н. Трубецкого, написанной еще в 1892 году: *Трубецкой С.Н.* Чему надо учиться у материализма // Вопросы философии. 1989. № 5.

³ Историко-социальный контекст этой ситуации исчерпания смыслов проанализирован, в частности, в статье, написанной на осно-

Легитимация ультраправых взглядов и эстетик в современной России позволяет создать ощущение бурных дебатов без приложения таких усилий: ультраправый — заведомо «другой», его акцентированная точка зрения — безусловно иная по отношению к «либеральным-по-привычке» взглядам многих участников российского интеллектуального сообщества. Ультраправая позиция в самом деле нарушает конвенции — но не конвенции культуры, а конвенции конкретной социальной группы (постсоветских интеллектуалов). Беда в том, что в результате подобной «дискуссии» никаких новых смыслов не образуется — возникает лишь имитация бурной интеллектуальной жизни¹. Кроме того, люди с крайними взглядами часто склонны к демагогии, необходимой им, чтобы объяснить факты, не «влезающие» в их схематическую картину мира. «Диалог» с демагогом, как правило, либо превращается в разговор глухих (чаще всего — ведущийся на публику, — читателей или аудитории телешоу — чтобы привлечь ее на свою сторону), либо способствует тому, что собеседник демагога начинает невольно воспроизводить риторические приемы противника.

ве доклада 1994 года: Дубин Б. Кружковый стеб и массовые коммуникации: к социологии культурного перехода // Дубин Б. Слово — письмо — литература. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

¹ Характерна в этом смысле «дискуссия» между упомянутым выше издателем Ницше Владимиром Мироновым и философом Игорем Чубаровым в журнале «Критическая масса» № 3/4 за 2005 год: Чубаров написал резкую рецензию на издание Ницше, подготовленное Мироновым, Миронов ответил письмом, которое было опубликовано в «Критической массе», дополненным новым текстом Чубарова. Одним из самых сильных «аргументов» Миронова стало обвинение Чубарова в либерализме, а одним из самых сильных «контраргументов» Чубарова — обвинение Миронова в буржуазности.

Перелом 2000—2002 годов, в результате которого Проханов оказался на прилавке и в сознании критиков рядом с Сорокиным и Деррида, произошел после глубинного культурного сдвига, совершившегося в продолжение 1990-х. В начале этого десятилетия прямое провозглашение в художественном произведении ультраправой идеологии прямо связывалось с четко определенным кругом эстетических предпочтений и социальным типом автора. Как правило, крайне правым были свойственны воспроизведение традиций советской литературы в спектре от «секретарской» до «деревенской» прозы, игнорирование влияний западной и неофициальной русской литературы XX века или крайнее упрощение их традиций, в целом — антимодернизм, открытое неприятие авангардных форм в искусстве и новых информационных технологий, способствующих открытости общества¹.

Во второй половине 1990-х ультраправую идеологию оказалось возможным соединять с любыми эстетиками, в том числе и теми, которые ранее, казалось бы, были четко «закреплены» за «западнической» или «либеральной» литературой. Социальный тип писателя — адепта ультраправой идеологии — также стал совершенно произвольным, «каким угодно». Стали

¹ В 1970-е годы советские писатели из «русской партии» стали активно осваивать идейное наследие более или менее радикальных консерваторов конца XIX — начала XX века: Николая Данилевского, Константина Леонтьева, Льва Тихомирова, Сергея Нилуса — и пропагандировали их работы, насколько это было возможно в подцензурной печати. В 1990-е годы эта публикаторская деятельность была продолжена: например, крайне правая поэтесса Татьяна Глушкова в 1992 году подготовила к печати и прокомментировала большое собрание статей К. Леонтьева. В качестве парадокса отмечу, что в 1991 году крайне правый критик Капитолина Кокшенева подготовила к печати собрание трудов выдающегося православного мыслителя-либерала XIX века архимандрита Феодора (Бухарева) — основное содержание его работ прямо противоречит статьям Кокшеневой.

возможны ультраправая рок-музыка (хотя еще в 1980-е рок-музыку писатели-почвенники воспринимали как следствие «тлетворного влияния Запада»¹) или соединение постмодернистской и имперско-тоталитарной эстетики.

Наиболее точно произошедшее можно было бы уподобить химическому процессу диссоциации. Когда в жидкости растворяется какое-то другое вещество, молекулы этого вещества распадаются и существуют в растворе в виде фрагментированных, электрически поляризованных частиц. Это и называется диссоциацией.

Названный сдвиг является частью общеевропейских культурных процессов, в результате которых ультраправая идеология, генетически восходящая к парафашистским идеям 1930-х годов, оказалась адаптирована в постмодернистском культурном поле. Например, во Франции одним из теоретиков такого постмодернистского шовинизма стал политолог и публицист Ален де Бенуа (Alain de Benoist) (р. 1943)², в 1980-е годы оказавший влияние на Дугина³ (так, название издаваемого Дугиным журнала «Элементы» воспроизводит название «Elements» — журнала, в руководство которого некоторое время

¹ В январе 1988 года в «Правде» было опубликовано письмо Василия Белова, Юрия Бондарева и Валентина Распутина с призывом к властям запретить в СССР рок-музыку. На протяжении 1980-х годов Василий Белов опубликовал несколько статей («Причины ясны...» и др.), в которых называл пропаганду рок-музыки «идеологической провокацией» (<http://jf.pu.ru/koi/gra-parfenov.html>).

² Анализ взглядов де Бенуа см., например, в работе: *Ремизов М.* Консервативная мысль в поисках «арены истории»: «Номинализм» французских «новых правых» и философия немецкой «консервативной революции» // Логос. 2004. № 6 (45).

³ В авторской программе А. Дугина на спутниковом телеканале «Спас» в ноябре 2005 года именно де Бенуа подводил итоги дискуссии о выступлениях жителей бедных пригородов Франции (<http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=2760>).

⁴ См. об этом, например: *Лимонов Э.* Разгром национал-большевистского «заговора» во Франции // Советская Россия. 1993. 7 августа. Перепечатано в книге Э. Лимонова «Анатомия героя»: http://nbp-info.com/new/lib/lim_anatomy/04.htm

входил де Бенуа) и на Лимонова⁴. Одна из главных идей де Бенуа: в праворадикальной пропаганде необходимо использовать интерпретации постмодернистской философии и новаторского искусства, так как в современной ситуации интеллектуалы становятся главной политической силой (последнюю мысль Бенуа, по его собственному признанию, взял из «Тюремных тетрадей» Антонио Грамши)¹. Эта концепция была полностью усвоена Дугиным и Лимоновым и перенесена ими в российский культурно-политический контекст.

Поскольку указанный культурный сдвиг на материале России 1990-х годов, насколько мне известно, нигде не описан², я позволю себе проанализировать его более подробно, чем требуют задачи данной статьи: как я уже сказал, именно он и стал основой быстрой и легкой интеграции ультраправого дискурса в поле интеллектуальных дискуссий 2000-х.

История националистических группировок в советской литературной среде 1950-х — 80-х годов изучена относительно хорошо; последнее по времени фундаментальное исследование — работа Н. Митрохина «Русская партия», где указана и обширная литература по этому вопросу³. Вскоре после смерти Сталина в 1950-е годы в Союзе писателей СССР возникли две оформленные группы — советских либералов и националистов; взгляды писателей-националистов колебались от коммунистической ксенофобии РАППовского или подобного проис-

¹ Бенуа А. де. Консервативная «культурная революция» / Пер. с фр. Е. Ремизовой // Русский журнал. 2001. 8 ноября (<http://old.russ.ru/politics/20011108-adb.html>).

² Единственная известная мне работа, где эта проблема частично затронута, вышла в Германии: Mey A. Russische Schriftsteller und Nationalismus 1986—1995. Vladimir Solouchin, Valentin Rasputin, Aleksandr Prokhanov, Eduard Limonov. Bochum; Freiburg: project verlag, 2004.

³ Митрохин Н. Русская партия. Движение русских националистов в СССР 1953—1985. М.: Новое литературное обозрение, 2002. См. особ. с. 141—179.

хождения (Вс. Кочетов) до скрытого антисоветизма имперского толка (Леонид Леонов), но большинство их (кроме отсидевших в лагерях — таких, как Олег Волков) апеллировали в своих произведениях или публицистических высказываниях к позднесталинской эпохе — времени этнических депортаций, травли «космополитов» и торжествующей националистически-имперской риторики — и ее культуре как образцу или норме.

Существенно, что (как показал Митрохин) и «либералы»¹, и националисты были связаны, с одной стороны, с борющимися группировками в партийно-государственных элитах, с другой — с подпольными политическими оппозиционными кружками, авторами неподцензурной литературы и различными легальными общественными движениями научного или культурного характера (Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры и пр.). Литературные группы были средоточием этих взаимовлияний, так как в 1950—1980-е годы в СССР именно литература и критика предоставляли возможности высказывания на политически значимые темы: наследия сталинской эпохи, менявшейся социальной стратификации, распада традиционного патриархального общества, национального самоопределения, взаимоотношений с Западом и пр. Дискуссии по социально-политическим вопросам чаще всего возникали (или сознательно предусматривались организаторами) при обсуждении литературного или театрального процесса: так, диспут «Классика и мы», прошедший 21 декабря 1977 года (в день рождения И.В. Сталина) в Центральном доме литераторов, формально имел своим предметом новые театральные постановки классических пьес, но в действительности свелся к выступлению крайне правых писателей и филологов (П. Палиевский, С. Куняев, В. Кожин и др.) с заявлениями имперско-сталинистского или откровенно черносотенного

¹ Здесь и далее словосочетание «советские либералы» и производные от него слова употребляются в кавычках, так как являются условными и употребляются как интуитивно понятные, за неимением более точных дефиниций.

характера (именно тогда С. Куняев впервые зачитал публично свой известный текст о творчестве Э. Багрицкого¹, в котором максималистская революционность Багрицкого была объявлена следствием «беспочвенности» и нигилизма, вызванных его еврейским происхождением); общей мишенью выступавших были либеральные и инновационные тенденции в советском искусстве².

В конце 1960-х — 1970-е годы националистические круги писателей были близки к тому, чтобы образовать самостоятельную *субкультуру*, объединенную собственным риторическим языком, а иногда даже — по примеру славянофилов — и «русским» стилем одежды (например, автор популярных исторических романов Дмитрий Балашов ходил в косоворотке и сапогах). В целом они стремились образовать своего рода самостоятельную литературу, претендующую заменить современную русскую литературу в целом. Вероятно, связано это с тем, что националистические круги изначально формировались на основе психологии «осажденной крепости» с разделением на «своих» и «чужих» — и в то же время стремились (как и «советско-либеральные» круги) привлечь литературную молодежь — через работу Литературного института, совещания молодых писателей, деятельность литературных журналов и пр. Одним из важнейших этапов на пути формирования «теневого» струк-

¹ Эта статья была впервые опубликована в Израиле: *Куняев С. Легенда и время // Двадцать два*. 1980. № 14. 1980. С. 149—150. Впоследствии Куняев опубликовал воспоминания об этом вечере, где повторил тезисы своего выступления: *Куняев С. Наш первый бунт // Наш современник*, 1999. № 3. С. 175—191.

² Неполный текст стенограммы дискуссии был опубликован Раисой Лерт в самиздатском журнале «Поиски» (1980. № 2), позднее текст дискуссии был опубликован по расшифровке магнитофонной записи, с некоторыми купюрами, в журнале «Москва» (1990. № 1—3). Здесь я использую библиографические указания М.Д. Шраера: *Шраер М.Д. О еврейском самоненавистничестве // Солнечное сплетение*. 2001. № 18/19; со статьей в целом я не согласен, но полемика с ней не входит в задачу данной работы.

туры «почвенников» стала неформальная организационная деятельность В.В. Кожина конца 1960-х — 1970-х годов.

Несмотря на имперские взгляды, Проханов к оформленным кругам националистически и антисоветски настроенных писателей тогда не принадлежал. Начиная с 1969 года этот прозаик стал регулярно публиковать сначала очерки (в основном в «Литературной газете»), а потом и романы о внешнеполитических конфликтах, затрагивавших интересы СССР: боях с Китаем за остров Даманский, вторжении советских войск в Афганистан (роман «Дерево в центре Кабула», 1981), вводе войск Вьетнама в Кампучию/Камбоджу («В островах охотник», 1983), спецоперациях КГБ в Мозамбике («Африканист», 1984) и Никарагуа («И вот приходит ветер...», 1984). Характерно, что на диспуте «Классика и мы» националистически настроенные писатели устроили Проханову обструкцию («захлопали» его речь), так как, с их точки зрения, он был слишком лояльным к власти и «прогрессистским» автором. В кругу «русской партии» Проханов стал интегрироваться, по-видимому, только в начале 1980-х годов. В 1984 году после выхода публицистической книги «Ядерный щит» Проханов получил в писательской среде наименование «соловей Генштаба», «советский Киплинг» и даже «денщик ГлавПУРа» (Главного политического управления Советской Армии)¹. Однако, поскольку сквозным героем Проханова был кадровый сотрудник КГБ Белосельцев («дворянская» окраска фамилии отсылает к «белой», дореволюционной России, интегрировавшейся в советские структуры), а главным содержанием романов — спецоперации советской разведки, правильнее было бы назвать Проханова «соловьем КГБ»; правда, скорее всего, тогда это прозвище бы не прижилось, так как «КГБ» для советских писателей было слишком страшным словом и не могло использоваться в шутках, рассчитанных на распространение в литературной среде. Апология КГБ в романах

¹ Из биографии Проханова на сайте <http://www.nns.ru/restricted/persons/prohan10.html>

Проханова получила продолжение в 1990-е годы: мифологизированная «контора» была описана в его новых книгах как тайный орден и единственная сила, способная вернуть России имперское величие и спасти ее от вхождения в западную цивилизацию («Идущие в ночи», «Господин Гексоген»).

Во время перестройки, а особенно после поражения путча ГКЧП и распада СССР националистические круги писателей (несмотря на то, что ранее многие из них были настроены более или менее антисоветски¹) оказались в чрезвычайно сложном положении²: их идеология была дискредитирована, а их творчество и проводимые ими литературные собрания не пользовались популярностью, особенно среди молодежи. Естественным образом в конце 1980-х годов произошло объединение ультраправых писателей (поддержавших в августе 1991 года ГКЧП) с политическими защитниками советского строя и сталинизма; одним из их общих манифестов стало известное выступление Юрия Бондарева на XIX партконференции (1988), в котором он обвинил «прорабов перестройки» в отсутствии стратегии и в том, что СССР похож на самолет, который взлетел, но неизвестно, где опустится. В начале 1990-х в результате соединения националистов и защитников советского режима образовалась относительно цельная (хотя и разделенная разногласиями) среда, которая апеллировала одновременно к советским (преимущественно сталинского времени), так и к националистическим ценностям; в дальнейшем для краткости я буду называть эту эклектичную идеологию советско-шовинистической. Новые группировки нуждались для своей культурно-политической легитимации в соответствующем типе риторики, который формировался на основе двух традиций.

Первая традиция — алармистски-катастрофическая публицистика первых месяцев Великой Отечественной войны. Уже

¹ См., например, описание парадоксальных отношений между писателями-почвенниками и Ю.В. Андроповым: *Митрохин Н.* Русская партия. С. 548—557.

² См. об этом: *Митрохин Н.* Русская партия. С. 558—564.

в выступлении Бондарева на пленуме Союза писателей СССР в марте 1987 года содержалось метафорическое описание положения «патриотического» сектора литературы (в условиях нарастающей волны публикаций ранее запрещенной литературы) как «битвы под Москвой»: «...Я бы определил нынешнее состояние русской литературы как положение, создавшееся в июле 1941 года, когда прогрессивные силы, оказывая неорганизованное сопротивление, отступали под натиском таранных ударов цивилизованных варваров... Если это отступление будет продолжаться и не наступит пора Сталинграда — дело кончится тем, что национальные ценности и все то, что является духовной гордостью народа, будут опрокинуты в пропасть»¹.

Дальнейшее развитие эта риторическая практика получила в передовицах Проханова в газете «Завтра», публиковавшихся на протяжении 1990-х годов, начиная со статьи после поражения октябрьского путча 1993 года²: до сих пор, кажется, не отмечено, что экспрессионистская стилистика этих статей в значительной степени воспроизводит стилистику проникнутых яростью, личными нападками на гитлеровских стратегов и гротескными преувеличениями («Берлин — город-казарма, город-пошляк, город-пивнушка») статей Ильи Эренбурга первых месяцев войны³. Впрочем, описание России как «оккупированной страны» (в качестве оккупантов назывались США и западный мир в целом, а также кавказцы, китайцы и другие народы и этнические группы) было общим местом ультраправой

¹ Цит. по: *Сапрыкин В.А.* Интеллигенция и контрреволюция (1985—2002 гг.) // <http://marx-journal.comunist.ru/no20/Saprykin.htm>.

² Они сведены вместе в сборнике: *Проханов А.* Хроники пикирующей империи. М.: Ультра.Культура, 2005.

³ См., например, републикацию: *Эренбург И.Г.* Война 1941—1945. М.: АСТ, 2004. Эренбург, по-видимому, выработал эту стилистику совершенно сознательно, памятуя о собственной экзальтированной поэзии времен Первой мировой войны и «держа в уме» эстетику немецкого экспрессионизма. Другой стилистический источник публицистики Проханова — статьи А.Н. Толстого того же 1941 года.

и «коммунистической»¹ прессы 1990-х; ВОР (временный оккупационный режим) — стандартное название для государственной власти России в газете «Завтра» указанного периода².

В действительности, однако, эта риторика отсылала к настроениям не столько 1941-го, сколько 1949-го года — не к сопротивлению на фронте и в тылу врага, но к предвкушению погромов. В работах Е. Добренко и особенно в новейшем исследовании А. Свешникова³ показано, что антифашистская риторика в сталинском СССР 1930-х — начала 1940-х годов стала «кузницей» ксенофобских клише, которые впоследствии были успешно использованы уже не для борьбы с фашизмом, а в кампании по борьбе с «космополитами». Деятельность газет типа «Завтра», «Советская Россия» или «Пульс Тушина» следует признать второй, «цитатной» адаптацией антифашистской публицистики в националистическом ключе — первая такая адаптация состоялась вскоре после войны (и была вполне хорошо знакома людям поколения Бондарева).

Вторая традиция, из которой ультраправые черпали риторические средства, — как ни странно, риторика прозападного диссидентского движения 1970-х годов. Советско-шовинистическая оппозиция легко переняла внешние признаки риторики «гонимых» и стала апеллировать к таким либеральным идеологемам, как права человека, толерантность к взглядам идеологических меньшинств и пр. В либеральной публицисти-

¹ Так как идеология КПРФ, выраженная в речах и статьях Г.А. Зюганова, имеет крайне мало общего с коммунистической, последователей Зюганова приходится называть «коммунистами» лишь условно.

² Обвиняемый в покушении на Чубайса Владимир Квачков утверждал в беседе с Прохановым, что воюет с оккупантами «мировой преступной закулисы», захватившими его страну, и что его действия — просто выполнение офицерского долга (Полковник Квачков: «Национальное восстание — да!»).

³ *Добренко Е.* Литература войны как литература войны // Добренко Е. Метафора власти. München: Verlag Otto Sagner, 1993. *Свешников А.* Советская медиэвистика в идеологической борьбе конца 1930—1940-х гг. // Новое литературное обозрение. 2008. № 90.

ке неоднократно отмечалась парадоксальность этого положения: к толерантности призывали люди, которые совершенно не планировали быть толерантными в случае своего прихода к власти и даже особенно этого не скрывали.

Такой тип риторики — апелляция к правам человека и к толерантности — является составной частью пропаганды различных экстремистских организаций современного мира: в 1990-е годы аналогичные заявления делали и европейские ультраправые, и исламские фундаменталисты, находящиеся на полулегальном или вовсе нелегальном положении в светских государствах Азии и поэтому обращающиеся не только к населению этих стран, но и к мировому общественному мнению. Разница — в том, что в послевоенной европейской политической и общественной жизни риторика, связанная с толерантностью и правами человека, является «мэйнстримом», формальной основой для взаимодействия различных политических сил; в России же эта риторика была присвоена советско-шовинистическими кругами как язык не только «европейский», но и «диссидентский». Стоящую за этим логику можно описать примерно так: «Раз нас притесняют, как притесняли их, то будем говорить, как они, и нас все поддержат».

В качестве риторического ресурса диссидентская лексика и использовавшаяся в этом кругу система метафор и приоритетов активно эксплуатируется националистическими авторами до сих пор. Так, альбом ультранационалистической, входящей в международную скинхедскую инфраструктуру рок-группы «Коловрат» 2005 года называется «Узник совести» (для сравнения — названия некоторых предыдущих альбомов: «Национальная революция», «Кровь патриотов», «Пробивая молотом дорогу к победе» и пр.)¹. В еще одном случае, а именно в поле-

¹ Альбом посвящен лидеру группы Денису Герасимову, который в январе 2004 года после концерта перед чешскими скинхедами Герасимов был арестован в аэропорту Праги, судим за «пропаганду действий, направленных на ущемление прав и свобод граждан» и неона-

мике со мной, псевдодиссидентскую риторику использовал критик Владимир Бондаренко. Весной 2002 года я отправил г-ну Бондаренко электронное письмо, в котором указал, что не собираюсь участвовать в публичных обсуждениях романов Проханова, так как всех участников таких обсуждений, независимо от высказываемых ими мыслей, Проханов и Бондаренко записывают в свои сторонники — просто за само согласие прийти на диспут. В ответ на это Бондаренко обругал меня в газете «Завтра»: «Так когда-то отказывались читать и обсуждать Солженицына или Пастернака такие же ограниченные идеологи соцреализма»¹. На всякий случай вынужден пояснить, что я имел в виду прямо противоположное: я Проханова читал, но не скажу (Владимиру Бондаренко)².

Для укрепления и распространения своего влияния ультраправыми идеологами литературы (Владимиром Бондаренко, Виктором Топоровым и другими) было использовано две взаимодополнительные риторические стратегии — инклюзивистская и эксклюзивистская. Реализацией первой стали бесконечные жалобы националистических авторов на «раскол русской литературы» и «растаскивание писателей по разным лагерям» — жалобы вполне лицемерные, так как в действительности раскол на непримиримые группы произошел в 1970-е годы во многом усилиями националистических кругов. Пожалуй, последнее, что оставалось «общей ценностью» «со-

цистские лозунги и оправдан в мае 2005 года. Отмечу, что «Узник совести» — первый альбом «Коловрата», который широко продавался в музыкальных киосках московского метрополитена: до этого издания песен группы продавались в основном в специализированных рок-магазинах.

¹ Бондаренко В. Либеральный лохотрон // Завтра. 2002. 26 марта.

² Ср. также: «Следует обратиться к определению “фашизма”, которым, словно желтой звездой робу еврея, метят либералы русские патриотические газеты и партии. <...> Партия «Родина», газета «Завтра», все патриоты России сегодня являются хранителями фундаментальных человеческих ценностей, главная из которых — свобода» (Проханов А. Дальше — биофашизм // Завтра. 2005. 14 дек. С. 1).

ветских либералов» и писателей-националистов, — творчество «писателей-деревенщиков» 1970-х — начала 1980-х годов, признанных в обоих лагерях¹; однако в период перестройки, как известно, Василий Белов и Валентин Распутин заняли крайне националистические позиции, а Виктор Астафьев, в середине 1980-х также выступавший с антисемитскими заявлениями, в начале 1990-х фактически дезавуировал их², а в дальнейшем совершил сложную идейную эволюцию и настолько изменил свою стилистику и тематику, что перестал ассоциироваться с

¹ Характерно, что Александр Солженицын, несмотря на последовательную поддержку писателей-«деревенщиков», нелюбовь к западной демократии и выраженную в некоторых его произведениях абсолютизацию национального начала, так и не был интегрирован в шовинистическую субкультуру (чего боялись в конце 1980-х некоторые либеральные критики, например, Г.А. Белая, чье выступление на конференции «Россия и Запад» Лев Лосев пересказал в своем стихотворении-репортаже «18—20 сентября 1989 года»: «Вернется автор *Колеса* как некий дирижер, и русопятов голоса сольются в дружный хор. Для нас, евреев, например, страшнее нет угрозы, чем возвращенье в СССР его предвзятой прозы...» [*Лосев Л.* Новые сведения о Карле и Кладе. СПб.: Пушкинский фонд, 1996. С. 20]). Вероятно, причина этого неприятия — последовательно антисталинская и антиимперская позиция Солженицына (см., например, статьи 1974 г. «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни» и 1990 г. «Как нам обустроить Россию»). Ср.: «Никто еще не сумел ясней и осмысленней Солженицына сказать о губительности для будущего России имперских амбиций, о неразрывной связи частной собственности с достоинством человека, о превосходстве маленькой личной инициативы перед дробящим государственным понуждением» (*Зорин А.* Врачи или боль? // *Неприкосновенный запас.* 1999. № 1).

² 23 июня 1991 года в газете «Советская Россия» было опубликовано алармистское «Слово к народу», подписанное Ю. Бондаревым, А. Прохановым, Г. Зюгановым, В. Стародубцевым и др.; в тот же день Виктор Астафьев в своем телеинтервью заявил: «Не верьте ни одному их слову». Сохранив склонность к ксенофобии, Астафьев в начале 1990-х тем не менее резко отказался от солидаризации с ультраправыми политическими силами, расценив их деятельность как продолжение традиции германского нацизма (интервью радиостанции «Эхо Москвы» 1994 г.).

«деревенщиками»¹. Для «инклюзивистской» мобилизации всех возможных союзников Проханов и Бондаренко в газетах «Завтра» и (приложении к ней) «День литературы» соответственно стремились создать образ единой «оппозиционной» общности, включавшей в себя крайне разнородные силы, объединенные только декларативной неприязнью к российским политическим элитам и не выдвигавшей какой бы то ни было цельной положительной программы. В числе участников (зачастую эпизодических) этого оппозиционного фронта были, например, Валерия Новодворская, скандальный журналист Ярослав Могутин, петербургские «неоимперские» писатели-постмодернисты (Павел Крусанов, Александр Секацкий и другие) и склонные к националистической риторике рок-музыканты (одно время редакция газеты «Завтра» выпускала регулярное приложение «Рок — русское сопротивление»). Для создания видимости максимальной широты этого движения Проханов и Бондаренко прибегали даже к републикации материалов из «либеральных» изданий без согласия автора (известен минимум один подобный случай: рассказ Людмилы Петрушевской, перепечатанный в газете «День литературы»)². Бондаренко

¹ Еще один известный представитель «деревенской прозы» Федор Абрамов умер в 1982 году.

² Первая масштабная попытка имитировать «оппозиционный фронт в литературе» была предпринята в 1994 году, когда писатель Юрий Поляков (ныне — главный редактор «Литературной газеты») организовал альманах «Реалист», где под одной обложкой оказались люди, ранее невообразимые, пожалуй, даже на одном гектаре: официальные соцреалисты Анатолий Парпара и Михаил Алексеев, незадолго до выхода альманаха вернувшийся из многолетней эмиграции писатель-окультист Юрий Мамлеев, еще один бывший эмигрант, поэт Юрий Кублановский (эстетически связанный не с советской, а с неподцензурной литературой) и т.п. Будучи (на тот момент) внештатным корреспондентом радиостанции «Эхо Москвы» и готовя репортаж о презентации альманаха, я задал Полякову вопрос: какова эстетическая платформа нового издания? Писатель ответил, что альманах объединяет авторов, которые не согласны с проводимыми в России реформами.

энергично поддерживал в своих статьях любых авторов, высказывавших ксенофобские идеи или неприязнь к новейшей российской действительности, от Юнны Мориц (замечательной поэтессы, крайне пессимистически настроенной по отношению к современному обществу) до молодых писателей Сергея Сакина и Павла Тетерского, написавших в соавторстве контркультурный роман «Больше Бена».

Многочисленные ламентации о «расколе» и самоизоляция шовинистической словесности в рамках журналов «Молодая гвардия», «Наш современник» и нескольких других стали в 1990-е постоянным фоном литературной жизни, в том числе и не-националистической: предположения о том, что «они живут своей жизнью, а вдруг там тоже есть что-то интересное», высказывались в беседах самыми разными людьми. Этот фон ожиданий, возможно, стал одной из косвенных причин того, что включение Проханова и Личутина и других подобных писателей в новую литературную жизнь было встречено многими если не благожелательно, то, во всяком случае, с заведомым интересом.

Эксклюзивистская стратегия была реализована через построение «патриотической» (то есть националистической) литературы как автономной субкультурной системы, воспроизводящей черты «либеральной литературы» «по квадратикам» (известный способ копирования рисунков). Так, комментируя публикацию в журнале «Наш современник» обширных фрагментов дневников ректора Литинститута Сергея Есина, писатель Николай Переяслов, автор колонки обзора периодики в газете «День литературы», с удовлетворением написал: «...просто чувствую, как не хватает сегодня литературных воспоминаний, написанных представителями патриотического крыла. До недавних пор жанр мемуаристики был почти полностью в руках Вознесенского, Евтушенко и иных западников, без устали поставлявших читателю то “На виртуальном ветру”, то “Волчий паспорт”, то “Тьмы низких истин”, которым противостояли только дробные, одно-двухстрочные (а потому и не составля-

ющие необходимого противовеса) записи “Дневников” Владимира Гусева. И вот, наконец, начали печататься равнозначные воспоминания — сначала Станислава Куняева, потом Михаила Лобанова и теперь Сергея Есина»¹. Аналогично, Владимир Бондаренко сокрушался в одной из статей, почему у «патриотов» нет своих клубов, подобных «Проекту ОГИ».

4

Приток молодежи в «патриотические» структуры, которые наследовали советской «русской партии», в первой половине 1990-х был небольшим. Общей эстетической платформой таких журналов, как «Наш современник» и «Молодая гвардия», были различные версии соцреализма, дополненного обличительно-кликушескими интонациями и иногда — разного рода апокалиптической метафорикой: так, роман Проханова «Шестьсот лет после битвы», опубликованный в «Нашем современнике» в 1989 году, завершался описанием того, как на поле Куликовской битвы с небес опускался огромный семисвечник и начинал лазерными лучами разить русских воинов, а русские воины шли на него в последний решительный бой (то, что семисвечники стоят не только в домах соблюдающих иудеев или синагогах, но и в алтарях православных храмов, Проханов то ли не знал, то ли предпочел не вспоминать). Исключения встречались крайне редко: так, фрагменты одного из ярких произведений русской постмодернистской литературы 1980-х годов — «Бесконечный тупик» Дмитрия Галковского (автора, склонного к антисемитским и «антишестидесятическим» выпадам) — печатались в 1992 году в «Нашем современнике» на протяжении четырех номеров; правда, другие фрагменты того же сочинения публиковались тогда же и в «за-

¹ *Переяслов Н.* Жизнь журналов // День литературы. 2000. № 13 (43). С. 2.

паднических» изданиях — например, в «Независимой газете». Однако в целом, несмотря на ряд аппаратных успехов (таких, как захват издательства «Советский писатель») и энергичную пиаровскую деятельность, постсоветская националистическая литература на протяжении 1990-х годов влачила жалкое существование: журнал «Наш современник» и газета «День литературы» публиковались малыми тиражами и воспринимались как издания маргинальные — в отличие от газеты Александра Проханова «День» (после 1993 года — «Завтра»), которая на протяжении 1990-х приобрела заметное социально-политическое влияние благодаря обличениям «банды Ельцина» и спекуляциям на ксенофобских настроениях, распространявшихся в обществе. Новые силы в эту среду пришли с совершенно неожиданной стороны — из радикальной контркультуры.

Применительно к условиям Советского Союза, где в вынужденном полуподполье соседствовали самые разнообразные эстетические направления, от сугубо традиционных до авангардистских, о контркультуре можно говорить крайне условно; к ней можно было бы причислить наиболее радикальные по эстетике кружки неподцензурной культуры — такие, как ленинградская поэтическая группа «Хеленукты», в которую входили Владимир Эрль, Алексей Хвостенко и некоторые другие¹. Контркультурные идеи были свойственны ленинградскому рок-сообществу 1970-х годов, которое во многом сознательно ориентировалось на соответствующие западные (в первую очередь американские) эстетические идеи и увлечения западных рок-музыкантов — такие, как дзен-буддизм. Радикальная контркультура начала формироваться в СССР в начале 1980-х, когда появились первые панк-рок-группы («Автоматические Удовлетворители», в дальнейшем — «Волосатое Стекло» и мн. др.), авангардисты, экспериментировавшие с трэш-эстетикой

¹ См. подробнее: Эрль В. Вечно живое наследие: о рисунках Хеленуктов // НЛО. 2003. № 62.

(некрореалисты в кино, «группа “Мухомор”» в музыке¹) и другие авторы, стихийно ставившие под вопрос границы и основания современных культурных практик. Сама идея такой рефлексии была основана на эстетике русского авангарда и учете современного западного контекста, поэтому контркультура в СССР имела в некоторой степени модернизационные функции.

Одной из первых контркультурных рок-групп стала группа «ДК»². Ее идеологом был Сергей Жариков, испытавший влияние московского концептуализма³. Опираясь на работу концептуалистов с элементами советского риторического языка и советской эмблематикой, Жариков, эстетический провокатор *par excellence*, стал использовать в записях «ДК» второй половины 1980-х годов тексты «патриотических» поэтов Станислава Куняева и Юрия Лоцица. Эпатажные альбомы «ДК», кажется, воспринимались как пародийный «прикол» даже неискушенными в концептуализме подростками (сужу по собственному опыту и реакциям моего тогдашнего друга; записи «ДК» я впервые услышал в 1983 году, когда нам обоим было по 14 лет). Однако во второй половине 1980-х Жариков перешел те границы, в которых его творчество могло восприниматься как остроумная провокация: в 1989 году он опубликовал в рок-журнале «Сдвиг» статью, где обвинял евреев — в духе общества «Память» — во всех мыслимых и немыслимых грехах (например, утверждал, что Каганович уничтожил храм Христа Спасителя в Москве, потому что был «цадиком») и призывал к созданию

¹ Названа в кавычках, так как эта группа никогда не концертировала и реально не существовала, а единственный альбом группы — «Золотой диск» — был записан в домашних условиях молодыми московскими художниками Свенем Гундлахом, Владимиром Мироненко и др.

² Историю группы см.: http://www.hor-music.ru/shop_item.asp?ProductID=881

³ О влиянии концептуализма на возникновение эстетики «ДК» Жариков рассказывал в интервью: <http://specialradio.ru/i/dk/inter.shtml>. Автобиографию Жарикова см.: <http://dk.lenin.ru/band.html>.

взамен ориентированной на западные образцы рок-музыки — истинно русской «род-музыки». С одной стороны, в журнале «Сдвиг» редко печатались столь политизированные статьи, с другой — демонстративное, пусть даже утрированное и наполненное разного рода интертекстами воспроизведение риторики общества «Память» не могло тогда восприниматься только как игра. Оно «считывалось» как погромное выступление — что, видимо, входило в программу Жарикова, создавшего своего рода «концепт погромного призыва»¹. В дальнейшем Жариков стал имиджмейкером В.В. Жириновского и «министром культуры» его «теневого правительства»; по-видимому, именно Жарикову принадлежит идея сделать образ Жириновского последовательно «карнавализованным», своего рода развернутым издевательством над нормами и традициями политической культуры. В 1992 году Жариков прекратил сотрудничество с Жириновским и принял участие в создании Национал-радикальной партии.

Жариков стал первым в России автором, в чьей работе неонацистские и ксенофобские идеи, высказанные в игровой форме, были использованы как разновидность постмодернистских экспериментов с тоталитарными дискурсами. Однако «в широких кругах» они были восприняты и подхвачены как «неотчужденные» националистические лозунги. Насколько можно судить, такое двойное восприятие Жариковым предполагалось сознательно. Кажется, даже Лимонов не понимал, до какой степени Жариков выстраивал свою тогдашнюю деятельность как арт-проект: в книге «Анатомия героя» (Смоленск: Русич, 1998) Лимонов с недоумением и возмущением пишет, что Жариков в 1993 году предлагал ему выдвинуть депутатом в Государственную думу от Национал-большевистской партии откровенно психически больного человека.

¹ См. об эволюции Жарикова в середине 1980-х: <http://golden-under.narod.ru/urllight/urllight.htm>

Деятельность Жарикова не может быть осмыслена с помощью дихотомии, предложенной Вальтером Беньямином — «эстетизация политики»/«политизация искусства»: в работе Жарикова политическое воспринималось как заведомо пустой язык, который можно поставить на службу эстетической работе. Эстетизация политики в эпоху постмодернизма уже неоднократно становилась предметом исследований, но у творчества Жарикова была одна особенность — эстетическая, то есть главная составляющая его работы, была *эзотерической* и даже «антимедийной», она была адресована, видимо, только небольшой группе «продвинутых ценителей» (таких, как Сергей Курехин). «На внешнем уровне» это была «нормальная» правозащитническая деятельность с неоязыческим уклоном. Этическое же измерение как в политической, так и в эстетической работе Жарикова было нейтрализовано как бессмысленное.

Жариков не был основоположником направления: скорее, благодаря своей концептуалистской «выучке» он первым почувствовал и реализовал тенденцию, которая стала одной из важнейших в российской культуре 1990-х: нейтрализация уже не этического, а идеологического и социально-рефлексивного содержания политической деятельности.

В 1993 году по инициативе Эдуарда Лимонова и Александра Дугина была создана Национал-большевистская партия, названная так по ругательному ярлыку «национал-большевик», распространившемуся в либеральной прессе начала 1990-х как синоним названия «красно-коричневые». С 1994 года партия начала выпускать газету «Лимонка».

И партия, и особенно газета с самого начала замышлялись не только как политические институты, но и как арт-проект¹. В партию вошли многочисленные рок-музыканты: Егор (Игорь) Летов («Гражданская Оборона»), Сергей «Паук» Троицкий («Коррозия металла»), Олег Гапонов («Зазеркалье», «Чеданс»); позже к НБП присоединились музыканты Сергей Куре-

¹ Из частной беседы с одним из основателей НБП.

хин («Поп-механика»), Дмитрий Ревякин («Калинов мост») и Александр Непомнящий, а также известный музыкант и художник Сергей «Африка» Бугаев¹. Среди организаторов партии был писатель-авангардист Алексей Цветков-младший, который в начале 1990-х годов одновременно действовал как рок-поэт (песня «Михаил Бакунин рехнулся»), организатор молодежных акций леворадикального толка и акционист: так, однажды он прогуливался по Арбату, держа в руке открытую банку с водой и обращался ко всем прохожим с предложением установить прямой контакт с инопланетянами: для этого якобы нужно было всего лишь опустить в банку любой металлический предмет.

«Модернизационная» эстетика в деятельности НБП была использована для общественной легитимации антимодернизационной идеологии. Более того, неявной идеологической основой НБП на первоначальном этапе был протест против формирования политической культуры как автономной сферы общественной жизни. Однако мотивы такого протеста у организаторов НБП были разными, что стало особенно заметным после раскола партии в 1998 году: Дугина интересовали и интересуют неполитические способы политического влияния, Лимонов и особенно рок-музыканты, видимо, испытывали потребность в обществе, где политическое и этическое не были бы выделены из общественной деятельности путем институционализации и рефлексивных процедур — подобно тому, как это было во времена перестройки. Эстетическая деятельность рок-музыкантов в этих условиях могла быть «считана» как преодоление навязанных идеологических и художественных границ, причем эти границы полагались изоморфными или вовсе совпадающими.

Рок-сообщество 1990-х потеряло «сильного врага» в лице советской власти и испытывало острый дефицит новых идей — напомним, что советский рок времен перестройки был весьма политизирован и во многом был основан на прямо или

¹ <http://www.panorama.ru/info/demo/TEXTS/51866.html>.

косвенно подразумеваемых идеях сопротивления существующему общественному строю. В начале 1990-х для упомянутых рок-музыкантов крайне правые политические лозунги в сочетании с публичными нападками на новые российские власти (или без таких нападков) стали формой демонстрации нонконформизма в становящемся обществе потребления. Такой путь был использован в начале 1990-х Егором Летовым; незадолго до этого, в конце 1980-х, Летов постоянно имел конфликты с КГБ и правоохранительными органами за резко антисоветские по содержанию и близкие к истерике по эмоциональному градусу тексты песен¹. В 1997 году в интервью газете «Неделя» Дмитрий Ревякин заявил о своей симпатии к фашизму и прокомментировал: «...фашизм — это железный стержень... В моем представлении Гумилев был фашистом»².

Принципиально, однако, что, несмотря на парафашистские декларации, Летов и Ревякин остались в истории культуры благодаря своим песням, — а они были в 1990-е годы эстетически новаторскими и чаще всего не содержали никаких политических утверждений или призывов. Так, в одном из главных произведений Летова — альбоме 1993 года «Сто лет одиночества», нет ни одной песни непосредственно политического содержания, а тексты песен и стихотворений, представленных на альбоме, содержат последовательно выстраиваемую поэтическую философию, близкую к стилизованному гностицизму; в контексте этой философии политические лозунги Летова первой

¹ Из песни 1988 года: «Нам не страшны Алма-Ата и события в Польше: / Ведь геройских патриотов с каждым днем все больше / <...> Пылающей тропой мы идем к коммунизму!» («Новая патриотическая»). Ср. также песни того же периода «Лед под ногами майора», «Все идет по плану», «Общество “Память”» и пр.

² *Маргалис М.* Дмитрий Ревякин: «Настоящий поэт с рассудком не имеет ничего общего» // Неделя. 1997. № 6. К счастью, в дальнейшем Ревякин обрел «второе дыхание» в сочинении песен и заметно смягчил «почвенную» риторику в своих публичных выступлениях, поэтому из текста интервью, перепечатанного на неофициальном сайте группы, весь фрагмент о фашизме удален.

половины 1990-х воспринимались как провокационные метафоры, несущие негативный общественный заряд, но безусловно вторичные с точки зрения основного содержания песен. В результате дисбаланса между общественной позицией и содержанием песен Летова 1990-х сложился парадоксальный эффект: на концертах «Гражданской обороны» звучали песни очень сложного содержания, насыщенные разнообразными литературными аллюзиями, — но исполнялись они с таким надрывом, что аудитория, состоявшая в значительной степени из агрессивных подростков, бушевала, как от «тяжелого металла». Эксперименты Ревякина с языком подхватывают традицию футуризма в хлебниковском изводе¹, эксперименты Летова переносят в рок-контекст эстетические идеи европейской модернистской поэзии 1960—1970-х годов и московского концептуализма². Творчество Летова и Ревякина относится к тому направлению в искусстве, которое проблематизирует идентичность человека и конвенциональную картину мира, а не укрепляет мифы обыденного сознания.

Тем не менее в российском культурном сознании политические декларации этих музыкантов сохранились. Более того, радикальные высказывания в духе националистически интерпретированной «русской идеи» стали в середине 1990-х одним из наиболее распространенных методов эпатажа в среде авангардного искусства. Во многом это связано с тем, что адресатами авангардного искусства были люди стихийно усвоенных либерально-западнических воззрений, и шокировать их «красно-коричневыми» заявлениями было интереснее всего. Приблизительно одновременно с Летовым и Ревякиным нацио-

¹ См. подробнее: *Сурова О.Ю.* Самовитое слово Д. Ревякина // Новое литературное обозрение. 1997. № 28.

² См.: *Жогов С.С.* Концептуализм в русском роке 1980—1990-х гг. // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 6. Тверь, 2002; *Давыдов Д.М.* Русская рок-культура и концептуализм // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 4. Тверь, 2000; *Кукулин И.* Как использовать шаровую молнию в психоанализе // Новое литературное обозрение. 2001. № 52.

налистические декларации стали часто встречаться в публичных высказываниях выдающегося композитора-авангардиста Сергея Курехина. В последнем, данном незадолго до смерти (от рака в 1996 году) интервью Курехин отозвался о «русской идее» весьма иронически¹, фактически признав, что его «фашистские высказывания» были локальным экспериментом эстета. В случае Курехина середины 1990-х «экстремизм» был своего рода *игрой в сильные, максималистские убеждения, игрой в героический жест*². Несмотря на это, Курехин по справедливости воспринимался в 1990-е и воспринимается ныне как композитор универсалистского, мультикультуралистского пафоса, стремившийся и с игровыми, и с серьезными целями синтезировать в своей работе различные традиции: этнические песни, джаз, электронный авангард, реминисценции из классической музыки Дальнего Востока... Однако «ультраправый» период Курехина также вошел в культурное сознание: такая игра возможна, это «прикольнo».

В 1996 году прозаик-авангардист, шансонье и диджей Гарик Осипов пригласил Александра Дугина на молодежную FM-радиостанцию «Радио 101» вести авторскую программу «Finis

¹ «Я четко отделяю жизнь от искусства, я стараюсь любить и то, и другое и не смешивать одно с другим. Это такая сознательная шизофрения: чтобы жизнь жила сама по себе, а искусство само по себе. Когда это путается, я стараюсь разграничить, чтобы это оставалось неслиянным. Я не верю в цельного человека, это все мечта: добиваться, идти в одном направлении. Мне просто очень нравится искусство. Вот вы про Баркашова спросили. Баркашов практик, наверное, а мне нравится на уровне разговора. Это приятно: вот, скажем, русская идея, хорошая классная идея, но ее ведь невозможно воплотить в жизнь, потому что ее нельзя ни в коем случае воплощать в жизнь, потому что это полная х..я, глупость, б.., и пое...ь для оп...их, б...ь, мудаков. Но сама идея красивая» (*Бачуров В, Чернов С.* Сергей Курехин: самолету и человеку // <http://www.cityline.ru/gonets2/kur.html>).

² Пользуясь выражением Д. Голынка-Вольфсона из его статьи об Э. Лимонове (*Голынка-Вольфсон Д.* Черт с младенцем, или Взросление нарцисса // Новое литературное обозрение. 2002. № 56).

Mundi». Программа просуществовала год и состояла из ультраправых культурно-политических деклараций Дугина, прослоенных подобранной им альтернативной рок-музыкой¹. На протяжении 1990-х годов «доктор» Дугин» (как он обозначался на афишах) успешно сотрудничал с рок-певцами, придерживающимися радикальных взглядов, — например, выступал с речами на концертах Натальи Медведевой.

Мои утверждения о том, что именно было апроприировано российским культурным сознанием, неизбежно субъективны: они основаны на беседах середины 1990-х годов и реконструкции тогдашних представлений моих собеседников из числа литераторов или журналистов о том, кто заслуживает более, а кто — менее серьезного отношения. Так, большинство читателей, насколько я могу судить, в 1990-е годы в основном иронически или, во всяком случае, сдержанно относилось к экстремистским взглядам и к политической деятельности Эдуарда Лимонова (в 2000-е годы, как уже сказано выше, эта ситуация резко изменилась), несмотря на то, что само его художественное творчество часто вызывало безусловный интерес — колебавшийся в диапазоне от утверждения «доотъездные стихи Лимонова превосходны, но его проза не заслуживает интереса» до мнения «у него и проза отличная, а вся эта политическая шумиха ему нужна для саморекламы».

Творчество Лимонова 1990-х годов, также во многом способствовавшее легитимации ультраправого дискурса, требует специального рассмотрения и дополнительной контекстуализации. И в 1990-е, и в 2000-е годы Лимонов находился на границе истеблишмента в качестве «статусного скандалиста»². Его

¹ Ранее, в 1993 году, Дугин провел на московском канале телевидения цикл программ, посвященный оккультным учителям А. Гитлера, которых он называл «ариософами».

² Несмотря на репрессии властей против лимоновской партии НБП. Например, книга Лимонова о Путине «Такой президент нам не нужен!» (М., 2006), если бы ее автором был не Лимонов, скорее всего, вызвала бы небольшой скандал, — будучи же написана именно Лимоновым, она воспринимается как нечто закономерное и предсказуемое.

экстремистская позиция является хорошо рассчитанным эффектом и одновременно средством жизнетворческого строительства; она имеет длинную историко-литературную романтическую родословную, в значительной степени восходящую к типу политически радикального бунтаря-маргинала, традиционному для французской литературы (в XX веке этот тип представляют, в частности, Луи-Фердинанд Селин и Жан Жене — первый придерживался крайне правых убеждений, второй — близкой к позиции Лимонова смеси ультраправых и левацких идеологием). Схематически репутацию Лимонова в середине 1990-х (после его активного участия в путче 1993 года и организации эстетски-праворадикальной газеты «Лимонка» в 1994-м) можно охарактеризовать так: те, кто знал Лимонова как неподцензурного поэта и писателя-эмигранта до его скандальных политических выступлений (то есть не позже конца 1980-х), воспринимали его в основном как вульгаризатора его же прежних достижений, а те, кто познакомился с Лимоновым именно как с радикальным «внесистемным» политиком-реэмигрантом, воспринимали его как экзотического и неприятного маргинала¹.

Безусловно, переход Лимонова на праворадикальные позиции вызвал шумные восторги писателей и критиков крайне правого лагеря, а также публикационную поддержку (так, повесть Лимонова «Подросток Савенко» была переиздана в приложении к выходящему в Краснодаре шовинистическому литературному альманаху «Кубань»), однако «своим» в среде постсоветских националистических писателей Лимонов (в отличие от Проханова) так и не стал — да, кажется, и не стремился к этому: он предпочитал общаться с представителями авангардной богемы или праворадикальными политиками

¹ См., например, анонимную эпиграмму-лимерик, опубликованную в «Новом литературном обозрении»: «Знаменитый поэт Апельсинов / Оказался-то сукиным сыном: / ГПУ прославлял, / С реваншистами... пел / Экзотический фрукт Апельсинов» (Новое литературное обозрение. 1993. № 6. С. 279).

(Владимиром Жириновским, Александром Дугиным, Альбертом Макашовым и др.). Произведения Лимонова выходили в 1990-е годы в основном не в националистических, а в других издательствах — в первую очередь в издательстве «Глагол» (известном в основном публикацией произведений крайне авангардных или связанных с гейской или лесбийской тематикой) и «Вагриус» (вполне «буржуазном», «мэйнстримном»). Все это позволяет утверждать, что и в 1990-е годы, и сегодня Лимонов воспринимается как исключение, «особый случай» (или, в его собственной терминологии — одинокий герой).

В середине 2000-х годов деятельность Лимонова и возглавлявшейся им (впоследствии запрещенной) национал-большевистской партии послужила толчком для важного идеологического сдвига; его подробное исследование выходит за рамки данной статьи, однако упомянуть этот сдвиг необходимо. Это — диффузия обвинений в «фашизме» и «ксенофобии» по всему политическому полю: самые разные политические и общественные силы, в том числе и праворадикальные, обвиняют своих противников в «фашизме». В центре этих обвинений в середине 2000-х годов оказалась фигура Лимонова. Нацболы не отказались от националистических антизападных лозунгов¹; в то же время Лимонов в своих текстах апеллирует к либеральным цен-

¹ Из интернет-газеты «Лимонка» (2006. Март. № 295): «Национал-большевистская партия проводит в Москве шествие и митинг, посвященные годовщине Ледового побоища, победе русских войск под командованием святого Александра Невского над тогдашним НАТО 5 апреля 1242 года» (http://limonka.nbp-info.ru/limonka_1142941292_article_1143049223.html). На митинге, состоявшемся у здания Госдумы, руководитель московского отделения НБП Роман Попков выкрикивал лозунги: «Россия — все, остальное — ничто!», «Россия от Варшавы до Порт-Артура!» и т.п. (Савина Е. Нацболы обвели милицию вокруг Пушкина // Коммерсант. 2006. 6 апреля. С. 6).

² Лимонов Э. Большая часть общества покинула президента // Русский журнал. 2004. 7 июня (http://old.russ.ru/culture/oppoziciya/20040607_el.html). См. комментарии В. Прибыловского и А. Даниэля об участии лимоновцев в объединенных акциях оппозиционной молодежи: <http://osada.sova-center.ru/discussion/4E7884B/51FCEB0>.

ностям и солидарности гражданского общества². Президентские силы (в первую очередь движение «Наши») обвиняют Лимонова и поддерживающих его либеральных политиков (Гарри Каспарова, Никиту Белых, Ирину Хакамаду) в фашизме, игнорируя деятельность других экстремистов¹, а активисты праворадикального Евразийского союза молодежи избивают лимоновцев как «рenegатов» и «троцкистов»². Этот же союз заявляет о том, что борется против национализма и ксенофобии³. Аналогично, на обвинения в ксенофобии со стороны большинства партий России во время выборов в московскую городскую думу в декабре 2005 года партия «Родина» ответила такими же обвинениями в адрес ЛДПР. Эта «вселенская смазь» из прямо противоречащих друг другу лозунгов и использование подмен при определении фашизма и экстремизма⁴ приводит к тому, что обвинения в экстремизме теряют какое-либо семантическое наполнение, опустошаются⁵.

В 1990-е же годы существенно ббльшую, чем Лимонов, роль в придании ультраправым выступлениям статуса инновационных и нонконформистских сыграли молодые авторы, не связанные с советским или эмигрантским опытом, — такие, как поэт и публицист Ярослав Могутин. Эволюция Могутина в 1990-е годы парадоксальна: он сперва приобрел одиозную из-

¹ «...Декларативно антифашистские “Наши” в упор не замечают настоящих фашистов — ни скингов, ни сторонников Бориса Миронова» (*Лейбин В.* Фашистские сценарии устранения президента // <http://www.polit.ru/analytics/2005/10/17/nazi.html>).

² <http://www.rossia3.ru/mer/23fev>. Ср. об аналогичном инциденте в Самаре, произошедшем 1 апреля 2006 г.: *Тяжлов И.* Сергею Иванову провели антипризывную кампанию // *Коммерсант.* 2006. 3 апреля. С. 6.

³ <http://www.rossia3.ru/news/2006/03/20/13:40:00>.

⁴ Например, использования советского, заведомо нечеткого определения фашизма как идеологии крупной буржуазии (*Проханов А.* Дальше — биофашизм).

⁵ Из многочисленных статей на эту тему см., например: *Рыжлин А.* Парад уродов // *Объединенный гражданский фронт.* 2006. 13—19 марта. С. 1 (приложение к: *Новая газета.* 2006. 13—15 марта).

вестность как публицист, и лишь в конце 1990-х — гораздо более локальную — как яркий поэт-экспериментатор (кажется, обычно бывает наоборот: исчерпав энергию эксперимента, тот или иной бывший авангардист начинает привлекать аудиторию с помощью скандалов). Особенность позиции Могутина-публициста середины 1990-х заключалась в сочетании либертарианских (гей-эмансипационных) и праворадикальных идеологем с личными оскорблениями и откровенным использованием приемов «желтой» журналистики (впрочем, это сочетание напоминало по эстетической концепции публицистику все того же Селина середины 1930-х годов). Могутин выступал с требованиями неограниченной сексуальной свободы, первым в России пытался официально зарегистрировать однополый брак (в 1994 году), акцентировал важность гомосексуальной тематики в искусстве и стремился в своих работах показать эту тематику как органическую составную часть русской культуры (в частности, опубликовал статью, где доказывал, что Н.В. Гоголь был геем — правда, эта мысль для начала 1990-х была совсем не новой); главным его достижением в этой сфере была подготовка двухтомного комментированного собрания сочинений Евгения Харитоновича (вышло в издательстве «Глагол» в 1993 году). Таким образом, в текстах Могутина первой половины и середины 1990-х праворадикальная риторика и истерические нападки на относительно демократические политические элиты ельцинской России оказались парадоксальным образом представлены как элемент эмансипационной программы либертарианского толка.

Такое сочетание в середине 1990-х показалось некоторым аналитикам инновативной стратегией, вполне допустимой в культуре. В публицистической книге Маши Гессен «Dead Again: The Russian Intelligentsia After Communism» (London: Verso, 1997), Могутин и Алина Витухновская фигурировали как «первые ласточки» новой генерации общественно ангажированных интеллектуалов России, никак не связанных с советскими

парадигмами, «либеральными» или диссидентскими¹. Общественная деятельность Могутина, однако, постепенно прекратилась после переезда в США, где он получил в 1995 году политическое убежище: в России ему угрожало судебное преследование по обвинениям в разжигании национальной и религиозной розни. И, хотя в его стихах и прозе конца 1990-х — начала 2000-х годов много лозунгов садистского (в прямом сексуальном смысле) содержания² и описаний на грани порнографии, — по сравнению с его же более ранней публицистикой они в значительной степени переведены из регистра общественной провокации в регистр интимно-личных патологических фантазмов. Поэтому (а также из-за нетривиальных экспериментов в области ритмики и стихосложения) стихи Могутина оказались гораздо более эстетически инновационными — и, вероятно, именно вследствие этого гораздо

¹ Поэт и публицист Алина Витухновская в 1994 году арестована по обвинению в распространении наркотиков и длительное время провела в камере предварительного заключения; второй раз была арестована по тому же делу в 1997 г. В «левых» кругах Витухновская считалась выразителем либертарианской идеологии, а в кругах постсоветской интеллигенции — автором, пострадавшим от властей, подобно советским диссидентам. В конце 1990-х годов Витухновская примкнула к ультраправым кругам — публиковала стихи в газете «День литературы», а 20 января 2002 года организовала и провела в Музее В.В. Маяковского в Москве коллективный поэтический вечер «Я люблю тебя, смерть». «Концепция вечера была сформулирована в двух рефлексивных выступлениях представителей маргинально-самиздатской политической прессы, заявивших, что любовь к смерти свойственна правым радикалам и русскому народу (в отличие от свойственной левым и евреям любви к жизни), а потому программа вечера есть программа русской фашистской поэзии. <...> Проверку билетов и допуск в зал осуществляли люди с повязками Российского Национального Единства» (из репортажа в газете «Литературная жизнь Москвы» — <http://www.vavilon.ru/lit/jan02.html>). О других аспектах деятельности Витухновской см., напр.: *Кузнецов С. Ощупывая слона. С. 270—273.*

² См., например, название стихотворения: «я люблю убивать медленно [жизнь опустела]».

менее замеченными в критике, чем его же более ранняя публицистика.

Таким образом, в результате деятельности Эдуарда Лимонова, Егора Летова, Сергея Курехина, Ярослава Могутина и нескольких других авторов в культурном сознании закрепилось восприятие праворадикальной риторики как части либертарианского эмансипационного проекта. В действительности во всех этих случаях такая связь между правым радикализмом и эмансипационными проектами была ситуативной или даже (в случае Курехина) симулятивной, а сама праворадикальная риторика функционировала как элемент социально-эстетической провокации. Однако само это сочетание было воспринято частью интеллектуального сообщества как культурная инновация, а влияние стратегии «праворадикального либертарианства» было усугублено двумя важными обстоятельствами.

Первое — настроения рессентимента, во многом определившие «толстожурнальную» литературную критику российских 1990-х годов и повлиявшие на авторов как старшего (А.Д. Синявский, Б.Ш. Окуджава и др.), так и младшего (Дмитрий Быков, Алексей Варламов) поколений. Настроения рессентимента определяли (и до сих пор определяют) восприятие происходящего в России как — прежде всего — упадка, распада и деградации. Неявным образцом для сравнения, примером расцвета для людей, проникнутых этими настроениями, чаще всего представлялись 1960-е и наследовавшие им 1970-е годы (когда — несмотря на давление советской цензуры — в СССР существовали «великая», или «приемлемая», или «правильная» культура или наука), иногда — более ранние эпохи, но эксплицитно названных образцов в рессентименте 1990-х могло вообще не присутствовать: современность интерпретировалась как упадок безотносительный, деградация «вообще» — то есть исчезновение «подлинных ценностей», воспринимаемых именно в их отсутствии. С точки зрения этого рессентимента социальные, политические и культурные процессы описывались как «неподлинные», а термины, фиксирующие новую ситуацию, — как заведомо дискредитированные, требующие

разоблачения фальшивки¹; пожалуй, наиболее хлесткий фрагмент, демонстрирующий этот тип сознания, содержится в романе Виктора Пелевина «Generation «П»» (1999), в котором один из персонажей объясняет, что слово «лэвэ», по-цыгански означающее «деньги» — это аббревиатура английских слов «liberal values» («либеральные ценности»).

Противоположностью рессантиментного сознания стал эпатаж — эклектическая смесь анархической, нигилистической и либертарианской риторики (свобода употребления наркотиков, сексуальных связей, описание вызывающе жестоких сцен и пр.), который вполне мог сочетаться с праворадикальными, антизападными или антиамериканскими идеологемами. Эпатаж — «тьень», форма инобытия (самоотчуждения) рессантиментного сознания. Как и рессантимент, он родился в результате общественной «демобилизации», произошедшей после перестройки в начале 1990-х и, так же, как и рессантимент, стал формой консервативного по своим задачам дистанцирования от современности²; выше уже было сказано про ностальгическую природу НБП. В эпатажных текстах действительность — так же, как и в «рессантиментных»³, — изображается как неподлинная, «падшая», поэтому эпатажное сознание может сочетаться с рессантиментным в пределах одного текста; новейшие

¹ Ср. эскизное описание рессантиментного сознания в статье, впервые опубликованной в 1994 году: Немзер А.С. Сказка о потерянной критике // Немзер А.С. Замечательное десятилетие русской литературы. М.: Захаров, 2003. С. 113—114.

² См. подробнее: Дубин Б. Кружковый стеб и массовые коммуникации... В целом и рессантимент, и эпатаж являются культурными эквивалентами понижающей идентификации в постсоветском обществе, проанализированной в многочисленных работах Б. Дубина и Л. Гудкова. См., например: Гудков Л. К проблеме негативной идентификации // Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997—2002. М.: НЛО, 2004.

³ В «рессантиментных» текстах получила развитие — иногда весьма талантливое — ностальгическая эстетика русской эмигрантской прозы «первой волны». И, хотя предметом ностальгического любования в новых произведениях была не «дореволюционная», а «доперес-

примеры — поэзия Всеволода Емелина и проза писавших до середины 2000-х годов в соавторстве Александра Гарроса и Алексея Евдокимова.

Несмотря на такую возможность гибридизации, рессентимент и эпатаж воспринимались в «широких читательских кругах», а во многом и в литературной критике 1990-х как эстетическая оппозиция. Их противопоставление заменило дихотомию «традиционного» и «современного». Однако важно, что указанная оппозиция определяла не развитие культурных процессов, а их коллективную оценку. Расхождение между литературной динамикой и ее интерпретацией в прессе и постсоветском интеллигентском сознании было очень значительным: поэзия, проза, драматургия развивались, осваивая новые языки и возможности, — но произведения, которые не вписывались в оппозицию рессентимента и эпатажа, вытеснялись из общественного сознания или, в лучшем случае, воспринимались как «исключение» из «современных» норм — даже в случаях, когда этим произведениям посвящались доброжелательные критические статьи, а сами произведения удостоивались престижных премий. Так оказались фактически проигнорированными обществом опубликованные в 1990-е годы сочинения Анатолия Азольского, Юрия Давыдова, Андрея Сергеева, Андрея Левкина, Владимира Гаврилова, Олега Юрьева, Асара Эппеля, Анастасии Гостевой, стихи и проза Генриха Сапгира (книги «Сингапур», «Летащий и спящий», «Лето с ангелами»), почти вся инновативная поэзия в диапазоне от Виктора Кривулина до Станислава Львовского и Андрея Сенькова и пр.

В социологических работах Алексея Левинсона развитие постсоветского общества в 1990-е годы описано как сочетание двух параллельных процессов: упрощения и усложнения

троечная» Россия, идеологические приметы прошлого из этих текстов были в высокой степени вытеснены, поэтому объект изображения воспринимался как «ушедшая» Россия «вообще» (характерный образец — проза Дмитрия Шеварова 1990-х годов).

структур связей, ценностных и информационных систем¹. В литературе 1990-х эти два процесса чаще всего были разнесены по разным уровням символического производства: усложнение происходило в самой литературе, а упрощение относилось к ее восприятию и интерпретации в обществе и критике². В результате этого инновативная литература редко публиковалась в «толстых» журналах, ставших в значительной степени местами презентации рессентиментного сознания, и находила себе место в малотиражных альманахах, книжных изданиях и формирующемся Интернете.

Второе обстоятельство заключается в том, что постановка этических вопросов в критике 1990-х была крайне затруднена: не был сформирован язык, на котором можно было бы говорить о взаимодействии этических и эстетических факторов в художественном произведении. Такое «слепое пятно» выглядит тем более странно, что в Интернете дискуссии на указанную тематику начались вскоре после возникновения первых русских литературных сайтов: например, в гостевой книге конкурса «Тенета» обширную полемику вызвал энергично написанный роман Баяна Шириянова «Назший пилотаж» о жизни группы «винтовых»³ наркоманов, который в итоге занял на конкурсе первое место. Спор о прозе Шириянова вызвал раскол в жюри конкурса, выход из жюри нескольких чле-

¹ Левинсон А. Архив и простота. Реплика неисторика // Новое литературное обозрение. 2005. № 74. *Он же*. Иная простота // Левинсон А. Опыт социографии. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 491—503.

² Это порождало своего рода коллективные галлюцинации. Так, А. Зорин вспоминает, что, когда он стал в 1998 году председателем жюри российской Букеровской премии, ему доводилось читать и слышать, что сейчас в литературе — «сплошной постмодернизм», однако большинство выдвинутых на конкурс романов относились к эпигонскому модернизму или эпигонскому реализму (Зорин А. Как я был председателем // Неприкосновенный запас. 1999. № 4). Разумеется, кроме усложнения, в литературе действовали и инерционные процессы.

³ «Винт» — жаргонное название самодельного наркотика на основе первитина.

нов и возникновение двух конкурсов русской литературы в Интернете¹.

Случай с Ширяновым особенно показателен потому, что вопросы о соотношении этического и эстетического в произведении часто возникают при обсуждении и оценке произведений, нарушающих традиционные литературные нормы и конвенции, «выводящих на свет» ранее табуированные типы опыта: первоначально такие произведения могут считаться «безнравственными» (ср. раннюю критическую рецепцию книги У. Уитмена «Листья травы» или романа Дж. Джойса «Улисс»). Ни в Интернете, ни в «бумажной» критике России 1990-х не было выработано методов, с помощью которых можно было бы анализировать нарушения принятых литературных конвенций: жестокие или откровенные сексуальные сцены², эстетические провокации, эксперименты с языком, сюжетом и образом автора. В иностранной славистике обсуждалась связь шокирующих описаний в новой российской прозе с опытом тоталитаризма³; подобная постановка проблемы может быть сочтена спорной, но в российской критике 1990-х и этот тип обсуждений востребован не был. В результате вопрос о том, какой смысл имеют «неконвенциональные» элементы в тех или иных литературных произведениях и какая традиция за ними может стоять, не был ни поставлен, ни осознан как принципиальный.

Неотрефлектированность проблем, возникающих на границе этики и эстетики, и невозможность концептуального различения скандала и инновации в культуре уходит корнями еще

¹ См. подробнее: *Кузнецов С.* Ощупывая слона. С. 123—128.

² Например, замечание Карена Степаняна о том, что в произведениях Сорокина и Пелевина сексуальные сцены — наиболее лирические и соответствуют по своей роли сценам любовных объяснений в русском романе XIX века, не получило дальнейшего развития.

³ См., например: *Gillespie D.* Sex and Sorokin // *Poetik der Metadiskursivität. Zum Postmodernen Prosa-, Film- und Dramenwerk von V. Sorokin* / Hrsg. von D. Burkhardt. München, 1999.

в позднесоветские времена. В 1986 году один из виднейших деятелей неофициальной культуры Ленинграда, поэт и издатель Дмитрий Волчек поместил в редактировавшемся им «Митингом журнале» статью «Сколько осталось жить самиздату?» (типографским способом она была опубликована только в 2005 году)¹. В этом тексте Волчек высказал свои гипотезы о том, что будет происходить с неподцензурной литературой в условиях начавшейся в 1986 году публикации в СССР ранее запрещенных текстов. По его мнению, всю запрещенную в СССР современную русскую литературу можно разделить на три группы: произведения, неконформистские с политической, эстетической и нравственной точки зрения. Первая группа включает в себя тексты в диапазоне «от лагерных воспоминаний до воззваний и писем протеста». К эстетически неконформистской литературе относятся произведения, не публиковавшиеся по причине их стилистической несовместимости с соцреализмом — такие, как стихотворения Иосифа Бродского или «Школа для дураков» Саши Соколова. К «нравственно неконформистской» — произведения, описывающие типы опыта, неприемлемые для большинства читателей: однополую любовь (творчество Евгения Харитоновича), сцены немотивированной жестокости (творчество Владимира Сорокина и Виктора Ерофеева) и пр. Эти произведения, по мнению Волчека, вряд ли будут опубликованы; их распространение и пропаганда остается уделом деятелей самиздата.

В этой речи Волчек фактически провозгласил задачи «Митингового журнала», которые решались в этом издании на протяжении всех 1990-х годов и продолжают решаться и сегодня: значительное количество публикуемых в журнале текстов относится к различным «ненормативным» сферам опыта, от сексуальных экспериментов до «подпольных» типов религиозного переживания. Однако предложенная Волчекон концепция

¹ *Волчек Д.* Сколько осталось жить самиздату? // Премия Андрея Белого. Антология. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

открывала для будущих ее продолжателей (сознательных или невольных) возможность принципиальной подмены: под «нравственно нонконформистскими» произведениями, противоречащими общепринятой морали, можно иметь в виду два разных типа текстов — в зависимости от того, что понимать под «общепринятой моралью».

Первый тип — произведения, основанные на радикальной проблематизации Другого как автономной личности и тематизации насилия и преступления — «крайней формы конфликта человека и общества» (С. де Бовуар¹), представляющего собой, по сути, выход за пределы человеческого существования. К этому типу можно отнести сочинения Д.А.Ф. де Сада, Жоржа Батая, Жана Жене, «Лолиту» В. Набокова и пр. Героем в таком тексте становится радикализированное желание (рефлексия которого оказывается важнейшей частью сюжета), а отчуждение повествователя от общества может быть преодолено только в акте письма (ср. финал «Лолиты»; об этом же применительно к де Саду писала С. де Бовуар²). Этот тип произведений, как правило, основан на той или иной созданной или усвоенной автором философской или металитературной концепции и приводит к морализму «от противного», своего рода «апофатическому» морализму.

Подобные произведения исследованы, в частности, французскими «неклассическими» философами и филологами-постструктуралистами на материале творчества самого «отреченного» автора французской литературы — маркиза де Сада. Но, несмотря на то, что антология французских работ о де Саде была среди первых книг, опубликованных в 1992 году в серии «Ad Marginem» (на основе которой впоследствии было создано одноименное издательство), те модели рефлексии, которые были заданы в работах Жоржа Батая и Пьера Клоссовски или (на материале творчества других авторов) Альбера Камю и

¹ Бовуар С. де. Нужно ли аутодафе? / Пер. с фр. Н. Кротовской и И. Москвиной-Тархановой // Маркиз де Сад и XX век. М.: РИК «Культура», 1992. С. 134.

² Там же. С. 149—156.

Сьюзен Зонтаг, в России не были не только восприняты, но даже опознаны. Это «слепое пятно» — очередное свидетельство крайне избирательной рецепции новейшей французской философии в России 1990-х, несмотря на громадное количество появившихся за это время переводов¹.

Разновидностью этого типа являются произведения, основанные на экзистенциальном принятии Другого, но нарушающие те или иные общественные табу. В первую очередь это описания однополых любви взрослых равноправных людей. Однако нарушение табу в литературе может быть связано и с описанием резкого нарушения социальных перегородок в словесном обществе («Любовник леди Чаттерлей» Дж. Лоуренса), и с изображением переживаний, «вытесненных» из повседневного опыта («Москва—Петушки» Венедикта Ерофеева).

Второй тип — произведения, основанные на идеях социальной или этнической сегрегации (произвольной дискредитации Другого); так как общество всегда гетерогенно, они также нарушают общественную мораль — но иначе, нежели произведения предыдущего типа: на место рефлексивного одиночества преступника или влюбленного они ставят фантазматическую тотальность, мифологизированную приобщенность к великому целому — родине, народу, любому идеологическому конструкту. Эта тотальность — не что иное, как замаскированное и универсализированное желание, возможность рефлексии которого заблокирована².

Во второй половине XIX века в литературе было сделано открытие: подавленные «антиобщественные» стремления потенциально присутствуют в жизни любого современного («модерного») человека, а не только романтического демонического героя, открыто преступающего законы (наиболее отчетливо эту идею реализовали Достоевский и Бодлер). Поэтому о первом типе произведений нельзя говорить как о

¹ См. подробнее: *Венедиктова Т.* Между языком и дискурсом: кризис коммуникаций // Новое литературное обозрение. 2001. № 50.

² Об этом писали М. Хоркхайлор и Т.В. Адорно в книге «Диалектика просвещения» (раздел «Элементы актисемитизма»).

замкнутой группе — это тенденции, оказывающие влияние на довольно широкий круг сочинений, включая масс-культурные. Но производимая в произведениях первого типа тематизация конкретного, «вот-этого» желания резко отличает их — и в «чистом» и в «разбавленном» виде — от произведений второго типа, основанных на фетишизации идентичности¹.

Ни неподцензурная, ни тем более официальная советская литература и критика не ставили перед собой задачи определить и отразить, что такое, собственно, нарушение табу. Непроясненность этой проблемы в определенный момент привела к многочисленным спекуляциям по поводу инновативности тех или иных литературных произведений — причем авторитетность предлагавшихся трактовок усиливалась с помощью описанных выше дискурсивных стратегий рессентимента и эпатажа. В результате писатель Проханов оказался в начале 2000-х не только интегрирован в литературное поле, но и признан как новатор и нонконформист.

Обсуждение этой трансформации, начавшееся «задним числом», пошло по уже описанным правилам, как бессмысленная тяжба между рессентиментным и эпатажным сознанием. Стратегия, соответствующая эпатажному сознанию, может быть названа стратегией инновативной адаптации: Проханов — это характерный пример новаторской литературы, потому что он одержим энергией политического действия (неважно, какого), он — «коммунистический мулла Омар» (Лев Данилкин; напомним, что мулла Мухаммад Омар был лидером движения «Талибан» в Афганистане). Второй вариант «эпатажной» аргументации: Проханов — новатор, потому что в его произведениях присутствует галлюциногенная метафорика. Вопрос о том, чем, например, сравнения Березовского с дедом Мазаем, Андропова с белкой или Ирины Хакамады со змеей отличаются от метафорических стратегий «Красного колеса» или

¹ Подробнее см., напр.: Зонтаг С. Магический фашизм // Зонтаг С. Мысль как страсть. М.: Русское феноменологическое общество, 1997.

литературы сталинского времени¹, не обсуждается и считается в «эпатажной» критике несущественным.

Стратегия, соответствующая рессантиментному сознанию, может быть названа стратегией негативной нормализации: Проханов плох, но не хуже всего остального, потому что современная литература находится в катастрофическом состоянии, а деградировавшая критика оперирует лишь подобными именами-«проектами». Крайний пример негативной нормализации — статья Анны Кузнецовой², где Проханов как «проект», созданный «литературными менеджерами», приравнивается к Д.А. Пригову и молодым поэтам круга альманаха «Вавилон» и антологии «Девять измерений» на том основании, что все названные авторы плохие (то есть не нравятся Анне Кузнецовой), но пользуются общественным интересом; стало быть, во всех случаях этот интерес срежиссирован. Ультраправые идеологизированные тексты Проханова приравниваются к утонченным эстетическим провокациям Пригова и к творчеству молодых поэтов на том лишь основании, что все они нарушают существующие эстетические конвенции. В результате происходит именно то, против чего предостерегал главный редактор журнала «Знамя» Сергей Чупринин: творчество Проханова описывается как литературная провокация, а не как проявление крайне правой идеологии. Характерно, что литературный альманах «Вавилон», столь не нравившийся Анне Кузнецовой, выходил (издание было прекращено в 2003 году) тиражом в 500 экземпляров, а романы Проханова выходят тиражами в десятки ты-

¹ Ср., например, «квазифольклорную», по определению К. Богданова, «Былину о богатырях Отечественной войны» сказителя Матвея Рябинина: «Как в германской палате министерской / Собралось собранье офицерское, / Тут съезжались крокодилы кровожадные, / Во главе того разбойника да Гитлера» (цит. по: *Богданов К. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов*. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 224).

² *Кузнецова А. Кому принадлежит искусство, или Революция менеджеров в литературе // Знамя. 2006. № 3.*

сяч¹; вероятно, молодые поэты альманаха «Вавилон» так расстраивают Кузнецову, что она готова придать малотиражному альманаху статус общелитературного бедствия. Различие в типе «ненаблюдаемых явлений», описанное выше, в такой системе не может быть отражено в принципе: с точки зрения негативной нормализации оно не имеет значения.

5

В начале 2000-х годов в российском обществе начался процесс, который можно было бы назвать (за неимением точного термина) виртуальной или фиктивной консолидацией. Его основой стало резкое возрастание количества публичных символических действий, демонстрирующих временное и «пространственное» единство российского общества и государства (эти сферы в указанных символических действиях не различаются), их историческую преемственность по отношению к советскому и петербургско-имперскому периоду, а также консолидированность общества вокруг политических «центристов»². Начало 1990-х годов стало временем распада общества, в том числе и культурного сообщества, на множество равноправных и слабо коммуницирующих партикулярных групп с автономными идентичностями. Начало 2000-х стало временем вытеснения этих групп из публичной сферы. В качестве символической «компенсации» этого замалчивания и одновременно —

¹ Скандал, спровоцированный присуждением Проханову премии «Национальный бестселлер», и многочисленные публикации по этому поводу в прессе (о романе в одной из телепрограмм отрицательно отозвался Г.А. Зюганов, которому не понравился макабрический портрет Ленина на обложке, выполненной А. Бондаренко) вызвали такой интерес к тексту «Господина Гексогена», что издательство «Ad Marginem», по слухам, пять раз заказывало допечатку тиража.

² См. об этом, например: *Дубин Б.* Симулятивная власть и церемониальная политика // Вестник общественного мнения. 2006. № 1.

продолжения процесса вытеснения — началось выборочное «делегирование» в публичное пространство отдельных представителей некоторых партикулярных групп как участников якобы единого культурного пространства (своего рода виртуальная кооптация; ср. с принципами организации Общественной палаты РФ) — однако механизмы межгрупповой коммуникации в культуре дальнейшего развития не получили.

Естественным следствием этого процесса оказалось усиление влияния крайне правых и неосоветских элементов: имперско-националистические культурные группы были изначально настроены на борьбу за власть и пропаганду «своих» идей и авторов. Кроме того, их идеология соответствовала общественным настроениям, качнувшимся после 1998 года в сторону ксенофобии и изоляционизма¹. Еще одним следствием стали максимальное ослабление, схематизация и мифологизация исторической памяти: новая общественная конструкция требует «натурализации», представления как единственно отвечающая нуждам развития страны².

Проханов по своей поэтике и по своему общественному поведению оказался идеально пригоден к культурной ситуации России первой половины 2000-х годов. Для этой ситуации характерны аффективное отвержение эпохи 1990-х как «по-

¹ Гудков Л. Антисемитизм и ксенофобия в постсоветской России // Гудков Л. Негативная идентичность. С. 183. Левинсон А. Нехаризматическая популярность // Левинсон А. Опыт социологии. С. 616—629. *Он же*. «Кавказ» подо мною: Краткие заметки по формированию и практическому использованию «образа врага»... // Образ врага. М.: ОГИ, 2005; Зверева Г. Чеченская война в дискурсах массовой культуры России... // Образ врага. Кроме антикавказских страхов, проанализированных в этих работах, стоит упомянуть еще один аспект ксенофобии в современной России — истерические нападки в СМИ на Украину, Грузию и (в меньшей степени) Молдавию, связанные с прозападной ориентацией этих бывших советских республик и с выдвиганием ими претензий к российскому руководству (прежде всего — требований вывода военных баз и/или отказа от поддержки местных сепаратистов).

² См. подробнее: Левинсон А. Архив и простота.

терянной» или даже «позорной»¹ (в книге Льва Данилкина «Парфянская стрела» начало 2000-х описано как «воскрешение» русской литературы) и сосредоточенность исключительно на современности и ближайшем будущем²: так, в 2005—2006 годах в российских издательствах вышли один за другим три романа-антиутопии, предвосхищающих события ближайших лет: «2008» Сергея Доренко, «2017» Ольги Славниковой и «Заложник» Эдуарда Краснянского и Александра Смоленского³. История воспринимается как ряд разрозненных эпизодов, а апелляции к ней возникают тогда, когда нужно легитимизировать ситуацию «сегодня», стирающую свои и чужие следы. Это стирание отличается от аналогичных явлений в западных вариантах «общества зрелища», описанных Ги Дебором, и от «политики скорости», проанализированной Полем Вирильо: и отчужденно-эстетическое восприятие истории, и стремление к забвению недавнего прошлого основаны на коллективном социальном аффекте «общества виртуальной консолидации»⁴.

¹ Это определение, данное Дмитрием Ольшанским (*Ольшанский Д. Как я стал черносотенцем // Ex Libris НГ. 2001. 11 апр.* Ранее близкие по духу утверждения, хотя и с другими идеологическими мотивировками — «рессентиментного» свойства — регулярно воспроизводились в статьях Владимира Новикова, Аллы Латыниной и многих других), встретило жесткие и справедливые возражения Станислава Львовского — одного из самых ярких поэтов и прозаиков «поколения 90-х» (*Львовский С. Это зоология // http://old.russ.ru/krug/20020412_lvov.html*).

² Характерно, что даже в (превосходном, на мой взгляд) романе Михаила Шишкина «Венерин волос», где история России в XX веке становится предметом многослойной рефлексии и мифологизации, 1990-е годы в России представлены только как череда гиперреалистически изображенных катастроф, рассказанных главному герою — переводчику в ведомстве по приему беженцев в Швейцарии — претендентами на получение убежища.

³ «2008» — в издательстве «Ad Marginem», «2017» и «Заложник» — в издательстве «Вагриус».

⁴ Общественную атмосферу, порождаемую этим социальным аффектом, А. Левинсон назвал тотализмом. См.: *Левинсон А. Надолго ли?*

«Стирание» памяти в произведениях Проханова имеет многообразные проявления. Наиболее простая продемонстрирована выше на примере эпизодов с семисвечником и с улицей Якиманка: утверждение высокой ценности православия как национальной русской религии сопровождается игнорированием конкретных религиозных реалий. Более утонченная форма — цитирование классических произведений литературы с заменой смысла первоисточника на противоположный. Так, роман Проханова «Надпись» прямо отсылает к роману Набокова «Дар»: надпись-откровение, которую читает на колокольне Ивана Великого главный герой романа Коробейников, — «Бог есть. Ты умрешь. Россия — мученица» — является откровенной аллюзией на эпитафию к «Дару» («...Россия — наша родина. Смерть неизбежна»). Однако, если «Дар» — прославление самостоятельной, непобедимой политическими обстоятельствами личности художника и возможности свободного творчества, то «Надпись» — апология работы писателя как агитатора, который ради спасения советского режима, сулящего невиданный технический прогресс, отказывается от общения с нонконформистами и представителями неофициального искусства¹.

Еще одна форма стирания памяти — использование стилистических находок современных авторов, иногда сопровожда-

См. также: *Куклин И.* Every trend makes a brand // Новое литературное обозрение. 2002. № 56. С. 257.

¹ Вот как это интерпретирует Лев Данилкин: «"Надпись" — роман про путь Проханова в сторону Шолохова, про генезис государственного писателя. Сильной личностью оказывается не тот, кто возненавидит мегамашину и начнет мстить за обиды, нанесенные поколению отцов, но тот, кто, зная об опасности, заключенной в мегамашине, все равно пойдет служить ей, — поскольку только она в состоянии обеспечить низкую температуру в холодильнике с вирусами, территориальную целостность страны, сбережение этноса и воскрешение отцов» (*Данилкин Л.* [Рец. на кн.:] Проханов А. Надпись // Афиша. 2005. 2 июня [<http://msk.afisha.ru/books/book/?id=6896642>]).

ющиеся нападками на первооткрывателей. Так, в 1990-е годы Проханов явно испытал влияние стилистики апокалиптического исторического репортажа, разработанной А.И. Солженицыным в эпопее «Красное колесо»: гротескные, гиперболические описания внешности и манер реальных исторических деятелей, сравнение их с животными — все это очевидно повлияло на манеру изображения политических деятелей современной России в романе «Господин Гексоген» и последующих книгах Проханова. Однако в романе «Крейсерова соната», как уже сказано, Солженицын охарактеризован как «Со-Лжец»¹.

Проханов вообще легко адаптирует любые стили. По-видимому, одна из целей такой адаптации — представление своих произведений именно как «модных» и «актуальных». Например, почти в самом начале нового романа Проханова «Политолог» (М.: Ультра.Культура, 2005) появляется метафора, переводящая мифологический сюжет романа В. Сорокина «Лёд» в регистр советской политической притчи в духе вульгаризированного Аркадия Гайдара.

Агенты ФСБ передавали по рациям сведения о таинственном ковчеге, потаенном ларце, что двигался вместе с толпой, сберегаемый, как драгоценные мощи, как частицы «красного креста». В этом ларце хранились загадочные кристаллы рубинового цвета, крупницы волшебного метеорита, прилетевшего на землю из неведомых глубин мироздания и упавшего среди русских равнин. В месте падения возник СССР, волны удара побежали по миру, закрашивая континенты и страны в рубиновый цвет. Теперь, после краха коммунизма, ковчег с кристаллами оставался хранилищем «красного смысла». Кристаллик упадет в малый ручей, растворится, как марганцовка. Окрасит в

¹ Впрочем, отношение к любым фигурам для Проханова диктуется текущим моментом и риторическими задачами конкретного текста: в статье о гонениях на Владимира Сорокина со стороны молодежного движения «Идущие вместе» Проханов назвал Сорокина новым «Солженицыным», противостоящим властям России (*Проханов А. Национальные особенности охоты на писателей // Завтра. 2002. 16 июля. С. 1*).

багряный цвет озера и реки, океанские и морские пучины, и коммунизм возродится.

Для легитимации Проханова используется метод эстетизации истории; в результате художественный текст начинает претендовать на то, чтобы заменить собой историю. Приведем три близкие по смыслу цитаты из статей о романе «Надпись». Владимир Бондаренко:

Это и на самом деле настоящий литературный роман, как панорама всего общества, авангардный толстовский вариант «Войны и мира» (sic! — ИК). Встречаются разнообразные идеологии, абсолютно полярные модели общества. Это вообще готовый художественный атлас всех кружков и сообществ, формировавшихся на кухнях и в мастерских художников, в салонах иностранных журналистов и фрондирующих дам из советского высшего света, в закутках дворников с двумя университетскими дипломами и кочегаров, пописывающих философские трактаты. Всё так и было¹.

Лев Данилкин:

Удивительно, насколько Коробейников — типичный вроде бы рефлексирующий интеллигент из книги Вайля и Гениса о 60-х — выламывается из всех представлений о шестидесятниках. В «Надписи» дан принципиально другой, инсайдерский взгляд на этих людей, чья общественно-политическая жизнь не ограничивалась чтением переводного Хемингуэя и исполнением «Лыжи у печки стоят». Судя по «Надписи», это была эпоха, когда активно формировался идеологический ландшафт конца 80-х. Эти штаммы будущих эпидемий — русского фашизма, еврейского национализма, андроповского реформизма, православного радикализма — существовали под советским куполом как бы в замороженном состоянии².

¹ Бондаренко В. Путь без конца // Литературная газета. 2005. № 41. 5—11 сент.

² Данилкин Л. Указ. соч.

Антон Костылев:

Прохановская ретроспекция обращена к тому моменту в истории страны, когда формулировался спектр идеологий, превратившийся в современную политику. Интеллектуалы в штатском, партийные идеологи, мамлеевские шатуны, православные затворники, респектабельные либералы, улыбчивые фашисты — знакомые все по 90-м годам лица тогда обретали форму, вес и плотность¹.

Во всех трех фрагментах пересказ сюжета романа дан с эпической дистанции (как если бы речь в самом деле шла про «Войну и мир»), которая предполагает равноправие изображаемых действующих сил, восприятие их различий как значимых лишь эстетически. Этот эффект достигается во всех трех текстах через использование перечислительной интонации: «русский фашизм, еврейский национализм, андроповский реформизм» (или «православные затворники, респектабельные либералы, улыбчивые фашисты») оказываются равно возможными идеологическими явлениями.

Костылев считает, что «Надпись» — «внятное и последовательное идеологическое высказывание, каких в отечественной литературе за последние годы было, собственно, два: “Священная книга оборотня” [Виктора] Пелевина и “Орфография” [Дмитрия] Быкова. Все три посвящены отношениям с властью, образуя достаточно полный спектр реакций»². При этом критик не оговаривает, что три упомянутых им романа описывают (хотя и мифологизируя и смещая смысловые акценты) принципиально разные исторические ситуации, представлявшие *разные возможности* в отношениях героев с «властью»: в «Орфографии» действие происходит приблизительно в 1918—1921 годах, в «Надписи» — в 1960-е, в «Священной книге обо-

¹ Костылев А. [Рец. на кн.: Проханов А. Надпись] // http://www.sferamm.ru/patterns/main.php?handle=pattern_block_12&category_id=3&id=1224&back_id=16&page_id=67

² Костылев А. Указ. соч.

ротня» — в начале 2000-х. Все эти периоды, таким образом, также перечисляются как равнозначные. И хотя любой исторический роман всегда «имеет в виду» современность, игнорирование различий между столь несхожими периодами истории XX века свидетельствует о том, что критик занимает дистанцию эпического — эстетизирующего! — рассмотрения по отношению к новой истории России. Аналогичную функцию в тексте Данилкина выполняет слово «эпидемии», помещающее критика в позицию бесстрастного исторического хрониста. Такое было бы возможно при описании, например, проблем XIX века, однако новейшая история России требует иного, не эпического отношения: слишком много в ней событий, которые были запрещены к называнию или перетолкованы и перевернаны; будучи «вытеснены», они возвращаются, как непроработанная травма, отзываясь в современности. Их понимание возможно только на основе личной этической реакции.

Декларируя стремление к демифологизации истории («все так и было»), цитированные критики дискредитируют либеральную составляющую атмосферы 1960-х, ключевую для понимания этого периода. Бондаренко изображает последствия либерализации как распад «идеологии общества», якобы повлекший катастрофические последствия¹. Данилкин сводит память о либеральной составляющей эпохи исключительно к представлениям о чтении Хэмингуэя и пении бардовских песен. Эта апелляция к имперской историософии (Бондаренко) или мифологизированным, крайне упрощенным формам исторической памяти (Данилкин) позволяет забыть о многообразных последствиях либерализации начала 1960-х — в первую очередь, о развитии свободной мысли и нонконформистского искусства².

¹ «...Противоречивая эпоха, когда идеология общества катилась явно вниз, а технологическое, да и социальное развитие продолжало расти невиданными в мире темпами...» (Бондаренко В. Путь без конца).

² В своих работах Николай Митрохин неоднократно обращал внимание на то, что современная версия истории России 1960—1990-х

Не случайно и в самом романе «Надпись» реконструкция исторической памяти оборачивается ее превращением в симулякр. Так, в качестве главного локуса неофициального искусства в романе описан салон Юрия Мамлеева (в романе — Малеева), участники которого представлены как кликушествующие маргиналы и экзотические моральные уроды, в целом — «люди из подполья» в том смысле, который придавал этому слову Достоевский. Патологическое душевное «подполье» и художественный андеграунд 1960-х оказываются синонимами, что, безусловно, резко искажает подлинную картину, насколько ее можно реконструировать по мемуарам и историческим исследованиям.

Начиная с романа «Чеченский блюз» (1996) Проханов возобновил свою оставленную в конце 1980-х годов стратегию: подобно тому, как старые романы Проханова описывали одну за другой различные спецоперации за пределами СССР, новые его сочинения являются последовательным мифологизирующим комментарием к чрезвычайным происшествиям, которые широко освещались в медиа и воспринимаются как удар по национальной идентичности российского общества: чеченская война («Чеченский блюз» и «Идущие в ночи»), взрывы домов в Москве в 1998 году («Господин Гексоген»), захват заложников на мюзикле «Норд-Ост» и катастрофа подводной лодки «Курск» («Крейсерова соната»), теракт в Беслане («Политолог»). При этом Проханов неизменно использует ксенофобские, «конспирологические» версии произошедшего: так, в романе

годов написана во многом с точки зрения либеральной интеллигенции и нуждается в коррекции. Однако роман Проханова и статьи упомянутых авторов не деконструируют этот исторический канон: они не указывают (в отличие от Митрохина), с точки зрения какой социальной группы описаны события в романе. Это точка зрения официальных, настроенных «антизападнически» советских писателей, считающих себя главными наследниками великой русской литературы — недаром в качестве образца для подражания герой романа Коробейников избирает Михаила Шолохова.

«Крейсерова соната» российский подводный крейсер (под которым имеется в виду «Курск») гибнет от столкновения с американской подлодкой «Колорадо» — как известно, эта версия активно использовалась в СМИ даже тогда, когда стала широко известной подлинная причина произошедшего с «Курском» (самопроизвольный взрыв торпеды в пусковом аппарате). Этот ряд представляет современную историю России как серию смертоносных катаклизмов, за которыми стоит борьба тайных сил; точно так же интерпретировалась история современности и в доперестроечных романах Проханова¹.

Описание новейшего времени как ряда разорванных «стрессогенных зон» — пожалуй, самый простой и эффективный метод мифологизации истории. Еще более эффективной делает эту мифологизацию обращение Проханова к эстетике мистической притчи — жанра, который был актуализирован в конце 1990-х, а в начале 2000-х быстро стал достоянием массовой культуры (самый известный образец масскультной конспирологической притчи — серия романов Сергея Лукьяненко о борьбе и вынужденном сотрудничестве «светлых» и «темных» магов).

Стратегии, используемые и Прохановым и легитимирующими его критиками, — это стратегии подмены. И Проханов, и Дугин при переходе в истеблишмент внешне адаптировались, но эта адаптация не затронула существа их взглядов. Дугин в 2000-е годы стал публично высказываться против «мес-

¹ В работах апологетов Проханова это интерпретируется следующим образом: «Воинствующая актуальность. Сознательная готовность отвечать на исторические вызовы. Отсюда обострение мнений, характеров и ситуаций, сравнимое с Достоевским, который точно так же распределял программные манифестационные тезисы по разным персонажам» (*Локотков В. (Шаргунов С. — псевдоним расшифрован в подборке цитат о романе в газете «Завтра»*). Дарственная «Надпись» / / Ex Libris НГ. 2005. Август. № 31). Сергей Шаргунов — писатель, на момент публикации — председатель молодежного отделения партии «Родина».

течкового национализма»¹, однако в его новой книге можно найти характерный набор агрессивных антилиберальных и антииудейских лозунгов²:

Можно утверждать, что доминирующей в современном мире стал именно либерально-капиталистическая модель, а следовательно, «Орден Мертвой Головы» почти вплотную приблизился к достижению своей древней цели — к утверждению на планете **лунного** царства, «царства количества» и торжества мертвых механических законов. Окончательный проект «Орден Мертвой Головы» в последние годы получил свое внешнее выражение в доктрине «нового мирового порядка». <...> В центре «нового мирового порядка», безусловно, стоят эсхатологические предвидения мирового иудаизма, наиболее законченной креационистской «авраамической» религии, которая вместе с воссозданием государства Израиль однозначно объявила о начале мессианской эпохи для иудеев и для всего мира. Конец «четвертой диаспоры» и «алия» для всех ортодоксальных иудеев не может быть ничем иным, как однозначным знаком близости прихода Машиаха и конца истории. С национальной точки зрения, для иудеев приход Машиаха означает установление иудейской диктатуры над всеми «гойскими» народами, а «гои» в иудаизме обозначает не просто всех неевреев, но метафизически все «манифестационистские» традиции, приравняемые иудеями к «идолопоклонству» и «многобожию».

<...>

Новый Крестовый Поход объявлен уже сейчас. Маленькими ручейками стекаются под знамена с солнечно-полярной символикой все верные Северу, верные Сердцу. Среди них революционеры и анархисты, консерваторы и милитаристы, «красные» сторонники социальной справедливости и «черные» за-

¹ Речь на митинге Евразийского союза молодежи в Москве 23 февраля 2006 года (впрочем, характерно название митинга: «Наш сапог свят»).

² Несмотря на это, Дутин в других своих текстах уважительно цитирует радикально-консервативных, антизападных по своим убеждениям израильских авторов (в первую очередь Авигодора Эскина — см., например: <http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=2930>), используя их тексты как аргументы в своих построениях.

щитники духовной иерархии, христиане и материалисты, суфии и мистики, дети Востока и сыны Запада, объединенные необъяснимой страстью и сверхчеловеческой ненавистью. С Севера на Юг, из христианского мира белых народов в земли лунных семитов, иудеев и сарацин, двинутся армии «Сердце», армии Любви, носители новой Зари. Облаченные в маски Хаоса перед лицом строителей «нового мирового порядка», скрывающие в глубине своего «Я» знание о высших законах Иерархии, о световом ангелическом небесном мироустройстве, воины Солнца отправятся в их Последний Поход¹.

Аналогичным образом Проханов прекратил антисемитские нападки в новых романах, рассчитанных теперь и на «либерального» читателя (в романе «Господин Гексоген» таких нападков чрезвычайно много), однако сохранил юдофобскую риторику в своих статьях в газете «Завтра», рассчитанных на прежнюю его аудиторию — так, в одной из его передовиц Анатолий Чубайс, Николай Сванидзе и журналист Александр Минкин презрительно названы «кагалом»².

Стратегия подмены особенно опасна потому, что нынешняя деятельность Проханова часто позиционируется критиками, журналистами и политтехнологами как часть широкого оппозиционного культурно-политического фронта, направленного против авторитарной государственной элиты и представленного, например, составом ведущих авторских программ радиостанции «Эхо Москвы». Выше уже было показано, что эстетика Проханова по своим задачам совершенно совпадает с «образом мира» этой же элиты. Фиктивная «оппозиционность» разрушает этические и эстетические критерии, которые могли бы работать при формировании подлинно нонкон-

¹ *Дугин А.Г.* Крестовый поход Солнца // Дугин А.Г. Конспирология. М.: Арктогея, 2005 (первая публикация статьи: Милый ангел. 2000. № 2). Цитируется по интернет-публикации: <http://arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=1339>. Шрифтовые выделения принадлежат А. Дугину.

² *Проханов А.* Дальше — биофашизм.

формистского культурного сообщества, а фетишизация идентичности в романах Проханова заранее подменяет возможность обсуждения общественных проблем современной России. Благодаря легитимации Проханова как новатора эти болезни расползаются по всему полю литературы.

P.S.

Очевидно, что процессы в поле литературы связаны с событиями, происходящими в других сферах. Я сознательно не упоминал в статье о все учащающихся на протяжении 2000-х годов избиениях кавказцев, цыган и иностранцев в России, об активизации молодежных националистических группировок, о случаях безразличного или сочувственного отношения к агрессивным шовинистам со стороны милиции или судебных органов: цель этой статьи — исследование не общественных, а культурных процессов. Однако для понимания того, как взаимодействуют литература и политика в современной России, необходимо рассказать о событиях, связанных с публикацией так называемого «списка Гельмана»¹.

В марте 2006 года арт-дилер, организатор многочисленных художественных выставок и политтехнолог Марат Гельман поместил в своем блоге в «Живом журнале»² список наиболее одиозных ультраправых политиков современной России. Перечень, как признался Гельман в одной из последующих записей, был составлен по его просьбе правозащитником Владимиром Прибыловским. Тексту был предпослан заголовок: «затравка на ночь глядя: мы тоже тут списочки составляем:)))» — что следовало воспринимать как намек на многочисленные перечни «антирусских элементов», регулярно публикуемые под

¹ Впрочем, сам М. Гельман настаивает, что «списком Гельмана» следует называть не этот документ, а составленный им реестр наиболее значимых художников России (<http://www.guelman.ru/artists/>).

² <http://galerist.livejournal.com/428362.html>. Записи в «Живом журнале» цитируются по состоянию на 5 апреля 2006 года.

тем или иным предлогом в шовинистической прессе. В записи от 3 апреля 2006 г. Гельман заявил, что список был подготовлен для пресс-конференции создававшегося им общественно-го движения «Интернационал» (до этого, в 2004 году, Гельман сотрудничал с крайне правой партией «Родина» и был одним из соавторов ее идеологической программы) — таким образом, предварительная публикация в Интернете была «пилотной», направленной на изучение реакции потенциальных читателей. На протяжении всего времени, пока список был вывешен в «Живом журнале», Гельман его редактировал; имена Проханова, Дугина и Лимонова, первоначально, судя по упоминаниям в интернет-дискуссии, включенные в перечень, были из него вычеркнуты. Имя Лимонова было удалено из списка в ответ на упрек одного из оппонентов, написавшего: «Наличие в списке интернационалиста и либертария Лимонова ставит под сомнение его корректность. Может, идея такая — начать с мракобесов, а потом причислять к ним всех, кто не нравится Кремлю? Как в определенное время все были “польскими шпионами” или “левыми уклонистами”»¹. Идеологически близкий Дугину публицист Аркадий Малер изумленно спросил: «Дугин разжигает межнациональную рознь???» — на что Гельман справедливо ответил: «Межцивилизационную», но фамилия Дугина из списка все-таки тоже исчезла.

Вскоре после этой дискуссии Гельман сообщил в своем блоге, что читает в рукописи новый роман Проханова «Теплоход “Иосиф Бродский”»² и удивлен тем, что заместитель главы администрации Президента России Владислав Сурков³ изображен в этом романе, по мнению Гельмана, слишком положительным героем: «Наверняка решат, что Проханов продался. Надо Славе показать»⁴ (под «Славой», очевидно, имеется в виду

¹ <http://galerist.livejournal.com/428362.html?thread=9968202> t9968202

² Роман вышел в мае 2006 года в издательстве «Ультра. Культура».

³ Именно Сурков послужил, по мнению Гельмана, основным прототипом героя по фамилии Есаул.

⁴ <http://galerist.livejournal.com/443334.html>

Сурков). Такая забота о репутации Проханова и удаление его из списка накануне презентации нового, якобы антифашистского общественного движения свидетельствуют о том, что организованные публичные выпады против шовинистов в литературе и политике современной России часто (хотя и не обязательно) являются симулякрами — внешним идеологическим обеспечением тактических действий отдельных групп внутри правящих элит.

*Апрель—май 2006,
апрель 2008*

Оксана Тимофеева

РУССКИЙ РАЙ, ИЛИ РОДИНА-МАТЬ, РОДИ МЕНЯ ОБРАТНО!

(Сравнительный анализ образов Родины
и ее сыновей в романах
Александра Проханова «Господин Гексоген»
и «Политолог»)

Первоначальный замысел настоящей работы заключался в том, чтобы проанализировать образ Родины в романе Александра Проханова «Господин Гексоген»¹. Отчасти этот замысел был реализован². Сразу же оговоримся: идея подобного анализа никоим образом не была связана с художественными достоинствами романа — во всяком случае, точно не ими был спровоцирован наш исследовательский интерес. Эта оговорка предваряет неизбежный упрек со стороны людей, профессионально занимающихся литературоведением и литературной критикой, — специалистов, в выборе своих объектов применяющих эстетический критерий оценки произведения *par excellence*. Данный упрек сводится, главным образом, к тому, что книга Проханова не является не то чтобы даже лучшим, а вообще каким бы то ни было образцом литературы в собственном, «подлинном» смысле слова, образцом той «большой», даже «великой» литературы, которая до сих пор составляет предмет национальной гордости. С этой — «литературоцентристской» — точки зрения, заниматься кропотливым содержательным разбором книги означает,

¹ Проханов А. Господин Гексоген. М.: Ad Marginem, 2002.

² См. мою статью: Сон о горящей родине, или Некоторые рассуждения по поводу романа А. Проханова «Господин Гексоген» // Синий диван. 2003. № 2. С. 198—207.

как минимум, впустую тратить время: есть работы, в гораздо большей мере заслуживающие внимания исследователя.

Творчеству Проханова практически отказано в признании профессиональным сообществом (во всяком случае, его либеральным «крылом» — отказано однозначно). Вопрос о том, имеет ли это творчество отношение к литературе, вообще не обсуждается — останавливаются на том, что оно — конечно, никакая не литература, а растянутая на сотни страниц лубочная передовица наподобие тех, которыми автор украшает каждый номер газеты «Завтра»¹. Совершенно иное мнение распространено в медиасреде, однако об этом — позже.

В той мере, в какой объективная художественная ценность работ Проханова определяется как стремительно приближающаяся к нулю и даже уходящая «в минус», эти работы остаются за пределами серьезного теоретического анализа, на том, на наш взгляд, ошибочном элитистском основании, что они такого анализа «не достойны». Более того, перспектива обсуждать их «в приличном обществе» напрямую связывается с опасностью легитимации националистического дискурса через его включение, пусть и в критическом смысле, в публичную дискуссию в качестве одной из возможностей последней. Националистические идеи просты, имеют высокий популистский потенциал, не требуют для своего понимания глубокой рефлексии и длительной интеллектуальной подготовки. На этом основании часто рассуждают об их исключительной соблазнительности, в отличие от менее привлекательных либеральных или интернационалистических левых идей.

Опасения эти справедливы, но только до определенного предела, пока соображения некоей «общей пользы» (или недопущения вреда, который мог бы быть нанесен идеологическими посылами Проханова какому-нибудь «неокрепшему» сознанию) не будут исчерпаны и не обнажат за собой личных

¹ В частности, на этом мнении сошлись все участники обсуждения, по материалам которого написана данная статья.

пристрастий и фобий опасющегося. Если в первом случае — соображений «общей пользы» — мы имеем дело с феноменом внешней, «большой» цензуры, то во втором — в игру вступает цензура внутренняя. Обе они отвечают за процессы вытеснения, происходящие как на уровне социума, так и, соответственно, на уровне индивидуальной психологии.

А ведь это своего рода табу — обходить феномен молчанием, вытеснять, отрицать, не признавать, не прикасаться, как если бы в нем присутствовало что-то действительно «нечистое», какая-то по-настоящему социально опасная неперсонифицируемая деструктивная сила, «зло», избежать воздействия которого можно, только наложив запрет. То есть вытесняя, сообщество тем самым одновременно как бы и сакрализует феномен. Это одна из ловушек, в которую гуманитарное знание рискует попасть вследствие избыточного пуризма, который в действительности бесконечно ограничивает область его применения.

У страха, как известно, глаза велики: запрет на анализ приводит, в частности, к нерефлексивной абсолютизации иррациональной мощи прохановского бреда. Продуктивная критика уступает место эмоциональной оценке. Националистический дискурс демонизируется, чтобы за счет его настойчивого отрицания и исключения происходила легитимация дискурса либерального — процедура, на наш взгляд, не вполне корректная, так как эта легитимация имеет, таким образом, негативный характер. Непродуктивность отрицающего исключения связана хотя бы с тем, что оно, указывая на опасность, одновременно запрещает себе понять, в чем именно эта опасность заключается, какова природа того «соблазна» — если он вообще имеет место быть, — в который, гипотетически, может впасть каждый.

Суммируя только что сказанное, романы Проханова, наряду с прочей полиграфической продукцией подобного рода, не подлежат содержательному обсуждению и критике по двум

причинам — эстетической (низкая художественная ценность) и этической (пропаганда неприемлемых идей). Одновременно происходит стигматизация данного объекта, соответственно, как «плохого» и «злого», задающая примитивную бинарную структуру, в которой говорящий автоматически занимает противоположную позицию, уже как бы зарезервированную для «хорошего» и «доброго», и из этой, более выгодной, властной позиции констатирует свое простое превосходство.

Нам не близка такая обличительная стратегия. Она, в частности, не считается с тем, что, помимо «великого» и «прекрасного», равного внимания заслуживают также и незначительное, бесконечно малое, и страшное, ужасное, и, наконец, неприятное, даже отвратительное. Речь идет о внимании к предмету эстетически и этически нейтрального анализа, для которого не существует запретных тем и аспектов. В отсутствие подобного рода анализа гуманитарная наука сводилась бы — в пределе — к схоластическим штудиям, к бесконечному смакованию ограниченного набора безусловно «достойных», «хороших» и «добрых» канонических текстов¹. Ведь самая ничтожная деталь, самый «мусорный» феномен, самый непривлекательный объект могут оказаться важнейшими симптомами чего-то еще, что имеет к нам самое непосредственное отношение, но приблизиться к чему мы можем только опосредованно.

Оставив позади безапелляционные суждения вкуса и суровые инвективы, с одной стороны, и эмоциональные оценки, с другой, мы, таким образом, обустроиваем некоторое поле возможности для исследования феномена национализма ввиду психосоциальной симптоматики, которая дает о себе знать через тексты Проханова. Демонстративно нарушая негласный

¹ Для сравнения представим: если бы такую брезгливость проявляли, к примеру, врачи — что стало бы с медициной? Вероятно, при подозрении на болезнь людей бы просто убивали, а терапевтические практики ввиду таких ограничений просто не смогли бы сформироваться.

запрет на пересказ, цитирование и анализ, мы тем самым утверждаем, что этот феномен, как и любой другой, не имеет для нас сакральной значимости — ни со знаком «плюс», ни со знаком «минус». Вся проблематика, связанная с легитимацией или делегитимацией какого бы то ни было дискурса, выносится за скобки с учетом необходимых оговорок.

Начнем с небольшой справки относительно контекста рассматриваемых произведений.

В 2002 году роману «Господин Гексоген», написанному главным редактором газеты «Завтра» — печатного органа российской патриотической оппозиции, — совершенно неожиданно была присуждена премия «Национальный бестселлер», что сделало автора Александра Проханова модным, даже гламурным писателем, вполне вписавшимся в формат таких молодежных глянцевого журналов, как, например, «Афиша» или «Жалюз». Столь же головокружительному, сколь и кратковременному успеху данного романа в значительной мере способствовала особая издательская ситуация. Практически до выхода романа в свет Ad Marginem, где появилась эта книга, имело репутацию наиболее прогрессивного московского интеллектуального издательства. В нем, в частности, с 1990-х годов выходили первые переводы текстов Ж. Деррида, В. Беньямина, Р. Барта, книги таких русскоязычных авторов, как В. Подорога, М. Рыклин, и так далее. С появлением «Господина Гексогена» эта репутация быстро сменилась на «скандальную». Издателем был взят новый курс на доступную самой широкой читательской аудитории, эпатирующую, злободневную и дешевую трэш-литературу с массовыми тиражами.

Одновременно и ставки Проханова возросли: некогда действительно маргинальное и ориентированное, скорее, на небольшой круг преимущественно пожилых патриотически настроенных читателей газеты «Завтра», его творчество стало привлекать более молодую аудиторию благодаря особенному галлюцинаторному стилю. Безумные тропы, которыми бредут

герои Проханова, распознаются как безумные «трипы», одержимость чем-то «великим» граничит с безудержным наркотическим бредом, с одной стороны, и с легкомысленным стебом, с другой. Этот стиль, вначале, возможно, неосознанный, а теперь умело воспроизводимый, сближает автора, при всем его воинствующе серьезном национал-партиотизме, с такими гораздо более признанными в широком русском культурном истеблишменте пересмешиками, как В. Пелевин, В. Сорокин или даже П. Пепперштейн (не исключено даже, что в последних произведениях имеют место некоторые сознательные заимствования).

Однако скандал с издательством¹ — не единственная причина возрастания популярности патриотической прозы Проханова. Это лишь часть довольно широкой и громкой рекламной компании, развернувшейся в тогдашней прессе по поводу романа. В большинстве изданий сразу же появились хвалебные рецензии. Так, московский критик Д. Ольшанский, до означенного момента придерживавшийся либеральных взглядов, вдруг написал вызывающую статью под названием «Как я стал черносотенцем», в которой признавался, что при чтении Проханова на него снизошло откровение и ему открылась истина. Автор публично расставался со своим «либеральным прошлым», в котором уже не видел «ничего, кроме лжи и позора» и констатировал наступление новых, жестких времен: «Прогрессизм рухнет, и скоро рухнет окончательно. Лучшая в настоящий момент в России премия “Национальный бестселлер” — лучший признак того, что обильная демократическая графомания девяностых уходит. Настает время признания яростных, неправильных, национально мыслящих авторов и сочинений — сочинений, от которых иной читатель содрогнется во вселенском трепете»².

¹ См. об этом подробнее: *Рыжлин М.* Время диагноза. М.: Логос, 2003.

² *Ольшанский Д.* Как я стал черносотенцем или Упромысливать, гнобить и не петюкать // НГ-Ех Libris. 2002. 11 апр.

Пропорционально восторгам, которые звучали в массмедиа, росло негодование гуманитарной общественности. Возмутительными казались, с одной стороны, простота, а с другой — необычайный цинизм этого элементарного «постмодернистского» хода: когда в ситуации рынка культура отдается на откуп медиа, любой «shit» может в одночасье превратиться в «cool», — и с этим придется считаться.

В 2002 году совершенно неожиданный факт столь широкого тиражирования националистических идей (своего рода взрыв националистического «гексогена») представлялся немыслимым, исключительным и беспрецедентным. За прошедшие четыре года публика, однако, уже успела привыкнуть к тому, что подобная риторика стала полноправной частью публичного дискурса. Проханов, в частности, превратился в ежедневного героя телеэфира — что до «Гексогена» представить было довольно сложно.

О «Великой России» в так называемом «экспертном сообществе» не рассуждает теперь только ленивый. Можно констатировать, что за короткий период произошла стремительная экспансия националистических идей на благодатной российской почве. «Зеленый свет» им обеспечивает близость к идеям «патриотизма», имеющим более позитивные этические коннотации, привлекающим более широкие социальные слои и группы и смыкающимся с государственническими настроениями. Хотя изначально, в общем-то, речь идет о «патриотической оппозиции», представляется очевидным ее марионеточный характер — до определенного момента (пока она не выйдет из-под контроля) националистическая реакция крайне выгодна власти, так как позволяет канализировать растущее недовольство населения, связанное в действительности со сворачиванием социальной политики, несправедливым перераспределением собственности, бедностью и ужесточением экономического принуждения.

То, что в 2002 году казалось чрезвычайным, сегодня успело войти в привычку и воспринимается практически как норма.

Так, осенью 2005 года выход в свет в издательстве «Ультра-культура», ориентированном на выпуск разного рода радикальной, экстремальной, «подзапретной» ультралевой и ультраправой литературы, последнего романа Проханова «Политолог»¹, уже не был такой сенсацией и не произвел скандала. Громкая презентация книги в модном месте² указывала лишь на то, что данное событие — вполне «в порядке вещей».

Роман «Политолог», конечно, не мог не дать нам дополнительную пищу для размышлений. Теперь, сравнивая оба произведения, мы попытаемся проследить своеобразную эволюцию, которую претерпели за это время, в частности, националистические взгляды писателя.

Коротко напомним сюжет первого из романов.

Виктор Белосельцев, генерал разведки в отставке, сентиментальный пожилой человек, потерявший в жизни, случайно и неожиданно попадает в средоточие власти, где готовятся и вершатся дела не только государственного, но и мирового масштаба. Бывшие коллеги по КГБ вовлекают его в заговор под названием «Проект Суахили». Цель проекта — свергнуть режим Ельцина (который в романе зовется «Истукан») и возвести на престол Путина («Избранника»). Белосельцев становится наблюдателем и невольным участником крайне запутанных кремлевских игр. Им руководит естественное для разведчика желание распутать, понять происходящее, облечь увиденное в логически непротиворечивую форму. Однако объяснительные схемы, предлагаемые сюжетом, всегда приходят от Другого — который раз за разом оказывается обманщиком, излагая Белосельцеву ветвящиеся теории заговора, одну за одной, чтобы вовлечь его в собственную игру. Заговорщики КГБ оказываются частью мирового сионистского заговора. Им противостоит

¹ Проханов А. Политолог. М.: Ультра-культура, 2005.

² Клуб «Дом». Подробнее об этом, например: Вознесенский А. Привет от Ходорковского Проханову и Белковскому. Шаманство вокруг «Политолога» в клубе «Дом» // НГ. 2005. 14 окт.

заговор работников ГРУ, цель которого — в возвеличивании русской идеи. В этой параноидальной вселенной заговорщиком оказывается каждый. Некая анонимная система господства постоянно засылает к Белосельцеву своих агентов. Он со всех сторон обложен: врагами, друзьями ли — непонятно. Характерная цитата, дающая исчерпывающее представление о прохановском мире тотального контроля:

«У светофора рядом с ним остановилась вишневая “мицубиси”, шофер опустил стекло, ссытал пепел сигареты, раскрывая в медленной волчьей улыбке золотозубый оскал. Белосельцева охватила паника — за ним следили, его сопровождали. Тайна, которой он обладал, была смертельно опасной. Черный джип с огромными стеклами, скрывавший гранатометчиков и снайперов, исчез. Передал его маленьким голубым «Жигулям», где сидел рыжеватый парнишка, висел американский флажок, качалась православная иконка. Покрутившись вблизи, «жигуленок» исчез, передал его кофейному пикапу, который вел небритый мужик в картузе. Вслед за пикапом к нему прицепился красный фورد, управляемый женщиной с пепельными волосами. Она нервно вела машину, говорила по «мобильнику», сердито двигала накрашенными губами. Бросила на Белосельцева раздраженный взгляд, который и выдал ее, — она вела наружное наблюдение, маскируясь под светскую львицу. Он оторвался от нее, едва не ударив бампером неуклюжую «Газель». Нарушил правила, пересек осевую линию, ловко ускользнув от «Мерседеса», наполненного агентами ФСБ. Нырнул в туннель, обманув работников МУРа, которые прикинулись веселыми азербайджанцами в поношенном «ягуаре». Но, выскользнув из тоннеля, увидел на доме белую тарелку антенны, которая следила за ним, поворачивалась в его сторону, передавала изображение на невидимый экран. Он резко увеличил скорость, ушел от антенны, но впереди, на высоком здании, красовался белый, похожий на страусиное яйцо, шар. В нем находилась

система слежения, передавала о нем информацию в центр слежения, наблюдатель видел его испуганное лицо. Он был захвачен, оплетен. Его вели, с ним играли. Куда бы он ни метнулся, он оставался в поле зрения следящих антенных систем»¹.

Впрочем, система эта по отношению к герою никогда не проявляет себя как враждебная. Заговор — не против него. Или не только против него. Жертвой заговора Суахили, на который наматываются, как нити на клубок, все остальные заговоры — может стать всё что угодно. Люди, страны и идеологии оказываются заложниками безумного эсхатологического проекта:

«— А ведь замысел Бога совсем в другом. В том, чтобы покончить с разделением церквей, с разделением народов, с многобожием, многоязычием, с непрерывной распрей и враждой за пространства, за пастбища, за караванные пути, за месторождения урана и кимберлитовые трубки. В том, чтобы создать объединенное человечество, и в нем, едином, отразиться как образ единого, вселенского Бога. <...> “Суахили” и есть объединенное человечество, организуемое для вселенской задачи — для обретения человеком бессмертия. <...> Мы воскресим всех. <...> Для их воскресения нам нужно было их сначала убить. “Проект Суахили” — это сокровенная сущность истории. Он был всегда, еще до сотворения земли»².

В ходе повествования становится «ясно», что заговор существует уже очень и очень давно, почти вечно (и восходит корнями, вероятно, к самим «сионским мудрецам»), — только его агенты действуют в истории под разными именами. «Русский народ», «русская земля» и «русская душа» должны быть перемолоты и раздавлены его вселенским механизмом. Эта мысль невыносима для сердца патриота, которое бьется — несуще-

¹ Проханов А. Господин Гексоген. С. 197.

² Там же. С. 429.

ствующей битвой с несуществующими врагами — в груди главного героя. Представляется, что герой должен совершить некий Поступок, стать Героем и спасти, наконец, Россию от покушающихся на нее злодеев. Не дочитав роман до конца, можно подумать, что он — о подвиге современного разведчика. Однако никакого подвига разведчик не совершает, ничего не разоблачает, никого не спасает. Напротив, в итоге он оказывается пассивным виновником всех трагических событий, связанных с российской политической жизнью 1990-х годов.

Конспириология, являющаяся самой обычной частью самого обычного консервативного националистического дискурса, служит Проханову, его герою и его читателям удобной моделью интерпретации сложной социальной реальности, приемлемой формой логического объяснения истории. Заговором можно объяснить абсолютно всё, и никто от этого не пострадает, поскольку ответственность и вина за реально происходящие события — гибель людей, войны, катастрофы и прочие несчастья — вменяются каким-то ирреальным, запредельным, мистическим сущностям («евреям», «коммунистам», «фашистам», «Америке», «масонам», «банкирам», «террористам» и так далее). За очевидным упрощением исторической логики кроется подмена актуальных политических и социальных проблем мнимыми, не имеющими отношения к действительности. Как паранойя в своем клиническом проявлении блокирует возможность коммуникации, так и в политической, гражданской жизни благодаря параноидальной модели заговора у человека атрофируется способность к праксису, деятельной активности. От нас ничего не зависит. Все решает поединок «богов», в роли которых выступают комплексные социальные субъекты — заговоры.

Заговор у Проханова, в действительности, представляется как религиозной, так и психоаналитической фигурой, как бы компенсирующей герою нехватку Отца. Для Белосельцева проект «Суахили» и есть злой Отец, у которого надлежит

отбить Родину, воплощающую доброе материнское начало. Родину, Россию, нужно отвоевать одновременно и у атакующих ее «чеченцев», и у хитрых сребролюбивых «евреев», захвативших все ее ресурсы, и у «американцев», претендующих на власть над миром. Однако — если, наполовину в шутку, наполовину всерьез, продолжать развивать психоаналитическую метафору — герой вдобавок становится жертвой символической кастрации со стороны этого сильного и злого Отца, утверждающего свое исключительное право на овладение матерью-Россией и реализующего это право с особой грубостью и цинизмом. Возможности стать Героем (самому проявить мужество) Белосельцев предпочитает выбрать «хорошего», истинного, родного отца — правильный «русский» заговор.

Герой Проханова все время ожидает, что на него — откуда-то «сверху» — снизойдет истина. Истины то и дело снисходят, но «не те». Растерявшись от обилия вариантов и расходящихся версий интерпретации событий, Белосельцев проявляет бессилие и немощь. В диалоге с миром персонаж практически не делает трезвых выводов и не принимает осмысленных решений. Вместо того, чтобы выносить утвердительные суждения, он выбирает, кому бы поверить. Обратим внимание, как он ведет себя, воспринимая ту или иную информацию:

«— Царя жида умучали, а Сталин умучал жидов. Знал тайну Змея. Он войну выиграл и спас русских. Он жертву принес, сына родного отдал, а о себе не подумал. Сталин святой, и победа его святая. От его победы в новом веке новая Россия пойдет, а старой России тоже конца не будет. Умом не понять, —

шепчет ему юродивый, излюбленный «русский» персонаж. И далее:

Белосельцев испытал блаженство, связанное с потерей воли и успокоением разума, который вдруг умолк, как умолкает переполненный птицами куст перед заходом солнца»¹.

Это состояние «потери воли и успокоения разума» не покидает героя до самого конца романа. Практически на все он реагирует сходным образом: испытывает головокружение, трепет. Сложно представить, что таким нежным и инфантильным может быть разведчик. Ему определенно не хватает элементарного критического мышления:

«Белосельцев почувствовал, как опрокидывается мир, в котором он живет. Он летел в свистящую бездну, теряя сознание...»².

«Белосельцеву стало худо, захотелось спрятаться, убежать. Но отовсюду, куда бы ни кидался испуганный взгляд, его встречали яркие, огнедышащие экраны, из которых стреляли в него образы умертвленной и страдающей плоти»³.

«В первый момент Белосельцеву захотелось убежать, закрыть глаза, кинуться опрямить вон, чтобы увиденное стало жутким сном, наваждением, которого не могло быть наяву»⁴.

«Белосельцев чувствовал, как начинает плыть голова и зрение застилают туманы, словно он погружается в сон.

Белосельцеву казалось, что ему поднесли чашу пьянящего дурмана. Все, что еще недавно вызывало в нем ужас, теперь казалось разумным, неизбежным, окрашенным всечеловече-

¹ Проханов А. Господин Гексоген. С. 15.

² Там же. С. 110.

³ Там же. С. 162.

⁴ Там же. С. 314.

ским знанием, находилось в согласии с Божественным промыслом»¹.

Бывший разведчик реагирует на все, как ребенок, не желающий покидать теплую материнскую утробу. Этой утробой служит, конечно, мифологический персонаж под названием «Родина-мать». В частности, советская родина, которую он утратил и скорбит в недоумении, весь обращенный в переживание этой утраты.

Можно сравнить его состояние с состоянием беспокойного сна, из которого сложно выбраться. Опытные сновидцы знают, что собственное пробуждение можно увидеть несколько раз подряд, прежде чем окончательно открыть глаза. Человек видит, как просыпается, так как хочет проснуться. Ведь сновидение, в соответствии с толкованием Фрейда, является осуществлением желания.

Белосельцева «не разбудить» даже шумом взрывов, «треском огня, криками спасателей, завыванием сирен...»². Бодрствование, связанное с вынесением здравых самостоятельных суждений, ему чуждо. Всякий раз он чувствует неспособность закричать, оказать сопротивление надвигающемуся кошмару:

«Он попробовал позвать на помощь и крикнул. Крик сразу отнесло поверх крыши. Звук, не долетая до земли, растаял в морозящем небе. Он крикнул громче, раскрывая рот, и твердый холодный ветер загнал его крик обратно в гортань, забил рот мокрым кляпом»³.

Что ему остается — так это видеть. Белосельцев принужден к видению, насильно прикован к некоему экрану со сменяющимися друг друга картинками ужаса, боли, коварства, зла и на-

¹ Проханов А. Господин Гексоген. С. 428—429.

² Там же. С. 435.

³ Там же. С. 424.

слаждения. Автор сочно и ярко описывает картины войны и разрушения — чудовищные картины реального. Вспомним в связи с этим знаменитый «сон о горящем ребенке», оригинально проинтерпретированный Ж. Лаканом:

«Один отец день и ночь сидел у постели своего больного ребенка. Ребенок умер, отец лег спать в соседней комнате, но оставил дверь открытой, чтобы из спальни видеть тело покойника, окруженное большими зажженными свечами. Около тела сидел старик и бормотал молитвы. После нескольких часов сна отцу приснилось, что ребенок подходит к его постели, берет его за руку и с упреком говорит: “Отец, разве ты не видишь, что я горю?” Он просыпается, замечает яркий свет в соседней комнате, спешит туда и видит, что старик уснул, а одежда и одна рука тела покойника успели уже обгореть от упавшей на него зажженной свечи.

Самая распространенная интерпретация гласит, что это сновидение должно было позволить спящему продлить свой сон. Когда спящий человек подвергается внезапному раздражению (звон будильника, стук в дверь, или, как в данном случае, запах дыма), то ради того, чтобы не просыпаться, он моментально создает небольшую сценку, короткую историю, включающую в себя этот раздражитель. Когда же раздражение становится слишком сильным, субъект просыпается.

Лакан объясняет этот сон прямо противоположно. Субъект пробуждается вовсе не тогда, когда раздражение становится слишком сильным; логика его пробуждения совершенно иная. Сперва он создает сновидение, историю, позволяющую продлить сон, избежать пробуждения в действительность. Однако то, с чем он сталкивается в сновидении, действительность самого его желания, лакановское Реальное — в данном случае упрек ребенка отцу “Отец, разве ты не видишь, что я горю”, подразумевающий неискупимую вину отца, — эта действительность более ужасна, чем так на-

зывается внешняя действительность, вот почему он просыпается: дабы избежать Реального своего желания, Реального, дающего о себе знать в ужасном сновидении. Он бежит в действительность, чтобы продлить сон, остаться слепым...»¹.

Перенося этот образец истолкования на случай Белосельцева, можно было бы сказать, что герою Проханова Родина как бы кидает немой упрек: «Белосельцев, разве ты не видишь, что я горю?» Характерно, что он наблюдает за страданиями Родины с безопасного расстояния, и катастрофическое зрелище, как правило, завораживает его, гипнотизирует — это еще и зрелище возвышенного.

Так, за печально известным взрывом домов в Печатниках Белосельцев наблюдает с крыши высотного здания:

«— Мало кто удостоился наблюдать конец света с такого удобного, безопасного места. Многие бы дали за эту возможность миллионы. А я задаром привел тебя на смотровую площадку и поставил на самую выгодную позицию. С этого момента ты не Виктор Андреевич Белосельцев в Печатниках, а Иоанн Богослов на острове Патмос...

Белосельцев не понимал, как должен вести себя в эти завершающие минуты мироздания. Попытался освободиться. Шевелил пальцами, напрягал связанные запястья, но веревка крепко стиснула его руки по другую сторону трубы...

И, чувствуя боль в шее, он попытался повернуть голову. Увидел на крыше, близко перед глазами, оторванную руку, которая крепко, побелевшими пальцами, сжимала столовую ложку. И опять потерял сознание»².

Кровавую бойню в Дагестане он созерцает, «сидя на обочине горной дороги» и глядя в бинокль:

¹ Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: ХЖ, 1999. С. 51—52.

² Проханов А. Господин Гексоген. С. 433—435.

«— Зачем мне все это видеть? — вопрошал в тоске Белосельцев, чувствуя себя насильно приведенным на этот склон, куда поставили его как свидетеля и заставили неотрывно смотреть...»

Белосельцев смотрел без сил...

— Ты должен это видеть! — звучало под сводами палатки, и Белосельцев смотрел, не падая в обморок, уберегаемый от умопомрачения чьей-то беспощадной, карающей волей...»¹.

Перед глазами Белосельцева раскрывается панорама чужих смертей: политиков, боевых товарищей, незнакомых людей, животных, великих идей. Смерть увиденная, неприятная, вызывает в нем чувство вины, тем более усиливающееся, что сам он не может умереть. Он желает смерти, вымаливает ее для себя. Автор, руководствуясь какими-то собственными соображениями, отказывает герою в непосредственном удовлетворении этого его желания, но предлагает удовлетворение опосредованное — сцены смерти других, картины мучительного умирания Родины и русского народа. Белосельцев становится свидетелем крушения того, с чем он когда-либо себя идентифицировал, — Советского Союза, русской идеи, «Белого мифа», «Красного мифа» и так далее. Перед этим зрелищем он оказывается прочно стянут оболочкой своего «сна» — можно только видеть. Действовать — нельзя. Он не умирает, не воскресает, не перерождается, но остается одним и тем же. Происходящее вокруг него как будто настойчиво подготавливает его к какой-то инициации, которой, однако, так и не происходит. Его земля, Родина-мать, остается горячей, опутанной кроваво-жидким змеем, в котором течет ядовитая, неправославная, нерусская кровь.

Таким образом, мы можем в целом охарактеризовать «Господин Гексоген» как роман о немощи, безволии, разочарова-

¹ Проханов А. Господин Гексоген. С. 236—246.

нии русского человека, невозможности что-либо предпринять перед лицом катастрофы. Немного более оптимистичным представляется последний роман под названием «Политолог» — результат дальнейшего «творческого пути» автора по корявым тропам русского национализма.

Переходя к анализу этого романа, обратим внимание, что перед нами уже не такое наивно-тягостное произведение, как «Господин Гексоген». На этот раз мы имеем дело с гораздо более успешным, на наш взгляд, медийным продуктом, рассчитанным на массовый рынок и очень сознательно развивающим и эксплуатирующим те ранее упомянутые нами приемы продуцирования замысловато ветвящегося бесконечного галлюцинаторного бреда, которые внезапно принесли автору широкую известность («Проханов явно пишет под громкой передозой»¹).

Начнем с того, что роман «Политолог», особенно в первой части, откровенно смешной. Его главный герой — уже не растерянный одинокий пенсионер, но бойкий и хитроумный политолог по фамилии Стрижайло. По признанию автора, Стрижайло — это собирательный образ некоторых известных российских политологов (или, скорее, политтехнологов), с которыми ему, возможно, часто и довольно интенсивно, приходилось общаться. В романе описываются недавние (начала 2000-х) события политической жизни страны, связанные с попыткой олигархов сделать ставку на оппозицию, последовавшим расколом и развалом КПРФ, арестом М. Ходорковского, трагедией в Беслане. Как и в предыдущем романе, герой оказывается вовлеченным в комплексную сеть заговорщицких интриг, за которыми стоят даже не люди, а какие-то чудовищно-оборотни, обосновавшиеся в самых центральных органах власти, безопасности и правопорядка. Однако, в отличие от Белосельцева, Стрижайло сознательно борется на стороне «зла»:

¹ <http://www.pvobr.ru/greenparty/politolog.htm>

ему нравится ощущать себя носителем темных адских сил. Еще в детстве в него вселился дьявол, после чего так удачно начала складываться его политологическая карьера. Иногда силы ада как бы призывают героя, он молится им и служит своего рода «черную мессу»:

«Упал на колени перед памятником Черчиллю и стал молиться “духам погибели”, к которым, несомненно, принадлежал и Черчилль.

— Уинстон, Уинстон, что ждет меня впереди? Как мне избежать злой доли? — он молился нетопырям, заседавшим в Парламенте, умоляя вернуть ему силу прозрения. Молился людоедам в аббатстве, чтобы те открыли ему сокровенное будущее. “Духи погибели” должны были наградить его ясновидением, как наградили Шекстифа, написавшего под их диктовку лучшие творения. — Уинстон, Уинстон, клянусь древесной жабой и крысой-альбиносом, что буду тайно отстаивать интересы англо-саксонской расы. Ответь, что ждет меня впереди? — он протягивал к памятнику умоляющие ладони, но в них упал сгусток лягушачьей икры. Стрижайло вскочил и в ужасе побежал.

Мчался по черному парку, сжимая в кулаке комок лягушечьей слизи, в котором гнездились мириады Черчиллей. Чувствовал, как в теплой ладони комок увеличивается, икринки с Черчиллями растут, готовы взорваться, выбросить в мир бесчисленное количество лягушат, которые поскачут во все концы света, распространяя влияние англо-саксонской расы»¹.

Политолог цинично манипулирует не только слабостями политиков и политиканов, но и наивными ожиданиями простого русского народа, сплоченно выходящего то на демонстрацию, то на крестный ход:

¹ Зд. и далее роман «Политолог» цитируется по электронной версии: <http://apn.ru/userdata/files/prohanov/politolog.html>

«Впереди вышагивал знаменосец, Одутловатый, в заношенных, с чужого плеча одеждах, с перекинутой через плечо нищенской сумой, сжимал засаленное древко. Пускал по ветру огненное полотнище, которое скользило по его плечам, накрывало лицо, превращая окрестный мир в пылающее алое свечение...»

— Да здравствует Советский Союз! — повернул к Стрижайло одутловатое лицо в синих потеках неизлечимой болезни. Стрижайло истово, в знак солидарности, воздел сжатый кулак. Почти уверовал в их единство, нерасторжимую общность, служение великой цели. Знаменосец, признавая в нем брата, благодарно повел полотнищем. По губам Стрижайло скользнула алая ткань, словно он поцеловал священное знамя.

Тут же усмехнулся своему тонкому артистизму. Был неотличим от других, принят в их строй, вовлечен в ритуальное шествие. Был зоркий наблюдатель, внедренный разведчик, добывающий драгоценное знание. Но если он будет опознан, если будет сорвана маска, его растерзает толпа. Затопчет в колонне, забьет деревянными дровками. Пройдет по нему тысячью топочущих ног, оставляя на асфальте расплюснутую красную кляксу, какая остается от раздавленной грузовиками собаки. И от этой угрозы испытал мучительное наслаждение, тайные нелюбовь и страх к окружающим людям...».

Стрижайло иронично представлял себя, идущего среди богомольцев, принимавших его за единоверца, не ведавших, что они нужны ему для краткого, одномоментного действия, после которого в газетах и на телевидении появится Грибков, осеняющий себя крестным знаменем среди духовенства и набожной паствы.

Довольно быстро выясняется, что Стрижайло оказался связующим звеном, позволяющим запустить механизм реализации чудовищного заговора — в конечном итоге, это заговор Иуды Искарота против христианского человечества, с целью

установить биополитический фашизм — царство генной инженерии.

«Мы должны совершить “преступление против человечности”, чтобы расщепить ядро мира и вызвать взрыв колоссальных энергий, который реализует “Второе Христианство”. В “Евангелии от Иуды” сказано: “И пронзим матку мира, и рассечем на части плод ее, дабы матка перестала рожать, и плод являлся не через женское лоно, но через дух и материю”...».

Главным агентом этого заговора выступает начальник ФСБ Потрошков, который читает даже самые тайные мысли нашего героя и на самом деле является воплощением Иуды:

«В этот момент Потрошков преобразился. Стал огромным, почти до небес. Его кожа стала молодой и смуглой. Черные, блестящие волосы ниспадали до плеч. Гордый иудейский нос говорил о незыблемой воле. Алые губы шептали заклинания на неведомом языке. Это был Иуда Искариот, ведающий концы и начала...».

Агенты заговора стремятся установить царство «рационального гегелевского духа», уничтожив природное материнское начало, к которому герой-сирота не ощущает никакой причастности. Русская земля, — пишет Проханов, — «никогда не была ему матерью, а только мачехой».

Злодейства Стрижайло усугубляются тяжкими сексуальными пороками. В отличие от Белосельцева, политолог с самого начала предстает как очень нехороший, недобрый человек — настоящий злодей. Таковы и все, кто его окружает, — ведущие политические деятели, вожди партий и особенно олигархи. С последними Стрижайло чувствует особое родство — как ему кажется, в них тоже вселился дьявол, не говоря уже о том, что

у них общее — еврейское — происхождение. Вот как автор описывает «евреев»:

«Статный, с крепким спортивным телом, с широколобой, коротко стриженной головой, он имел сильный, чуть загнутый нос, волевой подбородок и слегка негроидные губы, перешедшие к нему через многие поколения от пращуров, обитавших в Месопотамии и Галилее, совершавших переход через Черное море, останавливающих взглядом солнце в Нубийской пустыне, пригоршнями поедавших “манну небесную”. Лишь много позже, перенеся бесчисленные невзгоды истории, распяв Христа, они создали в России революционную Красную Армию, а в Америке, в рамках проекта “Манхэттен”, построили атомную бомбу»¹.

Однако политолога ждет преобразование. В нем борются две части — одна добрая, другая злая. Злая («красная», которая ассоциируется с еврейством «по крови») радуется интригам, грязным деньгам, славе и власти, насилует женщин и обманывает народ. Проханов изображает ее то как огненного змея, то как вселившихся в героя бесов. Добрая («голубая» — приобретенная, так сказать, «по месту жительства», или даже «по месту пребывания», «русская душа») едва выражена.

То есть «кровь» и «почва» — мифологемы, без труда вычленимые из нагромождения прохановских метафор, — в случае политолога находятся между собой в непримиримом противоречии, пока одна не возьмет верх над другой. К большой радости и удивлению патриотов, «почва» побеждает: «русская душа» в какой-то момент пробуждается и постепенно начинает овладевать Стрижайло. Этому способствуют несколько мистических встреч и, главным образом — крестный ход, в котором из циничного мерзавца он почти преобразуется в богомольца,

¹ Описание персонажа, прототипом которого является М. Ходорковский.

пока бесы снова — но теперь уже ненадолго — не возьмут над ним власть.

«Храм имел цвет прозрачной голубой спирали, что была едва заметна в его геноме, затмеваемая красной, огненной половиной. Теперь же, во время странствия, среди поющих богомольцев, в окружении полевых цветов и колосьев, голубая спираль стала увеличиваться, наполнялась цветом и силой. Была храмом, парящим в холмах. Молитвенным ожиданием, вселившимся в сердце. Ему казалось, что наряду с очевидной, жадно проживаемой жизнью, исполненной страстями, неутолимой гонкой, бурными наслаждениями и бессердечной игрой ума, существует иная, потаенная жизнь, ему неведомая, в которой, тайно от себя, он проживал иные события, совершал иные поступки, исполненные любви, смирения, кроткой веры и обожания. Эта вторая жизнь по-прежнему оставалась неведомой, но была где-то рядом. Стоило совершить усилие, вырваться из цепких объятий разума, и он переместится в иную плоскость, в иную глубину, и сон станет явью, а явь отодвинется в неправдоподобный сон. Вокруг него возникнут другие люди, зазвучат другие голоса. Тайное станет явным, а казавшееся явью сгинет, как наваждение. Это было сладко, мучительно. Его существо напряглось, превратилось в поле сражения. Одна половина сражалась с другой, красная с синей. Две спирали, две жизни соперничали, будто в небе, под солнцем, слетелись две крылатые силы, били друг друга крыльями, сражались за его душу».

Без сомнения, герой — избранный, за которого борются между собой злые и добрые силы, превосходящие субъекта и имеющие иррациональную природу. Злые возлагают на Стрижайло надежды на разрушение мира, добрые — на его спасение. В конечном итоге окончательно побеждают, конечно, добрые. Причина этому — русская земля, которая перестает быть

«мачехой», открывает для сироты свои материнские объятия, а также русский народ и православие — как добрые отцы, помогающие изгнать бесов, выдавить из себя кровавого адского змея:

«И этот народ доверчиво принял его к себе, не спросил о роде-племени, повел по дивной русской земле, накормил плодами, окропил святой водой, окружил песнопениями и молитвами».

В этой теплой «семье» истерзанный нечистой совестью Стрижайло находит утешение, которое позволяет ему противостоять силам зла. Стрижайло то узнает душу умершей бабушки, вселившуюся в березку у дороги, то испытывает блаженное мистическое слияние с телом Сталина:

«Стрижайло чувствовал, как между ним и Сталиным возникает живая связь. Мириады молекул, из которых состоял Стрижайло, чутко замерли, обратились туда, где лежал в саркофаге великий вождь. Направили бесчисленные хрупкие лучики, как крохотные лазеры. В ответ, среди усопших молекул вождя отозвалась единственная, — та, что оставалась живой в луковке седого волоса. Как микроантенна, уловила сигнал. Вошла в контакт с молекулами Стрижайло. Выбрала ту, что располагалась на мочке уха среди восприимчивых нервных волокон. Между ними установилась хрупкая связь. Это была связь эпох, связь галактик, связь родственных душ, пробившая толщу пространства и времени, преодолевшая разлуку отца и сына».

Наконец, он видит старца, зовущего его в Псков, в монастырь, приезжает в Псков, проникается аутентичной русской жизнью и православием, ночует в русской избе, понимает, что он мессия, призванный спасти Россию и человечество в це-

лом, возвращается, преображенный, едет в Беслан и спасает ребенка:

«Его мессианство заключалось в сбережении “человечности”, как признака, позволяющего людям называться людьми. Посвященный в мистическую тайну перекодирования истории, он один мог взять на себя миссию спасителя, — не поддаться ужасному параличу и не позволить другим впасть в безвольную духовную немочь. Окружавшие его люди были племенем, идущим по безводной пустыне, а он был их пастырь, ведущий соплеменников в обетованную землю. Так думал он о себе, испытывая мучительную жажду, стараясь телесную муку одухотворить сознанием подвига.

И его, Стрижайло, воля и вера, его духовный подвиг будут востребованы в ужасный заключительный момент, где ему предстоит спасти не только этих изнывающих детей и женщин, но и все человечество. Отдельные эпизоды, не влияющие на конечный итог, не интересовали его. Не интересовали страсти политиков, ложь журналистов, беспомощность силовиков, кликушество соглядатаев. Он больше не был политологом. Освободился навсегда от болезни извращенного разума, азарта развратного игрока, порочной страсти художника. Он был блаженный, духовидец, мученик, выбранный небом для вселенского подвига».

Любопытной, на наш взгляд, является, своего рода, инверсия прохановского антисемитизма, который в романе «Господин Гексоген» носил еще грубые, примитивные черты. Здесь же герой-«еврей» принимает православие, «становится русским». Парадоксальным образом, именно русская земля оказывается для него землей обетованной, где он находит свое освобождение от злых сил. В романе она описывается как таинственный остров:

«Остров казался родным, таинственно знакомым, — он узнавал его разноцветные валуны, черные под откосом лодки,

дымы из труб, запах водяной травы и молока от развешанных сетей. Словно он родился на острове, в младенчестве был увезен, а теперь вернулся на обетованную землю, которую больше никогда не покинет. Он поселится в монашеской келейке, где красно от лампад, висит на стене латаная ряска, светится на спинке кровати радужный поясок. Станет ухаживать за святой могилой, слушать тайные голоса, внимая великому вероучению, которое поведает ему старец в безгласном общении. И душа, освобожденная от адских начертаний, наивная, верящая, постепенно наполнится великим знанием, устремится в творчество, которое не будет прихотью извращенного разума, но сотворчеством с Богом».

С другой стороны, герой становится не просто русским и православным, но мессией, то есть Проханов, возможно, уже иронизирует и над самим собой, и над своей русской идеей, добавляя к таковой странную нетипичную для нее фигуру спасителя-«еврея». Это слово мы заключаем в кавычки, поскольку у Проханова оно в действительности представляет собой фиксированную риторическую единицу с постоянными атрибутами, такими как жадность, хитрость, злонамеренность и так далее. «Еврейство» у Проханова — это что-то вроде первородного греха. Быть рожденным «евреем» здесь — уже грех.

Однако в своем последнем романе Проханов делает неожиданный и почти «политкорректный» жест, как бы давая герою возможность «искупления». Возможно, эта перемена интонации обусловлена тем, что, завоевав некоторые позиции в российском истеблишменте, Проханов уже не может допускать откровенных и прямых ксенофобских высказываний — смягчение антисемитской линии его национализма может означать стремление автора к большей культурной легитимации и укреплению обретенных позиций. По другим, немного конспирологическим, на наш взгляд, версиям, он выполняет внешний заказ, например на создание положительного образа

«политолога», для чего вынужден прибегать к таким сложным трюкам. Однако мы не исключаем и возможности проявления здесь чего-то вроде простых личных дружеских симпатий, связывающих писателя с прототипом главного героя.

По Проханову, все прощающая и принимающая русская земля питает его своими соками, предоставляет ему шанс спасти не только собственную душу, но и души других, совершить добрый поступок. В результате чего, пройдя все круги ада (ад, кстати, находится в районе Лондона — это ад политологов, в котором в страшных муках уже корчатся многие сошедшие с наших телеэкранов лица), Стрижайло попадает в «русский рай» вместе со своей воображаемой семьей:

«Они шли втроем по сияющему снежному полю, — он, жена и их ненаглядный сын. Красные лыжи скользили по солнечному насту, огибали сухие зонтичные цветы, с которых сыпался иней. На одном цветке сидел разноцветный щегол, — птица русского рая. Обклевывал семена, ронял на снег, осыпал с цветка драгоценную солнечную пыльцу».

Необходимо отметить, что при всех очевидных различиях между главными героями двух рассматриваемых нами произведений существует нечто общее, а именно: какая-то невероятная гиперчувствительность, восторженность, патологическая склонность к обморокам и сумеречным бессознательным состояниям, — особенности характера, как в случае разведчика, так и в случае политолога ярко свидетельствующие, так сказать, об их «профнепригодности». Стрижайло оказывается таким же блаженным, как и Белосельцев — в большинстве случаев он ведет себя аналогичным образом:

«Ввергаясь в слепую неизбежность, он бессильно оцепенел... Мысль, что незащищенная плоть, мягкотелые женщины и хрупкие дети будут разорваны огнем и железом, вновь повергла Стрижайло в панику, приблизила обморок...»

Это был обморок, солнечное наваждение, видение утомленного разума...

Был близок к обмороку...

Стрижайло пережил долгий обморок и вернулся из него не в реальную жизнь, а в сумеречное безвременье...

Стрижайло испытал разочарование и усталость. Будто резко упало атмосферное давление, и он почувствовал головокружение и немоощь...

Стрижайло испытывал головокружение...».

Любопытно, однако, что «обмороки» Стрижайло, если проследить более внимательно, учащаются по мере его «становления русским». Если же быть совсем точными, эти неконтролируемые эмоциональные состояния постепенно приходят на смену «прихоти извращенного разума», «болезни извращенного разума», «бессердечной игре ума» и так далее. Белосельцев с самого начала, прямо скажем, не блещет высоким интеллектом — зато обладает чутким сердцем, тогда как в случае Стрижайло ум борется с сердцем за власть над его поступками и, в конце концов, проигрывает в этой борьбе, сдается и покидает нашего героя.

Заметим, что интеллект для Проханова — такое же «зло», как и «еврейство». «Ум» — в отличие от «сердца» или «души», с которыми он находится в непримиримом конфликте, — постоянно наделяется такими атрибутами, как жестокость, извращенность, бессердечность, болезненность, алчность и злонамеренность.

Воинствующий антиинтеллектуализм подобного типа в целом характерен для консервативных националистических идеологий. Пародируя их, можно проиллюстрировать этот пункт следующей риторической формулой: «Народ должен сердцем чувствовать неоспоримую правильность решений власти, поскольку она — от Бога». Такая психотическая мантра может поддерживаться за счет утверждения и возгонки

исключительной ценности чистой аффектации, чувственного содрогания перед чем-то большим, бесконечного доверия непостижимому Другому (Богу, власти) и упования на него.

С этой внеположной воображаемой инстанцией Другого, гарантирующей незыблемость оснований (почвы, крови, нации и так далее), человек оказывается связан как бы пуповиной своей идентичности, ради которой он готов идти как на подвиг, так и на преступление. Последнее, впрочем, не может иметь места в качестве собственно преступления в данной системе координат, поскольку описанный механизм идентификации (например, через национальный миф) поглощает человека целиком, давая оправдание не только отдельным его поступкам, но и бытию в целом¹. Что бы он ни делал, он делает «во имя». Источник мотивации его действий является непосредственным и находится вне его — это некая прямая речь, предположительно исходящая от Другого, которая именно для того и конструируется, чтобы предоставлять нам простые готовые решения. Так, герои обоих романов в своих поступках чаще всего руководствуются некими «голосами» (как правило, мистическими), неизвестно откуда звучащими императивами: «иди», «возьми», «спасай», «беги» и так далее, напоминающими случайно увиденную где-то рекламу².

За отказ от сознательной политической активности и, следовательно, от бремени ответственности, от необходимости делать выбор, думать, наконец, герой платит самозабвенным служением тому, кто способен сделать это за него. В данной связи, герой «Политолога» оказывается, несомненно, более радикальным в своем инфантилизме, чем герой «Господина Гек-

¹ Расхожий националистический слоган «Бей жидов — спасай Россию» в полной мере демонстрирует эту этическую амбивалентность, которая разрешается посредством привлечения национального мифа, перекодирующего «преступление» в «подвиг»: акцент здесь переносится с «бить», на «спасать».

² Кстати, предложенная схема идентификации годится и для анализа языка рекламы: в нем действует очень похожий механизм.

согена»: Стрижайло удается осуществить то, что не удалось Белосельцеву: обрести себя на русской почве, то есть сконструировать некий пафосный образ себя через сложный узел идентификации, когда жизнь героя оказывается полностью погружена в материнскую плоть (потерянный и найденный «русский рай»), которую она, таким образом, обретает.

IV

Роль СМИ в распространении националистического дискурса

Анна Толкачева, Раиса Акифиева

НАЦИОНАЛИЗМ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ В ПРОПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПРЕССЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА *

Распад Советского Союза повлек за собой процессы становления и укрепления независимых и суверенных государств, сопряженные не только с политическими и экономическими трансформациями, но и с трансформациями в сфере массового сознания: происходило преобразование советской идентичности бывших граждан СССР в гражданскую идентичность граждан новых государств. На уровне отдельного государства подобные изменения напрямую касаются процесса строительства нации. Поиск национальной идеи в середине 1990-х был достаточно интенсивен, его актуальность была связана с всплеском сепаратистских тенденций, сопровождающихся апелляцией к этничности в качестве способа мобилизации населения. Создание национальной идентичности — особого национального «мы» — связано с национализмом, на основе которого осуществляется процесс государственного строительства.

На сегодняшний день в современном российском обществе не сформировано единого мнения в отношении употребления понятия «национализм». Согласно опросам, проведенным Левада-центром, большинство городского населения России (72%) соотносят национализм с негативным значением, тогда

* Данное исследование появилось благодаря поддержке фондом INTAS проекта «Tolerance and Intolerance in the Post-Soviet Press: Applying New Methods of Measurement and Evaluation».

как только 17% считают, что национализм не является чем-то плохим¹. Эта же тенденция наблюдается и в научных исследованиях, причем значение этого термина меняется не только в зависимости от дисциплины, в рамках которой он определяется, но и в пределах одной дисциплины исследователи зачастую придают этому термину разные оттенки. Условно можно разделить доминирующие в общественной и научной среде представления о национализме на два различных подхода или две основные концепции его восприятия — в первой под национализмом понимается политическая идеология, в рамках которой выстраивается нация как гражданско-политическая категория, а во второй, широко распространенной в бытовом словоупотреблении, национализм понимается как доминирование одной группы и пересекается с понятием ксенофобия, расизм и так далее, то есть как предвзятое отношение к людям на основании их мнимой или реальной групповой принадлежности.

Мы, следуя первой концепции, понимаем под национализмом систему идей и практик, целью которой является обоснование и удержание власти, посредством конструирования и закрепления представлений о коллективной общности, объединяющей население того или иного региона или страны вне зависимости от систем стратификации или других структур деления общества.

В основу этого определения вошел ряд положений различных теоретиков национализма. Во-первых, важно понимать, что этот процесс не рассматривается как стихийный — существуют определенные группы, которые разрабатывают систему идей, внедряют ее или способствуют ее усвоению. Наиболее активными в этом процессе, по мнению большинства исследователей национализма, являются элиты, прежде всего — правящие и культурные². В случае с национальными государствами

¹ <http://www.levada.ru/press/2004101401.html>

² Несмотря на ряд существенных разногласий в теориях национализма, важную роль элит в формировании нации подчеркивают и

и формированием гражданского национализма речь идет о правящей официальной, государственной элите, которая нуждается в укреплении уже существующей власти. Во-вторых, термин «национализм» в таком понимании лишен негативной коннотации, напротив, применительно к национальным государствам, он определяет идеологию, которая делает возможным их существование. В отсутствие тенденций к сепаратизму или иного открытого политического вызова национализм может казаться обыденной, незаметной идеологией, посредством которой обеспечивается лояльность к национальному государству и обеспечивается с ним идентификация¹. В частности, мы полагаем, что властная элита любого национального государства через националистический дискурс будет обосновывать свое «право на власть». Другими словами, национализм — идеология, которую используют правители любого национального государства. В-третьих, посредством национализма формируются границы общности (Мы-группа), к которой апеллирует власть. Общность формируется посредством определения того, кто входит в Мы-группу, и определения исторических и культурных факторов, призванных обеспечить культурную однородность или уникальную схожесть (например, этническая принадлежность) для всех включаемых в это сообщество, а также формирование группы-Они, которые не пересекаются с группой-Мы (враги, другие и так далее).

Задачей большинства социально-политических институтов государства является обеспечение воспроизводства этих идей

Б. Андерсон и Э. Геллнер и Э. Хобсбаум. См., например: *Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм / Под ред. Б. Андерсона. М.: Праксис, 2002. С. 146—201; Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001; Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетейа, 1998.*

¹ М. Биллиг даже вводит понятие «банального национализма», охватывающее способы воспроизводства национальных государств. См.: *Биллиг М. Нации и языки. ЛОГОС. 2005. № 4 (49). С. 44—71.*

и практик. При этом СМИ оказываются одним из основных и наиболее действенных способов трансляции тех или иных идей. Они в силу их распространенности и привлекательности активно участвуют в формировании национального целого и его интересов, предлагая аудитории основные образцы идентификации (определения) «своего сообщества», через которые устанавливаются и закрепляются границы национальной коллективной общности и указываются возможные приемлемые пределы допустимых различий. При этом консолидация сообщества возможна как на основе негативного образа Другого, так и на основе позитивного типа консолидации через апелляцию к славному прошлому или не менее славному будущему. Тем не менее и в том и в другом случае категория Другого оказывается одним из основных элементов в выстраивании идентичности и идентификации.

В последние годы резко возросло количество исследований, которые изучают способы передачи средствами массовой информации сообщений об этнических, культурных и религиозных вопросах¹. При этом, поскольку национализм и ксенофобия (интолерантность) нередко отождествляются или идут в одном ключе, большинство исследований в российских научных кругах имеют изначальную направленность на изучение этнического национализма, шовинизма или сепаратизма. В фокус внимания ученых в основном попадают тексты, которые могут способствовать формированию и закреплению этнических, расовых, религиозных, региональных предрассудков у представителей целевой аудитории, воспринимающей данный тип СМИ. В силу этого больше внимания уделяется нетолерантным источникам в СМИ, а главный упор делается на этническую прессу, на то, как в ней отражаются этнические группы². По этой причине точка зрения, которая

¹ Например: *Racism and Cultural Diversity in the Mass Media* / Ed. by Jessica ter Wal. Vienna: European Communities, 2004.

² См.: *Аствацатурова М.А.* Пресса Ставропольского края: межэтнические отношения и этнокультурные образы как объекты професси-

представлена в официальных, или так называемых проправительственных СМИ изучалась достаточно слабо, а если и рассматривалась, то преимущественно с позиции «языка вражды». Однако через СМИ идет трансляция не только этнического национализма, отождествляемого с предрассудками и ксенофобией, но и гражданского национализма, направленного на конструирование и закрепление представлений о коллективной общности¹. Трансляция гражданского национализма не всегда осуществляется посредством нетолерантных текстов, а, например, может выстраиваться в виде позитивной консолидации нации как гражданско-политической единицы, апеллируя к историческим и культурным факторам, которые как раз и призваны обеспечить культурную однородность или уникальную схожесть всех включаемых в формируемое сообщество — нацию.

Как уже говорилось, СМИ как ретрансляторы являются одними из основных проводников тех или иных настроений, но в то же время они по-разному освещают действительность, что нередко находится в прямой зависимости от взглядов тех, кому эти СМИ принадлежат. В этом смысле мы исходим из предположения, что большинство того, что говорится и пишется в

онального интереса. Ростов-н/Д; Пятигорск, 2003; Малащенко А. Ксенофобия в постсоветском обществе // Нетерпимость в России: старые и новые фобии. М., 1999; а также сборники: Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения. М., 2002; Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. М., 2002 (в частности, работы В. Мальковой, Д. Ганцевой, А. Верховского и других).

¹ В качестве примера исследования, выполненного в рамках такого исследовательского подхода, можно назвать: Сагитова Л.В. Региональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере Республики Татарстан) // Центр и региональные идентичности в России / Под ред. В. Гельмана, Т. Хопфа. СПб.; М.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2003. С. 77—124.

проправительственных СМИ, в свою очередь, является голосом правительства отдельного региона, либо государства в целом, либо и того и другого вместе.

Поскольку в сложный период государственного и национального строительства государство через СМИ и другие социальные институты, например школы, должно проводить определенного рода идеологию, через которую оно обосновывает свою легитимность по защите коллективного целого, от имени которого оно выступает, национализм представляется неотъемлемой частью подобной идеологии. Однако, проводя национальную политику и при этом претендуя на статус демократического, в государственном строительстве и в самом концепте нации государство не должно ущемлять какие-либо группы. В силу чего, в отличие от большинства других идеологических изданий, проправительственные СМИ должны говорить политкорректным языком, без разжигания национальной розни.

В этой связи крайне любопытен региональный уровень, так как он во многом способен создать представление о том, насколько регионы отождествляют себя с центром и согласны с политикой, проводимой им. Разделяют ли региональные власти себя и центр, а соответственно, в чем специфика конструирования гражданской идентичности на региональном уровне и как она соотносится с конструированием собственно региональной идентичности. Это, по нашему предположению, может быть показано на материалах проправительственных региональных печатных изданий, которые и стали объектом нашего внимания. Выбор издания продиктован нашим предположением о том, что региональные официальные ежедневные газеты, призванные информировать население о происходящем, выполняют также и роль трансляторов идеологии власти, делая ее частью повседневности.

Сам регион также является интересным случаем для исследования. С одной стороны, это мегаполис, который способен конкурировать с административной столицей государства. В то

же время в нем не встает проблемы коренного населения, что отличает многие республики, области и края Российской Федерации. Немаловажным для выбора объекта исследования является и череда преступлений на этнической почве, закрепляющих за Санкт-Петербургом статус нетолерантного региона.

Мы видели цель нашего исследования в рассмотрении того, как идет формирование гражданской идентичности, на основании чего она конструируется и позиционируется по отношению к различным этническим, религиозным и культурным группам. Другими словами, мы изучали то, каким образом конструируется дискурс национализма в официальных СМИ, которые по своему принципу должны быть толерантными, и каким образом толерантность/интолерантность способствует этому процессу?

Периоды

Мы посчитали целесообразным сконцентрироваться на периодах, которые вызывали в обществе наибольший резонанс, вследствие событий как международного, так и государственного и регионального значения. В частности, это были периоды 11 сентября 2001 года, события в Беслане, годовщины окончания Великой Отечественной войны и снятия блокады, прежде всего 60-летие, а также период, связанный с убийством таджикской девочки Хуршеды Султоновой и его расследованием. Мы предположили, что эти события способны вызвать наибольшее единение и сплоченность населения и как следствие послужить поводом для усиления консолидации общности. Подобные периоды безусловно являются периодами повышенного внимания со стороны населения и возможного повышения недовольства со стороны граждан. Но что является для нас более интересным, так это то, что официальные издания уже по определению должны быть корректными в высказываниях о таких событиях и именно поэтому следует обратить внима-

ние на политику газет в эти периоды, на подборку материала и описания событий, через которые можно легко приписать событиям необходимый идеологический уклон.

Характеристика изданий

Наш выбор пал на следующие газеты — это «Санкт-Петербургские Ведомости» (СПВ) и «Невское время» (НВ). Это ежедневные газеты, которые выходят 5 раз в неделю тиражом в 223 тыс. экземпляров и 85 тыс. экземпляров соответственно. Обычно материалы в этих газетах размещаются на шести больших полосах, но по субботам в случае СПВ, и по пятницам в случае НВ количество полос увеличивается как минимум вдвое.

Согласно постановлению правительства Санкт-Петербурга от 30 декабря 2003 года № 173 «Санкт-Петербургские Ведомости», «Невское время» и «Деловой Петербург», являются изданиями, в которых публикуются все законы СПб., а следовательно, обладают особым статусом, который обеспечивают преимущества в распространении этих изданий. Например, любой человек, даже не имеющий возможностей выписывать данные газеты или получать доступ к ним, например через библиотеку, имеет возможность ознакомиться с ними на стендах, расположенных в различных районах города.

На страницах этих газет в основном преобладает социальная и экономическая тематика — образование, экономическое развитие, вопросы пенсионного обеспечения, ЖКХ и прочие близкие населению темы, в которой основной *другой* — это *другой* социальный или политический, а именно власть. Но власть, если и вырисовывается как отдельно взятый человек, все равно подается достаточно абстрактно. Если подача материала идет в негативном свете, то фигура губернатора от нее также несколько дистанцирована. Достаточно большое внимание в процентном отношении к общему количеству публикаций занимает освещение культурных мероприятий: открытия

выставок, проведение концертов, подчеркивание разнообразных культурных связей с другими городами и странами. Значительное количество публикаций отведено под исторические хроники и связь прошлого и настоящего.

В отличие от публикаций так называемых «желтых» или «полужелтых» изданий — таких как АИФ, Московский комсомолец, региональная проправительственная пресса не освещает скандальные сюжеты, не злоупотребляет экспрессивным описанием кровавых подробностей трагедий или криминальной хроники, что в значительной мере уже снижает возможный накал страстей при прочтении заметки о событии, способном спровоцировать ксенофобию или последующую нетолерантность. Ее воздействие на эмоции, усиление чувства страха и ненависти достаточно невелико, не выходит за пределы описания ужаса самого события и в основном работает на общегражданские и человеческие чувства людей, которые сами могли бы стать жертвами таких событий.

Нация сквозь призму региональной прессы: основные составляющие

Прежде чем перейти к рассмотрению того, каким образом национальный концепт россиянина отражен сквозь призму региональной прессы, а также того, что, собственно, является несущим элементом национальной идентичности, судя по региональным официальным газетам, мы попытаемся выделить те моменты, которые выражают специфику построения региональной идентичности у жителей Санкт-Петербурга. Сразу хотелось бы отметить, что национальная идентичность в официальной прессе Санкт-Петербурга достаточно сильно выстраивается через региональную идентичность, т.е. если во многих текстах произвести замену слова «петербуржцы» на слово «россияне» или, наоборот, в особенности если говорится о каких-то достаточно серьезных событиях, имевших обществен-

ный резонанс, мы не получим какого-либо существенного рас-согласования. Тем не менее определенная специфика региона все-таки наличествует, и состоит она в следующем.

Региональная идентичность петербуржцев в основном строится на успешно развиваемом в советские времена и активно поддерживаемом сейчас статусе культурной столицы. Возможно, отчасти из-за этого полосы проправительственных газет содержат огромное количество воспоминаний об исторических датах, местах, монументах, значительное число публикаций о проводимых в Петербурге выставках, культурных собраниях, обсуждениях, жизнеописаниях великих людей, чье имя неизменно связывается с Петербургом. Но подобный статус не обладает столь существенным потенциалом для развития оппозиции по отношению к центру, как имеющийся ресурс этничности у этнических республик. Однако если оппозиционность и выстраивается, она строится лишь на противопоставлении Петербурга как культурной и исторической столицы России Москве, но не как федеральному центру, а как административной столице. В газетах практически не звучат упреки в сторону федеральных властей. А вот в отношении культурной специфики Петербург безусловно спорит с Москвой за свое первенство¹. Более того, предпринимаются попытки обелить себя, показать безосновательность негативных ярлыков, прикрепляемых городу, например оспаривается статус «криминальной столицы». Примером таких публикаций может послужить статья, в которой рассказывается, как человека ограбили на Ленинградском вокзале в Москве, что должно доказать, что количество преступлений в столице никак не меньше, чем в Санкт-Петербурге². В других публикациях в результате сравнений делается вывод о том, что в

¹ Попытки ставят под вопрос даже древность основания и исторического существования Москвы в отношении к Петербургу (*Ронин Е.* С 700-летием, город на Неве! Пришло время развеять некоторые мифы // Невское время. 2001. 14 сент.).

² *Федорова О.* Подарок на 8 Марта // НВ. 2004. 3 сент.

Санкт-Петербурге нет такой беспрецедентной и тотальной проверки регистрации и нет таких призывов по ужесточению режима пребывания, какие присутствуют в руководстве Москвы¹. В отношении убийства таджикской девочки наблюдается старательное усилие показать, что следы этого преступления, как и многих других «этнических преступлений», ведут именно в Москву². При этом сравнения строятся либо в качестве прямой оппозиции Москве, либо в отождествлении себя с другими регионами России, что способствует большей ассоциации себя с Россией в целом.

Как показывает анализ, региональная идентификация преимущественно связана с прошлым, с тем, какой статус был у города, как изменились люди, и с тем, что сам концепт культурной столицы перестает оправдывать свое название³. *«Наш город, как известно, называют культурной столицей России. Но временами факты нашей жизни явным образом противоречат этому титулу. Видели ли, скажем, где-нибудь в Европе гуляющих по газонам ньюфаундлендов весом под 90 кг? И, соответственно, впечатляющего размера следы их жизнедеятельности на этих самых газонах. Но больше всего поражают наши люди. Способ отдыха на лавочках, позаимствованный у низших приматов (обезьян), ногами на сиденье, сражает прямо наповал. Такого не доводилось увидеть ни в каком другом российском городе, даже в тех, которые не считаются особо культурными и уж тем более столичными»*⁴. В подобных статьях чувствуется тревога за то, что петербуржцы теряют то, что является их специфической чертой. В то же время эти статьи подчеркивают наличие тех людей, кто и в настоящем поддерживает, радуется за сохранение подобного

¹ Виноградов П. Война на несколько фронтов // НВ. 2004. 9 сент.

² Рутман М. Это дело нашей чести // СПВ. 2004. 20 февр.

³ И еще — столица карманников? // Санкт-Петербургские ведомости. 2004. 4 сент.; Каменецкая М. Спешл Прайс // СПВ. 2004. 10 сент.; Лагунов В. Трамплин для «падения в культуру» // СПВ. 2004. 3 сент.

⁴ Лагунов В. Трамплин для «падения в культуру» // СПВ. 2004. 3 сент.

статуса. Это работает на укрепление этого Мы-образа столицы, пускай сформированного в прошлом, но который и сегодня жители города несут с достоинством. В свете этого нередко отрицательные явления в Санкт-Петербурге, такие, например, как коммунальные квартиры, подаются как нечто особенное, не обязательно плохое, а интересное. При этом сам статус бывшей столицы работает на размывание ориентиров Мы-образа для петербуржцев через сближение их с образом прошлого культурного центра России. Региональная специфика во многом размывается через исторические описания и статус бывшей столицы, то есть обращением в прошлое, и именно в этом видится перенос подобного статуса на Россию в целом. Именно нормы, выработанные в Санкт-Петербурге, стали нормами, которые определяют сегодня то, что является основой для строительства нации, т.е. подчеркиваются те черты, которые выделяют российского человека среди других. Например: *«Именно в Петербурге на протяжении многих десятилетий формировалась подлинная элита многонациональной России»*¹.

Среди исторических событий для конструирования региональной идентичности наиболее важным предстает блокада. Блокада — неотъемлемая часть истории Петербурга, которая выстраивает Мы-образ жителей города и в прошлом, и в настоящем. Но помимо этого она является тем более важным событием, если рассматривать ее значимость для всей страны в целом. Поэтому блокада в первую очередь является символом сплочения не только жителей города и области, но и всего народа, то есть всех, кто является частью «нашей» группы. *«Но он (блокадный Ленинград. — Авт.) еще был и бастионом высочайшей духовной мощи и патриотизма, придавшим дополнительные нравственные силы всей стране, которая тоже, в*

¹ Как научиться жить вместе, знают на Маховой, 15 (Интервью с Олегом Родзевичем, директором ГУ «Санкт-Петербургский дом национальностей») // СПб. 2006. 27 апр.

свою очередь, делала все, чтобы поддержать моральный дух жителей и защитников города»¹. Здесь отчетливо видно, что блокада, в первую очередь, — событие не регионального, а национального значения. И поэтому *«мы обязаны воспитывать на уроке, который она (блокада. — Авт.) преподнесла всему человечеству, все новые и новые поколения россиян. <...> Но у всех у нас одна Родина, и она всегда будет нуждаться в истинных патриотах, готовых отстаивать ее честь и в беде, и в труде»*². Автор обращается к Мы-группе, которая явно простирается за пределы региона.

После анализа текстов создается впечатление, что выстраивание общегражданской идентичности идет через региональную идентичность, и отсюда возникает размытость их обеих. Особенно это заметно в статьях под рубрикой «По национальности — петербуржцы». Получается, что особого различия между тем, что должно стать основой гражданской идентичности и собственной региональной идентичностью, нет.

В этом смысле поиск того, что составляет основу нации в России и в Петербурге как ее части, заключается в определении основных категорий, которые формируют прежде всего однородность населения России. А поскольку имеется необходимость включить в Мы-группу людей из разнородных «подгрупп» — этнических, религиозных, социальных, региональных, — то однородность создается в поле общей культуры. Именно на этой основе и строится формирование уникальной схожести подгрупп без оглядки на всю имеющуюся разнородность.

В силу этого Мы-группа формируется в основном посредством обеспечения культурной общности, в которой этничность не является важной. Напротив, постоянно подчеркивается, что «Мы» многонациональны (как на уровне региональном, так и на уровне федеральном). *«Непосвященные даже не по-*

¹ Кошванец В. Подвиг во имя жизни // СПб. 2004. 27 янв.

² Там же.

дозревают, как много людей разной национальности за три века населяли наш город и становились истинными петербуржцами»¹ или «Многонациональность — Судьба Петербурга. Но в то же время у каждого горожанина есть и общая «национальность» и она называется «ленинградцы-петербуржцы»; «Значение Петербурга как полиэтнического центра очевидно. Пожалуй, в России нет другого города, в котором бы так тесно и монолитно сплелись десятки, а то и сотни различных культур»². Однако этнический универсализм выступает составной частью не только Мы-образа — петербуржца, но и Мы-образа — россиянина. В Мы-группу включаются все, кто неравнодушно относится к стране в целом: «Дома национальностей — по существу, центры межэтнического общения, объединяющие разноликое население мегаполиса по интересам. Вернее, по одному главному, общему интересу — неравнодушному отношению к судьбе родного города, своей страны»³. Или еще: *Здесь покоятся вместе патриоты страны вне зависимости от их национальности и веры*⁴.

При этом продвигается идея о том, что недостаточно просто приехать в страну или Петербург, чтобы стать частью группы «Мы». То, что отличает истинного россиянина или петербуржца от «фальшивого» — это психологическая причастность и одобрение важнейших исторических событий, прочувствование и/или безусловно правильное отношение к ним. Исторические события в первую очередь формируют культурную однородность. Для Мы-регионального таким событием, в частности, является уже упоминавшаяся блокада. *«И сотни тысяч,*

¹ Шмидт М. Дружили без оглядки // СПб. 2006. 23 мая.

² Как научиться жить вместе, знают на Маховой, 15 (Интервью с Олегом Родзевичем, директором ГУ «Санкт-Петербургский дом национальностей») // СПб. 2006. 27 апр.; Милкин А. По национальности — петербуржцы // НВ. 2004. 15 сент.

³ Милкин А. По национальности — петербуржцы // НВ. 2004. 15 сент.

⁴ Кошванец В. Подвиг во имя жизни // СПб. 2004. 27 янв.

миллионы приезжих переплавлялись в едином тигле петербургской — ленинградской культуры. И нельзя забывать, что и приезжали зачастую те, кто уважительно называл жителей этого прекрасного города «блокадниками»¹. В этой цитате подчеркивается также и то, что в Санкт-Петербург уже изначально ехали те, кто готов был стать частью Мы-группы, кто понимал значение «блокады». Причастность к блокаде сама по себе является достаточным для включения в Мы-группу, причем причастность понимается достаточно широко — это не только участие в этих событиях, но и наличие родственника-блокадника, а также просто умение правильно понимать их значение: «если вы цыган, живете себе в Петербурге, законов не нарушаете; дед ваш, цыган, защищал Ленинград»². Предполагается, что наличие деда-блокадника уже доказывает благонадежность человека, наряду с законопослушанием.

Важно подчеркнуть, что человек, который проживает в Санкт-Петербурге, может не быть частью Мы-группы, если у него не сформировалось такого отношения. Примером может стать статья, в которой рассказывается о проявлении неуважения к блокадникам и откровенном игнорировании их прав, и делается вывод о том, что подобные люди Чужие для Нас: *«...ждать от них иного поведения, Наверное, было бы трудно. Оказавшись волею каких-то судеб в нашем городе, они не поняли о нем ничего. Возможно, даже не захотели понять и, с большой долей вероятности, воспитают или уже воспитали себе подобных»³. В то же время, если у человека сформировано «правильное» отношение, то он может проживать и за пределами Петербурга, оставаясь частью «нашей» группы: *«И в какие бы города и веси ни разбросала судьба блокадников, все они — ленинградцы»⁴. Те же мотивы можно найти и в освещении Ве-**

¹ Николаев В. Ведь мы же с тобой — ленинградцы... // НВ. 2004. 30 янв.

² Долгошева А. Почему рома сами не разберутся // СПВ. 2006. 23 мая.

³ Елисеева М. Чужие в городе // СПВ. 2004. 26 февр.

⁴ Киртичников Т. Город помнит, город помнят... // НВ. 2004. 28 янв.

ликой Отечественной войны, но уже с обобщением на уровне государства.

В связи с этим и границы Мы-сообщества России расходятся с ее территориальными границами. Крайне важен в этом случае концепт соотечественников, который довольно часто используется в дискурсе официальных властей и СМИ. Как правило, этот термин возникает в новостях тогда, когда имеет место какая-нибудь катастрофа и говорится о том, сколько наших соотечественников находилось где-то в тот момент, было ранено или убито. Но существует и другой уклон (более политизированный) в описании соотечественников. Он относится, прежде всего, к русскоязычному населению ближнего зарубежья и его проблемам. При этом они являются нашими соотечественниками не только потому, что они говорят на русском языке или хотят вернуться в Россию. Это название даруется им потому, что они чтят прошлое, прежде всего советское прошлое, и разделяют наши взгляды, то есть формируют с Россией культурную общность. Обратным примером, также работающим на формирование концепции культурного единства, является использование этнических или, лучше сказать, категорий с образами другого государства как способа подчеркнуть, что не все граждане других постсоветских государств являются соотечественниками, даже если они носят соответствующую славянскую фамилию и знают русский язык. Это может проиллюстрировать случай с «эстонцем Куликовым», который несколько лет назад пытался организовать бордель, укомплектованный российскими девушками на границе России и Эстонии с целью сбора компромата, а после провала этого предприятия предпринимал попытки завербовать агентуру в Петербурге через своих одноклассников для шпионажа в пользу Эстонии. Подобные люди не подпадают под категорию соотечественников и они не близки Нам в культурном смысле. Он — Чужой (поэтому он и эстонец), тем более что он *«избежал печальной участи большинства своих русскоязычных сограждан. Невзгоды каким-то удивительным образом его ми-*

новали. Несмотря на службу в «оккупационных» войсках, он смог получить гражданство и даже был принят в национальную спецслужбу»¹.

Наиболее четко отождествление нации не через территориальные, а через ментальные границы заметно на анализе публикаций на тему убийства таджикской девочки Хуршеды Султоновой, несмотря на то, что в газетах эта история представлена по-разному. В «Санкт-Петербургских Ведомостях» крайне мало говорится о проблемах, связанных с ксенофобией и расизмом, содержится попытка перевести дискуссию из пласта проблемы вызревания фашизма и сгущения этнической напряженности в социальную проблематику: мол, дети у нас такие, потому что мы их бросили или, к примеру, что для таких людей любые публичные передачи типа программы В. Познера, посвященной мигрантам, где все участники подчеркивали, что выходцы из других регионов СНГ и мира — прежде всего люди, могут спровоцировать подобные выступления; более того, впоследствии развивается тенденция продемонстрировать, что скинхеды — это не просто люди, убивающие других из-за цвета кожи или фенотипа, а что они просто изверги, которые убивают и своих². Совершенно противоположный стиль содержится в «Невском Времени», где описание убийства сразу приобретает форму борьбы со сторонниками лозунга «Россия для русских». Во всяком случае этот лозунг, который прокричал один из нападавших, в этой газете в отличие от «Ведомостей» озвучивается, также в публикациях НВ ставится проблема недостаточной государственной поддержки толерантности в СМИ³. Но, несмотря на такое разное преподнесение событий,

¹ Рутман М. Пока живут на свете болтуны, бравый «Джеймс Бонд» не останется без работы // СПВ. 2004. 17 февр.

² Рутман М. После прогулки — смерть // СПВ. 2004. 11 февр.; Кошванец В. Страшнее пистолета // СПВ. 2004. 14 февр.; Рутман М. Курсанта били ногами, стараясь попасть в голову... // СПВ. 2004. 26 февр.

³ Буренин М. Убийц достать хоть из-под земли // НВ. 2004. 11 февр.; Абдулаева Ш. Эта девочка не взрывала метро // НВ. 2004. 14 февр.

газеты все же имеют общий посыл, который, собственно, и раскрывает ментальные границы нации, специфику ее культурной однородности. Она состоит в том, что люди, которые совершили данные действия, не могут считаться полноправными россиянами, хотя территориально они принадлежат к этой категории. Таким образом, территориальное определение, как уже подчеркивалось, оказывается размытым, поскольку не все разделяют этнический универсализм и толерантность как ценность, которая и определяет принадлежность к коллективному целому.

Как показывает анализ, официальная пресса не использует ксенофобию в качестве способа для негативной консолидации общества. Имеется совершенно обратная тенденция, в рамках которой толерантность подчеркивается как специфическая черта российского народа, и подается она не как общечеловеческая ценность, которая признается по всей планете, а как то, что, наоборот, присуще только российскому человеку. Создается впечатление, что этническое или расовое насилие плохо не само по себе как нарушение прав человека, а как преступление против традиции. Основной мотив осуждения всплеска убийств и избиения людей другой расы или национальности в регионе — Санкт-Петербург всегда был многонациональным городом и всегда жители, независимо от этнической принадлежности, жили в мире. Толерантность оказывается частью того «сакрального знания», которым Мы обладаем и которое Нас объединяет: *«Это дело нашей общей чести. И все мои ребята настроены точно так же. У меня заместитель — грузин, в отделе есть азербайджанец, еврей, мы никогда не делились по национальному признаку. Все происшедшее — дикость полная для каждого из нас...»*¹.

Более того, в качестве одной из составляющих для концепта россиянин, в котором растворяется и концепт петербуржца, объявляется не только понимание важных исторических

¹ Рутман М. Это дело нашей чести // СПб. 2004. 20 февр.

событий, но еще и определенное состояние души, присущее только этой Мы-группе. Так, например, в одной из статей высказывается мнение, что на данный момент в своей же собственной стране мы начинаем ощущать себя эмигрантами, поскольку начинаем утрачивать те особенности, преимущественно духовного свойства, которые, по мнению авторов, присущи только России, — и делается вывод, что *«пока мы не разучились любить, мы это мы, а Россия это Россия»*¹. Таким образом, через духовность, любовь, которая была, как подчеркивается, прежде всего, в советское время и которой теперь становится меньше, страна и ее население лишается того своего качества, которое составляет ее основу. При этом Россия противопоставляется другим странам, в которых под любовью понимают только секс, и поэтому ОНИ не понимают нас и оказываются в связи с этим достойными жалости, несмотря на все их воспеваемые ценности — свободу и богатство. *«Ну, к примеру, американцы с трудом понимают, что такое любовные клятвы между людьми взрослыми, однополыми, объединенными общим делом. Хорошее деловое сотрудничество — это пожалуйста. Но любовь (если вы, конечно, не сексуальное меньшинство)...»*² — подобные заявления представляют собой апелляции к тому, что не могут ОНИ понять душу Нашего человека, ОНИ прагматичны, а духовные порывы для них чужды. В ряде статей по-прежнему выстраивается противопоставление Америки и России как страны бездуховной и духовной соответственно. Их дружелюбие — показное: *«У нас дружба доводит до самопожертвования, а для американцев дружба — это чаще всего способ провести время»*³. Их меркантильность затрагивает даже такие понятия, как родственная близость: *«Поэтому многие их поступки куда проще и прямолинейнее наших. У них очень простые классификации «бед-*

¹ Жуховицкий Л. Эмигранты // СПВ. 2004. 20 февр.

² Коротич В. Они и мы // СПВ. 2004. 03 сент.

³ Там же.

ный», «богатый», там, где у нас «свой» или «не свой», либо даже «родной» или «не родной».

В подобных статья апеллируют к традиции, к тому, что только особенные духовные чувства, основное из которых — особенное понимание любви, составляет стержень жителя России и залог сохранения государства. *«Россию, которую веками давило и грабило разнородное, но всегда силой навязанное начальство, спасла, возможно, именно любовь. Мы рождаемся и растем под ее теплым зонтиком, и она кажется нам естественной, как свет днем и снег зимой. Только сейчас мы с тревогой начинаем сознавать, что жить можно и по-иному»¹.*

По сути подача Другого осуществляется вроде бы с толерантной точки зрения, ведь авторы постоянно подчеркивают, что уважают этих Других, но подобная «толерантная подача» Других, которая часто обосновывается ссылками на достоверные источники (например, в статьях фигурируют ссылки на научные исследования или мнение экспертов), работает на создание положительного Мы-образа. В то же время заявленное уважение к Другим и постулирование того, что они просто Другие, вызывает в населении чувство гордости за свой народ — такой великий, полноценный, разносторонний, многоплановый, и чувство некоторой жалости к Другим, в силу того, что они лишены всего, что есть в нас. Но эта жалость тоже может восприниматься как нетолерантность, хотя и выраженная в более мягкой, завуалированной форме, поскольку эти Другие, несмотря на то, что в них отсутствуют важные «человеческие качества», живут лучше, что, в свою очередь, формирует чувство ущемленности, недооцененности и стимулирует конструирование негативных образов Других, одновременно прекрасно очерчивая границы собственной нации. В основном подобная лояльность, выражаемая в превосходстве собственной нации, выносятся через письма читателей или рубрику «Есть мнение»,

¹ Жуховицкий Л. Эмигранты // СПВ. 2004. 20 февр.

при этом нередко обладатели такого мнения награждаются от редакции почетным знаком «Золотое перо» (СПВ) .

Как правило, в качестве такого Другого выступает Запад. Причем этот Другой подается достаточно неотрефлексированно. Суть самого концепта Запада как противостоящего нам Другого достаточно абстрактна: не совсем понятно, что в этот Запад включается, ведь в газетах присутствуют и описания жизни финнов, французов, американцев и других наций без сопоставления их с нами и подчеркивания сходства или различия. Однако подразумевается и всячески подчеркивается, что его, Запада, ценности вносят разброд и шатания в ряды группы МЫ. При этом достаточно часто Запад как внешний Другой (группа ОНИ как противоположность Мы-группе) находится в тесной связи с либералами как внутренней группой ОНИ: *«Любовь к своей нации — это любовь к ее вере и идеалам, а следовательно, отрицание противоречащих им западно-либеральных идей»*¹. Или: *«Совершенно очевидно, что элементы так называемой управляемой демократии, в насаждении которых наши отечественные либералы обвиняют Кремль, совершенно уместны, если не сказать необходимы, в Чечне. Проблема здесь не в несоответствии процедуры выборов западным образцам, а в том, как будут развиваться события в республике с новым президентом»*².

Также стоит отметить, что в категорию ОНИ нередко включают и саму власть, но власть абстрактную, а не власть высшего уровня. Президент — особая фигура: он такой же, как МЫ, его тоже обманывают со стороны власти абстрактной. Можно сказать, что в официальных изданиях Санкт-Петербурга образ президента и федерального центра в его лице выписан достаточно положительно, и во многом именно через него выстраивается гражданская идентичность россиян. Он представляет

¹ Клевцов П. Сегодняшние уроки Переяславской Рады // СПВ. 2004. 14 февр.

² Борисов А. Трудная миссия Алу Алханова // СПВ. 2004. 4 сент.

собой своего рода символ нации. Федеральный центр рассматривается в прессе как основной источник сохранения стабильности в стране. Нередко подчеркиваются в связи с этим его усилия по сохранению стабильности на Северном Кавказе: *«В нынешних условиях федеральному центру, сейчас активно пытающемуся нормализовать ситуацию в Чечне, придется приложить титанические усилия, для того чтобы не допустить нового обострения ситуации на Северном Кавказе», «нынешняя трагедия в Северной Осетии может возродить застарелый конфликт между ингушами и осетинами, разразившийся в начале 1990-х годов. Тогда федеральному центру с трудом удалось развести два народа»¹.*

При этом с самим Кавказом все оказывается не так уж просто. Это во многом работает на размывание МЫ по принципу территориальности. Дело в том, что кавказский регион очень часто всплывает в прессе как место, из которого исходит опасность, и, несмотря на редкие заявления в поддержку или осуждение тех или событий со стороны представителей этого региона или этнических диаспор и религиозных лидеров этих национальностей или конфессий в Петербурге и в стране в целом, понять, чем для категории МЫ является Кавказ, довольно сложно. В особенности это касается Чечни. Она предстает по большей части «черным пятном» в формировании концепта МЫ. Как правило, если в контексте категории «многонациональности» и ссылок на нее упоминаются этнические группы, то почему-то чеченцы оказываются из нее исключенными. Это и упомянутый ранее пример с убийным отделом, и другие примеры: *«Вспомним, что, готовя нападение на СССР, Гитлер откровенно рассчитывал на раскол нашего многонационального государства, на вспышку вражды друг с другом населяющих его народов. Однако эти планы в итоге потерпели полный крах. Да, гитлеровцам удавалось сколо-*

¹ Леонов О. Вслед за терактом начнется кровная месть? // СПВ. 2004. 04 сент.

тить из пленных отдельные национальные формирования для отправки на Восточный фронт. Но это было, скорее, исключение из правил. Зато в наших окопах рядом с русскими сидели тогда казахи и грузины, татары и армяне, киргизы и осетины. Благодаря этому мы и победили»¹. Или: «Я припоминаю, что были среди нас украинцы, татары, евреи и поляки, грузины и азербайджанцы, представители народов Дагестана» и так далее².

Более того, практически никаких новостей про Чечню, кроме как выраженных короткой строкой, преимущественно по военной или криминальной тематике, не присутствует. Эта тенденция наблюдается и в описании других событий, особенно касающихся военных действий и их последствий, например, «*российские пограничники временно перекрыли пункты пропуска на российско-грузинской границе*» или «*Россия приняла временные меры по ограничению пересечения границы с Азербайджаном*»³. Проблема заключается в том, что новости подаются одним предложением без пояснения, и это скупое транслирование события несет в себе недопонимание того, почему, например, закрыли границы, — и соответственно порождает тревогу.

Еще одной особенностью конструирования образа «Мы-россияне» является доминирующее присутствие православия в официальной прессе. Получается, что этничность значима только в связке с апелляцией к многонациональности, а православие не требует никаких связок, оно напрямую завязано на идею российской гражданственности. «*Помимо светской власти города — Валентины Матвиенко — на чествовании присутствовала и власть духовная в лице митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира. После Божже-*

¹ Консолидация происходит не на митингах / Комментарий. И. Риммера // СПб. 2004. 18 сент.

² Шмидт М. Дружили без оглядки // СПб. 2006. 23 мая.

³ НВ. 2004. 2 сент.; НВ. 2004. 15 сент.

ственной литургии в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры одна из российских святынь — ковчег с мощами благоверного князя — с крестным ходом была вынесена на площадь»¹. Плавное соотнесение духовной власти как единственной в лице православной церкви и подчеркивание того, что мощи А. Невского — это одна из российских святынь, а не русских или православных (сложно говорить, что такое делается намеренно), но сам факт, что в сознании автора статьи и соответственно в сознании читателей (несмотря на то, что многие могут с этим и не согласиться) усваивается мысль, что Россия и православие — есть одно и то же. Эта мысль тут же подтверждается словами губернатора, вспомнившей о Бесланской трагедии, которые цитирует автор: *«Образ Александра Невского, стремившегося объединить, сплотить Русь в условиях страшных испытаний, — сказала она, — особенно близок и нужен нам во времена общей беды, потому что он сам — воплощение русской державности, православия, национального достоинства»*. *«Губернатор еще раз призвала к духовному объединению нации против угрозы терроризма и пожелала мира и процветания «замечательному городу, хранимому незабвенным образом своего святого покровителя»*, а последующая фраза, которая описывает, что *«...по мере прохождения процессии по Невскому проспекту к ней присоединялись как горожане, так и гости города на Неве»* — продолжает выстраиваемый смысловой ряд, подтверждающий мысль, высказанную ранее, что в этом символе русских и православия объединяется вся страна².

Так или иначе, но в конструировании образа «Мы» в официальных газетах как-то совсем исключены из рассмотрения мусульмане. Если они и присутствуют, то зачастую это мусульмане из-за рубежа или абстрактные мусульмане, нередко

¹ Кирпичников К. Щит России // НВ. 2004. 14 сент.

² Там же.

упомянутые в крайне негативном контексте¹. В основном в газетах рассказывается о православных праздниках, датах, героях². Более того, на официальных мероприятиях, как правило, наряду с руководителями, выступают и деятели церкви, причем самым важным, на наш взгляд, представляется следующая особенность: можно предположить, что хотя бы на митингах, посвященных Беслану, присутствовали и представители других религий, но материал подается только с присутствием православных лидеров. И подается присутствие православных нередко следующим образом: помимо президента «...*есть еще предстоятель Церкви, чье слово весомо всегда*»³. Получается, что слова Президента и Патриарха равны по значимости, а соответственно и по подчиненности и лояльности.

Или другой пример: «*У меня был друг. Через некоторое время после нашего знакомства я стала замечать, что он постоянно акцентирует внимание на своем отношении к евреям, африканцам, кавказцам: «У этих людей есть своя страна, а в нашей им делать нечего. Они загрязняют нашу землю, ведут себя здесь как хозяева, создают семьи с русскими женщинами, нарушая расовую гигиену». Нелюбовью к другим расам у нас страдают многие, но отнюдь не всегда это выражается в столь яркой и эмоциональной форме. Я пыталась реагировать на его слова как можно более спокойно. Ведь у каждого человека есть право на собственное мнение. Тогда я еще не догадывалась, к чему эта свобода может привести в конечном итоге. Но по-настоящему я испугалась тогда, когда после моих*

¹ Виноградов П. Мусульманский экстремизм наступает на Россию // НВ. 2004. 2 сент.

² Например, статьи: «Кремль тоже постится» (СПВ. 2004. 25 февр.); рубрика «Православный календарь» статья «С Новым Годом!» (НВ. 2004, сент.); а также: Петров С. Всадник, овеянный легендами // СПВ. 2004. 11 апр., и т.д.

³ Виноградов П. Мусульманский экстремизм наступает на Россию // НВ. 2004. 2 сент.

очередных слов о Боге он заявил, что у него иная вера и он не приемлет христианство»¹. Получается, что до того, как они стали затрагивать темы религии, автор статьи принимала расистские взгляды своего знакомого как вполне приемлемую, хотя и особую точку зрения.

Но еще более одиозным выглядит точка зрения человека, разработывавшего закон о межнациональных отношениях в Санкт-Петербурге — уполномоченного ЗакСа по связям с религиозными конфессиями Игоря Риммера: «Бесланский удар террористов был нанесен в самую болевую точку: ведь христианская Северная Осетия — наиболее стабильная сегодня и пророссийски ориентированная кавказская республика»². Эта фраза одновременно проблематизирует два вопроса: получается, что принадлежность к России происходит из православия и по нему-то собственно строится, а второе — это опять-таки то, что все остальные кавказские республики, исключая Осетию (читай: нехристианские), даже входящие в состав России, ставятся под сомнение в смысле того, насколько они пророссийски настроены. То есть возникает сомнение в том, что мусульмане могут всецело поддерживать Россию; получается, что есть в них что-то другое, которое осложняет восприятие их как части России, — и получается, что этим другим является не что иное, как религия.

Если Кавказ предстает определенным «черным пятном» в понимании того, что есть Мы-группа — «россияне», то «русские» — это своего рода «черная дыра», в которой нередко переплавляется очень многое. Этот концепт представляет собой своеобразное надэтническое образование, в которое зачастую вмещается также все не-русское, и в определенные моменты он сливается с концептом «россиянин», но, что важно, не заменя-

¹ Померанцева М., Буренин М. Мутные дела белых воинов // НВ. 2005. 18 февр.

² Консолидация происходит не на митингах / Коммент. И. Риммера // СПВ. 2004. 18 сент.

ет его. В связи с этим конструкция «русского» оказывается слабо отрефлексированной.

В основном категория «русского народа» в рассматриваемых материалах соотносится с историей и определяется через историю Древней Руси, Российской империи и СССР. Эти периоды в подавляющем большинстве случаев описываются как история русского народа. *«Выборг русские войска брали дважды: в 1710 и 1944 годах»*¹. В то же время имеются и случаи оговаривания специфики русского человека и преемственности его качеств, которые экстраполируются потом и на современную Россию: *«Будем надеяться, что русская армия не растеряла и не растеряет эти драгоценные качества, и если она унаследовала от своих предков многое дурное, то в не меньшей степени унаследовала и хорошее!»*² Нередко в качестве переходного звена используется концепт «советских людей». *«Русский человек, как известно, способен на героический рывок, на исторический прорыв. Став советским, он сохранил в душе эту невероятную способность»*³.

Тем не менее анализ показывает, что в публицистических заметках на злободневные темы, письмах читателей, описании событий сегодняшних дней, в том числе и через призму воспоминаний, современный концепт «россиянина» ассоциируется больше не с русским, а с советским человеком.

По сути, использование концепта «русского/советского человека» как обобщенного надэтнического можно рассматривать как способ консолидировать россиян, продемонстрировать сущность их солидарности через идею общей памяти. В этом смысле данный концепт оказывается крайне востребованным, так как большинство славных событий прошлого связано с ним. При этом «плохие», негативные периоды или события не упоминаются вовсе.

¹ Пюккенен А. Русские летчики в армии Маннергейма // НВ. 2004. 16 окт.

² СПВ. 2006. 27 мая.

³ Ильченко С. Торжество духа // НВ. 2004. 27 янв.

Медийный дискурс во многом отражает и в то же время конструирует взаимоотношения власти и общества. Различные стратегии и проекты, формулируемые властью внутри страны, должны находить и, как правило, находят свое отражение в материалах СМИ, поскольку территория массмедиа — это поле борьбы за идеи, за доминирование в общественном сознании. Тем не менее проведенный анализ показывает, что власть посредством региональной прессы оставляет в формировании концепта современной российской нации некоторые аспекты вне зоны разъяснения. Границы нации и ее проблемные точки, которые были обнаружены в результате исследования, оказываются несколько размытыми. Однако эта размытость, возможно, является следствием того, что на страницах официальной прессы могут быть намечены только контуры того, что включается в категорию гражданского национализма в России. Постулируя толерантность как основополагающую характеристику гражданского национализма в России, данный тип прессы тем самым уже размывает национальный проект, поскольку толерантность не является только специфической *российской* ценностью, а признается таковой во всем мире. В то же время подобная концепция этнокультурного плюрализма решает задачу, которую ставит перед собой государство, претендующее на статус демократического, и таким образом снимает обвинения в негативном, декларируемом в этническом смысле, национализме, основная претензия к которому состоит в том, что он так или иначе несет в себе ростки нетерпимости.

Как показали результаты исследования, один из основных принципов формирования границ общности, к которой апеллирует власть, состоит в том, что принадлежность к Мы-группе — «россияне» определяется не гражданством и этничностью, а культурной и исторической общностью. Другими словами, представители Мы-группы, независимо от их гражданской и этнической принадлежности, разделяют определен-

ные ценности и обладают общей исторической судьбой. Важным условием для принадлежности к общности является неравнодушное отношение к стране в целом, психологическая причастность и одобрение важных исторических событий. Несмотря на то, что постоянно подчеркивается многонациональность и многокультурность Мы-группы, важным основанием для консолидации служит православие как одно из центральных разделяемых ценностей.

В формируемом концепте существуют определенные проблемные зоны. Прежде всего, неясным остается вопрос с Кавказом, в частности с Чечней, достаточно размыт статус русских в развиваемом концепте, в силу другой религии вопрос о степени включенности мусульман в Мы-группу также остается неразъясненным. Более того, сами контуры Других представлены достаточно абстрактно. В качестве таковых в основном выступает Запад как неотрефлексированная категория и внутренние Они — Либералы, которые часто с Западом отождествляются. Однако, несмотря на имеющиеся «черные пятна», основной критерий для определения Других можно выразить следующим образом — это те, кто не разделяет ценности Мы-группы. Таким образом, в Они-группу могут быть включены и граждане России, которым чужды этнический универсализм, толерантность, прочувствование и правильное отношение к историческим событиям прошлого, что и показал анализ публикаций, прежде всего на материалах, посвященных годовщинам блокады, Великой Отечественной войны и убийству Хуршеды Султоновой.

Существующая размытость, на наш взгляд, обусловлена прежде всего тем, что национальная идеология, которая содержится в анализируемой нами официальной прессе Санкт-Петербурга, очерчивает прежде всего культурное, а не территориальное пространство. В этой связи представляется возможным сделать предположение, что сложная задача более четкого прояснения имеющихся «черных пятен» в отношении концепта «россиянин» оказывается прерогативой или обязанностью

других типов средств массовой информации и массмедийных ресурсов.

Что же касается взаимодействия дискурсов национальной и региональной идентичности, то, как уже отмечалось, эти концепты достаточно тесно переплетаются, иногда до полного взаимопроникновения. Транслируемая через официальную прессу региональная идентичность во многом работает на формирование и усиление национальной идентичности, при этом сам регион Санкт-Петербурга, хотя и отождествляется с Россией в целом, очень часто предстает как лучшая ее часть.

Андрей Борисов, Юрий Василенко

РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ И ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПЕРМСКОМ КРАЕ *

Национализм — идеология, утверждающая приоритет определенных этнокультурных ценностей над всеми другими в общественных практиках. Национальное движение является одной из характерных черт общественной жизни современной России. В свое время и Советский Союз, и все другие социалистические страны, вставшие на путь либерализации и демократизации, столкнулись с проблемами, порождаемыми национализмом. Постепенно пробуждающееся национальное самосознание, латентное и загнанное глубоко внутрь подчеркнуто интернационалистической социалистической идеологией, спровоцировало межэтнические столкновения между некогда дружественными нациями и этничностями. В результате распались не только Советский Союз и Югославия, включавшие в свой состав этничности, представлявшие принципиально различные по своей культурно-исторической сущности комплексы, но и государства, в состав которых входили близкие по своим цивилизационным характеристикам этничности.

Российская Федерация, сохранившаяся, несмотря на ряд серьезных внутренних этнокультурных конфликтов, в грани-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Этнокультурная адаптация иммигрантов в Пермской области» за № 05—03—82—303 а-у.

цах 1991 года, наблюдает новый виток в развитии национального движения. Если в начале перестройки основными носителями национализма являлись, так скажем, «окраинные» этничности, стремящиеся выйти из состава бывшей «империи» и получить независимость, то есть обрести собственную государственность и стать нациями, то сейчас вектор национализма изменился. Современные националисты — это уже представители этничности, некогда создавшей российскую империю, то есть русские. И если первоначально национальные движения были нацелены на разрушение этой империи, то сейчас — на ее сохранение, а в радикальной интерпретации — и восстановление в прежних — имперских — границах. Национальное движение, таким образом, изменило свой код: из *собственно национального*, нацеленного на создание новых наций, оно постепенно стало превращаться в *националистическое*, основной задачей которого является утверждение превосходства одной этничности (в данном случае — русско-православного большинства) над другими вне зависимости от их цивилизационной принадлежности.

На региональном уровне эти тенденции имеют свою специфику, т.к. в данном случае проблемы общенациональной идентичности накладываются на проблемы становления региональной идентичности, которая в одном случае может быть частным, локальным продолжением общенациональной, а в другом — в той или иной степени противоречить ей. Российские регионы, в которых в большинстве своем проживает нерусское и неправославное население (Башкортостан, Татарстан, Северный Кавказ), развиваются по второй модели, с различной степенью успеха пытаясь совместить местную этнокультурную специфику с общенациональной идентичностью, производной в своих фундаментальных чертах от русско-православного населения. Остальные регионы, и Пермский край в частности, развиваются по первой модели; их основная проблема — сдерживание постоянно радикализирующегося русско-православного большинства, которое все более четко и

уверенно ставит вопросы о чистоте «крови и веры». Волны иммигрантов, захлестнувшие относительно благополучный в экономическом отношении Пермский край, значительно обострили проблемы межэтнического и междивизиационного диалога. Соответственно и силы, стремящиеся превратить этот диалог в кровавую бойню, также имеют под собой достаточно широкую социальную базу. Институционализация националистического движения приведет к его выходу из кухонь и подъездов на улицы и в «большую политику». Если мы также будем исходить из того, что в российской провинции русско-православное население изначально настроено более традиционалистски, нежели в мегаполисах и больших городах, то именно регионы являются куколкой для взращивания и политической обкатки всевозможных националистических сил. Фашизм, как известно, зародился в аграрной и «очень немецкой» Баварии, а не в берлинском космополитическом мегаполисе.

Цель настоящей статьи — проследить динамику взаимоотношений между местными националистами, отстаивающими, по их словам, интересы русско-православного населения, и прибывающими в Пермский край иммигрантами, и в первую очередь теми, которые имеют отличную от русско-православной идентичность.

Для достижения поставленной цели мы можем воспользоваться диалектической триадой Гегеля. В качестве тезиса у нас будет выступать *становление русского националистического движения*; в качестве антитезиса — *становление этнокультурных иммигрантских сообществ*, которые являются в Пермском крае «наиболее проблемными» (азербайджанцы, таджики, чеченцы и китайцы); а синтез — *это характер их взаимоотношений на современном этапе*.

Специфика русского национализма и этнокультурных иммигрантских сообществ в Пермском крае выявлялась посредством контент-анализа пермской прессы и телевидения; также использовались и методы социологического исследования —

включая наблюдение, анкетирование и экспертное интервью с видными представителями и активистами как русского национализма, так и этнокультурных иммигрантских сообществ. В обоих случаях проводился контент-анализ материалов Интернета. В состав исследовательской группы помимо авторов входили студенты III—IV курсов историко-политологического факультета Пермского государственного университета (В. Солдатченко, Д. Мусин, А. Вафин и др.).

• • •

Становление русского националистического движения в Пермском крае связано с деятельностью таких организаций, как Союз Русского Народа (СРН) и Православно-монархическое Движение (ПМД). При этом в Пермском крае никогда не существовало общества «Память», провозвестника всех российских националистических движений и организаций. Оформление националистического движения в Перми происходит в 1998 году, когда Русское Национальное Единство (РНЕ) провело Всеуральский съезд своей организации. Одно из первых упоминаний о национализме в официальных пермских СМИ связано со статьей Ю. Шевцова «Они — русские?»: «Возле памятника Пушкину “тусуются” молодые парни. Открытые, симпатичные лица, чистые и ясные глаза. И такая же “ясность” у них в мыслях... Парни с ясными глазами уверены, что сторонников у них много. Вот только они разобщены, а потому им надо объединяться»¹.

Критика националистического движения в пермских СМИ невольно совпадает с его презентацией. «В их (скинхедов и национал-патриотов. — *АБ, Ю.В.*) речах и действиях, в публикациях и теоретических изысканиях звучат отчетливые националистические нотки: образ чужого (еврея, чеченца, азербайджанца, китайца, афганца) сплетается из предрассудков и

¹ Шевцов Ю. Они — русские? // Пермский вестник. 2000. № 7.

слухов, а базируется, как всегда, на экономических трудностях. К активным действиям членов таких организаций и группировок нужно отнести оскорбительные и подстрекательские надписи на заборах, избиения людей, не согласных с их идеологией, имеющих другой цвет кожи или разрез глаз»¹.

Весной 2002 года в Перми начала распространяться газета «Мировоззрение». Приведем лишь некоторые выдержки из «Мировоззрения»: «В последние дни ЯХВЕ Сам воздвиг для Своего Избранного Народа Судию и Вождя в лице Адольфа Гитлера. Фюрер возродил подлинную библейско-расовую доктрину и заключил Завет с Господом от имени всей Арийской Расы. Адольф Гитлер есть новый Моисей, призванный спасти остатки Дома Израилева и учредить теократию на Земле. Личность Вождя пророчествовалась еще в древности и он происходил из колена Июдина. Книга “Mein Kampf” и другие тексты Адольфа Гитлера есть современные Священные Писания, продолжающие тексты Святой Библии в апокалиптический период»². Комментарий, что называется, излишен.

Самое скандальное выступление русских националистов — акция на молодежном форуме, который был организован и проводился демократическими партиями СПС и «Яблоко». Неловкая ситуация, в которой оказался губернатор Пермского края О. Чиркунов, оказавшийся за одним столом с представителями РПНСД, прославила обе стороны уже на всю Россию. «Засветившиеся в Перми неонацисты из РПНСД — это не просто еще одни неонацисты, которые попытались шагнуть в большую политику. Это — верхушка айсберга, который называет себя “истинными православными христианами”. В недавнем прошлом они — бойцы гитлеровской армии РОНА. В настоящем — разветвленная сетевая глубоко законспири-

¹ *Гладышев В.* Образ чужака витает над Пермью // Личное дело. 2003. № 3.

² *Киприн Я.* Вождь Адольф Гитлер: пророк-освободитель // Мировоззрение. 2002. № 12.

рованная структура, бойцы которой открыто поклоняются Гитлеру»¹.

Гитлеризм пермских националистов, с их точки зрения, нисколько не противоречит православию и христианским ценностям в целом. «Было время, где-то в конце 1980-х, в конце перестройки, когда группа молодых ребят во главе с подполковником в отставке Носковым пыталась помогать православной церкви... Затем, не удовлетворенные “робостью и непоследовательностью” пастырей Русской православной церкви, носковцы последовательно переходят из одной церкви — в другую: сначала их видят в приходе зарубежной церкви, затем Носков со скандалом внедряется в руководящий совет местной старообрядческой общины. И вот теперь он, оказывается, уже у “катакомбной” или, как ее еще называют, “пещерной” церкви»².

В 2005—2006 годах в Пермском крае постепенно начинает складываться и альтернативное националистическому движение. Так, 20 апреля 2005 года пермскими анархистами был проведен антифашистский митинг: «Первоначальная идея мероприятия состояла в том, чтобы выразить свой протест фашистским настроениям, в разных формах проявляющим себя в современной России. Впрочем, позже пришло смелое решение сделать акцию полем диалога разных сил, в том числе праворадикальных, которые также получили туда приглашение... Митинг на Егошихинском кладбище... состоялся и прошел довольно живо. Примечательно, что, будучи открытой площадкой, он отразил современное состояние постмодернистской размытости понимания обществом сущности и границ явлений, в том числе, фашизма»³. Это событие заставило обратить на себя внимание и пермского ТВ. Так, в одной из передач «Вес-

¹ *Майоров Н.* Паства Адольфа германского выходит из катакомб // Ре:акция. 2006. № 5. См. также: *Козлов И.* Символы не меняются // Эхо недели в Перми. 2006. № 11.

² *Гладышев В.* Образ чужака витает над Пермью // Личное дело. 2003. № 3.

³ Фашизм (?) не (?) прошел (?) // Личное дело. 2005. № 5.

ти-Пермь» (региональный канал «Т7») в совокупности с рассуждениями о 20 и 22 апреля (дни рождения В.И. Ленина и А. Гитлера), прозвучал вопрос: «Бритоголовые, скинхеды, национал-большевики: кто они — исконно русские патриоты или просто отморозки с улицы, ведомые чьей-то рукой?»¹.

После митинга 20 апреля среди пермских правых родилась идея создания Авангарда Патриотической Молодежи (АПМ), руководителем которого стала Либерально-Демократическая Партия России (ЛДПР). По замыслу организаторов, в АПМ должны были быть представлены все пермские организации националистического толка, в том числе и радикального. Своеобразной формой «боевого крещения» АПМ стал митинг 14 октября 2005 года: «Митингу правых радикалов у входа в здание областного парламента удивились не только случайные прохожие, но и большинство политических наблюдателей... Прямо в центре города, под окнами кабинетов народных избранников — митинг “за русских”, причем со всей необходимой атрибутикой, включая вскидывание рук в фашистском приветствии и выкрикивание лозунга “Слава России!” ...Уже после митинга его организаторы были довольны: “Даже скинхеды пришли митинговать!”». По словам организаторов митинга, собравшего у областного парламента порядка 50 человек, «это была первая проба. <...> В ближайшее время АПМ намерен провести еще ряд акций»².

Освещая это событие, пермские СМИ не смогли избежать и черной иронии: «Выступающие не позволяли внутренней логике ограничить свою свободу, и черное безумие лилось из их уст легко и непринуждённо. В выступлении старосты “Русской общины друзей (Гнев Перуна)” открылась эпическая картина битвы белой расы с иудо-христианством. Тысячу лет назад злые враги захватили светлое ведическое царство, две трети населения Руси было уничтожено, священники сжигали рус-

¹ Вести-Пермь. 2005. 23 апр. // <http://www.t7.ru/tv/vesti/itogi.phtml>

² Захаров А. Хайль, Пермь? // Новый компаньон. 2005. № 38.

ских людей в банях... Присутствующие не улыбаются, машина с красным крестом не едет, представители администрации и милиция спокойны. Всё действительно очень серьезно. Выступает человек из Национально-народной партии. “Белая раса в опасности: черная и желтая угрозы: армии нелегальных иммигрантов: наркоторговцы и барыги должны быть изгнаны вон: требуется генетическая экспертиза” ...“Слава России!” — и 15 рук взлетают в приветствии, знакомом до боли... “Зиг хайль!” ...Все один к одному¹.

В целом оценить подлинные масштабы русского националистического движения в Пермском крае не так просто. С одной стороны, по словам одного и того же автора, «в Перми активность уличных “художников”-неонацистов примерно равна активности их идеологических противников-антифашистов. В результате стены города становятся местом настоящих художественных “боев”»; с другой — «практически нет в Перми и националистических листовок»². Также в среде журналистского корпуса работают и механизмы самоконтроля. Специальные исследования показывают, что в целом «пермские журналисты реже других своих коллег употребляют националистическую лексику»³. По мнению специалиста по связям с общественностью Пермской еврейской общины Серафимы Кореженевич, в плане национальной нетерпимости «ситуация в Перми все-таки лучше, чем в некоторых других регионах России. Отмечают это и выходцы из Марокко, ныне — студенты Пермской фармакадемии, которые побывали в прямом эфире «Эхо Перми» и высказали свою точку зрения на события, но уже воронежские, где, напомним, в очередной раз были избиты иностранные студенты. Молодые люди говорят о том, что многие их друзья сейчас покидают ВУЗы «золотого кольца»

¹ *Маленьких Д.* Коричневый рассвет // Личное дело. 2005. № 15.

² Городские стены, «больные» ксенофобией // <http://xeno.sova-center.ru/45A29F2/64E4BBE>

³ *Ябурова О.* Язык — не враг мой // Российская газета. 2004. № 6.

России и перебираются на Урал, в Пермь. Студент пермской фармакадемии Набиль Ламгри говорит — здесь безопасней»¹.

В целом коммерциализация журналистской деятельности и относительная слабость экспертного корпуса ведут к тому, что одна часть СМИ не заинтересована в выкладке «острого» материала до того момента, пока он не станет «сверхострым», то есть до момента сенсационности; другая же не обращается к экспертам до тех пор, пока эта «сверхострая тема» не заявит о себе в полный голос публично и не выльется в общественные акции. Отсюда постоянное запаздывание региональных СМИ и, как следствие, слабая репрезентация националистического движения, не располагающего в регионе достаточными средствами для оплаты журналистских услуг. Все это имеет как свои «плюсы», так и свои «минусы»; проблема в том, как это оценить «в конечном счете».

Оптимистическая тенденция заключается в том, что федеральные СМИ сегодня все больше и больше «раскручивают» проблемы, связанные с русским национализмом, так как традиционно решают не только свои, сугубо коммерческие, но и государственные задачи. Пессимистическая тенденция заключается в вытеснении русского националистического движения в регионы, где оно, попадая в питательную для себя среду социально-депрессивного населения, реорганизуется, получает ресурсы из столицы и превращается в силу федерального масштаба. Когда закончится нынешний «инкубационный период», сказать сложно, но то, что этот момент приближается, вполне очевидно; и уже парламентские и президентские выборы 2007—2008 гг. могут продемонстрировать нации новых «спасителей Отечества».

***

Становление этнокультурных иммигрантских сообществ в Пермском крае происходит во второй половине 1990-х годов.

¹ Город П. // <http://radio.echo.perm.ru/index.php>

В целом этнический портрет Пермского Края имеет следующую структуру.

Автохтонное население (коми-пермяки).

Традиционно проживающее население (русские, татары, башкиры) и «ссылные народы» (немцы, поляки).

Этнокультурные иммигрантские сообщества из Средней Азии и Кавказа.

Основная линия противостояния проходит между первыми двумя группами, с одной стороны, и третьей группой, с другой: местные versus приезжие. Вторая линия противостояния — по религиозным рубежам (христиане versus мусульмане) — дополняет две первых.

Мы остановимся лишь на четырех этнокультурных иммигрантских сообществах, которые в Пермском крае по тем или иным причинам считаются проблемными, — азербайджанцах, таджиках, чеченцах и китайцах.

1. Рост азербайджанской общины в Пермском крае (общая численность свыше 40 тыс. чел.) за последние десять лет очень заметен — ее численность выросла примерно в четыре раза. Постоянные иммиграционные вливания обуславливают воспроизводство азербайджанской этнокультурной идентичности; определенную роль в этом играет и «культурный нарциссизм» азербайджанской интеллигенции, которая возглавляет общину в целом и определяет ее политику на местном уровне. Вместе с тем азербайджанцам удается быть на виду, многие их лидеры занимают видное общественное положение и пользуются заслуженным авторитетом не только в своей среде, но и в пермском сообществе в целом.

Среди мусульманских иммигрантских сообществ азербайджанцы отличаются широким распространением смешанных браков, также наблюдается и некоторая модернизация их семейного уклада. Азербайджанцы добились заметных успехов по сравнению с другими иммигрантскими группами и в бизнесе: им принадлежат сети торговых киосков, они успешно занимаются рыночной торговлей фруктами и алкоголем, лесозаго-

товками и автосервисом. О степени развития азербайджанского бизнеса говорит наличие в их среде двух общественных организаций, которые какое-то время открыто соперничали между собой, стараясь разделить имеющиеся у общины рабочую силу и другие социально-экономические ресурсы.

2. Таджикская община Пермского края (общая численность 3,5 тыс.) крайне слабо интегрирована в местное сообщество. Проживая на территории Пермского края более десяти лет, таджики принимают местные «правила игры», однако по-прежнему продолжают отделять себя от остального населения и сохранять свою этнокультурную идентичность. Основными социальными институтами, воспроизводящими таджикскую этнокультурную идентичность, являются наиболее консервативные — семья и церковь. Безвизовый въезд на территорию РФ из Таджикистана привел к критическому увеличению представителей таджикской общины, не имеющих соответствующих прав на жительство и работу.

Занятия пермских таджиков довольно однообразны. В целом они заняты в двух сферах — рыночная торговля и строительство. Новой сферой деятельности таджикских иммигрантов является сельское хозяйство. Таджики берут в аренду землю и выращивают овощи. В целом подобный опыт — единственный, когда таджики начинают заниматься производством продукции, а не ее вторичным распределением на рынке. Экономический имидж пермских таджиков был заметно испорчен неоднократно зафиксированными случаями торговли наркотиками, в результате чего в общественном сознании наркоторговля оказалась «чисто таджикским бизнесом». Отсюда степень включения таджиков в местное сообщество напрямую зависит от их «социальной амнистии»: они должны избавиться от «клейма» наркоторговцев и «уличных попрошайек».

Столкновения с националистами — одна из серьезнейших проблем, с которыми сталкиваются пермские таджики. На сегодняшний день русскими националистами совершено уже несколько убийств. Отношения с правоохранительными орга-

нами в этом контексте складываются как вторичные. Как правило, первыми на место происшествия прибывают таджикские лидеры, которые пытаются «уладить» дело самостоятельно. Милицию вызывают лишь в том случае, когда без нее уже точно не обойтись. Уровень доверия к правоохранительным органам в среде таджиков, соответственно, очень низок.

3. Рост чеченской общины¹ в Пермском крае (общая численность 1,1 тыс. чел.) происходил вследствие военных действий в Чеченской республике, в результате чего многие чеченцы приезжали в Пермскую область целыми семьями, рассчитывая на помощь уже обосновавшихся здесь родственников. Однако регистрация чеченцев на новом месте жительства проводилась беспорядочно; это обстоятельство осложнялось еще и тем, что многие из чеченцев в силу недостаточного обустройства на новом месте проживания были склонны «кочевать» как по Пермскому краю, так и по России в целом.

Включение чеченцев в местное сообщество происходит сложно, основным фактором чего является неоднозначное отношение к ним как со стороны местного населения, так и правящей элиты. В итоге, с одной стороны, чеченцы склонны культивировать традиционные положительные представления о самих себе; с другой они стремятся раствориться в общей массе обывателей и стать «такими же людьми, как и все остальные». Наиболее последовательной группой в этом отношении являются чеченцы, которые занимают руководящие посты на государственной службе. Большинство из них в Пермском крае служит в органах МВД.

Чеченский бизнес в Пермском крае не развит. Чеченцы либо не выдерживают конкуренции с другими кавказцами в

¹ Несмотря на то, что формально все чеченцы являются гражданами Российской Федерации и, следовательно, не могут считаться иммигрантами, военные конфликты в Чеченской республике и исповедуемый чеченцами ислам обусловили то обстоятельство, что характер социальной эволюции чеченской общины за ее пределами во многом является «по существу иммигрантским».

рыночной торговле, либо вообще не «борются» за эти сферы. Мелкий чеченский бизнес основывается в основном на рабочих подрядах в строительстве, лесозаготовках и транзитных перевозках. Подобная направленность чеченского бизнеса связана в первую очередь с тем, что строительная сфера является для чеченцев традиционной. Вместе с тем работа с лесом для них во многом новаторская. Благополучие членов чеченской общины в целом не отличается от других иммигрантских групп; в целом они бедны.

Наиболее «болевым точкой» чеченской общины является ее имидж, тем более что чеченская община не имеет серьезных возможностей, чтобы «работать» на свой положительный образ, кроме личной порядочности и соответствующего поведения своих представителей. Вообще идея «чеченской реабилитации» является в сознании чеченцев одной из доминирующих. Она четко сформулирована и ставится перед чеченской общиной ее лидерами как первостепенная задача.

За прошедшие годы в жизни пермской чеченской общины можно отметить следующие изменения: чеченцы стали безбоязненно выходить на контакт и общаться с местным населением; чеченские лидеры требуют официального признания своей роли со стороны властей; у чеченцев повысилась требовательность к районным и областным властям; чеченцы начали активно «прессинговать» местные и областные власти, выходя к ним с предложениями о совместной деятельности и сотрудничестве; чеченцы прочно «закрепились» на новой территории проживания и активно ее осваивают; в среде чеченцев появилась элита, занимающаяся общественной работой, о чем известно большинству пермских чеченцев; чеченцы больше не теряются на фоне и не сливаются с остальными мусульманами Пермского края. Однако чеченцы по-прежнему недовольны особым к себе отношением; нуждаются во внешнем толчке для поддержания и развития собственной культуры, хотя и соглашаются все больше с существующим положением

дел; требуют корректировки деятельности СМИ в отношении чеченской общины.

4. Китайская община Пермского края (общая численность — до 900 чел.) разобщена и не имеет ядра и целостной структуры; она включает в себя несколько отдельных групп граждан Китая, ведущих в Пермском крае специфический образ жизни в соответствии со своими профессиональными занятиями и практически не соприкасающихся между собой: рыночные торговцы, студенты и профессионалы.

Рыночные торговцы живут в определенном районе города Перми (микрорайон Парковый), работают на одном предприятии (мини-рынок «Дзержинский»), связаны друг с другом различного рода узами и постоянно общаются между собой. Для китайских студентов выбор Пермской области обуславливается налаженными связями между филологическим факультетом Пермского государственного университета и китайской стороной. Большинство китайских студентов с удовольствием едут в Пермскую область, так как образование здесь относительно дешевое и качественное.

подавляющее большинство китайских иммигрантов родились и воспитывались в Китае, вследствие чего все они, вне зависимости от характера своих занятий, являются носителями китайской этнокультурной идентичности. РФ является для них границей, куда они приехали лишь на время. Поэтому нельзя говорить о том, что в рамках китайской общины Пермского края происходит какое-либо размывание китайской этнокультурной идентичности. Совершенно иная картина складывается у китайских иммигрантов второго поколения: они, наоборот, являются носителями российской этнокультурной идентичности и крайне раздражаются, когда им напоминают об их китайском происхождении, указывая на сохраняющиеся антропологические черты.

Китайцы практически не смешиваются с местным населением по следующим причинам: «культурно-цивилизационная пропасть» между Китаем и РФ, усиленная также расовыми раз-

личиями; большинство китайцев приезжает в Пермский край временно, и они изначально не собираются здесь осесть. Часть китайцев имеет семьи в Китае, и для них этот вопрос просто не актуален; китайские женихи и невесты по местным меркам также являются людьми необеспеченными; русско-китайский брак означает, что одна из сторон будет вынуждена покинуть родину практически навсегда и переселиться в совершенно чуждое по всем показателям общество.

Имидж китайской общины в среде местного населения складывается как противоречивый. Вместе с тем китайская община не предпринимает никаких усилий для изменения ситуации к лучшему. Рыночные торговцы не задумываются об этом, студенты же собираются покинуть РФ в ближайшем будущем.

* * *

Характер взаимоотношений между пермскими националистами и этнокультурными иммигрантскими сообществами на современном этапе является достаточно сложным. Если мы предоставим слово самим иммигрантам, то картина получается следующая.

По словам азербайджанцев, они не сталкиваются в своей повседневной жизни с организованными группами русских националистов. Хотя все они подтверждают, что неоднократно сталкивались и сталкиваются с проявлениями межэтнической неприязни на бытовом уровне, к чему относятся с «философским пониманием», хотя это не может их не беспокоить. Причем в маленьких городах, где «все друг друга знают», а азербайджанцы имеют возможность непосредственно сразу же и в корне пресекать «некрасивое» поведение своих соплеменников, незнакомых еще с «местными нравами и обычаями», столкновения даже на бытовом уровне являются редкостью. Азербайджанцы гордятся тем, что смогли убедить в собственной порядочности даже русскую милицию, которая первоначально действовала в их отношении особенно предвзято. В конце

концов, они сами берут на себя ответственность за порядок на местах, и, по-видимому, лучшей гарантии получить нельзя, нежели та, которую дают региональные лидеры.

В конце концов, большинство азербайджанцев уверены в том, что в случаях нападков на них со стороны русских националистов они обязательно будут обращаться в правоохранительные органы, и те им обязательно помогут. Не доверять им в этом особых причин не имеется, хотя в отношении милиции претензий вообще высказывается много. Самые распространенные из них — это, прежде всего, необоснованная, с точки зрения азербайджанцев, проверка документов; вторая — повышенное внимание к азербайджанцам вообще при «полном равнодушии» к русским правонарушителям. Внимание правоохранительных органов на фоне слабого внимания местных гражданских властей азербайджанцев удручает. При этом в различных районах Пермского края ситуация складывается по-разному. Если, к примеру, в Добрянке глава местной администрации общается с азербайджанцами напрямую, решая их проблемы, и привлекает их к решению проблем местного населения, то в Краснокамске подобного внимания к себе со стороны местной администрации азербайджанцы не испытывают. Все это, видимо, связано еще и со степенью организованности азербайджанских общин на местах и с их экономическим потенциалом.

На вопрос о том, что азербайджанцам нравится в русских, а что не нравится, азербайджанцы очень охотно рассказывают о своем восхищении русской культурой и такими положительными чертами русского народа, как интеллигентность, честность, порядочность, гостеприимство, доброта, мужество, открытость души, способность к самопожертвованию и так далее. Мужчины подчеркивают красоту русских женщин. И если «старые иммигранты» воспитывались в советские времена и видели «лучшие времена» россиян, то «новые иммигранты», приехавшие в Россию, сделали этот выбор сознательно, так как у них уже была альтернатива, куда ехать: в Россию или в Тур-

цию. В целом можно заключить, что пермские азербайджанцы относятся к местному населению с уважением и являются по отношению к нему народом дружелюбным; ценят русские традиции, понимая глубину их смысла и житейской мудрости. В ответ они ожидают подобного же отношения к себе и очень обижаются, когда его не встречают. Практически всех азербайджанцев раздражает образ рыночных торговцев, культивируемый в среде местного населения. В конце концов, азербайджанцы пытаются донести до местного населения, что труд рыночных торговцев — очень тяжелый и требует не меньшего уважения, чем любой другой. Главное — что это труд законный, говорят они. И было бы намного хуже, если бы рыночные торговцы не стояли в тридцатиградусный мороз на улице, а грабили, воровали и убивали.

О негативных чертах местного населения азербайджанцы говорят с большей осторожностью. Прежде всего, азербайджанцы говорят не о предубеждениях в отношении к ним, а о том, как русские воспитывают своих детей. Азербайджанцы не понимают, почему русским детям позволяют гулять до ночи, употреблять спиртные напитки, курить и так далее. Все они выражают свое беспокойство относительно будущего этих людей и говорят, что азербайджанских детей воспитывают в совершенно ином ключе, более строгом и добродетельном. Также азербайджанцы удивляются, насколько некоторые русские могут не уважать и не любить самих себя: осуждают существование «бомжей» и алкоголиков, спящих на улице. В целом азербайджанцы критикуют в русских все то, что не соответствует мусульманским бытовым установкам, воспроизводимым в среде азербайджанцев.

По словам таджиков, отношения между пермскими националистами и таджиками обуславливаются, прежде всего, криминальным имиджем последних; и главная проблема — это наркоторговля. Очевидно, что таджики наркоторговлю осуждают; однако осуждают они ее не потому, что это зло в принципе, а потому, что это она приносит еще большее зло «мир-

ным» таджикам. Наркоторговля как способ выживания таджиками не осуждается. Однозначное осуждение наркоторговцев начинается только тогда, когда из-за них начинают грести «под одну гребенку» всех таджиков. И вот тогда таджики начинают рассказывать печальные истории о том, как русские наркоманы нападают на таджиков, пытаясь отобрать у них наркотики даром, не заплатив. Множество «мирных» таджиков было просто избито местными наркоманами за то, что они отказывались продавать наркотики, которые, по мнению их «клиентов», у них должны были обязательно быть. И в то время как местное население проклиняет таджиков и призывает к их депортации в Таджикистан, «мирные» таджики проклиняют местных наркоманов и сетуют на местные власти, которые ничего не могут с ними поделать. Отсюда в среде таджиков появляется три установки:

на избегание контактов с местным населением вообще;

на внутриобщинную замкнутость и самоизоляцию;

на создание общих фондов поддержки соплеменников, потому что ожидать помощи извне не приходится: местные власти и население настроены в одинаковой степени враждебно и предубеждены в их отношении.

Таким образом, столкновения с националистами — одна из серьезнейших проблем, с которыми сталкиваются пермские таджики. На сегодняшний день русскими националистами совершено уже несколько убийств таджиков. Отношения с милицией в этом контексте складываются у таджиков как вторичные: первыми на место происшествия прибывают таджикские лидеры, которые пытаются «уладить» дело самостоятельно, милицию вызывают только в том случае, когда без нее уже точно не обойтись. Уровень доверия к правоохранительным органам в среде таджиков, соответственно, очень низок, но не только потому, что милиция по отношению к таджикам имеет серьезные предубеждения, но и потому, что таджики находят, с их точки зрения, более адекватное наказание для обидчика, нежели милиция, которая это дело только «переусложняет».

Таджики имеют собственные «органы расследования», которые будут преследовать их обидчиков «до победного конца».

По словам чеченцев, их отношения с местным населением в целом и русскими националистами в частности определяются их имиджем террористов. Миллионный народ, страдающий от нескольких тысяч, по словам самих чеченцев, «отморозков», явно не заслуживает подобного отношения. Очевидно, что чеченцы в один голос отвергают все возможные обвинения в терроризме, утверждая, что не в их интересах держать у себя дома террористов, чтобы потом гнев местного населения обрушился на их головы. Рассказывают чеченцы на эту тему и анекдотические случаи из своей жизни. Так, в доме одного чеченца всегда был открыт чердак; после того, как начались теракты, и люди узнали, что он — чеченец, чердак был наглухо заколочен, чтобы, по словам этого чеченца, «он свой дом не подорвал».

Так или иначе, чеченцы склонны принимать обычные и необходимые меры безопасности как излишне повышенный интерес к собственной персоне. Однако они не понимают, почему при поимке «простого чеченского преступника» в СМИ обязательно называется его национальность, в то время как национальность других преступников всегда «замалчивается». Необходимо, говорят они, чтобы вначале как минимум преступник был пойман и осужден, а затем уже «люди пусть видят»: чеченец он или не чеченец. Как правило, после терактов террористов еще не нашли, ответственность на себя еще никто не взял, но все уже знают, что это были именно чеченцы, и в их адрес вновь поднимается волна угроз и возмущения. Как это ни парадоксально, но в данном случае именно чеченцы оказываются носителями идей и принципов правового государства, а не законные власти, которые призваны эти идею и принципы хранить и реализовывать.

Вместе с тем пермские чеченцы очень уважительно отзываются о местном населении, и о русских в частности. Несмотря на множество бытовых конфликтов, переживаемых ими часто,

чеченцы считают, что главными причинами предубеждения к ним со стороны местного населения служат не изначальные черты этих людей, а та пропаганда, которая обрушивается на них через телевизор и другие СМИ. В целом подобное понимание проблемы является позитивным и говорит о том, что со стороны пермских чеченцев нет какого-либо изначального отчуждения и неприятия местного населения. Чеченцы любят рассказывать о том, как в лучшую сторону меняется отношение местного населения к ним после того, как их узнают поближе. Интеграл преодоления предубеждений очень прост: чем больше местное население и чеченцы общаются друг с другом, тем меньше они испытывают друг к другу подозрений и предубеждений. Изначальная демократичность, открытость, коммуникабельность и жизнерадостность чеченцев позволяет им очень быстро приобретать в округе не только известность, но и популярность. Иная картина наблюдается у местного населения, которое слышало о чеченцах только «из телевизора»: однозначное неприятие и отрицание любых возможностей конструктивных контактов в будущем. Опросы, проводимые представителями исследовательской группы как в студенческих аудиториях, так и в среде «простых» людей, давали равно эмоциональную негативную реакцию: чеченцев а priori ненавидят и боятся одновременно.

По словам китайцев, их имидж в среде местного населения складывается как противоречивый. С одной стороны, изначально местное население испытывает к китайцам как к представителям «экзотической культуры» большой интерес и не высказывает негативного отношения к Китаю, некоторые русские даже искренне уверены в том, что жизнь в Китае лучше, чем в России. С другой стороны, местное население сталкивается с китайцами на рынке, где они представляют уже не китайскую культуру и нацию вообще, а, наоборот, чистую реальность. В результате чего предубеждения в отношении китайцев, одобренные радио и телевидением, постоянно вещающими о наплыве китайцев и их стремлении захватить Рос-

сию, резко возрастают. Имидж китайской общины резко ухудшается еще и потому, что торговцы всегда на виду; в то время как другие группы китайской общины скрыты от глаз простых обывателей. При этом русские не видят и не делают никаких различий между различными представителями китайской общины: китайские студенты периодически сталкиваются с тем, что их обругивают, принимая «не за тех».

Образ местного населения у китайцев, проживающих в Пермском крае, складывается как положительный. В то время как китайские профессионалы общаются с образованным слоем населения, а китайские студенты — непосредственно с университетскими преподавателями и студентами рыночные торговцы больше сталкиваются с местными обывателями, которые не всегда настроены в их отношении мирно и дружелюбно. Но даже рыночные торговцы всего лишь сожалеют о подобном поведении местного населения, считая его в основе своей носителями «открытой души» и дружелюбия. Китайцы очень корректно высказываются о русской культуре и российском государстве, утверждая, что Китаю есть что позаимствовать из российской государственной практики. Между тем несколько негативных черт местного населения китайцы все-таки называют, однако все они связаны с теми различиями, которые существуют между Китаем и Россией. Так, например, рыночные торговцы недоумевают, почему российские граждане столь сильно уповают на российское государство и постоянно ждут от него всякого рода привилегий: от повышения зарплаты до пенсий. Приводя в пример себя, рыночные торговцы говорят, что они в своей жизни рассчитывают лишь на себя, тем более что пенсии и всякого рода социальные пособия в Китае выплачиваются далеко не всем. В этой связи китайцам кажется более рациональным заниматься и развивать собственный бизнес, нежели ждать милости от государства, которое и без того бедное и, скорее, само нуждается во всеобщей помощи своих граждан. На втором месте среди негативных черт местного населения оказывается желание

обмануть китайских торговцев, которые часто рассказывают о чрезмерной придирчивости к ним со стороны местного населения, желающего по очень низкой цене приобрести качественные китайские товары.

• • •

Таким образом, динамика взаимоотношений между пермскими русскими националистами, якобы отстаивающими интересы русско-православного местного населения, и прибывающими в Пермский край иммигрантами, которые не имеют русско-православной идентичности, складываются как сложные и противоречивые. Формируясь снизу, русское националистическое движение выражает чувства и чаяния наиболее обездоленной части населения, которое наивно и безнадежно надеется на передел собственности иммигрантов в свою пользу и с отчаянием ищет выход своим изначально разрушительным страстям. В целом мы можем говорить о корреляции между увеличением иммиграционных потоков и возрастанием националистического дискурса. Значительное влияние на эти процессы оказывают и международные события (арабские бунты во Франции имели в РФ широкий общественный резонанс). Несмотря на то, что Пермский край исторически формировался как переселенческий, пермяки традиционно имеют внутренние механизмы, призванные нивелировать проблемы, возникающие в связи с сосуществованием различных этнокультурных элементов, говорить о полном благополучии в сфере межэтнических отношений в этом регионе нельзя.

Вместе с тем значительным фактором в развитии русского национализма является само российское государство. Проводя политику, нацеленную на укрепление государственных институтов и воспитание молодежи в духе патриотизма и любви к родине, государственные чиновники и правые партии, не желая того непосредственно, невольно способствует развитию националистических настроений в среде «исконных» граждан.

Исследования показывают, что местное население, познакомившись с иммигрантами поближе, в большинстве своем относится к ним как минимум нейтрально. В то же время телевизионная пропаганда и другие СМИ, ревностно решая «государственные задачи», способствуют развитию межэтнических конфликтов, ставя, тем самым, под вопрос не только жизнь и благополучие российских граждан, но и целостность самого государства. В итоге националистически ориентированные партии получают как бы государственную санкцию на свою деятельность. Учитывая огромную степень влияния, которую имеют государственные институты на все сферы общественной жизни России, можно заключить, что государство должно не только выполнять собственные законы и прямо противодействовать развитию фашистских и неофашистских общественных организаций; но и прививать своим гражданам четкие установки на толерантность к тем, кто до сих пор едет в Россию как на свою «бывшую советскую родину».

Принципиальное значение в этой связи имеет разведение таких понятий, как «русское» (относящееся к русской этничности) и «российское» (относящееся ко всем гражданам Российской Федерации). Не редуцируя всю сложность межэтнических отношений к проблемам юридических дискурсивных практик, мы, тем не менее, можем констатировать, что многие проблемы в этнокультурной сфере России запрограммированы уже в некоторых формулировках Конституции, которые, соответственно, повторяются и ведущими российскими политиками, являющимися ее «гарантами». Так, «многонациональный российский народ» — формула, подвергаемая многими этнологами жесточайшей критике как абсурдная, так как она несет в себе множество взаимоисключающих смыслов. С одной стороны, речь, действительно, идет о российской нации, в состав которой входит множество этничностей, включая русскую. С другой, — о русской этничности, в состав которой входит множество наций. Отсюда, во втором случае, националистический дискурс оказывается легитимным, т.к. единому государству рус-

ских угрожают другие этничности, объявленные зачем-то нациями; именно они стремятся разрушить единое государство, построенное русскими; соответственно, это государство необходимо защищать, и это долг каждого «честного русского».

Опыт развития демократических стран показывает, что кардинальным социально-политическим изменениям может предшествовать не только обуславливающее их социально-экономическое развитие, но и трансформация дискурсивных практик. Томас Джефферсон, будучи рабовладельцем, заговорил об отмене рабства в США задолго до того, как это рабство было действительно отменено. Идея, что называется, витала в воздухе. Как представляется, наша задача заключается в том, чтобы в воздухе витали идеи о процветающей мультиэтнической российской нации, а не государстве русских, которое бьется в суицидальных судорогах фашизма.

КСЕНОФОБИЯ В РОССИЙСКИХ СМИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЭКСТРЕМИЗМА

Одной из актуальных проблем, привлекающих в последние годы большое общественное внимание, вызывающих озабоченность и тревогу, является рост ксенофобии в России. Многие политики, общественные деятели, ученые неоднократно указывали на значительное увеличение различных проявлений ксенофобии, анализировали причины, порождающие это явление в российском обществе, справедливо критиковали правоохранительные органы за недостаточное противодействие наиболее общественно опасным формам ксенофобии. При этом большинство аналитиков отмечали, что среди источников ксенофобии важную роль сегодня играют отечественные средства массовой информации.

Одним из наиболее распространенных видов противоправной ксенофобии является возбуждение национальной, расовой, религиозной вражды, унижение человеческого достоинства в СМИ. Эти действия являются уголовно наказуемыми, они образуют состав преступления, предусмотренного статьей 282 Уголовного кодекса РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». После принятия в 2002 году Федерального закона РФ «О противодействии экстремистской деятельности» возбуждение вражды и ненависти относится к преступлениям экстремистской направленности.

В системе российских правоохранительных органов важнейшая роль в противодействии криминальной ксенофобии и

экстремизму принадлежит прокуратуре. В соответствии с положением Части 1 статьи 146 Уголовно-процессуального кодекса РФ («Возбуждение уголовного дела публичного обвинения») прокурор в пределах своей компетенции либо дознаватель или следователь с согласия прокурора возбуждают уголовное дело при наличии признаков состава любого преступления данной категории. Вместе с тем, к сожалению, не все органы прокуратуры ведут систематический тотальный мониторинг и анализ материалов СМИ в масштабах страны с целью выявления в них противоправных материалов и последующего прокурорского реагирования. В отдельных подразделениях ведомства эта задача решается по-разному.

Так, например, в прокуратурах сельских районов, малых районных центров, конечно, изучается вся пресса, издающаяся на поднадзорной территории. И если городской, районный прокурор сочтет, что некоторый материал СМИ содержит признаки пропаганды экстремизма, возбуждения национальной или религиозной вражды, то он, конечно, по собственной инициативе организует проведение проверки или даже сразу возбудит уголовное дело по статье 282 УК РФ. Но такие случаи на практике случаются не часто, поскольку в районной прессе, как правило, публикаций экстремистской направленности бывает относительно мало. Значительно чаще они встречаются в СМИ регионального или федерального уровня.

Практика подобного систематического мониторинга СМИ распространена и в прокуратурах ряда субъектов РФ, например в Республике Татарстан, Красноярском крае и других¹. В то же время в других субъектах федерации, в крупных городах, особенно в таких мегаполисах, как Москва и Санкт-Петербург, прокуратуры обычно самостоятельно не занимаются детальным анализом материалов СМИ, поскольку не имеют необхо-

¹ Данные по подобному мониторингу СМИ органами прокуратуры были получены в исследовании Б.Н. Пантелеева. См., например: *Пантелеев Б.Н.* Взаимодействие российской прокуратуры с общественностью и средствами массовой информации. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

димых возможностей и средств. Слишком много на поднадзорной территории издается газет, журналов, выходит в эфир радио- и телепередач. Сотрудники прокуратуры просто физически не могут прочитать, посмотреть, прослушать, а тем более проанализировать все материалы массмедиа. Поэтому в подобной ситуации прокуратура действует не активно, а скорее реактивно, реагируя на обращения граждан, государственных и общественных организаций. Так, очень часто по проблемам ксенофобии в СМИ в прокуратуру обращаются представители правозащитного сообщества, национальных (земляческих) и религиозных организаций. В последнее время чаще стали обращаться ответственные работники Министерства юстиции РФ, Росохранкультуры, а в периоды избирательных кампаний — избирательных органов.

По закону прокурор обязан отреагировать на любое поступившее заявление, провести проверку по фактам, в нем изложенным, выяснить, был ли нарушен закон. Если проводящий проверку прокурор сочтет, что публикация СМИ содержит признаки соответствующего состава преступления, то он возбуждает уголовное дело по статье 282 УК РФ. Расследуется это уголовное дело в соответствии со статьей 151 УПК РФ («Подследственность») самими органами прокуратуры.

О результатах работы правоохранительных органов по противодействию пропаганде криминальной ксенофобии, национализму, религиозной исключительности позволяют судить данные официальной статистической отчетности. Так, в 2002 году по этим данным правоохранительными органами России было зарегистрировано лишь 74 преступления данного вида, в 2003 — 72, в 2004 — 59, в 2005 — 80 преступлений. В то же время результаты специальных исследований, мониторингов ксенофобии, проводящихся правозащитными организациями, свидетельствуют о том, что преступлений подобной направленности совершается значительно (возможно, на порядок) больше. Об этом, в частности, говорят годовые отчеты, опубликованные такими авторитетными в данной области правозащитными организациями, как Московское бюро по

правам человека и Информационно-аналитический центр «Сова». Таким образом, можно констатировать, что преступления данного рода обладают очень высокой латентностью, как естественной (незаявленные преступления), так и искусственной (скрытые преступления).

После регистрации факта преступления возбуждается уголовное дело, которое в данном случае, как уже отмечалось, расследуется органами прокуратуры. Так, в 2003 году было завершено расследование 23 уголовных дел данной категории. Эти дела были возбуждены в отношении 29 человек. Из них лишь 8 дел было направлено в суд, остальные 15 прекращены, в том числе 10 дел — за отсутствием события или состава преступления. В 2004 году было завершено расследование 33 дел в отношении 49 человек. 24 дела были направлены в суды, а 9 прекращены. В 2005 году было завершено расследование 31 дела, возбужденного в отношении 67 человек. 24 дела были переданы в суд, а 7 прекращено производством, в том числе 4 — по реабилитирующим основаниям.

До вынесения обвинительных судебных приговоров, как правило, «добираются» лишь единичные дела. Так, в 2002 году по ст. 282 УК РФ всего по России были вынесены обвинительные приговоры в отношении лишь 4 человек, в 2003 году — 8 человек, в 2004 году в отношении 11 человек.

Некоторый «прорыв» произошел лишь в 2005 году, когда по делам данной категории обвинительные приговоры были вынесены в отношении 40 человек (почти в 4 раза больше, чем в 2004 году). Вероятно, рост числа обвинительных приговоров обусловлен целым рядом факторов: и повышенным общественным вниманием к такого рода уголовным делам, и установками, которые руководители правоохранительных органов регулярно получают от Президента РФ, и тем, что, наконец, постепенно начинает складываться адекватная практика расследования и судебного разбирательства, следователи и судьи понемногу обучаются работать с этой нормой. Вместе с тем говорить о том, что произошло качественное изменение пра-

воохранительной и судебной практики по делам данной категории, пока еще представляется преждевременным.

В целом приведенные данные свидетельствуют о том, что правоохранительные органы пока еще малоэффективны в борьбе с пропагандой ксенофобии. Сложившаяся ситуация является крайне тревожной, вызывает справедливую общественную критику. Действительно, отсутствие адекватного правового реагирования и пресечения противоправных действий со стороны правоохранительных органов и суда порождает у ксенофобов ощущение безнаказанности и приводит к увеличению числа криминальных деяний подобного рода. От пропаганды вражды и ненависти они переходят к другим, более тяжким преступлениям против личности, общественной безопасности и государственной власти, способствуют эскалации насилия в стране на национальной и религиозной почве.

Представляется, что низкая эффективность правоохранительной системы в борьбе с пропагандой ксенофобских идей обусловлена целым комплексом причин¹. Одна из важнейших среди них заключается в том, что *многие правоприменители не умеют успешно расследовать преступления подобного рода*. В результате уголовные дела по ст. 282 УК РФ в значительном числе случаев либо не возбуждаются из-за сомнительной судебной перспективы, либо разваливаются на стадии судебного разбирательства из-за слабости доказательной базы.

Сложности расследования и судебного разбирательства по уголовным делам о возбуждении вражды и ненависти имеют объективную природу, поскольку подобные преступления весьма специфичны. Они совершаются в подавляющем большинстве случаев посредством устной или письменной речи, а также невербальных средств коммуникации. Никаких иных объективных поведенческих признаков преступления, как это имеет место, например, при убийствах, грабежах или кражах, здесь нет.

¹ Более подробно см. об этом: *Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А.* Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика / Под ред. А.Р. Ратинова. М., 2005. С. 12—16.

Именно текст и невербальные компоненты обнародованных материалов являются главным предметом исследования и основным источником доказательств по таким делам. Определение смысловой направленности текста является необходимым условием и предпосылкой юридической оценки деяния как противоправного. При этом крайне важно, что доказательства по делам о возбуждении ненависти и вражды, как правило, базируются на материалах и выводах судебных экспертиз, научных консультаций, в которых анализируется смысловая направленность спорных материалов. Вместе с тем вплоть до последнего времени не было опубликовано серьезных научных работ, посвященных теории, методологии и методике проведения таких экспертиз. Первые работы в данной области появились лишь несколько лет назад.

Среди наиболее значимых следует отметить, во-первых, ряд публикаций, подготовленных в Санкт-Петербурге группой ученых во главе с Николаем Михайловичем Гиренко¹. Причем, некоторые были изданы уже после его трагической гибели². Во-вторых, это наработки известного российского психолога, основателя отечественной психолингвистики Алексея Алексеевича Леонтьева¹. В-третьих, работы филологов, изданные под эгидой Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)².

В этих, а также в некоторых других работах предлагаются различные модели судебно-экспертных исследований ксенофобии в СМИ. Вместе с тем ни одна из них не содержит систе-

¹ Методика расследования преступлений, совершаемых на почве национальной или расовой вражды или ненависти. *А.Я. Винников, Н.М. Гиренко, О.Н. Коршунова, А.В. Леухин, Е.Б. Серова* / Под общ. ред. О.Н. Коршуновой. СПб., 2002.

² *Винников А.Я., Гиренко Н.М., Коршунова О.Н., Серова Е.Б., Узунова В.Г.* Социогуманитарная экспертиза преступлений на почве ненависти. СПб., 2005; *Гиренко Н.М.* Проблемы правоприменительной практики законодательства в области нарушений с признаками преступления на почве национальной вражды и ненависти, экстремизма // Барьер. 2004. № 8. С. 37—45; *Гиренко Н.М.* Методологическое обоснование экспертных заключений // Барьер. 2004. № 8. С. 47—51.

матического описания алгоритма проведения таких исследований. О разном подходе, разрабатываемых различными авторами, свидетельствует, например, такой факт, что данный вид экспертиз предлагают называть социогуманитарной, психологической, лингвистической, социально-психологической, текстологической, психосемантической экспертизой. Исследователи высказывали различные, зачастую не всегда обоснованные точки зрения о том, какой она должна быть по профилю (предлагались варианты социогуманитарной, лингвистической, текстологической экспертизы), что является предметом подобной экспертизы, специалисты какой науки должны проводить такие исследования, какие вопросы целесообразно ставить правоприменителям перед экспертами и др.

Проблема оценки смысловой направленности спорных материалов СМИ, публичных выступлений изучалась учеными отдела юридической психологии НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ в течение последних пятнадцати лет. Еще в 1995 году основы

¹ Психолингвистическая экспертиза ксенофобии в средствах массовой информации. Методические рекомендации для работников правоохранительных органов. М., 2003; Скрытое эмоциональное содержание текстов СМИ и методы его объективной диагностики / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. М., 2004.

² Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. М.В. Горбаневского. 3-е изд., испр. и доп. М., 2002.; Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Сборник материалов научно-практического семинара. Москва, 7—8 декабря 2002 г. Ч. 2 / Под ред. М.В. Горбаневского. М., 2003; Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов / Под ред. М.В. Горбаневского. М., 2004; Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / Под ред. М.В. Горбаневского. 2-е изд., испр. и доп. М., 2006; *Галяшина Е.И.* Лингвистика vs экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам / Под ред. М.В. Горбаневского. М., 2006.

предложенного подхода к экспертной оценке ксенофобских материалов были сформулированы в Методических рекомендациях Генеральной прокуратуры РФ¹, разработанных специалистами отдела. После принятия в 1996 году Уголовного кодекса РФ была подготовлена новая, ныне действующая редакция этих рекомендаций².

К настоящему времени детально разработана методология и методика анализа подобных материалов в рамках судебной экспертизы, внепроцессуального консультирования правоприменителей — *психолингвистическая оценка смысловой направленности материалов СМИ, публичных выступлений*. В рамках данного подхода были определены:

объект, предмет и методы судебной психолингвистической экспертизы данного рода;

общие критерии оценки спорных материалов, в качестве которых выступают *признаки возбуждения национальной, расовой и религиозной вражды и ненависти*, имеющие психологическую природу;

разнообразные приемы и способы коммуникативного воздействия на аудиторию, которые используют авторы (ораторы) для усиления пропагандистского потенциала материала;

профессиональная компетенция специалистов, правомочных проводить судебные экспертизы данного рода, специфика ракурса анализа и формы взаимодействия представителей разных наук при производстве комплексных экспертиз;

типовые вопросы, которые правоприменителям следует ставить перед экспертами;

алгоритм производства экспертных исследований данного рода и подготовки *итогового заключения*;

¹ Об использовании специальных познаний по делам и материалам о нарушении средствами массовой информации национального, расового и религиозного равноправия (№ 7/4—1—1557/95 от 09.12.95).

² Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды (№ 27—19—99 от 29.06.99).

типичные ошибки, допускаемые при назначении и производстве судебных экспертиз данного рода;

особенности исследования смысловой направленности спорных материалов, проводимого в рамках *научного консультирования* как особой формы применения специальных познаний в правоприменительной практике.

По результатам проведенных исследований был подготовлен ряд публикаций, в том числе первая монография по обсуждаемой теме, в которой систематически рассмотрены как уголовно-правовые характеристики нормы, так и психологические аспекты анализа ксенофобских материалов, а также методическое пособие для правоприменителей¹.

Помимо теоретической разработки проблемы оценки смысловой направленности спорных материалов, за это время специалистами отдела было подготовлено более 100 внепроцессуальных научных консультаций по заявкам органов прокуратуры, проводивших доследственные проверки по обращениям должностных лиц, граждан и представителей различных общественных организаций. В этих консультациях изучалась смысловая направленность публикаций в газетах и журналах, книг различных жанров, радио- и телепередач, материалов публичных выступлений, в том числе известных политиков и общественных деятелей. Материалы данных кон-

¹ *Ратинов АР, Кроз МВ, Ратинова НА*. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика / Под ред. А.Р. Ратинова. М., 2005; *Кроз МВ, Ратинова НА*. Участие психолога в прокурорских проверках и расследовании преступлений о возбуждении национальной, расовой, религиозной, социальной вражды. Научно-методическое пособие. М., 2006. См. также: *Ратинов АР, Коньшева ЛП, Кроз МВ, Ратинова НА*. Психолого-правовая оценка враждебной направленности материалов СМИ и публичных выступлений // Юридическая психология. Сборник научных трудов. Вып. 3. Ч. 1 / Под ред. Г.Х. Ефремовой, О.Д. Ситковской. М., 2005. С. 63—83; *Кроз МВ, Ратинова НА*. Экспертная оценка материалов, направленных на возбуждение вражды и ненависти // Цена ненависти. Национализм в России и противодействие расистским преступлениям / Сост. А. Верховский. М., 2005. С. 75—91.

сультаций послужили эмпирической базой, на которой апробировались выдвинутые теоретические положения.

В начале XXI века число прокурорских проверок, возбужденных уголовных дел по материалам, направленным на разжигание межнациональной и межконфессиональной вражды, существенно возросло. Соответственно увеличилось и количество научных консультаций, подготовленных сотрудниками отдела по обращениям практических работников прокуратуры. Так, в 2002 г. было проведено 8 подобных консультаций, в 2003-м — 29, в 2004-м — 24, в 2005-м. — 30 консультаций. За первую половину 2006 года было подготовлено 16 консультаций (всего 107 консультаций). Подавляющее большинство из них было проведено по заявкам прокуратуры г. Москвы.

Автором был проведен качественно-количественный анализ консультаций, выполненных в 2002—2004 годы и первом полугодии 2005 года, наиболее интересные результаты которого приводятся ниже.

Всего за этот период было подготовлено 73 консультации, в том числе направленных: 4 — из Генеральной прокуратуры РФ, 63 — из прокуратуры г. Москвы (включая окружные и межрайонные прокуратуры), 5 — из прокуратур других субъектов Российской Федерации, 1 — из ГУБОП МВД РФ. Таким образом, подавляющее большинство консультаций (86%) проиводилось по поручениям московской прокуратуры. Можно предположить, что эта весьма представительная выборка достаточно полно отражает специфику различных материалов (в том числе экстремистской направленности), по факту публичного обнародования которых прокуратурой г. Москвы проводились последственные проверки в 2002—2005 годах.

По *типу материала*, представленного для анализа, результаты распределились следующим образом. Больше всего было получено печатной продукции различного рода — 57 случаев (78%)¹, в том числе 38 газет, 10 книг, а также журналы, бюллетени, плакаты и листовки. В 7 случаях (10%) для исследования

¹ Поскольку в ряде случаев для анализа в отдел одновременно присылали несколько различного рода материалов, проходивших по од-

присылалась видеопродукция: публицистические телепередачи, выступление кандидата в мэры г. Москвы (телевизионный агитационный материал) и даже художественный фильм. Кроме того, объектами анализа служили аудиозаписи радиопередач, распечатки материалов с интернет-сайтов, аудио- и видеозаписи публичных выступлений. Как правило, и видео- и аудиоматериалы сопровождались также текстовыми расшифровками вербального ряда этих передач.

Представляется, что доминирование среди спорных материалов печатной продукции, в том числе публикаций печатных СМИ (42%), отражает реальную ситуацию, сложившуюся в информационном пространстве России, когда наибольшая часть призывов к возбуждению национальной, расовой и религиозной вражды появляется именно в печатных массмедиа, прежде всего в так называемой «маргинальной прессе», но не только в ней¹. Так, для консультативной оценки нередко поступали материалы, содержащие признаки возбуждения национальной, расовой или религиозной вражды, которые были опубликованы в таких массовых и относительно «респектабельных» изданиях, как «Известия», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец» и др.² Среди же «малотиражной» прессы встречались издания Национал-большевистской партии («Генеральная линия»), «Революционного контактного объединения» («Радикальная политика»), национал-патриотического движения («Черная сотня», «Русская правда») и так далее.

Следует отметить, что с оценкой смысловой направленности материалов радикальной прессы обычно проблем не

ной проверке, например видеозапись и текст расшифровки ее вербального ряда, сумма процентов здесь превышает 100.

¹ Здесь мы не берем в расчет материалы Интернета, которые требуют специального изучения и анализа.

² Следует добавить, что в конце 2005-го — начале 2006 г. правоприменители стали достаточно часто направлять в отдел юридической психологии материалы еженедельника «Аргументы и факты». Как показали результаты анализа этих публикаций, в нем регулярно начали появляться спорные материалы, содержащие, как минимум, интолерантные высказывания.

возникало. Экстремистская направленность таких публикаций обычно выражена в четкой, прямой, ясной, недвусмысленной и, как правило, незамысловатой форме, не позволяющей двоякого истолкования.

Так, например, в 2005 г. в отдел юридической психологии поступил запрос о проведении внепроцессуальной психологической консультации по смысловой направленности статьи В. Аристархова «Основные заповеди Иисуса Христа», опубликованной в газете «Русская правда» (№ 35 за 2004 год) Как показали результаты анализа, в этой статье крайне тенденциозно и искаженно трактуется ряд постулатов христианского вероучения. Основная мысль данной публикации состоит в том, что христианство — это отвратительная, извращенная религия, она была придумана евреями для порабощения других народов. В тексте во множестве содержатся высказывания, оскорбляющие религиозные чувства христиан, национальные чувства еврейского народа, в прямой и незавуалированной форме присутствуют унижительные характеристики и негативные оценки христианства и евреев:

«Бог Иегова — это дьявол»;

«Вера христианска — уродство есть»;

«Христианство является прекрасным информационным оружием еврейской мафии, поражающим живую силу противника»;

«Иисус Христос не просто глупец, параноик и извращенец. В действиях этого сиониста легко видеть целенаправленный злой умысел. Христианство — это религия духовного разложения, своего рода духовный СПИД...»;

«На кого работает сионист Иисус Христос? На мировую жидократию...»;

«...христианство (также как и еврейский коммунизм) внедрялось только насилием, огнем и мечом»;

«Христианская идеология, как и все паразитические идеологии, — это преступная идеология».

Приведенные и аналогичные им высказывания автора демонстрируют выраженную антихристианскую и антисемитскую направленность публикации.

Очевидно, что подобные высказывания работают на формирование и подкрепление негативного религиозного и этнического стереотипов, отрицательного образа религии и нации, содержат унижительные характеристики, отрицательные эмоциональные оценки и негативные установки в отношении христиан и евреев. Поэтому в данном случае не требуется проведения специальных исследований, использования психологических или каких-либо иных специальных познаний. Оценка характера и направленности таких текстов, как статья «Основные заповеди Иисуса Христа», входит в компетенцию юриста.

Тем не менее по данной публикации была проведена не только внепроцессуальная консультация. Впоследствии по ней же в рамках уголовного дела, возбужденного прокуратурой г. Москвы по статье 282 УК РФ, назначалась судебно-психологическая экспертиза. Трудно предположить, что определение смысловой направленности указанного текста было недоступно для понимания лиц, проводивших доследственную проверку и следствие. Представляется, что данный случай является наглядным примером имеющейся у некоторых правоприменителей тенденции к перестраховке, стремления переложить ответственность за принимаемые по делу решения на научных консультантов и экспертов.

Значительно сложнее оценить направленность публикаций серьезной, «респектабельной» прессы. Недобросовестные авторы используют различные, иногда крайне изощренные приемы и способы для того, чтобы замаскировать истинную смысловую направленность своих материалов. Это позволяет им, во-первых, во многих случаях избежать уголовного преследования, а во-вторых, более эффективно воздействовать на сознание и подсознание аудитории, поскольку косвенные, скрытые методы и способы воздействия, как правило, эффективнее прямолинейной «лобовой» агитации.

В журнале «Российская Федерация сегодня» была опубликована статья «Чечня. 1920—1943 годы» Юрия Веремея, пред-

ставленного как военный историк¹. Она посвящена истории взаимоотношений чеченского и ингушского народов с российским государством с XVIII века по 1943 год. Наиболее детально анализируются отношения за период 1920—1944 годов.

Вся история взаимодействия российского государства и вайнахов представлена в статье как непрерывное вооруженное противоборство вайнахских народов и России. Автор скрупулезно приводит данные вплоть до численности отдельных войсковых частей и вооруженных формирований противников, количества и качества их вооружений, хода боевых действий, числа потерь обеих сторон и так далее

Консультанты-психологи, изучавшие данный материал, не могли точно и достоверно оценить, в какой степени многочисленные исторические сведения, приводимые Ю. Веремеевым, соответствуют действительности, являются научными фактами, поскольку такого рода анализ выходит за рамки профессиональной компетенции психолога, его должен проводить историк. Вместе с тем психологический анализ этой публикации показал, что автор для обоснования своей позиции использует такой прием, как *односторонняя и тенденциозная подборка исторических сведений*. Поэтому для оценки общей смысловой направленности статьи не так уж существенно, являются ли данные сведения достоверными или ложными.

Предвзятость позиции автора, проявляется, в частности, в подборе фактов, касающихся взаимодействия Чечни и России. В статье оно предстает как практически непрерывное военное противостояние, боевые действия между чеченскими отрядами и российскими войсками, начиная с 1732 года (исторически первая точная дата, указанная в материале) до середины XX века. Так, например, Ю. Веремеев указывает, что «...всего с 1920 по 1941 год только на территории Чечни и Ингушетии произошло 12 крупных вооруженных восстаний (с участием от 500 до 5000 боевиков) и более 50 менее значительных».

¹ Веремеев Ю. Чечня. 1920—1943 годы // Российская Федерация сегодня. 2004 . № 18. С. 62—65.

В наибольшей степени присущая автору тенденциозность проявилась при описании действий чеченцев и ингушей во время Великой Отечественной войны. Ю. Веремеев детально описывает случаи дезертирства вайнахов, приводит число лиц, уклонившихся от призывов в армию, указывает на отдельные факты предательства, историю деятельности подпольных антисоветских организаций, созданных в военный период на территории Чечни. Но при этом он не приводит ни одного факта мужества и героизма, проявленного на фронтах военнослужащими-чеченцами или ингушами, не указывает, сколько вайнахов были награждены боевыми орденами и медалями. У читателя может возникнуть впечатление, что таких случаев в принципе не было на протяжении всей Великой Отечественной войны. В результате использования подобной односторонней аргументации в тексте публикации формируется негативный образ этноса, практически всем представителям которого фактически приписывается участие в «антигосударственной деятельности».

Одновременно Ю. Веремеев неоднократно подчеркивает национальную принадлежность одной из сторон в конфликте: «разбои и грабежи, террор со стороны чеченцев и ингушей», «подавление открытого выступления чеченцев и ингушей», «антисоветские выступления части вайнахского населения», «ложность масс вайнахов к абреческому (бандитскому) движению», «антисоветское вайнахское подполье» и пр. При этом данная сторона и ее действия характеризуются такими выражениями, как «горский бандитизм на юге России», «бандиты», «мятежники», «бандформирования», «подавление бандпроявлений», «участники бандитского движения» и т.п.

Вся эта тенденциозность необходима автору для обоснования вывода, который он делает в конце статьи. Этот вывод заключается в оправдании преступной депортации чеченцев и ингушей в 1944 году. Он пишет: «Проблема взаимоотношений горцев и России хоть и жестокими методами, но была решена, дав Кавказу мир и спокойствие на долгие годы». Более того, автор утверждает, что депортация пошла на пользу самим че-

чеченцам и ингушам, которые впервые смогли сами прокормить себя, не прибегая к набегам и грабежу («...наличие пахотных земель и обширных пастбищ позволило спецпереселенцам наладить собственное сельскохозяйственное производство и обеспечить себя продовольствием, что было практически невозможно сделать на территории ЧИ АССР»), а также дала «...горцам возможность стать по-настоящему полноправными гражданами страны, возможность жить, трудиться, растить детей, не попадая в заложники чьих-то националистических, сепаратистских идей, а то и просто своекорыстных интересов». Таким образом, по Ю. Веремееву, для того, чтобы чеченцы и ингуши впервые смогли «стать по-настоящему полноправными гражданами страны», их сначала необходимо было депортировать.

В целом основное содержание статьи, ее «коммуникативный посыл» можно в сжатом виде сформулировать следующим образом. Насильственное переселение вайнахов в другие регионы страны явилось закономерной реакцией государства на проводимую чеченцами и ингушами на протяжении столетий политику неповиновения властям в форме военного противостояния с Российской империей и Советским Союзом. Депортация оказала позитивное влияние на жизнь народов Кавказа, в том числе и на самих депортированных чеченцев и ингушей.

Таким образом, можно утверждать, что в статье Ю. Веремеева содержатся такие признаки, характеризующие возбуждение национальной вражды, как:

- возложение вины и ответственности за деяния отдельных представителей на всю этническую группу вайнахов;
- поощрение, оправдание депортаций, репрессий в отношении чеченцев и ингушей.

Значительное количество подобного рода примеров, иллюстрирующих различные уловки, используемые недобросовестными публикаторами и ораторами для маскировки истинной направленности своих материалов (выступлений), приводится в уже упоминавшейся монографии, в которой подробно

проанализированы многие специальные приемы воздействия коммуникатора на сознание и подсознание аудитории¹.

Возвращаясь к данным анализа консультаций, отметим, что в 35 случаях (48%) специалисты отдела выявили в проанализированных материалах наличие признаков возбуждения национальной, расовой или религиозной вражды. Ровно такое же количество материалов признаков возбуждения вражды не содержало. 3 раза психологи не смогли дать определенные ответы на вопросы правоприменителей.

По объекту возбуждения вражды полученные данные распределились следующим образом. Всего в 35 ксенофобских материалах было зафиксировано 49 случаев возбуждения вражды по отношению к отдельным этническим, религиозным и социальным группам; 32 раза² ненависть разжигалась в отношении различных национальных общностей, а 14 — в отношении религиозных. В остальных случаях в противоправных материалах либо фигурировали социальные группы, либо объект вражды был предельно генерализован и «размыт» («враги — все, кроме «наших»: членов нашей партии, адептов нашей веры и пр.»).

Примером материала, в котором «образ врага» выступал в крайне генерализованной форме, являлась статья М. Кислотного «Да здравствует ужас!», опубликованная в газете «Генеральная линия» (№ 30 за ноябрь 2003 г.). Не вдаваясь в анализ содержания статьи, следует отметить, что достаточно злобному и презрительному осмеянию в ней, по сути, подвергались все упомянутые персонажи и общности. Например, жители Москвы именовались «биомассой, отдавшей себя в рабство, биороботами, двуногими амебами», в противоположность «вершителям великого пути в вечность» — национал-большевикам.

¹ См.: Ратинов АР, Кроз МВ, Ратинова НА. Указ. соч.

² За 100% в данном случае принимались 35 материалов, в которых исследователи выявили наличие признаков возбуждения вражды. Поскольку в некоторых материалах объектами вражды выступали одновременно несколько этнических и религиозных групп, общая сумма процентов здесь больше 100.

Крайне негативно характеризовались в публикации также лица, стремящиеся переехать в Москву на постоянное место жительства, работники милиции, ФСБ, а также представители органов власти вообще, без указания уровня и ветви власти («провинциальная знать», «чинуши» и пр.).

Фактически в данном материале была описана лишь одна общность, к которой автор относился с симпатией и уважением, — это его собственная партия (национал-большевиков). Все остальные общности (национальные, расовые, социальные и пр.) выступали лишь как объект критики, презрительной насмешки и глумления.

В наибольшем числе случаев национальная и религиозная ненависть в изученных материалах разжигалась в отношении евреев как этноса и иудаизма как религии — 17 материалов (49%), в том числе в книгах «Евреи в русской истории», «Время быть русским», «Теневой народ», в материалах газеты «Русская правда», в публичных выступлениях и интервью в масс-медиа сопредседателя Национально-державной партии России (НДПР) Б. Миронова и др.

На втором месте в качестве объектов вражды выступали чеченцы — 9 случаев (26%). Далее следовали православные христиане — 4 случая (как правило, злобным нападкам они подвергались со стороны так называемых «неоязычников»), мусульмане, азербайджанцы (по 3 случая). По два раза объектами розни служили ингуши и кришнаиты. Остальные общности (например китайцы, турки-месхетинцы, татары и др.) фигурировали в экстремистских материалах лишь единожды.

Следует отметить, что в ряде случаев «всплески» ксенофобии в отношении той или иной этнической или религиозной общности были вызваны событиями общероссийского или регионального масштаба — вызвавшими большой общественный резонанс дерзкими террористическими актами. Так, антиингушские публикации, анализировавшиеся специалистами отдела, появились в прессе после захвата заложников в школе г. Беслана. Антикришнаитские выступления были зафиксированы в ходе пропагандистской кампании по противодействию

строительству кришнаитского храма на Ходынском поле в Москве, организованной определенными общественными и религиозными кругами.

Абсолютное лидерство евреев в качестве объектов вражды и ненависти (в почти половине материалов, изученных психологами отдела), на наш взгляд, не вполне точно отражает реальную картину медийного пространства современной России. Так, по данным специальных мониторингов центральной и региональной прессы, проводимых правозащитными организациями, проявления ксенофобии наиболее часто фиксировались по отношению к народам Северного Кавказа и Закавказья, прежде всего к чеченцам. Евреи же, по разным данным, «довольствовались» лишь 2—5- местом¹.

Можно полагать, что правозащитные организации, обращаясь в прокуратуру, в целом более активно реагируют на проявления антисемитизма в СМИ, чем на другие случаи ксенофобии, этнической и религиозной вражды. Кроме того, анализ материалов, направленных из прокуратур, показал, что мусульманские общественные и религиозные организации и объединения, а также их представители являлись инициаторами прокурорских проверок по ст. 282 УК РФ за указанный период времени лишь в незначительном числе случаев.

Примечательно, что античеченские, антиазербайджанские и антимусульманские выпады (по данным анализа консультаций) допускали массовые издания — «Известия», «Советская Россия», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», а антисемитские высказывания чаще встречались в малотиражной «маргинальной» прессе. При изучении этих материалов сложилось впечатление, что они отражают объективную тенденцию смены в массовом сознании основного «объекта враждебности». Продолжающиеся вооруженные столкновения

¹ См., например: Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. М., 2002; Ксенофобия в российских СМИ. Мониторинг. <http://www.sova-center.ru>; Кожевникова Г.В. Язык Вражды в предвыборной агитации и вне ее. Мониторинг прессы: сентябрь 2003 — март 2004 г. / Под ред. А.М. Верховского. М., 2004.

в Чечне, сопровождающиеся многочисленными террористическими актами с большим числом жертв среди гражданских лиц; массовый наплыв мигрантов, легальных и нелегальных, из государств Закавказья и Средней Азии в центральные и южные области страны с преимущественно русским населением; наконец, общемировая борьба с международным терроризмом (преимущественно с «ваххабитским лицом»), в значительной степени затронувшая и Россию, — все это привело к тому, что в качестве основной персонифицированной опасности, «главного врага», стали выступать народы, традиционно исповедующие ислам, в первую очередь чеченцы, а также азербайджанцы, арабы, народы Средней Азии, Северного Кавказа и др.

Антисемитизм же в последние годы стал менее «моден»; издания, ориентированные на массового читателя, стараются его не допускать. Можно сказать, что верность делу борьбы с «сино-масонским заговором» сохранили лишь отдельные, в основном малотиражные издания радикального толка. Значительное количество публикаций из подобного рода газет (а также ряд книг), поступивших из прокуратур в отдел юридической психологии для подготовки научных консультаций, в конечном итоге и обусловило то распределение числа «объектов вражды», которое представлено выше.

Обобщение материалов научных консультаций, проведенных специалистами отдела юридической психологии, позволило сформулировать рекомендации как для правоприменителей, так и для экспертов, проводящих углубленное исследование смысловой направленности спорных материалов; предложить работникам прокуратуры перечень типовых вопросов, которые целесообразно ставить перед научными консультантами различных специальностей; систематизировать типичные ошибки, допускаемые прокурорами при назначении научных консультаций и дальнейшем использовании полученных заключений в правоприменительной практике.

Список авторов

Бахтурина Александра (Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Москва)

Борисов Андрей, Василенко Юрий (Центр гражданского образования, Пермский государственный университет)

Дятлов Виктор (Иркутский государственный университет)

Кроз Михаил (НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре, Москва)

Кукулин Илья (журнал «Новое литературное обозрение», Москва)

Ларюэль Марлен (Центр по изучению России, Кавказа и Центральной Европы Школы высших социальных исследований, Париж).

Малахов Владимир (Институт философии РАН, Московская высшая школа социальных и экономических наук)

Малинова Ольга (ИНИОН, Москва)

Митрофанова Анастасия (Институт актуальных международных проблем Дипломатической Академии МИД России, Москва)

Михайловская Екатерина (Центр «Панорама», Москва)

Осипов Александр (Правозащитный центр «Мемориал», Москва)

Соколовский Сергей (Институт этнологии и антропологии РАН, журнал «Этнографическое обозрение», Москва)

Тимофеева Оксана (журнал «Новое литературное обозрение», Москва)

Толкачева Анна, Акифиева Раиса (Европейский университет в Санкт-Петербурге)

Содержание

Марлен Ларюэль. Еще раз к вопросу о классификации идеологических течений русского национализма 5

I

В сердце национализма: политика, ксенофобия и паранаука

Екатерина Михайловская. Фракция «Родина» в контексте националистического дискурса в Государственной Думе 33
Виктор Дятлов. От «желтой опасности» к «китайской угрозе»: эволюция одной мигрантофобии в России 73
Анастасия Митрофанова. Национализм и паранаука 87

II

«Национальная политика» и русский национализм: противоречивые отношения

Александра Бахтурина. «Национальный вопрос» в Российской империи в постсоветской историографии .. 105
Владимир Малахов. Национализм и «национальная политика» российской власти: 1991—2006 131
Александр Осипов. Национализм и символическое производство мультиэтничности в России: национально-культурная автономия и этнический федерализм 157
Сергей Сокаловский. Эссенциализм в российском конституционном праве (на примере терминологии, используемой в конституциях республик в составе РФ) 184

III

Национализм, литература и литературоведение

Ольга Малинова. «Долгий» дискурс о национальной самобытности и оппозиция западничества и антизападничества в постсоветской России 235

<i>Илья Кукулин</i> . Реакция диссоциации: легитимация ульпраправого дискурса в современной российской литературе	257
<i>Оксана Тимофеева</i> . Русский рай, или Родина-мать, роди меня обратно! (Сравнительный анализ образов Родины и ее сыновей в романах Александра Проханова «Господин Гексоген» и «Политолог»)	339

IV

Роль СМИ в распространении националистического дискурса

<i>Анна Толкачева, Раиса Акифиева</i> . Национализм и толерантность в проправительственной прессе Санкт-Петербурга	371
<i>Андрей Борисов, Юрий Василенко</i> . Русский национализм и этносоциальные процессы в Пермском крае	401
<i>Михаил Кроз</i> . Ксенофобия в российских СМИ как проявление экстремизма	425
Список авторов	445

РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ
Социальный и культурный контекст
Составитель Марлен Ларюэль

Редактор
И. Калинин
Дизайнер
О. Смирнов
Корректор
Э. Корчагина
Компьютерная верстка
С. Пчелинцев

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:
129626, Москва,
абонентский ящик 55
Тел.: (495) 976-47-88
факс: 977-08-28
e-mail: real@nlo.magazine.ru
Интернет: <http://www.nlobooks.ru>

Предствительство в Петербурге
Лиговский пр., д. 27/7
Тел.: +7 (812) 579- 50- 04

Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1.
Печ. л. 28. Тираж 1000. Заказ № 2804

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Что такое национализм? Каким образом националистические тенденции проявляют себя в социальной, политической, правовой, академической и культурной сферах современной России? Какие ответы навязывает нам "национальный вопрос" и какие вопросы ставит перед нами "национальная политика"? Какие образы закрепляются за фигурой этнического другого и какие функции эта фигура выполняет в рамках националистического дискурса? Этим и многим другим проблемам посвящены представленные в сборнике статьи.

история социология антропология политология философия

Centre franco-russe de recherches
en sciences humaines et sociales de Moscou

Франко-российский центр гуманитарных
и общественных наук в Москве

ISBN 978-5-96702-242-7

000 "Санкт-Петербургская
Русский национализм. Со
ц.и 382.00р. 242907

9 780000 242907

У382